

МАЙКЛ ГРАНТ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ДРЕВНЕГО
РИМА

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

МАЙКЛ ГРАНТ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ДРЕВНЕГО
РИМА

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2003

MICHAEL GRANT

THE WORLD
OF ROME

УДК 820
ББК 84(7Сое)
Г77

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Грант Майкл
Г77 Цивилизация Древнего Рима / Пер. с англ.
И.Ю. Мартьянова. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2003. — 397 с.

ISBN 5-9524-0048-5

В книге известного писателя и историка Майкла Гранта содержатся обширные сведения о внутреннем устройстве римского государства и повседневной жизни его граждан. Исследуется сфера их общественных интересов — наука, религия, философия, искусство, литература и архитектура. Анализируется фундаментальное влияние римской цивилизации на последующие исторические формации.

УДК 820
ББК 84(7Сое)

ISBN 5-9524-0048-5

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2003
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой книги — обрисовать черты цивилизации древних римлян, которые она носила в период времени продолжительностью триста пятьдесят лет, когда, обладая наибольшей, не имевшей аналогов властью, римляне оказывали самое серьезное воздействие на мир и еще больше получали от него взамен. После того как я дам сведения общеисторического характера, я постараюсь выделить те достижения и виды деятельности римлян, которые мне кажутся, правильно это или нет, наиболее фундаментальными и которые помогут нам осознать место Римской империи в истории.

История Рима эпохи империи казалась людям, жившим в последующие столетия, очень увлекательной и волнующей. Такой она остается и сегодня — изумительной, ужасной, полной очарования и удивительных фактов. Я буду рад, если в этой книге я смогу передать хотя бы малую толику ее многогранного, мощного магнетизма. Материал, дошедший до нас, во многом является фрагментарным, однако объем его огромен; из зачастую беспорядочного, противоречивого нагромождения фактов, которые он содержит, двое разных авторов никогда не выбрали бы для описания одни и те же. Мой рассказ о наследии Рима, возможно, из-за того, что я провел семь лет в странах Ближнего и Среднего Востока, касается прежде всего сложного, созидательного слияния элементов жизни Римской империи, которые ведут свое происхождение не только из Италии и материковой части Греции, но и с более отдаленных берегов Средиземного моря.

Поначалу будет сделан краткий обзор политических, социальных и экономических условий, а затем кое-что будет сказано о внутренних, сокровенных мыслях, чувствах и достижениях как подавляющего большинства огромного населения империи, так и его меньшинства. Иначе говоря, сначала внимание будет сосредоточено на религиозных чаяниях и верованиях, владевших миллионами людей, а затем — на интеллектуальных и художественных творениях небольших талантливых групп людей или отдельных личностей.

Повествование охватывает период с 133 года до н. э. до 217 года н. э. Выбор любой начальной даты не может не быть чем-то искусственным. Но год, выбранный мной, ознаменовался первыми достойными упоминания протестами римлян против местнической ограниченности и стремлением к установлению государственной власти нового типа, которая могла бы управлять территорией, недавно завоеванной римлянами. Более того, в пределах нескольких месяцев того же года стремительный процесс имперской экспансии достиг своей кульминации, когда Рим присоединил к себе территорию, оказавшую огромное влияние на все сферы его жизни, — провинцию Азия на западе Малой Азии (Анатолии). Книга завершается упадком мира римлян и характерных ему институтов. Конечной датой я избрал (среди нескольких возможных дат, отмечавших этот процесс) год, когда прервалась последняя устойчивая династия императоров, правившая до того, как начались неблагоприятные события, предшествовавшие переносу столицы мира из Рима в Константинополь. Тем не менее, чтобы составить как можно более законченное повествование, я в некоторых случаях буду выходить за рамки этих временных ограничений, которые являются случайными (и это неизбежно). Как текст, так и иллюстрации включают в себя сравнительный материал, относящийся не только к ближайшим последствиям рассматриваемого периода, но и к другим эпохам, вплоть до XVII и XVIII веков.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ДРЕВНЕГО
РИМА

Часть первая

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В первые четыре столетия своего существования Древний Рим сосредоточил свои усилия на установлении своей власти над Италией на территории южнее реки По. На этой территории римляне заключили ряд неравноправных союзов, число которых увеличивалось. Конгломерат союзных государств преобразовался не в классическую конфедерацию (что тогда было вполне возможно), а в империю, во главе которой встал Рим.

Затем, в течение немногим более ста лет (241—133 гг. до н. э.), власть Рима быстро распространилась на огромное число народов за пределами Италии. Современник описываемых событий греческий государственный деятель и историк Полибий, писавший о римских завоеваниях в середине вышеозначенного периода, обосновал свой интерес к проблеме тем, что каждому будет любопытно узнать, каким образом римляне «менее чем за пятьдесят три года смогли подчинить своему влиянию почти все населенное мировое пространство. Это достижение не имеет аналогов в истории». Александр Великий, мечтая о единстве мира, в какой-то короткий момент почти воплотил свою мечту; благодаря ему греческий язык стал вторым языком на обширных территориях Ближнего Востока. Теперь же во второй раз удалось обеспечить нечто вроде единства мира, мирового господства. Этого снова добились насильственными методами, однако на более прочной основе.

Кроме Рима, единственной мировой сверхдержавой был Китай, однако Рим и Китай оставались вне поля зрения друг друга. Карфаген контролировал Западное Средиземноморье, но потерпел поражение от Рима в ходе трех Пунических войн (264—241, 218—201, 149—146 гг. до н. э.) и прекратил свое существование. Из трех восточных государств, которые в эпоху эллинизма, следующую за периодом классической Греции, разделили между собой почти все наследие Александра, Македонское царство было подчинено Риму; централизованное государство Птолемеев было урезано и едва выходило за рамки Египта; могущественное государство Селевкидов, хотя оно и сохранило свою власть на огромных пространствах Сирии и Антиохии в Юго-Западной Азии, было вытеснено с густонаселенного полуострова Малая Азия (здесь проходила граница между Европой и Азией; в древности полуостров был почти самостоятельным континентом).

Результатом этих побед стала серия аннексий, проведенных римлянами. После 1-й Пунической войны господство Рима вышло за пределы Итальянского полуострова. Римляне получили важные житницы — Сицилию (241 г. до н. э.) и Сардинию (231 г. до н. э.). Во время и после 2-й Пунической войны в руки римлян попала значительная часть Испании, хотя завоевание Испании оставалось незавершенным в течение двух последующих столетий. Только за девять лет римляне добыли на испанских месторождениях 130 000 фунтов серебра и 4000 фунтов золота. Затем, после ряда войн с государствами — преемниками Александра, усиливающаяся антипатия римлян к сопротивлению Греции и методам ее политики привела к дальнейшим завоеваниям: Македония стала частью Римского государства в 148 г. до н. э., а Ахейя (Греция) — в 146 году до н. э. Это было зловещим признаком того, что романтический римский эллинизм, представленный в начале века Фламинином, «освободителем Греции» (фото 5а), пришел в упадок; и это повлекло за собой разграбление Коринфа, одного из главных торговых городов. Этот

имеющий решающее значение год ознаменовался окончательным разрушением Карфагена, предпринятым Сципионом Эмилианом, выходцем из выдающегося рода Корнелиев. В результате этого акта насилия к Риму отошла провинция Африка, площадь которой первоначально составляла около 5000 квадратных миль (что примерно соответствует площади современного Туниса). Эта территория состояла из трех больших округов, которые поставляли своим новым правителям необходимое для них количество зерна.

Африка стала пятой провинцией Рима. Однако кульминацией завоеваний явился захват Римом его шестой по счету, еще более богатой провинции, которая располагалась на восточном побережье Эгейского моря, где пергамская династия Атталидов отделилась от государства Селевкидов. В 133 году до н. э. последний правитель Пергама, стремясь предотвратить народное восстание, завещал свои владения римлянам. Эти владения включали в себя западную густонаселенную часть Малой Азии, где продолжали расти прославленные города, где имелось большое количество сельскохозяйственных ресурсов. Эта местность характеризовалась высоким развитием ремесел (ткацкого и др.). Подавив революцию, под знаменем которой объединились рабы и националисты, Рим завладел этим наследством, которое стало источником баснословных доходов для римских чиновников и финансистов. Завоевание Пергама оказало могущественное влияние на культуру, религию и национальный состав Древнего Рима. Бывшая столица королевства Пергам и другие греческие города формально оставались «свободными», но, как и «свободные» города в других частях империи, подвергшихся эллинистическому влиянию, перешли под полный контроль Рима, хотя в подобных случаях этот контроль осуществлялся в основном с видимой деликатностью.

В этот период завоеваний Римом эффективно управлял сенат, доминирующая составляющая формулы власти «Сенат и Народ». Триста членов сената, куда входили, за редким исключением, представители нескольких

родов из числа земельной аристократии, оставались сенаторами пожизненно. Из числа сенаторов ежегодно избирались два консула; сенаторы занимали также другие ключевые государственные посты. Самонадеянные, агрессивные индивидуалисты, составлявшие сенат, не формировали политических партий в современном понимании. В процессе бесконечных споров политики привлекали на свою сторону всех, кого возможно, вне зависимости от социального и имущественного положения. Тем не менее сенату удавалось держать достаточно единый фронт для того, чтобы нейтрализовать любые посягательства на его исключительную власть. Победа во 2-й Пунической войне, одержанная под руководством сената, на целое столетие задержала робкие попытки установить более демократический режим. Хотя высшей властью считался не сенат (который теоретически был совещательным органом), а народное собрание, последнее передало сенату право осуществлять управление в области внешней и финансовой политики из-за того, что международное положение все более усложнялось.

Тем не менее власть сената была ограничена еще одной влиятельной социальной группой, укрепившей свои позиции в ходе войн. Эта социальная группа включала в себя людей, занимавшихся преимущественно коммерческой деятельностью, всадников. Государственные посты, занимаемые сенаторами, были для них недоступны. Занимая примерно одинаковое с сенаторами имущественное положение, всадники ставили своей целью не обретение официальных должностей, а рост доходов и влияния. Им подчинялись финансовые агенты, известные как *publicani*, с которыми правительство заключало подрядные контракты на строительство, снабжение армии, разработку полезных ископаемых и, что важнее всего, сбор налогов.

К концу II века до н. э. число небольших сельскохозяйственных наделов, на которых по-прежнему велось натуральное хозяйство, постепенно уменьшилось.

На смену им пришли крупные товарные хозяйства (ранчо и фермы смешанного типа). Владельцы этих плантаций, которые не занимались хозяйством непосредственно, а лишь вкладывали в него деньги, сочли, что земля является самой надежной сферой инвестирования и что скотоводство приносит больший доход, чем производство зерновых культур. Появление имений такого типа, рабочую силу которых составляли многочисленные рабы, захваченные в ходе войн, приводило к пауперизации свободных малоимущих граждан Рима. Они перебирались в города, безработные, голодные, отчаявшиеся. Для того чтобы помочь им и вернуть Италии ее былое процветание, молодой образованный выходец из знати Тиберий Семпроний Гракх возродил давно утраченное влияние должности, которую он занимал, — народного трибуна. Должность эта, учрежденная для защиты интересов низших классов несколькими столетиями раньше, давно уже была подчинена аппарату сенаторского правления. Но Тиберий Гракх, которому были известны греческие идеи народного правления, проигнорировал мнение сената, предложив народному собранию утвердить закон, в соответствии с которым, во-первых, площадь земель, в тот момент незаконно арендованных государственными чиновниками, должна быть сокращена, во-вторых, полученные таким образом излишки земли должны быть предоставлены в пользование неимущим безземельным гражданам. Гракх пошел на риск, добившись снятия с должности народного трибуна своего коллеги консерватора. Когда Гракх вопреки обычаям выступил за немедленное переизбрание, он был убит вместе с тремя сотнями своих сподвижников. Это было первое в политической истории Древнего Рима кровопролитие за почти четыреста лет. Оно положило начало эпохе политического насилия.

Брат Тиберия Гай, более энергичный и влиятельный по сравнению со своим братом, хотя и не такой дальновидный, был трибуном в 123 году до н. э., а затем — в 122 году до н. э. Он предложил учредить новые тор-

говые колонии не только в Италии, но и на северном берегу Африки, возле Карфагена (эта идея не привела в восторг традиционалистов). Гай Гракх пытался ограничить неумеренный рост цен на хлеб. Он также возродил земельные законы своего брата. Но эти законы насторожили так называемых римских конфедератов, или «союзников» — фактически подданных Рима, — в Италии. Римские власти все более ущемляли их в правах, и конфедераты боялись потерять свои земли. Поэтому Гай предложил сделать всех латинян (которые составляли ядро конфедерации) полноправными гражданами Рима, а также предоставить права неполного гражданства остальным жителям Италии. Гай Гракх посеял семя будущей вражды между сенатом и всадниками, предложив отдать на откуп последним сбор налогов в недавно завоеванной Азии (что было очень выгодно). По мнению Гракха, именно всадники (а не сенаторы, как это было до настоящего времени) должны назначаться судьями в Верховный суд, учрежденный четверть века назад для того, чтобы оградить жителей провинции от произвола властей при рассмотрении обвинений римских чиновников во взяточничестве. Ни одна социальная группа не восприняла положительно преимуществ, предоставленных остальным, поэтому в 121 году до н. э. Гай Гракх был лишен государственных должностей. Крупный политический скандал привел к тому, что сенат принял самый радикальный закон за все время своего существования. Затем после ожесточенной борьбы и последовавших за ней репрессий Гай и три тысячи его сторонников были убиты.

Вскоре после этого римляне включили в состав своих владений южные области Галлии (121 г. до н. э.) в целях охраны своих путей сообщения с Испанией и защиты своего давнего союзника Массалии (Марселя) от набегов галльских племен в глубоком тылу. Эта новая провинция, названная Галлия Нарбоннская (по названию города Нарбонн, где в 118 году до н. э. была основана римская колония), заняла второе место после Италии по степени распространенности римской

культуры и роста городов. Однако новая угроза пришла из-за южных рубежей империи. Югурта, царь Нумидии, полузависимой от Рима, в Северной Африке, не стал препятствовать убийству купцов из Италии, нанеся тем самым удар по престижу римских всадников. Сенат, начавший войну без всякого энтузиазма, доверил командование войсками Квинту Метеллу, выходцу из нового, но довольно влиятельного рода Цецилиев. Метелл достаточно успешно провел две кампании. Однако его подчиненный и протеже, жестокий и коварный человек Марий (из рода Арпинов, занимавшихся скотоводством) стал плести против него интриги, так как их политические и торговые интересы расходились. Народное собрание сената назначило Мариа консулом и поручило заменить Метелла на посту командующего. Это было сделано в обход сената, что могло повлечь за собой борьбу политических группировок. Сформировав легионы, частично состоявшие из наемников, Марий нанес поражение Югурте. Последний был захвачен в плен (105 г. до н. э.) и казнен. Но теперь Италии угрожала опасность, исходившая не столько от восставших на Сицилии рабов, сколько от двух больших кочующих германских племенных союзов — кимбров и тевтонов. Эти племена нанесли несколько унижительных поражений неудачливым римским военачальникам, погрязшим в интригах, а в 105 году до н. э. в битве при Аравсионе (ныне Оранж) разбили 80 000 легионеров. Так или иначе, Марий, которого четырежды избирали консулом, несмотря на то что он принадлежал к числу «новых людей» (то есть члены его рода никогда ранее не были консулами), сумел уничтожить войска противника при Аквах Секстиевых (Экс-ан-Прованс) (102 г. до н. э.) и Верцеллах на севере Италии (101 г. до н. э.). Видный новатор в военной области, Марий продолжил начатые ранее эксперименты по использованию когорты как основной тактической единицы. В легионах, состоявших из 10 когорт, служили теперь профессиональные военные. В войсках в значительной степени вырос кастовый дух, они теперь

в большей степени зависели от своих командиров, чем от государства. Во время шестого консульства Мария разгорелся мятеж, в ходе которого трибун Сатурнин, пытавшийся распределить государственные земли, был забит насмерть камнями. Разочарованные бенефициарии из числа итальянских конфедератов (союзников), подданных Рима, ринулись в столицу. Власти поступили опрометчиво, наотрез отказав бенефициариям в их требованиях и выдворив всех жителей Италии, которые не являлись гражданами Рима, за пределы города (95 г. до н. э.). Когда представитель конфедератов (союзников) Друз не был допущен властями в Рим, а затем убит, союзники открыто восстали. Началась Марсианская (по названию племени марсов) война, которая велась с большим ожесточением. Эта война получила также название «Союзнической», или «Социальной» (от *лат.* *socius* — союзник). Однако почти все старейшие римские союзники, или конфедераты, остались верны правительству. Повстанцы вели партизанскую войну в горных районах Северной Италии. Ряды повстанцев в основном составляли марсы (северная группа) и самниты (южная группа). Повстанцы называли свое движение *Italia* (Италия). Некоторые из них сражались за то, чтобы обрести римское гражданство, остальные (особенно самниты, которые претендовали на главенствующее положение в Италии, но потерпели поражение от Рима в IV в. до н. э.) стремились подорвать власть Рима. Римляне победили в этой войне ценой упорной борьбы, уступив противнику главную ставку на кону: все люди, жившие к югу от реки По, стали гражданами Рима, значительная часть населения Транспаданской Галлии (территория между рекой По и Альпами) обрела «латинский статус». Этот статус был промежуточной ступенью на пути к римскому гражданству. С помощью «латинского статуса» чиновники во всех городах с традициями местного самоуправления получили избирательное право.

Марий намеревался осуществить поход против правителя Понта, страны, занимавшей обширную терри-

торию на севере Малой Азии, славившейся лесом и пастбищами. Там проходили коммуникации, связывавшие Рим со странами Востока, и существовала опасность потерять их. Правителем Понта был обаятельный, но жестокий, стремившийся к территориальным захватам Митридат VI Иранский (фото 5а). Он испытал некоторое влияние эллинизма. Митридат опустошил большую часть полуострова и поощрял истребление населения итальянского происхождения. Тем не менее поход против Митридата возглавил не Марий, а патриций Сулла. В результате жестокой бойни на улицах Рима Сулла подтвердил свои права на власть. Он встал во главе армии за пределами столицы, а затем двинулся на город, создав тем самым тревожный прецедент. Для того чтобы обеспечить себе поддержку, Марий вооружил рабов, однако был объявлен вне закона и бежал в Северную Африку. Сулла был, возможно, лучшим военачальником Рима после Сципиона Старшего, победившего во 2-й Пунической войне. Сулла начал поход на восток и отвоевал Грецию у Митридата. Тем временем Марий, рассудок которого помутился, вернулся в столицу. Он устроил невиданную в истории Рима резню. Во время своего шестого консульства Марий умер (86 г. до н. э.). Его союзник Цинна (консул в 87—84 гг. до н. э.) был убит. Их преемники, которых поддерживала определенная часть этрусков, самнитов и римских всадников, не смогли воспрепятствовать возвращению в Рим Суллы.

Гражданская война продолжалась три года. Тысячи противников Суллы были истреблены. Благодаря этому Сулла получил земли для 120 000 своих демобилизованных солдат-ветеранов. В 81 г. до н. э. Сулла объявил себя диктатором (чрезвычайная должность, учрежденная еще в древности), продлив возможный шестимесячный срок диктаторства до того времени, пока нация не оправится после гражданской войны. Тем не менее этот выдающийся, жестокий, мистический и распутный человек, отнюдь не намеревавшийся ниспровергать традиционный механизм власти сенаторов, рассчитывал заручиться поддер-

жкой аристократии для того, чтобы этот механизм работал. Казнив каждого десятого в сенате, Сулла пополнил его своими сторонниками. Необходимой ступенью государственной службы стало пребывание на посту квестора (двадцать молодых людей ежегодно занимали этот пост). Только таким образом можно было рассчитывать на место в сенате. Уголовным судопроизводством стал ведавать исключительно сенат; оно было расширено и усовершенствовано.

Сулла также попытался оградить сенат от возможных посягательств автократов и ниспровергателей (каким в действительности являлся и он сам). Сулла ограничил продолжительность дальних военных походов, препятствовал повторному избранию на консульские должности. Был ужесточен закон о государственной измене; трибуны подверглись гонениям. Должности трибунов стали занимать те, кто был лишен остальных государственных постов. Сулла впервые в истории систематизировал застройку огромной площади города. Достигнув 59-летнего возраста, Сулла, уставший от войны, от власти и от Рима, объявил о сложении с себя полномочий и возвращении к частной жизни, не добиваясь окончательного введения пожизненного правления, что было совсем не в духе римлянина. Уйдя в отставку, Сулла занимался охотой, писал, пил. Вскоре он умер. Ему устроили роскошные похороны.

Следующие несколько лет ознаменовались возвышением любезного, честолюбивого миллионера Красса, предводителя сенаторов и всадников, и самонадеянного, хитрого Помпея. Оба они добились своего положения, сражаясь на стороне Суллы, а Помпей ликвидировал отряды доблестного Сертория, сторонника Мария, непревзойденного вождя партизан в Испании (76— 2 гг. до н. э.). Впоследствии Красс подавил восстание 90 000 рабов, представлявших серьезную угрозу, под предводительством фракийского гладиатора Спартака; Помпей же нанес им окончательное поражение.

Когда Красс и Помпей были консулами, каждый из них имел за собой армию, поддерживавшую его. Они свели на нет реформы Суллы, продемонстрировав всем, что сенат не властен над ними. Затем, вопреки воле сената, собрание предоставило Помпею широкие, не республиканские полномочия для борьбы с пиратами, которые перекрыли все пути в Восточном Средиземноморье (67 г. до н. э.), а также с Митридатом Понтийским, все еще продолжавшим сопротивление. Наделение Помпея полномочиями приветствовал Цицерон из Арпины (фото 10а), «новый человек», один из самых талантливых ораторов, отстаивавший интересы всадников, а также обедневший аристократ Цезарь (фото 1а). Но в отсутствие Помпея еще один обедневший патриций, Катилина, бывший опричник Суллы, потерпев неудачу на консульских выборах, привлек на свою сторону неимущие слои населения и имевших долги землевладельцев с целью добиться закона об отмене долгов, а затем — совершить вооруженный переворот. Цицерон, консул в 63 г. до н. э., арестовал шестерых участников заговора Катилины и казнил их. Однако сначала он заручился поддержкой сената, во главе которого стоял искусный политик, строго принципиальный человек Катон Младший. Цезарь, будучи скрытым оппозиционером, высказался за более мягкий приговор. В скором времени, на следующий год, Катилина погиб, сражаясь с армией республики при Пистойрии (Пистойе).

Помпей, будучи выдающимся полководцем, успешно применял методы ведения войны, схожие с десантными. На Востоке он добился небывалого успеха. Помпей покончил с Митридатом, подчинил римскому влиянию Иудею и уничтожил когда-то могущественную монархию Селевкидов. Ядро этой империи, густонаселенная Сирия, была включена в состав римских владений. Помпей подтвердил автономию сирийских городов-государств. Там продолжали заниматься традиционной караванной торговлей. Под контролем сирийских городов-государств оставались процветающие, прибыльные ремесла — пря-

дение шерсти и льна, красильное и стеклодувное ремесла. Сирия была очень важна в стратегическом отношении, так как являлась бастионом в борьбе с Парфией, полуфеодальной иранской империей, находившейся за Евфратом. Парфия становилась заклятым врагом Рима. Помпей заявил, что все страны Ближней Азии должны ориентироваться не на Восток, на Парфию, а на Запад, на Рим. Впоследствии завоеванные Помпеем земли стали форпостом римского владычества на этой территории.

Помпей вернулся в Рим, не имея намерений стать диктатором. Несмотря на то что его успех принес в казну сумму, равную примерно нынешним двенадцати миллионам фунтов стерлингов, и увеличил ежегодный доход государства на семьдесят процентов (что эквивалентно двадцати четырем миллионам долларов), все проведенные им мероприятия не были одобрены сенатом — Цицерон признавал лишь свои собственные успехи. Вследствие этого Помпей, Цезарь и Красс объединились в неофициальный, но всемогущий Первый триумvirат, скрепленный женитьбой Помпея на дочери Цезаря Юлии. Идеал Цицерона — «гармония законов», которая строилась бы на основе свободного действия трех республиканских институтов, — не был претворен в жизнь. Началась агония республики.

В результате дележа власти среди членов триумvirата Цезарь стал консулом (59 г. до н. э.) и командующим римскими войсками в Иллирии (Югославия) сроком на пять лет (позже срок был продлен до десяти лет) и в Галлии по обе стороны Альп (Франция и Северная Италия). Галльские вожди обратились к Цезарю с просьбой защитить их от кельтского племени гельветов, и Цезарь двинул свои войска на Рейн. Затем самым жестоким образом он подчинил себе разрозненные племена Франции и Бельгии (58—57 гг. до н. э.) и провел несколько успешных дерзких операций на побережье Атлантического океана (56 г. до н. э.). Покорив таким образом основные племена, Цезарь дважды вторгнулся в Британию (55—54 гг. до н. э.). Пять легионов при помощи 28 боевых и 540 транспортных кораблей осуществили высадку и за-

хватили Витхэмпстед, столицу временно командующего британцами Кассивелауна, но не осуществили никаких завоеваний. Затем Цезарь столкнулся с грозной коалицией племен Центральной Галлии. Наголову разбив большие, сменявшие друг друга армии противника, Цезарь захватил в плен вождя галлов Верцингеторикса в Алезии (Ализ-Сент-Рен). Вновь покоренные земли Северной и Центральной Франции, а также пограничную область вплоть до Рейна Цезарь включил в состав новой провинции Gallia Comata («Косматая Галлия»). Потребовалось немного времени для того, чтобы привить на этой территории с пятиmillionным населением живую провинциальную культуру, а также для того, чтобы использовать большие потенциальные возможности здешнего сельского хозяйства, животноводства, разработки полезных ископаемых и металлургии. В этой провинции быстро прижились гончарное и стеклодувное ремесла.

Тем временем Цицерон был выдворен в Эпир (58—57 гг. до н. э.) за его расправу над сторонниками Катилины. Когда ему позволили вернуться, он уже не пользовался никаким влиянием. Несмотря на многие разногласия, триумvirат был подтвержден в Луке (Лукке) в 56 году до н. э. Помпей получил должность наместника в Испании сроком на пять лет. Однако свои обязанности наместника Помпей выполнял через своего представителя, сам оставаясь в Риме, окруженный ореолом невиданного величия и шумными толпами зависимых от него людей («клиентов»). В 53 году до н. э. Красс погиб в сражении с парфянами при Каррах в излучине Евфрата, и триумvirат прекратил свое существование. В следующем году, в условиях разгоравшейся борьбы политических группировок, Помпей стал единственным консулом, создав тем самым прецедент, которым воспользовались императоры. Жена Помпея, дочь Цезаря, умерла в 54 году до н. э. Часть консервативных сенаторов пыталась убедить Помпея нарушить обязательства, данные Цезарю, с тем чтобы ограничить срок пребывания Цезаря на должности наместника в Галлии и не допустить его избрания консулом. Не важно, кто был прав, а кто не прав с точки

зрения закона (это до сих пор является предметом дискуссии), — республика потерпела поражение. Правительство, изначально предназначенное для управления небольшим городом-государством, не смогло предотвратить насилие и коррупцию, держать под контролем военачальников, без которых нельзя было обойтись в такой огромной империи.

Цезарь перешел Рубикон (49 г. до н. э.) и захватил Италию. Помпей увел свои войска на Балканы. Цезарь после короткого похода в Испанию стал преследовать Помпея на Балканах и одержал победу в битве при Фарсале в Фессалии (48 г. до н. э.) благодаря храбрости ветеранов его стойкой кавалерии. По прибытии в Египет (давно уже зависимый от Рима) Помпей был убит. Цезарь провел в Египте зимнюю кампанию, лишения которой скрашивало для него общество 22-летней Клеопатры, которую он назначил правительницей. В 47 году до н. э. Цезарь нанес поражение сыну Митридата Фарнаку под Зелой в Малой Азии. Затем он вернулся в Рим. В последующих молниеносных войнах Цезарь разбил сыновей Помпея в Северной Африке в 46 году до н. э. (битва при Тапсе считается вершиной его стратегии) и в Испании в 45 году до н. э. (битва под Мундой называется «битвой несгибаемых воинов»). Несмотря на то что Цезарь не изобрел новых приемов ведения войны, он поразительно точно предчувствовал момент, когда следует нанести удар, прекрасно разбирался в вопросах снабжения армии, умел рационально использовать подчиненные ему несравненные легионы и вдохновлять их на битву.

Будучи властелином всей римской цивилизации, Цезарь добился для себя поста пожизненного диктатора, который он занимал с перерывами с 49 года до н. э. Месяц спустя, когда Цезарь вынашивал грандиозные планы строительства, а также расселения своих бывших солдат в торговых колониях, когда он готовился к походу на Восток, стремясь превзойти Алек-

сандра Македонского, он был убит Брутом, Кассием и другими людьми, пользовавшимися его покровительством и милостью, но не потерпевшими его единоличной власти. Несмотря на его дар точно предвидеть события, живой ум и железную волю, программа реформ, начатых по его инициативе, не содержала кардинальных изменений государственного аппарата, который после его смерти впал в состояние анархии.

Сенат, воодушевленный дерзкой, злоязычной речью («филиппикой») Цицерона, объединился в борьбе против Антония, попытавшегося стать преемником Цезаря, и нанес ему поражение в 43 году до н. э. при Мутине (Модене). Но затем Антоний объединился с 22-летним Октавианом (впоследствии Августом, фото 16), расчетливым, честолюбивым человеком. Двоюродным дедом Октавиана был Цезарь, который в своем завещании объявил Октавиана своим главным наследником и, как утверждал Октавиан, своим сыном. Вместе с Лепидом, бесцветным человеком, который сменил Цезаря на посту верховного понтифика, Антоний и Октавиан составили Второй триумvirат, орган диктатуры, подкрепленный соответствующими законами. Его задачей было «провести государственные реформы» и отомстить за убийство Цезаря. Были казнены 2000 человек (среди них Цицерон). Члены триумvirата — главным образом Антоний — сокрушили республиканцев при Филлипах в Македонии (42 г. до н. э.). Брут и Кассий покончили жизнь самоубийством.

В 40 году до н. э. в Брундизии (Бриндизи) был заключен договор между Антонием и Октавианом. Последний утвердился в Италии и западных провинциях. Секст, оставшийся в живых сын Помпея, державший Италию в блокаде, был разгромлен в морском сражении возле Навлоха на Сицилии (36 г. до н. э.). Затем Октавиан вдвое увеличил свою армию за счет 22 легионов Лепида, которого заставили уйти из политики. Тем временем Антоний поставил под свой контроль восточные провинции. Несмотря на то что Антоний был женат на Октавии (сестре Октавиана), из

всей иерархии восточных правителей он выделял амбициозную, дальновидную Клеопатру, ради которой, будучи страстно в нее влюбленным, Антоний был готов пожертвовать интересами Рима.

Антоний потерял много римских солдат в имевшем катастрофические последствия широкомасштабном вторжении в Армению (36 г. до н. э.), которая контролировалась Парфией. Октавиан же совершил переход через Адриатическое море и провел успешные кампании в Иллирии и Далмации (35—34 гг. до н. э.). Затем он склонил сенат лишить Антония власти, которой тот обладал как член триумvirата, и объявить войну Клеопатре. Клеопатре и Антонию нанесли сокрушительное поражение в морском сражении возле мыса Акции в Эпире (31 г. до н. э.). С каждой стороны в битве участвовали 40 000 легионеров, посаженных на корабли. Легионеры Антония, измотанные пропагандистскими атаками против их восточных сирен, были не в состоянии сражаться. Антоний и Клеопатра бежали в Египет, где, не дожидаясь последнего удара Октавиана, покончили жизнь самоубийством (30 г. до н. э.). Египет, бюрократический аппарат которого сосредоточил в своих руках огромное богатство, был в состоянии ежегодно обеспечивать Рим зерном, которого хватило бы на 4 месяца. Египет был у ног Октавиана, — как и вся римская цивилизация.

Август (именно такое имя, вызывавшее в эпоху античности религиозные ассоциации, выбрал для себя новый диктатор в 27 г. до н. э.) обладал неоспоримым авторитетом, так как, несмотря на то что он номинально служил республиканским органам, под его контролем находилась армия и финансовые ресурсы империи. Среди друзей, чья помощь была необходима Августу для решения многих задач, он особо выделял неизменно безукоризненного Агриппу (ум. в 12 г. до н. э.), являвшегося почти соправителем, и разгульного, но бдительного Мecenата (ум. в 8 г. до н. э.). Хотя правящей императорс-

кой династии официально не существовало, возникли слухи о наследовании Августом власти, поскольку он выдал замуж свою падкую на развлечения, распутную дочь Юлию сначала за своего племянника Марцелла (ум. в 23 г. н. э.), затем — за Агриппу и в конце концов — за своего приемного сына Тиберия. Август привлекал Тиберия к работе даже в большей степени, чем других своих последователей, но неохотно объявил его своим преемником (4 г. н. э.) после преждевременной смерти двоих внуков — сыновей Агриппы и Юлии. Август вел образ жизни «простого человека из маленького города», тем не менее он обладал художественным вкусом. В равной степени восхищался культурой Греции и римскими и итальянскими традициями. Но больше всего его интересовали вопросы эффективности управления, он имел большой талант в этой области. За продолжительное время своего правления он взял в свои руки все ветви власти в Риме и преобразовал их в единый государственный механизм, способный выполнять функции имперского управления. Искусные фрески, восхваляющие деяния Августа, сохранились в храме в Анкаре.

Зная, что слава ему уже обеспечена, Август предпочитал проводить свою политику мирными, а не военными средствами. Тем не менее в годы его правления частыми были войны, которые вели Агриппа, а также братья Тиберий и Друз (старший). Продолжалась территориальная экспансия. Восточная граница была отодвинута. В состав владений Рима был включен не только Египет, но и большой участок территории Малой Азии, важный в стратегическом отношении, населенный потомками кельтских иммигрантов. Эта территория вошла в состав провинции Галатия (25 г. до н. э.) (карты 4, 5). Также были присоединены Нумидия в Северной Африке, территории, прилегающие к Дунаю от Швейцарии до Черного моря, а также Западная и Центральная Германия, где римские легионы достигли реки Эльбы. Установленная таким образом граница по Эльбе—Дунаю была короче, чем линия Рейн—Дунай. Но в целях экономии здесь не содержали сильной армии, и неопределенность тер-

риториальных приобретений при отсутствии резервных войск в стране проявилась во время серии восстаний сначала в Паннонии—Иллирии между Дунаем и Адриатическим морем (6 г. н. э.), а затем в Германии (9 г. н. э.). Первое из этих восстаний нарушило планы Рима завоевать Богемию, в результате второго граница Рима была отодвинута назад до Рейна. Пресловутым яблоком раздора до сих пор оставалась гористая территория Армении, которая постоянно переходила из рук в руки наместников то Парфии, то Рима. После демонстрации силы оружия Тиберием Август попытался договориться с Парфией с помощью дипломатии (20 г. до н. э.). Он провозгласил, что отныне Армения принадлежит ему, однако не смог сохранить контроль над этой территорией.

Жизнеописания следующих четырех правителей больше похожи на душераздирающие придворные мелодрамы. Они содержатся в произведениях Тацита «Анналы» и Светония «Жизнь двенадцати Цезарей». Каждый из императоров начинал с того, что выражал свое несогласие с действиями как Августа, так и республиканцев. Затем, под давлением неограниченной власти, они опускались до массовых убийств представителей правящего класса. Тиберий (14—37 гг. н. э.) принимал эффективные меры для поддержания порядка, справедливости суда и стабильной экономики, однако он был угрюмым, ненавидящим всех и вся человеком, нетерпимым к лицемерию и любым проявлениям общественных отношений. Раздраженный своей августейшей матерью Ливией и враждебностью по отношению к нему внутри его же семьи, он оставил трон и уехал на Капри в 26 году н. э. Империей управлял через префекта преторианцев — командира личной охраны императора Сеяна. Но Сеян, устранив наследников Тиберия, сам был свергнут. Это было началом слежки за политическими противниками, преследований, мести и самоубийств.

Недостатки воспитания и изнурительная болезнь внучатого племянника Тиберия Гая (Калигулы, 37—41 гг. н. э.) превратили его в суетливого, нервного садиста. После его убийства преторианцы добились на-

следования престола дядей Гая Клавдием (41—54 н. э.), чья образованность и проницательность скрывались под нелепой внешностью и поведением. Правление Клавдия примечательно тем, что жителям провинций было даровано римское гражданство (император, родившийся в Лугдунуме, или Лионе, был в этом особенно заинтересован). Был создан правящий имперский кабинет, состоявший из бывших рабов. Эти люди из Малой Азии и Леванта, пользуясь небывалой властью и благосостоянием, соперничали или сотрудничали с третьей и четвертой женами императора — распущенной в половом отношении Мессалиной, а также безжалостной и честолюбивой Агриппиной младшей. Агриппина отравила Клавдия и закрепила престол за своим сыном от первого брака, Нероном (фото 56).

Нерон занимался черчением, живописью, конструировал модели, писал стихи. То, что он охотно принимал участие в музыкальных и театральных конкурсах, скандализировало сенат. Но его политика бесплатных «хлеба и зрелищ», то, что он публично появлялся в качестве возницы на колеснице, расположили к нему народ. Самовлюбленность и жестокость Нерона не казались его подданным неприятными. Его правление, которое началось под благодетельным, пусть и малоэффективным, влиянием философа Сенеки и префекта гвардии Бурра, пришло в упадок, когда коневод Тигеллин был назначен на пост префекта и главного советника. Чтобы ускорить свою женитьбу на ослепительной Поппее, Нерон санкционировал убийства своей матери Агриппины и благородной жены Октавии. В возникновении Великого пожара в Риме в 64 г. н. э. (который, возможно, начался случайно) обвинили еврейскую секту христиан. Тогда их впервые стали преследовать. Затем, когда открылся заговор, возглавляемый аристократом Пизоном, многие представители правящего класса были казнены. Император начал поездку по Греции, желая блеснуть своим драматическим талантом, однако в Галлии и Испании начались восстания, и Нерон, покинутый армией и сенатом, бежал из Рима и покончил с собой (68 г. н. э.).

Во время правления этих четырех представителей династии Августов скандальные происшествия в центре империи оказали мало влияния на провинции. Там продолжалось развитие торговли и материального производства, провинции хорошо управлялись. Боевые действия в течение этих пятидесяти лет были в основном оборонительными. Несмотря на то что Тиберий был хорошим полководцем, он не отважился покинуть Италию после того, как унаследовал престол. В начале его правления проводилась трехлетняя дорогостоящая военная кампания. Войска вторглись в Германию под командованием пользовавшегося популярностью племянника Тиберия Германика. Однако император отозвал его прежде, чем он мог совершить какие-либо завоевания. В придунайских землях Тиберий создал систему дорог, а при Клавдии началось использование двух перевалов через Альпы — Бреннера и Большого Сен-Бернара. В Африке долгая война на границе с Сахарой, которую вели генералы Тиберия, привела к аннексии Мавритании Клавдием, который также подчинил себе фракийские «королевства-клиенты». Но Август предостерегал своих потомков от дальнейшего расширения границ, и, как правило, этому совету следовали. Исключение составляла Британия, которая уже вела широкомасштабную торговлю с империей. Генералы Клавдия осуществили аннексию Британии вплоть до рек Северн и Трент (43—52 гг. н. э.). Клавдий, как Калигула и Нерон, не проявил себя как военачальник, однако он не любил доверять командование войсками кому-то другому. Для того чтобы обрести репутацию полководца, Клавдий в течение короткого времени принимал участие в завоевании Британии. В годы правления Нерона восстание во главе с царицей племени икенов Боудиккой (Боадицей) повлекло за собой большие потери, прежде чем было подавлено.

Что касается армянского трона, последователи Августа — перед лицом могущественного царя Парфии Артабана — продолжали политику использования минимума военной силы для того, чтобы установить в Армении римское владычество. Позже Нерон, раздраженный по-

ходами генерала Корбулона, которые приносили последнему излишнюю популярность, нашел долговременное дипломатическое решение проблемы. Нерон устроил в Риме пышную коронацию царя Армении парфянского ставленника Тиридата (66 г. н. э.). Но еще больше беспокойства доставляло Риму неугомонное население Иудеи, где во время правления Тиберия проповедовал и был распят Иисус. Примерно 35 лет спустя иудейские экстремисты и умеренные объединились в ходе национально-освободительного восстания (фото 56). Веспасиан начал подавлять его как раз тогда, когда умер Нерон.

Год Четырех Императоров, описанный в «Истории» Тацита, показал, что в жилах императоров не обязательно должна течь кровь Юлиев или Клавдиев; что легионы назначают императорами не только жителей Рима. Гальба (фото 6а), аристократ преклонного возраста, повел испанскую армию на Рим. Но он показался завистливым преторианцам-гвардейцам недостаточно щедрым. Они убили его и провозгласили императором Отона, «светского человека» (январь 69 г. н. э.). Тем временем армия на германской границе возвела на престол одного из своих командующих, Вителлия. Военачальники Вителлия начали в Италию вторжение с двух сторон. Отон покончил с собой. Однако еще до конца этого года смерть нашла и ненасытного Вителлия, после того как он потерпел поражение от наместника Иудеи Веспасиана (фото 1в-г).

Этот скромный, состоятельный, остроумный итальянец (69—79 гг. н. э.) основал новую династию Флавиев. После того как Веспасиан подавил национально-освободительное галло-германское восстание, он привел в порядок расстроенные финансы империи, провел реорганизацию армии, сформировал прослойку новой, провинциальной аристократии. Короткое правление пользовавшегося популярностью, но расточительного сына Веспасиана Тита примечательно катастрофическим извержением Везувия (79 г. н. э.). Брат Тита, талантливый,

педантичный, жестокий Домициан придал своему правлению откровенно монархический характер. Его произвол вызвал неудовольствие сената, среди членов которого зрели оппозиционные настроения. Репрессивные меры, направленные против них, переросли во всевластие террора в последние годы правления Домициана, который позже сам был убит (96 г. н. э.). Династия Флавиев продолжала военными методами расширять границы империи. Веспасиан объединил центральную и восточную части Малой Азии и создал систему дорог на границе. В результате шотландских походов Агриколы, который нанес поражение временному союзу горных племен в 83-м или 84 году н. э., были сохранены под властью Рима равнины Англии. Аналогичные охранительные меры были предприняты на германских рубежах (Некар). За Дунаем, в нижнем его течении, Домициан впервые столкнулся с опасностью, исходившей от Децебала, богатого царя даков (86—89 н. э.).

После убийства Домициана его пожилой преемник Нерва, руководствовавшийся «лучшими побуждениями», неожиданно столкнулся с волнениями среди преторианцев, которые не были вовлечены в заговор. Поэтому Нерва усыновил и таким образом утвердил в качестве своего наследника одного из самых талантливых людей того времени, великого воина Траяна (98—117 н. э.). Он был потомком римских колонистов в Испании и первым императором, который не являлся уроженцем Италии (фото 2а-б). В ходе нескольких военных кампаний Траян завоевал и присоединил Дакию, овладев значительными ценностями и рудниками, что само по себе уже окупало расходы на войну. Он также захватил большую часть империи парфян. Была взята их столица Ктесифон, после чего войска Траяна поплыли вниз по Тигру и достигли Персидского залива. Траян был не только завоевателем. Его провозгласили «наилучшим императором», он был добрым и непритязательным, заботился о благополучии Италии и провинций.

Когда Траян умер в Малой Азии, к власти пришел еще один выходец из Испании Адриан (фото 2в). Он был спо-

собным, неутомимым, необычайно разносторонним правителем, воином, путешественником, покровителем и деятелем искусств. Он реорганизовал систему государственной службы, отделив гражданскую службу от военной. Так или иначе, более половины срока его правления он провел в путешествиях по империи, совершая при этом благодеяния. При Адриане была принята новая концепция взаимодействия провинций и столицы. После его визита в Британию был построен оборонительный вал на линии Сольвей — Тайн (122—129 гг. н. э.). Взойдя на престол, Адриан вывел войска с территорий, завоеванных Траяном в Месопотамии и Армении, так как восстания иудеев повсеместно угрожали римским коммуникациям. Эти восстания повторялись вновь и вновь в последние годы правления Адриана. Антонин Пий (138—161 гг. н. э.), выходец из рода, который в предыдущем столетии перебрался из Немауза (Нима) в Италию, был усыновлен Адрианом незадолго до смерти последнего. В годы своего мирного правления этот отнюдь не блестящий, но преданный, терпимый и бережливый правитель отошел от космополитизма, свойственного Адриану, и почти все время находился в Италии. Централизованное правительство Антонина Пия было милосердным и исполнительным. Мелкие завоевания совершались лишь в Британии, где в результате восстаний была возведена новая линия укреплений между Фортом и Клайдом (142—143 гг. н. э.).

По желанию Адриана Антонин усыновил своего племянника и зятя, молодого Марка Аврелия (161—80 гг. н. э., фото 36), а также ничем не примечательного Луция Вера. Они правили совместно вплоть до смерти Вера в 169 г. н. э. Несмотря на то что Аврелий создал себе имидж благородного философа-стоика, который правит в соответствии со своими убеждениями, почти все время своего правления он был вынужден воевать. Когда Парфия вновь настойчиво подняла армянский вопрос, римские полководцы разрушили два ее важнейших города, Ктесифон и Селевкию-на-Тигре. Вассальное государство на северо-западе Месопотамии перешло от Парфии к Риму.

Более зловещая, неизведанная ранее угроза исходила от массового переселения южногерманских народов. Когда в империи свирепствовала чума, в Северную Италию из провинций вторглись маркоманы и квады (167 г. н. э.). С огромным трудом собрав средства, испытывая нехватку военных резервов, Аврелий постепенно вытеснил захватчиков и намеревался расширить границу с тем, чтобы она представляла из себя прямую линию, идущую вдоль Карпатских и Богемских гор. Однако вскоре он умер. Его сын и преемник, жестокий, непоследовательный Коммод (180—92 гг. н. э., фото 4а), несмотря на то что повысил солдатам жалованье, непредусмотрительно часто менял своих советников. Последний из них, с помощью бывшей любовницы императора, организовал его убийство.

Через несколько месяцев после убийства Коммода еще два императора, Пертинакс и Дидий Юлиан, взошли на престол и были убиты. Дидий Юлиан создал пагубный прецедент, выкупив трон на аукционе, устроенном преторианцами. Энергичный, очень талантливый Септимий Север Южноафриканский (193—211 гг. н. э., фото 6б), наместник в Верхней Паннонии на Дунае, отстоял трон у других претендентов, кандидатов других армий. Он утвердился у власти лишь после гражданской войны, длившейся четыре года, столь же разрушительной, как и войны после смерти Нерона. Построив дороги, отремонтировав пограничные укрепления и сформировав три новых легиона, Север энергично завоевал большую часть Месопотамии и вторгся в Северную Шотландию (209 г. н. э.). Чтобы добиться этого и обеспечить армии привилегии, размер налогов был увеличен вдвое. Помня о том, что он является выходцем из провинции, как и его жена, Юлия Домна, сирийка, патронесса наук, Север установил одинаковый размер налогов для жителей Италии и провинций. Преторианцев, которые ранее в большинстве своем были жителями Италии, теперь набирали из числа жителей провинций. Сын Севера Каракалла (211—217 н. э., фото 4б), хотя и отказался от планов сво-

его отца в Британии, продолжил и развил другие направления его политики. Снова жалование армии возросло в полтора раза. Однако попытка этого энергичного тирана прославиться на Востоке окончилась его убийством.

За все время существования империи, достигшей своих максимальных границ, за исключением очень короткого времени правления Траяна, некоторого рода стабильности вновь удалось достичь при династии Северов. Тем не менее режим Северов, подкрепленный постоянно ожесточавшимися методами полицейского государства, вскоре стал гораздо более зловещим и тупиковым, чем эпоха Антонинов, которую Северы стремились возродить. По окончании короткого периода разнузданного восточного деспотизма при Элагабале (218—222 гг. н. э.) и передышки при его брате, воспитанном Севере Александре, который потерпел не предвещающее ничего хорошего поражение на востоке от недавно образовавшейся империи Сасанидов, более грозного противника, чем ее предшественник — Парфия, империя была ввергнута в анархию. Благодаря военному таланту и действиям Клавдия Готика (268—270 гг. н. э.) и Аврелиана (270—275 гг. н. э.) империи загадочным образом удалось пережить жестокие удары государства Сасанидов и германских племен, а также процесс внутренней дезинтеграции. При Диоклетиане (284—305 гг. н. э.) и Константине (306—337 гг. н. э.) (оба родом с Дуная) государство превратилось в тоталитарную монархию. Однако западная часть империи так и не восстановилась после вражеских вторжений и гражданских войн III в., и Константин, первый император, принявший христианство в качестве государственной религии, перенес столицу из Рима в Византий, переименованный в Константинополь. Этот город находился в фокальной точке, где Европа ближе всего к землям Малой Азии. Малая Азия, оставшись нетронутой, стала источником людских и материальных ресурсов для Византийской империи, основанной тогда и просуществовавшей более тысячи лет.

Часть вторая

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Глава 2

ПРАВИТЕЛИ И ИМПЕРИЯ

До начала демократического движения Гракхов (см. ранее) и еще в течение тридцати лет по окончании его одним из основных признаков политической истории Рима была монополия власти, принадлежавшая сенату. Несмотря на то что этот орган был слишком прямолинеен в отстаивании своих интересов, чересчур корыстен и разъедаем распрями и не мог вследствие этого управлять империей, его преобладающее влияние продолжалось, не столько оттого, что (как утверждал Полибий) конституция содержала в себе эффективный баланс, сколько из-за того, что древняя традиция государственной службы до сих пор являлась иногда незыблемой для римских сенаторов. Члены их замкнутого сообщества все еще сохраняли свое чутье в области политики. Представители знати использовали свой авторитет, подкупали избирателей, раздавали продовольствие и организовывали развлечения, содержали огромную армию «клиентов», которые за предоставляемые им средства к существованию обеспечивали политическую поддержку. Таким образом знать давно уже воздействовала на народное собрание Рима и добивалась избрания своих представителей на должности консулов, которые являлись ключевыми в государстве. За сто лет до начала реформ Гракхов 159 из 200 консулов были представителями 25 родов, а 99 — только 10 фамилий. Из них 23 поста консулов занимали представители ветви рода Корнелиев Сципионы, кото-

рые в то время составляли один из самых влиятельных и пользующихся успехом родов.

Как бы то ни было, в результате реформ Гракхов сословие всадников стало более сплоченным, обрело самосознание. Всадники были состоятельными людьми, не являвшимися членами сената. Однако еще раньше, во II веке, благодаря своим финансовым операциям они стали пользоваться большим влиянием, нежели сенаторы (см. ранее). Эти реформы предвещали общий раскол правящего класса. Действительно, то, что был заключен договор между сенатом, с одной стороны, и всем сословием всадников — с другой, выглядело необычно. Но возможности избежать разногласий значительно увеличились. Новый раскол в среде высших слоев общества явился впоследствии более существенной причиной волны насилия, чем столкновения небольших группировок, происходившие несколькими столетиями ранее. Все, что связано с Гракхами, потрясло устои римского общества, политики и экономики. Главным образом в Риме стал формироваться новый тип политика — популяры. Они притворно восхищались Гракхами, но, не исповедуя их идеалов, цинично заявляли, что отстаивают интересы сельской или городской бедноты для того, чтобы вытеснить правящую олигархию и заменить ее своей олигархической группировкой.

Тем не менее некоторое время сенат оставался властителем судеб, хотя, возможно, утратил былую самонадеянность. Наиболее влиятельным родом были уже не Корнелии, а Цецилии Метеллы. Представители этого рода, который часто принимал сторону всадников, а не ультраконсервативных сенаторов, избирались Народным собранием на пост консулов шесть раз в течение пятнадцати лет (123—109 гг. до н. э.). Но затем, вопреки интересам традиционных правящих группировок, выходец из среднего класса Марий и захудалый аристократ Сулла при помощи своих полупрофессиональных армий нового типа обрели такие полномочия, которыми ранее не обладал никто в Риме. Действительно, Сулла использовал свою власть для укрепления позиций сенаторской оли-

гархии в будущем. Но он потерпел неудачу, и в течение сорока лет после его отставки характерными чертами политической жизни были взяточничество, хаос и насилие. Характерным также было использование профессиональных гильдий или клубов (*collegia* — коллегий), в качестве группировок политического давления. Дошедший до нас документ, представляющий собой советы «новому человеку» Цицерону, баллотировавшемуся на государственную должность, от его брата Квинта, возможно, является поддельным, но содержащаяся в нем характеристика политики эпохи поздней республики точна: «Этот город — Рим — государство, состоящее из нагромождения всех народов, изобилующее интригами, обманом и разного рода пороками. Здесь необходимо терпимо относиться к высокомерию многих, извращенности многих, злорадству многих, гордыни многих, ненависти и придиркам многих». Тем не менее этих «многих», если отнести этот термин к обладавшим политическим влиянием, было относительно мало — несколько взаимосвязанных олигархических группировок, которые теперь предпринимали последние, отчаянные попытки любыми доступными средствами возродить их былую власть.

Их неудачу символизировал Первый триумvirат — диктаторский союз, заключенный Помпеем, Крассом и Цезарем (60—59 гг. до н. э.). Следующее поколение полагало, что именно этот момент и именно этот свершившийся факт необратимо повернули ход событий в сторону гражданской войны, которая в конечном итоге разрушила традиционную систему. После смерти Красса, тщетно искавшего военной славы (53 г. до н. э.), двум выжившим оставалось лишь разойтись, с тем чтобы впоследствии предоставить победителю, Цезарю, единоличную власть над правительством. Затем в конечном итоге затянувшаяся агония республики закончилась. Цезарь игнорировал недовольство правящих ранее группировок. С презрением относясь к республиканскому строю, который являлся, по его мнению, потерей времени, Цезарь заменил его на неприкрытую автократию.

Тит Ампий записал несколько публичных высказываний Цезаря, выявляющих то же самое убеждение: что республика была ничем — одно название без формы и содержания; что Сулла был болваном, потому что сложил с себя полномочия диктатора; что теперь его слово стало законом, и людям следует быть осторожнее, когда они приближаются к нему. Однажды, когда прорицатель сказал, что у жертвенного животного не оказалось сердца (действительно, дурное предзнаменование), Цезарь высокомерно ответил ему: «Предзнаменования будут настолько хорошими, насколько я этого пожелаю. Между прочим, я нисколько не удивлен, что у животного нет органа, который вдохновляет наши лучшие чувства»... Во время одного из его триумфов он проехал мимо скамеек, на которых сидели народные трибуны, и в ярости закричал некоему Понтию Аквиле, который продолжал сидеть на своем месте, не вставая: «Эй, трибун Аквила! Ты хочешь, чтобы я возродил республику?» В течение нескольких дней после этого случая любое свое действие он сопровождал словами: «С любезного согласия Понтия Аквилы».

Цезарю недолго оставалось до принятия титула царя, вызывавшего ассоциации со словом «тиран» еще со времен полубогатого Тарквиния. Однако в последние месяцы своей жизни он принял титул «пожизненного диктатора», негласно лишивший ведущих римлян возможности получать высокие почести и выгоды. Римские аристократы, состоятельные итальянцы были более щепетильны, чем остальные подданные империи, по отношению к попранию того, что они считали их «свободой», — их права на то, чтобы ими управляли не единолично, а в соответствии с законами республики; для многих из них Цезарь зашел слишком далеко, и поэтому он погиб. Тем не менее существовала точка зрения, что для спасения Рима и отечества от затянувшегося хаоса, который не смогло предотвратить правительство республики, необходим «спаситель».

Обоим этим явно противоречащим друг другу требованиям удовлетворял Август. С одной стороны, он обладал твердостью и авторитетом самодержавного правителя, необходимыми для оздоровления страны. В то же время он осмысленно придал ее конституции республиканский характер. Она называлась «Возрождение республики» (*respublica*, совещательное конституционное правительство). Свое собственное положение Август обозначил термином принцепс (*princeps*), не содержащим атрибутов диктатуры. Его особые полномочия якобы продлевались. В своих актах и на монетах он подчеркивал, что является освободителем, который спасал жизни граждан, что он не занимает никакой должности «вопреки традициям предков», что он «передал государство, находившееся под его властью, свободной воле сената и римского народа». На своих монетах Август часто почтительно ссылается на традиционные компоненты Римского государства — S.P.Q.R. Может показаться удивительным, что, несмотря на неистребимые республиканские взгляды, многие представители правящего класса Италии были вполне удовлетворены тем, что нам кажется фикцией. Римляне стремились сохранить все хорошее, что было в прошлом, и поэтому без энтузиазма отнеслись к происходящим изменениям. Однако они обычно добивались впечатляющих результатов, видоизменяя институты власти, когда это было необходимо. Полное искоренение очевидных недостатков древних обычаев вряд ли было возможно благодаря широко распространенному мнению о том, что любое отступление от традиции обязательно приведет к худшему, и справедливость этого утверждения никогда не была столь очевидной, как во времена Августа.

✓ Подлое время! Какой век сбросит с себя твое проклятие?
 Порочны были наши деды, отцы еще хуже.
 И мы, до сих пор не имеющие себе равных в грехе,
 Должны оставить после себя потомков, еще более
 безнравственных.

Даже Цицерон, который отнюдь не являлся конституционным новатором, признавал, когда это его устраивало, что институты власти должны отвечать новым требованиям. Цезарь также прекрасно осознавал, что римляне всегда заимствовали дееспособные идеи и никогда не отказывались использовать непривычные средства, отвечающие новым потребностям. Август предусмотрительно придерживался политики, являвшей собой нечто среднее между консерватизмом и революцией. Он знал, что, если дать народу Рима мир после того, как целое поколение жило в условиях гражданской войны, люди будут готовы считать осторожное возрождение архаичных форм республики спасением. Цивилизация Древнего Рима проходила одну из стадий развития, когда порядок кажется важнее свободы, хотя, видя, что римская свобода (*libertas*) никогда не означала полного политического самовыражения, Август имел возможность заявить, что он вернул к жизни и свободу. Не все были с этим согласны; готовился ряд заговоров, мнимых или реальных. Но в целом за время своего долгого правления он заставил замолчать голоса, высказывающие критические замечания, или, по крайней мере, приглушил их, так что не многие из этих замечаний дошли до потомков. Однако благодаря Тациту, который писал свои произведения через сто лет после смерти Августа, до нас дошли его резкие, безрадостные выводы о причинах успеха Августа:

«Он обольстил армию премиями, а дешевизна продуктов питания была хорошей подачкой для гражданского населения. Он в самом деле завоевал всеобщее расположение, даровав долгожданный мир. Затем он постепенно добивался передачи в его руки функций сената, чиновников и даже закона. Оппозиции не было. Война и исполнение смертных приговоров, вынесенных невиновным, привели к тому, что не осталось сильных духом людей. Оставшиеся в живых представители высшего класса осознали, что ключом к успеху, как к политическому, так и экономическому, было рабское повиновение. Они извлекли выгоду в результате переворота, и

существующее положение дел их устраивало, так как гарантировало стабильность, в отличие от опасной неопределенности, которая характеризовала старый режим».

В то же время существенной чертой «восстановленной республики» Августа было то, что последний очень дорожил сенатом и отводил ему главную роль в политической системе наряду с его личной властью, или, точнее говоря, под его руководством. Очень значительная часть влиятельных римлян входили в число 600 действующих сенаторов, 500 из которых постоянно находились в Риме, остальные же были задействованы на государственных должностях в провинциях. Сенаторы отстаивали имущественные права, так как существовал имущественный ценз для назначения на должность сенатора. Их ряды ежегодно пополнялись, когда на службу назначались около 20 детей сенаторов, молодых людей примерно 25-летнего возраста. Их назначение согласовывалось с Августом. Существовала возможность назначения на должность «новых людей», а с течением времени даже чужеземцев. Если у них были способности, они продвигались по службе. Достойным были открыты возможности продвижения по службе, и обладающие необходимыми качествами «новые люди» органично вливались в ряды отпрысков родов, которые традиционно были у власти.

Сенат императорской эпохи выполнял многие функции, однако его роль в решении важных вопросов не была велика. О том, почему так происходило, явственно свидетельствуют многие плачевные случаи, описанные Тацитом и Светонием. Возможно, сенаторов настойчиво просили свободно выражать свое мнение. Однако метаморфозы, происходившие с влиятельными военачальниками и чиновниками, когда они из близких друзей императора превращались в предателей, которых сажали в тюрьму, казнили и запрещали даже упоминать их имя, не поощряли сенаторов свободно выражать свое мнение. Из-за таких случаев, а также

оттого, что по службе продвигали за заслуги, многие видные римляне, жившие в 100 году н. э., не вели свое происхождение от аристократии эпохи республики.

Тем не менее император хотел, чтобы его деяния предстали перед глазами сенаторов в наиболее выгодном свете, поскольку среди членов сената было много людей, чья помощь была ему нужна. В результате этого большинство правителей I и II веков н. э. прилагали значительные усилия для того, чтобы сохранить видимость республиканского строя и показать себя умеренными, конституционными императорами. Особенно этим отличался Тиберий. Он так ненавидел подхалимов, что не разрешал сенаторам приближаться к своим носилкам для приветствия или по делу. В самом деле, однажды, когда бывший консул хотел извиниться за бестактность и попытался умоляюще обнять колени императора, последний отпрянул так быстро, что упал на спину. Если кто-либо в разговоре или публичном выступлении говорил о нем в слишком льстивых тонах, Тиберий всегда перебивал и настойчиво корректировал фразу. Однажды, когда к нему обратились «Мой господин и повелитель», он предупредил, что больше не потерпит подобных оскорблений. Другой человек употребил выражение «Ваши священные деяния», а третий сказал, что вошел в сенат «именем власти императора»; Тиберий настоял, чтобы они исправили свои слова на «Ваши усердные деяния» и «По настоянию императора». Более того, его не трогали брань, клевета и пасквили в свой адрес и в адрес своей семьи. Он часто утверждал, что возможность говорить и думать, как заблагорассудится, — это признак свободной страны.

Стремление Тиберия не казаться диктатором не произвело впечатления на влиятельных римлян. Как пишет Тацит, так было потому, что за своими словами Тиберий лицемерно укрывал свою жестокую и порочную личность и такую же политику. Вполне вероятно, старания Тиберия окончились неудачей, так как он отличался угрюмым характером, не привлекавшим к нему людей, а за

его скромностью таилось искреннее неприятие обмана. Из-за этого Тиберий потерпел неудачу как в общественных, так и в личных делах, в той сфере, где преуспел более талантливый Август, всегда знавший, что и как надо сказать.

Вследствие этого при Тиберии началась новая волна оппозиционного движения в среде влиятельных римлян. Это оппозиционное движение, изначально основанное просто на чувстве обиды и ненависти, с течением времени было подкреплено и облагорожено отдельными течениями греческой философии. Школа киников всегда отрицала монархию, а школа стоиков — «плохую» монархию. Но на протяжении I века н. э. эти два философских течения настолько сблизились, что их невозможно было отличить друг от друга. Они выступили на единой общефилософской платформе движения высокопоставленных римлян, которые в равной степени отрицали как «плохое», так и «хорошее» имперское правление. Действительно, группа философски мыслящих людей серьезно беспокоила одного из лучших и наиболее дальновидных императоров, Веспасиана, который понял, что вынужден принять репрессивные меры. Своей кульминации это движение достигло при сыне Веспасиана Домициане. Но в атмосфере просвещения во II веке н. э. упорядоченной оппозиции не было, так как аристократия утратила воодушевление.

Римский принципат родился в муках в ходе массовой бойни, в которой молодой Август, мягко говоря, сыграл определенную роль. Это обстоятельство, которое лишней раз подтверждало необходимость сохранять видимость республиканского правления, не позволяло какому-либо из правителей прочно и гласно утвердиться у власти или открыто заявить о престолонаследии. Каким бы ярким ни был ореол известности, которым окружали молодых родственников Августа, открыто заявить о том, что он основывает династию или что власть автоматически перейдет от одного правителя к другому, Август не мог. Поэтому, хотя Август и указал, как следует быть, усыновив в конечном итоге своего пасынка и давнего

сподвижника Тиберия и передав ему часть своих полномочий, ухудшение здоровья Августа в конце его жизни создало напряженную ситуацию.

В столице обстановка была спокойной. Названия государственных должностей оставались прежними. Победа при Акции была одержана еще до того, как на свет появилось молодое поколение. Даже большинство представителей старшего поколения прошло через ад гражданских войн. Практически никто из них не видел полноценного республиканского правления. Страна изменилась, и ничего не осталось от прежней славной репутации римлян. Политическое равенство стало пережитком прошлого: все ждали распоряжений императора. Никто не выразил беспокойства, когда Август получил свои властные полномочия и, не останавливаясь на достигнутом, основал свою династию и установил мир в империи. Но когда он стал стар и немощен, его приближающаяся смерть вселила надежду на перемены. Некоторые люди стали говорить о счастье свободы, ничего не предпринимая. Другие, и их было больше, боялись гражданской войны; остальные хотели ее. Тем не менее значительное большинство людей обменивались критическими слухами о кандидатах на престол.

Тиберий официально унаследовал престол, но только после того, как преодолел мучительные колебания. И проблема престолонаследия в течение I века н. э. оставалась очень серьезной. В 68—70 годах н. э., после гибели Нерона, последнего правителя династии Августов, отсутствие признанного или очевидного наследника привело к разрушительному хаосу, начавшемуся в год Четырех Императоров. Но когда следующая династия — Флавиев — погрязла в волне насилия, престарелый Нерва (96—98 гг. н. э.) предотвратил неприятности, усыновив (что наверняка означало и назначение преемником) сенатора, который казался наиболее

подходящим для этого, — Траяна. Принцип усыновления, скрепленный кровными и брачными узами, хорошо себя зарекомендовал и действовал успешно, пока Марк Аврелий не отступил от своих убеждений, назначив наследником своего никчемного сына Коммода. Это гибельное решение сыграло в следующем столетии существенную роль — начался кризис западных провинций, так как, хотя у Коммода не было конкурентов при вступлении на престол, его безответственность как правителя и, как следствие этого, его гибель (192 г. н. э.) создали прецедент для будущего, ввергнув страну в ряд гражданских войн, имевших катастрофические последствия. Когда эти войны шли уже в течение четырех лет и Септимий Север, хотя и одержал победу в Риме, тем не менее не мог справиться со своими соперниками в Галлии и на Востоке, произошел один из тех случаев, когда простой народ Рима высказал то, что думает. Действительно, римляне уже «задавали трепку» императорам в цирке или амфитеатре, особенно Тиберию, когда он не проявлял должного интереса к тому, что происходило на арене. Однако теперь они высказались за мир (196 г. н. э.). Сенатор и историк Дион Кассий Никейский видел демонстрацию и описал ее как «не-что, что в еще большей степени усилило наши дурные предчувствия».

Тем не менее тревога и пацифизм народа не возыме-ли никакого действия, и в течение III века н. э. бесконечная борьба за наследование престола (которую почти всегда преднамеренно провоцировали восстания) продолжала истощать и опустошать Италию и всю империю. В то же время германской и восточной границам угрожала внушительная опасность извне. Для того чтобы справиться с ней, нужны были огромные суммы денег. Они могли бы быть собраны, если бы не вышеупомянутые бедствия, и императоры могли бы даже позволить себе несколько завоевательных походов, которые принесли бы славу, если бы несчетные суммы не шли на гражданскую войну. Эти гражданские войны были вызваны неспособностью системы имперского правления упорядо-

чить наследование престола. Во многом по той же причине во время ужасных десятилетий «военной анархии» (235—284 гг. н. э.) прекратили свое существования условия относительного экономического процветания, до сих пор благоприятствующие принципату в Риме.

Неспособность добиться стабильности престолонаследия в империи сильно сказывалась на провинциях на протяжении III века н. э. Однако до этого (за исключением периодов гражданской войны после убийства Нерона и Коммода) последствия этой конституционной проблемы не сказывались на процветании и мире в колониях. На этих обширных и разнообразных территориях за пределами Италии римское правительство до наступления хаоса III века осуществляло размеренное, чрезвычайно эффективное, даже виртуозное правление.

В целом население империи во времена Августа составляло от 70 до 90 млн человек, из которых 30 или 40 млн проживали в Европе, примерно столько же, а скорее меньше, — в Азии и около 20 млн — в Африке (карты 1—5). Приобретение большинства провинций империи было прямым или косвенным результатом завоеваний или одностороннего властного решения, что было очень привычным для римлян. Так были приобретены Сицилия, Сардиния и Корсика, Испания, Македония, Африка, Понт (на севере Малой Азии), Крит, Кипр, Иллирия, Киликия (на юго-востоке Малой Азии), Сирия, Галлия, Египет и большинство придунайских и германских земель, а также Британия и Дакия. Другие территории тем не менее отошли к Риму по завещаниям их бывших монархов, которые рассчитывали получить мир при их жизни и надежно обеспечить переход власти к их сторонникам после смерти. Самая большая из всех провинций, Азия, а позже Вифиния (на северо-западе Малой Азии) и Кирена перешли под власть Рима именно таким образом. Но другие важные провинции были отданы в собственность Рима не так скоропалительно —

даже до аннексии их местные монархи или монархи греческого происхождения были зависимыми от Рима царями-«клиентами». Босфор (Крым), где выращивались зерновые культуры, чуть ли не единственный в империи обрел статус не субъекта принципата, а «клиента», тогда как царства-«клиенты» Галатия, Норик (в Центральной Европе), Мавритания, Иудея и Набатейское царство (на северо-западе Аравии) с течением времени вошли в состав империи. В Британии даже до того, как она была частично аннексирована Клавдием, некоторые из местных князьков уже были полузависимы от императоров. Существовали государства-«клиенты», которые в разной степени обладали автономией. Помимо настоящих царей-«клиентов», как на Западе, так и на Востоке были теньевые «полуклиенты», менее зависимые от Рима и связанные с его правителями скорее экономическими, чем политическими узами, что сравнимо с сегодняшним «банановым империализмом». Во время правления Августа одним из них был царь Суссекса, Гемпшира и Беркшира Тинкомий, который тем не менее считался его соотечественниками предателем, поэтому позже он бежал в Рим.

Связи с настолько отдаленным от центра страны вождем иногда могут быть непостоянными, но связи внутри империи достойны восхищения. Со времени правления Августа включительно морские коммуникации в значительной степени были усовершенствованы как в отношении скорости, так и безопасности (см. далее). Но самым важным средством сообщения и организации власти стала поразительно всеобъемлющая система превосходно построенных дорог, которые вели из Италии во все провинции империи. Уже в эпоху республики была построена дорога *Via Egnatia*, ведущая из Диррахия (Дураццо) в Фессалонику (Салона), а также *Via Domitia*на, ведущая из Рона в Пиренеи. Впоследствии дорожное строительство в императорскую эпоху развернулось в колоссальных масштабах. Только в одной провинции Британия за сто лет после первоначального завоевания в 43 году н. э. было построено 6500 миль дорог, из них не

менее 6000 миль были построены в течение первых четырех десятилетий этого богатого событиями периода. Такие дороги были свидетельством диктаторской власти над природой. Например, при постройке дороги Via Domitiana, которая является ответвлением Аппиевой дороги и проходит через Куме в ПUTEОЛИ (ПОЦЦУОЛЛИ) и Неаполь, пришлось преодолевать препятствия — болота, песчаный берег, реку с течением, меняющим свое направление, густые леса; пришлось прорубать туннель сквозь основание горы; высоты были соединены огромными виадуками (фото 24а).

По таким дорогам, быстро и энергично построенным прежде всего для передвижения войск, Цезарь проходил 800 миль за 8 дней; Гальба, находясь в Испании на расстоянии 332 миль от Рима, получил известие о смерти Нерона через 7 дней. Кроме того, эта мощная сеть дорожных коммуникаций в значительной мере благоприятствовала развитию торговли (см. далее). Не менее впечатляющими выглядели мосты через реки (фото 25а) и акведуки, по которым вода шла как к земле, так и в реки (фото 25б, 25в).

Наместники, посланные управлять самыми важными из этих провинций, были римскими сенаторами, отслужившими свой срок в столице консулами или преторами. Вследствие этого они принадлежали к узкому кругу людей и фамилий, которые решали судьбы Рима, сначала самостоятельно, а затем под руководством императора.

Когда во II веке до н. э. на Восток отправились первые римские наместники, они выгодно отличались от их греческих предшественников тем, что не касались общественных фондов. Мы узнаем об этом от Полибия, который сам был греком из Мегалополиса в Аркадии:

«Греки, служившие в наместничестве, не могли оставаться честными, если даже в их ведении находилось не больше чем талант (имеется в виду денежная единица. — Пер.), хотя у них было десять писцов, столько

же печатей и вдвое больше свидетелей, в то время как римляне, в качестве чиновников или легатов имевшие дело с большими денежными суммами, вели себя достойно, просто потому, что они давали клятву быть честными. В то время как где-либо еще трудно найти человека, который не касался бы общественных средств, чьи отчетные записи чисты в этом отношении, среди римлян редко встретишь человека, уличенного в нарушениях такого рода».

Известным примером и образчиком такой честности является Катон Старший, хоть он и был скрягой. Цицерон говорил:

«Самый выдающийся человек в стране во время одного из лучших периодов нашей истории считал одной из самых почтенных и прекрасных добродетелей защиту от несправедливости и содержание в достатке подданных и их слуг — иноземные народы, которых приняли в состав Римской империи как друзей. История ведает нам, что этот мудрый и знатный человек, Марк Катон Сапиен, нажил себе много врагов на всю жизнь, защищая несчастных испанцев, среди которых он служил консулом (195 г. до н. э.).

С другой стороны, в I веке до н. э., когда Рим и римляне стали более циничными и хищными, критерий честности и ответственности среди наместников был очень низок. Большинство из них были коррумпированы и ненасытны, они считали годы службы временем для получения крупных нелегальных доходов. Греки и другие, которые, будучи подчиненными этих проконсулов, стояли во главе общин в провинциях, обычно несли это бремя более или менее охотно, так как они были обязаны своим положением Риму и могли переложить большинство расходов на низшие слои населения (см. далее). Их утешала также некомпетентность наместников, никто из которых не оставался на своем посту достаточно долго для того, чтобы ограбление ими подданных зашло достаточно далеко. Тем не менее обычная практика республики, когда считалось, что Италия должна обеспечивать людей и провинции деньгами, обычно интерпретировалась так,

что большая часть излишков дани (налога на землю), которую платили жители провинций, должна оседать в карманах наместников провинций и в меньшей степени их подчиненных.

В течение II и I веков до н. э. власти Рима приняли и детально разработали законы, направленные на ограничение и контроль над правонарушениями наместников в провинциях. Но учрежденный таким образом суд по делам о вымогательстве был чаще всего полностью недееспособным в результате взяточничества, и Цицерон, смело нападая на одного из самых нечистых на руку и самых защищенных наместников Верреса (наместник в Сицилии, 70 г. до н. э.), сожалел о том, что престиж института наместников упал в глазах жителей провинций:

«Я утверждаюсь в мысли о том, что в один из этих дней общины провинций пошлют депутации народу Рима с просьбами о том, чтобы закон о вымогательстве и суд по делам о вымогательстве прекратили свое действие. Если бы подобного суда не существовало, каждый наместник брал бы столько, сколько хватило бы для него и его детей. В настоящее время, с другой стороны, пока суды остаются такими, какие они есть, наместник берет для себя, для своих покровителей, для своего адвоката, и для председателя суда, и для судей! Другими словами, этому не видно конца. Можно удовлетворить страсть жадного человека к наживе, но нельзя позволить виновному уйти от ответственности. Какую великую славу обрели наши суды, каким высоким стал престиж звания сенаторов, если союзники Рима умоляют, чтобы суды, которые наши предки создавали для защиты своих интересов, должны перестать существовать!»

Возможно, Цицерон в этой яркой речи, которая так подняла его репутацию (и послужила образцом для судебного преследования Берком Уоррена Гастингса), несколько преувеличивает ошеломляющий список преступлений, приписываемых Верресу. Но поскольку это сделали, становится ясно, что многие наместники вели себя недостойно — при деятельном или

бездеятельном попустительстве лидеров республиканского Рима, которые иногда решали, что обычный срок пребывания у должности (один год) должен быть продлен.

Жители провинций страдали также от действий римских финансовых деятелей, которые принадлежали (или находились в зависимости) к сословию всадников (см. ранее). В очень богатой провинции Азия корпорации, во главе которых стояли всадники, имевшие своих курьеров, банки, возможно, даже акционеров, были уполномочены властями Рима собирать налоги. Как и при предыдущем режиме царей Пергама, основной налог составлял десять процентов от всей продукции сельского хозяйства. Корпорации сборщиков налогов согласовывали с правительством Рима размер налогов за 5 лет, и удачливые подрядчики гарантировали передать в казну оговоренную сумму. То, что они собирали сверх того, составляло размер их прибыли. Само государство не могло собрать таких денег, так как не было государственного ведомства, способного это сделать, но, если собирать налоги с земледельцев отправлялись делегации из Рима, это неизбежно приводило к произволу и вымогательству. Членам сената официально запрещалось принимать активное участие в подобных финансовых операциях. Однако когда Цицерон был наместником в Киликии, он обнаружил, что благородный сенатор-стоик Брут, человек, который, как утверждал Шекспир, был выше того, чтобы вырывать «из грубых рук крестьян их никчемный хлам», собирал с жителей Кипра дополнительно 49 % от налога в свой личный доход и хотел, чтобы эти деньги отнимались силой, с помощью кровопролития. Цицерон был шокирован и написал письмо с выражением стыда своему другу Аттику, который сам был крупным финансистом и настоятельно просил Цицерона помогать Бруту.

Цицерон был нерешительным, застенчивым человеком, но этот случай настолько потряс его, что он проявил непреклонность, и сделал он это следующим образом. Он придерживался своего собственного образа действий, будучи наместником в Киликии, территория которой в

то время вдавалась далеко в глубь Малой Азии. Он напряженно работал, стремился обеспечить общественную безопасность, воевал с некоторыми племенами, почти не добываясь при этом славы полководца, и, в отличие от многих других, мог утверждать, что не получил никаких нечестных доходов за счет своей провинции. Единственный источник его дохода, который считался вполне законным, составляла выручка от продажи по завышенным ценам большого количества зерна, которое наместникам разрешалось реквизировать якобы для их собственного стола. Даже эти доходы, возможно, не делающие чести, но оправданные с точки зрения бережливости, Цицерон потерял, как только началась гражданская война, когда Помпей прибрал их к рукам. Цицерон также не пожелал помогать Целию Руфу, светскому молодому человеку, который был политическим информатором Цицерона в Риме. Цицерон не предоставил ему ни леопардов для предвыборного шоу, ни финансовых средств за счет жителей своей провинции. Цицерон с присущим ему тщеславием, человеческим желанием покритиковать своего предшественника и искренним гуманизмом описывает ситуацию в его провинции Киликия в письме Аттику:

«Итак, я сижу на шоссе и пишу тебе краткий обзор того, что требует подробного описания. Ты, должно быть, знаешь, что моего прибытия очень ждали в этой провинции, которая пребывает в состоянии длительного запустения и разорения. Я приехал сюда 31 июля. Я пробыл три дня в Лаодикее, три дня в Апамее и столько же — в Синнаде. Везде я слышал одну и ту же историю. Люди не могли платить налогов: их заставляли распродавать их одежду; стоны и рыдания в городах и ужасные поступки того, кто больше походит на дикое животное, чем на человека. Все люди, как ты можешь догадаться, устали от жизни. Так или иначе, участь бедных городов облегчается тем, что им не придется ничего тратить на меня, моих легатов, на квестора или на кого бы то ни было еще. Ты должен знать, что я не только отказался принять плату, которая является законным доходом с точки зрения юли-

анского права, но и что никто из нас не возьмет дров и вообще чего-либо, кроме четырех кроватей и крыши над головой. А во многих местах мы не принимаем даже крыши над головой, оставаясь в основном в палатках. Было странно видеть, как толпы людей из деревень, усадеб, из каждого крестьянского двора собирались для того, чтобы встретить меня. Честное слово, уже сам мой приезд, кажется, оживил их. Твой друг Цицерон завоевал все сердца своей справедливостью, сдержанностью и добрым отношением».

Даже Цицерон тем не менее оказывал всем знаки внимания в значительной степени из-за того, что он думал о своей политической карьере в Риме. Свою службу в качестве наместника он считал досадной и неуместной помехой этой карьере. Однако стремление некоторых похожих на него людей честно осуществлять управление вселяло надежды на будущее.

В эпоху поздней республики наместники изменились к худшему; со времени правления Августа включительно они в большинстве своем стали добросовестно относиться к обязанностям. Когда Тиберий говорил им, что «хороший пастух стрижет своих овец, а не сдирает с них шкуру», он приказывал им продолжать то, что в обязательном порядке стало практиковаться с начала эпохи принципата. При системе, которую создал Август, старших сенаторов, которые отслужили консулами или преторами, заботливо опекали и избирали на должности наместников в провинциях. Они мошенничали уже не так много, как раньше. Африка и Азия были самыми важными «сенаторскими» провинциями, во главе которых стояли проконсулы, срок службы которых составлял один год. Но сам Август по просьбе сената (и, возможно, это было подкреплено законом народного собрания) на временной основе, которая фактически стала постоянной, как верховный правитель стал лично управлять ключевыми с военной точки зрения провинциями. Сюда входила Испания и пограничные районы по Рейну, Дунаю и Евфрату. Следуя практике наместничеств *in absentia* — «в отсутствие» (именно так Помпей управлял Испанией) —

в эпоху поздней республики, Август управлял своими провинциями с помощью легатов, которые, как и проконсулы, имели высокие сенаторские звания, но, в отличие от них, часто исполняли свои обязанности в течение нескольких лет.

Август усилил администрацию провинций, реорганизовав институт всадников. Доступ туда был по-прежнему открыт только зажиточным людям, как и в сенат, хотя имущественный ценз был ниже, чем для членов сената. Август использовал всадников для того, чтобы составить ядро новой гражданской службы империи, которая действовала параллельно и дополняла традиционные функции сенаторских должностей. Он посылал всадников в провинции в качестве своих личных представителей (прокураторов), которые занимались сбором налогов и выполняли другие обязанности финансового характера под его пристальным наблюдением. Им также давали нечто вроде «лакомых кусочков» в виде должностей наместников небольших провинций (особенно Иудеи, когда она стала владением Рима — см. далее), а также одной большой провинции — богатой территории Египта, которая после того, как ее отвоевали у Клеопатры, осталась в ведении лично императора. Император назначал туда префекта, также избранного из числа всадников.

Что римляне думали о людях, которыми они управляли?

Ксенофобия не была широко распространена в Римской империи. Следует сказать, что те люди, которые выучили греческий язык или латынь и в достаточной степени адаптировались в условиях господствующей культуры для того, чтобы принимать участие в повседневной деятельности, могли добиться успеха. Подтверждением тому служит длинный список императоров неитальянского происхождения. Первым из них был Траян, чьи предки-римляне поселились в Испании и ассимилировались с испанцами. Список правителей-

иностранцев продолжает его соотечественник Адриан, Антоний Пий, чьи предки вели свое происхождение из Галлии, Септимий Север, житель Северной Африки, женатый на сирийке, и Элагабал, который сам был сирийцем. Далее следовали императоры — выходцы из Фракии, из Аравии и из провинций Иллирии, границами которых являлись Дунай и Далматинское побережье. Но даже до появления императоров, которые были выходцами из провинций, многие другие политические и военные деятели происходили из провинций. Так, родиной главного советника Цезаря Бальбы был полусемитский Гадес (Кадис) в Испании, в котором, как говорили, живет больше богачей, чем в любом другом городе империи, за исключением Патавии (Падуи); римский всадник Теофан, историк Помпея, был из Митилены, а его внук К. Помпей Мацер стал сенатором при Тиберии; главные секретари Клавдия и Нерона были азиатами; Тиберий Юлий Александр, префект Египта при Нероне и Веспасиане, был евреем, отрекшимся от веры; командир гвардии Домициана Криспин был египтянином; командиры легионов вели свое происхождение из Галлии и других провинций, один из самых значительных генералов Траяна Люсий Квит был бербером.

В 48 году н. э. Клавдий обратился к сенату с предложением включить в его состав вождей галльских племен. Его речь, помимо неполного ее изложения Тацитом, сохранилась в дословном варианте в Лионе. С присущими ему практичностью и знанием древних традиций он указывает на то, что подобная восприимчивость присутствовала в истории Рима с самого ее начала. В поддержку этого тезиса он ссылается не только на Юлия Цезаря, который сам принял в сенат некоторых представителей галльской аристократии (возможно, римского происхождения), но и на легендарных или полуполулегендарных царей Рима — Нуму Помпилия, который считается не римлянином, а сабином, Тарквиния Приска, чей отец иммигрировал из Коринфа в Этрурию, и Сервия Туллия, сына рабыни или беглой рабыни из той же местности. Многие

величайшие писатели, творившие на латинском языке, также имели неитальянское происхождение, и лучшие образцы «римской» скульптуры, архитектуры и живописи также были созданы руками неримлян: самая известная школа скульптуры в империи находилась в Афродизии на юго-западе Малой Азии, а самым знаменитым архитектором, строившим здания в метрополии, был Аполлодор, грек, или, скорее всего, эллинизированный сириец из Дамаска.

Однако за этими впечатляющими примерами интернационализма скрывались серьезные расовые трения. Наиболее значительными из них, поскольку они касались двух основополагающих наций, от сотрудничества которых зависела целостность всего здания империи, были трения между римлянами и греками. Психологи могли бы охарактеризовать отношение римлян к грекам — их соседям и подданным — как проявление чувства «любви-ненависти». С одной стороны, образованные римляне испытывали чувство пылкого восхищения греческой культурой и страдали от собственного комплекса неполноценности, сравнивая себя с ее носителями. С другой стороны, многие из римлян с подозрением относились к божественной гениальности, присущей греческой культуре, и питали стойкую неприязнь к современным грекам, которые казались им легкомысленными, порочными и беспринципными. Уже во II веке до н. э. римляне испытывали подобные чувства во всех их проявлениях. Римское общество прошло весь путь — от сентиментального «освобождения» Греции в 194 году до н. э. грекофилом Фламинином (фото 5а) до все растущей нетерпимости, проявившейся в роспуске Ахейской лиги и разграблении Коринфа (146 г. до н. э.). В конце этого периода римское общество стало свидетелем серьезных разногласий на почве культуры между последователями Катона Старшего, который, несмотря на то что заимствовал многое из литературы Греции, тем не менее высказывался за сохранение «чистой» итальянской, исходной, западной традиции в литературе, и Сципионом Эмилином, со-

бравшим вокруг себя ведущих греческих мыслителей того времени, например историка Полибия и философа-стоика Панетия.

Эти противоположные друг другу тенденции могли сосуществовать в мировоззрении одного и того же человека, гражданина Рима. Например, можно их увидеть в мировоззрении Цицерона. У него они соответствовали его двум величайшим дарованиям — таланту к усердной популяризации греческой философии и любви к римскому ораторскому искусству. Хотя было бы чрезмерным упрощением сказать, что, когда Цицерон философствовал, он был поклонником греков, а когда произносил речь — противником. Истина скорее в том, что он был поклонником или противником греков в соответствии с тем, как того требовал каждый конкретный случай, те взгляды, которые он в тот или иной момент отстаивал. Например, когда он проводил кампанию против Верреса, он боялся, что из-за поддержки им угнетенных греков Сицилии он может показаться слишком прогречески настроенным римской публике. Поэтому он тщательно имитирует полное незнание произведений греческого искусства, которые, как он утверждает, были украдены Верресом.

«Одной из них была мраморная статуя Купидона работы Праксителя, — ты понимаешь, что имя скульптора я узнал в ходе расследования, которое я проводил в качестве обвинителя... Другие статуи назывались «Несущие корзины», а скульптор — как его там? Как его звали? Ах да, спасибо — Поликлет... Действительно, удивительно, как греки восторгаются теми вещами, о которых римляне так мало думают».

И это говорил человек, который с увлечением коллекционировал образцы греческой скульптуры! Действительно, в других речах Цицерон, должно быть, внушал своим слушателям сочувствие по отношению к своим подданным-грекам, жившим на Сицилии, которых угнетал римский наместник Веррес. Но он говорил об этом как-то намеками — он утверждал, что они хорошие, трудолюбивые люди, в отличие от остальных греков.

Но Цицерон предстает перед нами совсем другим, уважающим греков, восемь лет спустя, когда его задачей являлось отстаивать заявку на предоставление римского гражданства Архию, поэту из Антиохии, который был либо греком, либо наполовину греком, наполовину сирийцем. По этому поводу велись споры. Записанный вариант речи в том виде, в каком он дошел до нас, как и Vergines, является более полным по сравнению с той речью, которую он на самом деле произносил. В речи Цицерон блестяще восхваляет профессию деятеля «свободных искусств». Слушатели Цицерона воспринимали эту профессию как исключительно греческую. Представителем этой профессии и был подзащитный Цицерона.

«Если кто-либо думает, что те, кто пишет стихи на греческом, снискали себе меньшую славу, чем поэты, пишущие на латыни, он совершенно не прав. Греческую литературу читают все нации под небесами, в то время как слава латинской литературы не выходит за пределы границ Рима, а они, надо признать, тесны».

Тем не менее проблема состояла обычно в том, что греки, с которыми имел дело Цицерон, за исключением горстки образованных людей или преданных помощников, к сожалению, не могли соответствовать портрету идеального эллина, к которому он питал такие пылкие чувства. Это стало очевидным, когда в 59 году до н. э. он произнес речь в защиту Луция Валерия Флакка, наместника в Азии, которого обвиняли в ограблении жителей провинции, точнее говоря, наиболее влиятельных граждан греческих городов. Принимая во внимание элемент преувеличения (дискредитация свидетельских показаний была профессиональным долгом Цицерона), мы не можем не заметить удовольствие Цицерона, когда он резко нападает на характер греков, хотя сам он и воздерживался от подобного ограбления подданных.

«Вот что я могу сказать о нации греков в целом. Я признаю их литературу, я признаю знание ими многих наук и искусств, я не отрицаю очарования их ре-

чи, живости их ума и богатства их языка; в конечном итоге, если они претендуют на что-то еще, я этого не отрицаю. Но эта нация никогда не ценила правдивость и честность в процессе дачи свидетельских показаний: они не осознают значения, важности и ценности всей этой процедуры. Откуда пошло высказывание «Дай показания в мою пользу, и я сделаю то же самое для тебя»? Ведь не считается, что оно галльское, не так ли? или испанское? Оно настолько греческое, что даже те, кто не понимает греческого языка, знают греческие слова в этом выражении.

...И греки никогда не утруждают себя доказательством того, что они говорят. В своих речах они лишь кичатся собой. Свидетель-грек дает показания с целью навредить, он думает не о значении своей присяги, а о словах, которые могут причинить боль. Он считает позором проиграть спор, быть опровергнутым, побежденным в споре. Он защищает себя от этого, и больше его ничего не интересует. Поэтому выбранные свидетели в каждом конкретном случае — это не лучшие и наиболее влиятельные люди, а самые наглые и самые болтливые».

Это презрение и недоверие Цицерона к грекам вряд ли смягчалось тем, что он время от времени утверждал, что эти чувства распространяются только на греков Малой Азии (или на жителей Азии с частично греческой кровью, подвергнувшихся влиянию эллинистической культуры) и что у себя на родине греки лучше. Это разграничение, а также общий подъем антигреческих настроений в Риме были вызваны событием, сильно шокировавшим римлян, — резней итальянцев, спровоцированной правительствами греческих городов-государств в Азии (88 г. до н. э.) по «заказу» эллинизированного иранского Митридата VI, царя Понта (фото 5а). Возможно, что греки, опасаясь последствий, не хотели исполнять «заказ» — в Траллах наняли коренных жителей Азии, которые сделали это за них, — однако во многих городах, включая Эфес и Пергам, итальянских поселенцев вывели из храмов и жестоко убили. По со-

временным самым скромным расчетам, число убитых составило 80 000 человек. Еще одной причиной того, что законопослушные римляне испытывали отвращение к грекам и эллинизированным жителям Азии, было разного рода сотрудничество последних с пиратами, которые наводняли Средиземное море до тех пор, пока Помпей, а затем Август не ликвидировали их. Например, Атталей и Сайда на южном побережье Малой Азии не скрывали своего союза с пиратами. Сайда, как и остров Делос, была крупным центром работорговли, куда пираты свозили своих пленников.

Таким образом, многочисленные работы Цицерона содержат очень много пренебрежительных замечаний в адрес греков, культурой которых он так восхищался. Подобная же двойственность прослеживается в политике Августа, который умышленно поставил Италию в привилегированное положение по сравнению с провинциями и в то же время построил для бога Аполлона, заимствованного у греков, великолепный храм на холме Палатин. Храм символизировал стремление императора возродить в обычаях Рима классическую эллинистическую культуру. Лукреций и Цицерон считали своим патриотическим долгом сделать лучшие произведения греческой философии доступными для римлян и таким образом «освободить» Рим от Греции. Подобным же образом Гораций, следуя в направлении, заданном Августом, провозгласил своей задачей и привилегией воссоздать в себе и в культуре Рима греческого поэта Алкея. Императоры Нерон и Адриан не скрывали своего грекофильства: Нерон повторил жест Фламинина и освободил Грецию, а Адриан осыпал своей благосклонностью греков и их культурные введения. Однако за несколько лет до начала правления Адриана, в годы Траяна, римлянина до мозга костей, сатирик Ювенал выразил антигреческие настроения, которые существовали в Риме в течение долгого времени, с тех пор, когда начались контакты между двумя этими народами. Ювенал осуществляет язвительные нападки на греков, которые появлялись в столице:

...готовы, как черви, вползти
В большие дома и стать их хозяевами.
Живой ум, бесстыдная наглость,
Всегда готова речь, еще многословнее, чем речи Исея —
Скажи, как ты думаешь, кто этот человек?
Он приносит с собой любой характер, какой ты только
пожелаешь,
Все науки, которые знает изголодавшийся грек.
Попроси его подняться на небо — он взберется на небо...
Стоит тебе засмеяться —
У твоего грека начнутся конвульсии от громкого хохота,
Он плачет, если видит слезы в глазах друга,
Однако не чувствует скорби...
Днем и ночью он готов бросать взгляды
На лицо другого человека;
Готов взмахнуть руками и начать аплодировать,
Если его друга удачно вырвало, если он извергнул
Отличную, прямую струю или если его золотая чаша
Опрокидывается и осушается со звонким причмокиванием.
Кроме того, для него нет ничего святого,
Никто не может уберечься от его похоти —
Ни мать семейства,
Ни девица-дочка, ни даже
Все еще безбородый зять, ни сын
Не останутся невинными. Или, за неимением этого,
Он совертит бабушку своего друга.

И даже неотесанный итальянский крестьянин, утверждает Ювенал, теперь подражает грекам: «надевает пижонские греческие сандалии и украшает свою смазанную воском шею наградными медальонами». Влиятельным грекам было неудобно осознавать, что о них думают римляне.

Однако ни Рим, ни Греция в конечном итоге не могли подчинить друг друга. Расхождение двух основополагающих культур Средиземноморья осталось существенным, и отсутствие единства, порожденное этим расхождением, привело в конце концов к расколу империи.

В более поздние времена расхождение обусловило, в свою очередь, извечные трения между хорватами и сербами, поляками и русскими и вызвало к

жизни постоянный, основополагающий раскол между Римской католической церковью — латинской формой христианства, с которой оно начиналось, и греческим православием.

Если оценка по достоинству греков римлянами оставляла желать лучшего, то взаимоотношения между Римом и местными, «варварскими» народами Малой Азии, Сирии и Египта находились в зачаточном состоянии. Римляне узнали об этих народах от греков, под властью которых были города и которые по уровню своей цивилизованности превосходили эти страны. Живший при Августе географ, Страбон из понтийской Амасии, предположил, что этнические барьеры между народами Малой Азии постепенно исчезали, не было также сомнений в том, что греческие общины полуострова ассимилировались с этими народами. Некоторые греки, в особенности Дион Хризостом из Прусы, узрели в этом расовую угрозу эллинизму. Цицерон записал услышанные им пренебрежительные высказывания по отношению к народам, населявшим внутренние районы провинции Азия. «Он низший из мизийцев» — то есть из низших. «Если вам нужно во время какого-либо эксперимента рисковать чьей-то жизнью, воспользуйтесь карийцем» (это было старо — в духе Платона). «Фригиец становится лучше под воздействием порки».

Кроме того, роли рабов в греческих комедиях исполняли лидийцы. Это становилось все более характерным в период Римской империи, так как очень значительная часть рабов, населявших Рим, были выходцами из Малой Азии. Вследствие этого немало азиатов было и среди вольноотпущенников, многочисленного нового среднего класса в Риме. Это видно из романа Петрония «Сатирикон». Один из его героев Тримальхион и его друзья были выходцами из Азии. Поэтому, как и следовало ожидать, этот великий наплыв азиатов, результатом которого было то, что значительная часть населения Рима были уроженцами Анатолии, нашел отклик в произведениях

Цицерона, где он обвиняет азиатов в легкомыслии, жадности и ненадежности.

Значительную часть рабов в Риме составляли также сирийцы. Они были достаточно умны и энергичны для того, чтобы пополнять число вольноотпущенников и вольноотпущенниц. Сирийское население Рима подвергалось нападкам Ювенала, который был ненавистником иностранцев:

Уже давно в Тибр
Стали течь воды сирийского Оронта,
Принеся с собой язык и традиции,
Флейту и арфу с косыми струнами,
А также чужестранные барабаны и девушек, чья профессия —
Торговать собой у входа в амфитеатр.

Но более всего Ювенал презирал египтян. Эта ненависть объясняется тем, что он одно время жил в этой стране и был там несчастен. Его пятнадцатая по счету сатира описывает якобы произошедший недавно случай жестокого убийства и каннибализма, вызванного фанатичными, религиозными чувствами, которые обычно приписывали египтянам. Ювенал имеет в виду то, что в среде этого народа варварство всегда довлеет над цивилизованностью; он ненавидел египтян за то, что, по его мнению, для них было характерно парадоксальное сочетание слабости и жестокости, которое, как он думал, заставляло их поклоняться животным и убивать людей, воздерживаться от употребления в пищу овощей и поедать человеческое мясо. Благодаря знаменитой египетской школе портретистов до нас дошли относящиеся к рассматриваемому периоду отчетливые изображения разных типов лиц (фото 8б, 9а, 9в). В целом мы, однако, не можем сказать, были ли люди, изображенные на футлярах для мумий, греками или египтянами; в большинстве своем они являются представителями высшего класса, которые явно испытали греческое влияние, на них надежды греческие, а не египетские украшения — смешение разных национальностей происходило здесь издавна, в течение долгого времени.

На некоторых из этих портретов, нарисованных на футлярах для мумий, изображены темные, негроидного типа люди. Александрийские скульпторы в течение последних нескольких веков до наступления новой эры культивировали особую моду к достаточно сентиментальному и вычурному, не лишённому привлекательности изображению негров (фото 9г). Подобные изображения привлекали художников тем, что они предоставляли возможность выразить тончайший психологизм и предельный, иногда гротескный натурализм. В основном изображались грациозные юноши — например, меланхолично поющие рабы. Однако изобразительное искусство эпохи Адриана было представлено портретами не только рабов, но и более высокопоставленных людей, возможно приезжих начальников. Тем не менее в литературе (за исключением двух карфагенских поэм, восхваляющих чернокожего охотника Олимпа, как правило, чувствуется презрительное к ним отношение. Свободно использовались термины «мавр» и «эфиоп». Но настоящие мавры были берберами, в жилах которых было мало либо вообще не было негритянской крови. Одним из них был консул Траяна в Ливии и командир кавалерии Люсий Квит, которому было поручено подавить восстания в Иудее (116—117 гг. н. э.) и который был казнен при Адриане в 118 году н. э.).

Презрительное отношение к небелым людям в особенности характерно для сатириков, например Марциала и Ювенала, которые намекают на то, что таких людей необходимо использовать в Риме в утилитарных, безнравственных целях. Ювенал утверждает, что встретить негра ночью считается дурным предзнаменованием; он также описывает званый обед, во время которого хозяйина и важных гостей обслуживала статная рабыня-азиатка, а бедных гостей — рабыня-негритянка. В более ранней гастрономической поэме «Салат» («Moretum»), автор которой нам неизвестен, содержится описание такой девушки:

В те времена, когда он взывал к Сцибалу,
Она была его единственной рабыней, африканкой;
Вот что говорит о том, кем она была

И где родилась: кудрявые волосы; полные губы;
Цвет кожи — смуглый; широкогрудая, с низкими
Грудями, живот ее какой-то исхудавший;
Тонкие ноги, ступни большие и широкие. Ее пятки с грубой
кожей
Были покрыты множеством трещинок...

Римляне переняли манеру изображения негров в литературе и скульптуре у писателей и художников Александрии. Но если значительную часть населения Египта, как и сейчас, скорее всего, составляли негры, то не менее седьмой части населения этой страны в эпоху Древнего Рима были иудеями. Крайне враждебные отношения между этими иудеями и египетскими греками в конечном итоге ввергли иудеев в серьезные расовые конфликты и с римлянами. Когда Помпей завоевал Иерусалим в 63 году до н. э., его вход в святая святых — поругание чувств иудеев — был ярким предзнаменованием отвратительных отношений между двумя нациями, которые в течение двух последующих столетий лишь усугублялись. Неприязнь римлян вызывало то, что иудеи были не похожи на них; иудеи были единственными в Палестине и на Ближнем Востоке, кто отказался принять отношения международного космополитизма, преобладающие в Римской империи. Это было похоже на обстановку, складывающуюся в современных еврейских поселениях, которые представляют собой инородные группировки в национальных государствах. В 139 году до н. э. иудеев выдворили из Рима, возможно за попытки обращения римлян в свою веру. В 59 году до н. э. Цицерон анализирует, почему терпение римлян может лопнуть и лопнет:

«Даже тогда, когда Иерусалим стоял и у нас был мир с иудеями, их священные обряды шли вразрез со славой нашей империи, честью нашего имени и обычаями наших предков. Теперь это проявляется в гораздо большей степени, когда своим вооруженным сопротивлением этот народ показал, что думает о нашем правлении. То, что мы покорили этот народ, обложи-

ли налогами, превратили в рабов, свидетельствует о том, как нужно это было бессмертным богам».

Однако Помпей и Август, даже если они и проводили свою политику по отношению к Иудее без присущих им тщательности и мастерства, сохраняли терпимость к иудейской религии. Тиберий предпринял жестокую карательную акцию (он выдворил иудеев из Италии и отправил четыре тысячи человек на охваченную волнениями Сардинию для того, чтобы они составили ядро военной полиции), которая была вызвана тем, что кто-то из иудеев якобы пытался обманом вымогать деньги у знатной римлянки. Но больше всего беспокойства в Средиземноморье вызывала Александрия, где иудейский квартал примыкал к кварталу дворцов. Возможно, из семи или восьми миллионов иудеев во всех странах за пределами Палестины не менее миллиона жили в Египте, многие из них были потомками людей, поселившихся здесь при Александре Македонском и Птолемеи I, — бывших солдат, которые тогда еще не были торговцами и финансистами. Иудеи и греки в Египте испытывали друг к другу сильную враждебность — возможно, именно здесь были самые серьезные межнациональные трения в империи. Зародившийся по крайней мере уже в первые годы III столетия до н. э. языческий антисемитизм был следствием кастовости иудеев, а позже — чувства возмущения горожан-греков народом, не желавшим делиться с ними своими социальными благами и развлечениями. С другой стороны, изложение еврейского вопроса в этой связи мы находим у Филона Александрийского и проримски настроенного фарисея Иосифа.

В течение некоторого времени у иудеев было подконтрольное им государство в Палестине — при Ироде Великом (43—4 гг. до н. э.), в последние годы правления которого родился Иисус (а не в I г. н. э., как вычислили средневековые теологи), и затем снова при Архелae (4 г. до н. э. — 6 г. н. э.). Пока иудеи таким образом пользовались самоуправлением, римлянам казалось, что, если удастся сохранить такое положение, иудеи будут достав-

лять меньше беспокойства, нежели греки, и с большей готовностью станут поддерживать власть. Поэтому Август держал в ежовых рукавицах александрийских греков, но подтвердил привилегии иудеев. Но ошибки, допущенные при наместнике Тиберия Понтии Пилате, привели к резне самаритян на горе Геризим, и, когда во время активной стадии восстания в Александрии при Калигуле (38 г. н. э.) имевший ужасные последствия визит популярного, честолюбивого, сумасбродного иудейского принца Агриппы I окончился погромом, римский префект в Египте Аул Авиллий Флакк решил возложить вину на иудеев и поддержать греков в их противостоянии иудеям. В то же время в Антиохии также происходило нечто вроде греко-иудейской войны. Так или иначе, решение Калигулы воздвигнуть свою статую в Иерусалимском храме, к счастью для сохранения мира, не было претворено в жизнь из-за его смерти. О том, что Клавдий пересмотрел антииудейскую политику Калигулы, свидетельствуют его эдикты (записанные Иосифом), в которых император выказывает неудовольствие грекам Александрии из-за их упорного антисемитизма. Здесь же он делает предостережение после восстания, которое началось вскоре после его восшествия на престол:

«Что же касается вашей ссоры, или отсутствия мира, или, если я буду говорить прямо, вашей войны с иудеями, пока вы не хотите глубоко осознать ответственность за это, я накопил внутри себя неукротимый гнев на тех, кто продолжает беспорядки. Я говорю вам откровенно — если вы не прекратите эту самоубийственную и фанатическую перебранку между собой, я буду вынужден показать, как выглядит гуманный правитель, когда он охвачен праведным негодованием».

В 53 году н. э. двое предводителей антисемитского движения, о деяниях которых узнал Клавдий, были казнены — и причислены к лику святых как мученики-антисемиты, боровшиеся за свой народ. Однако этот же император ускорил разрыв отношений римлян и евреев в будущем, аннексировав Иудею после смерти ее правителя Агриппы I в 44 году н. э., которого

сам и посадил предусмотрительно на трон тремя годами ранее.

Впоследствии римские наместники (в этой провинции они состояли в звании всадников, а не сенаторов) часто не могли скрывать антипатии к своим подданным; при них власть Рима проявила свою крайнюю бесцеремонность. Необходимость платить дань приводила иудеев в бешенство. Вид римского гарнизона на башне Антония, возвышающейся над Храмом, был им отвратителен. То, что облачение первосвященника было в руках римлян и что римские наместники могли вмешиваться в дела судов, воспринималось иудеями как оскорбление. Последовали три продолжительных восстания, сопровождавшиеся ужасной бойней и жестокостью — в 66—70, 115—116 и 132—135 годах н. э. Во время первого из этих восстаний, предводители которого (как и предводители второго) чеканили собственные деньги (фото 5б), как утверждают, миллион иудеев погибли после того, как Тит осадил и разрушил Иерусалим (70 г. н. э., фото 18г). Описание этого есть у Иосифа, который встал на сторону римлян в их борьбе против фанатичных зилотских предводителей своих соотечественников. В ходе двух последующих восстаний, причиной которых стали соответственно греко-иудейские столкновения и основание Адрианом римской колонии на том месте, где стоял Иерусалим, иудеи Кирены, Египта и Кипра поддерживали своих соотечественников.

То, что у обеих враждующих сторон начисто отсутствовало взаимопонимание, находит свое отражение в начале II века н. э. у Тацита. Несмотря на то что он знал об иудеях больше, чем любой другой римский писатель (возможно, за исключением Ювенала), его обзор истории иудеев и их институтов совершенно неадекватен. Он описывает большинство их обычаев как «низменные и отвратительные, долговечные благодаря безнравственности евреев... образ жизни евреев абсурден и убог». Вскоре после этого, вслед за третьим по счету восстанием и уничтожением иудейского нацио-

нального государства, Адриан ввел суровое уголовное законодательство, запрещающее обрезание, но оно утратило силу при Антонине Пие. С этого времени к иудеям относились терпимо. Но грекам они никогда не нравились, и потоку иудейской апокалиптической литературы, значительная часть которой была направлена против греков, противопоставлялись папирусы, содержащие «Языческие акты мучеников». В дошедших до нас фрагментах этого произведения, которое создавалось на протяжении правления нескольких императоров, греки Александрии чередуют свои нападки на Рим со злобным поношением иудеев, якобы вызванным тем, что последние оказывали решающее влияние на императора. Многие языческие секты также были в это время явно антисемитскими, секты дуалистического направления отождествляли «проклятого бога евреев» с силами зла — с Сатурном и дьяволом.

Что же касается менее цивилизованных коренных народов Европы, мнение римлян о них (не принимая во внимание жестокость по отношению к ним во время военных действий) было лучше. Народы западных провинций постепенно романизовались, и редкие ехидные насмешки по поводу галльских штанов, раздававшиеся в столице и в сенате, несущественны по сравнению с общей дальновидной доброжелательностью Рима в отношении наиболее прогрессивных общественных слоев этих народностей. С теми же коренными народами Европы, которые отвергали возможность романизации, сосуществовать было невозможно. Географ Страбон, живший при Августе, сам являвшийся греком из Азии, почти не сочувствовал побежденным и обращенным в рабство повстанцам с Корсики и считал их удивительно звероподобными. К тому же он сетует на то, что они или жестоки, как дикие звери, или ручные, как овечки. Кто-то из них умирает в неволе. «Остальные настолько апатичны и тупы, что их разозленные покупатели, хотя и приобрели их за бесценок,

сожалеют о своей покупке». Страбона также шокировало (но не произвело впечатления) то, что кантабрийские повстанцы из Северной Испании, «будучи распятыми после того, как попали в плен, продолжали издавать боевой победный клич, вися на кресте». Юлий Цезарь, несмотря на то что он был предусмотрительно милостив по отношению к гражданам Рима, не имел себе равных в жестокости по отношению к своим галльским врагам, хотя он и старался, как и должно талантливому военачальнику, понять их образ мысли.

Но интерес римлян к бесчисленным, загадочным народам по ту сторону западной границы усилился ближе к концу I столетия н. э. На колоннах Траяна (фото 19а-б) и Марка Аврелия (фото 20а-б) мы видим живо, драматично изображенные, четко дифференцированные типы варваров. Такого же совершенства добились в III веке до н. э. скульпторы Пергама в изображении галлов, вторгшихся в Малую Азию. Ко времени правления Траяна народы, жившие за Рейном и Дунаем, уже были подробно описаны в этнологическом исследовании Тацита «Германия» (98 г. н. э.). Утвердились каноны этнологического обзора, основоположниками которого были греки-ионийцы, например Гекатей Милетский (500 г. до н. э.). Посидоний в I веке до н. э. привел много информации об Испании, и его данные использовал Страбон, который отметил, что римляне, считавшие географию трудной для понимания, мало сделали для того, чтобы дополнить подобные греческие источники. Тацит, в свою очередь, во многом обязан Плинию Старшему, человеку с энциклопедическими знаниями (ум. в 79 г. н. э.), но, поскольку он не добавляет большого количества новой информации, его отношение к германцам своеобразно, хотя и достойно упоминания. Как и следовало ожидать, он подчеркивает их «благородное варварство», описывая только те их качества, которые походили на простые, суровые обычаи ранних римлян. Это объясняется тем, что, создавая свое произведение в то время, когда Траян командовал войсками на Рейне и вскоре соби-

рался сражаться по ту сторону Дуная, Тацит считает германцев, которых римляне не смогли завоевать даже по прошествии более чем двух столетий со времени побед Мария, самыми заклятыми врагами своей страны, гораздо более опасными, чем азиаты-парфяне, которых поэты эпохи Августа считали самыми грозными и коварными из врагов. Еще через три четверти столетия завоевания Римской империи в Германии при Марке Аврелии и его преемниках доказали, что утверждения Тацита были верны. Но Тацит не только идеализирует положительные качества германцев; он пишет и об их пороках — разного рода слабостях и постоянной разобщенности — на это, по его мнению, Рим возлагает большие надежды. «Я молюсь за то, чтобы продолжались долго и оставались присущими разным народам — если не любовь к нам, то, по крайней мере, ненависть друг к другу: с настоящего времени, когда судьбы империи прошли зенит своей славы, удача не может нам дать ничего лучшего, чем разногласия в стане наших врагов».

При таком отношении римлян к другим народам правительству Рима не всегда легко было убедить жителей провинций в том, что власть Рима приносит им пользу. Не было предпринято продуманных действий по романизации культуры греков и других неримских народностей империи; на Востоке этот процесс почти не происходил. Романизация в больших масштабах шла на Западе, однако проводилась она непрямыми, косвенными методами — посредством говорящих на латыни купцов, солдат и переселенцев, которые повсеместно распространяли свое влияние. Кроме того, все в одинаковой степени могли находиться под впечатлением идеи Рима, которая проявлялась в могуществе, праве и мире, присущих имперскому правлению. И тогда, когда преимущества этих проявлений римской идеи не были достаточно очевидны, римское правительство из кожи вон лезло, чтобы объяснить подвластным ему народам, от Португалии до Евфрата и от Британии до Сахары, как хорошо ими управляют.

Важную роль в этом процессе играла валюта империи. Это объясняется тем, что при отсутствии современных средств сообщения единственной разновидностью доступной официальной информации были, по мнению центрального правительства, надписи на монетах, которые в огромном количестве циркулировали по всей империи. Люди могли прочитать надписи на монете империи, либо, если не умели читать, могли увидеть особенности чеканки. Особое внимание уделялось портретам императоров на монетах: они поразительно качественно выполнялись почти во все периоды благополучия (фото 5б, 6а, 6б). Подданные Рима, в отличие от многих греков, живших в предыдущие эпохи, не были настолько утонченны, чтобы обращать внимание на художественность исполнения оборотной стороны их монет. Но этот недостаток восполнялся их интересом к новостям — и не существовало лучшего средства распространения новостей, чем монеты. Вследствие этого в реверс монеты «втискивали» множество новостей. В отличие от современных денежных знаков римская монета одного достоинства на протяжении одного года во время отнюдь не переполненного событиями правления Антонина Пия выпускалась с не менее чем 150 различными вариантами реверса.

Например, одной из причин того, почему жители провинций могли терпимо относиться к римскому правлению, был принесенный римлянами мир; и это демонстрировалось всему миру изображениями на многочисленных монетах. Еще одной популярной тематикой была благотворительность, милость императоров, которая оказывалась вовремя. Так, на монете Тиберия изображено «Восстановление общин Азии» (CIVITATIUS ASIAE RESTITUTIS, фото 5б). Во время правления Тиберия эта провинция пострадала от сильных землетрясений, самое разрушительное из которых произошло в древней столице Креза Сардисе (17 г. н. э.). Император отменил налоги и предоставил большие дотации для восстановления. Иногда подобные воззвания

к народу были представлены в виде персоналий, которые часто были связаны с теми приоритетами, которые исповедовало правительство того или иного императора. Так, изображение на монете эпохи Гальбы с надписью LIBERTAS PUBLICA не только подчеркивает контраст между правящим императором и его предшественником-тираном Нероном, но и указывает на то, что все граждане Рима в частности и население империи вообще обладают полными правами под защитой закона. Еще одной впечатляющей персоналией была Справедливость (*Aequitas*) — этот символ встречается на монетах чаще, чем более нейтральное изображение Правосудия. Появившейся при Гальбе формулировке *Aequitas* с начала III столетия и позднее сопутствовали три образа (фото 6б). Они представлены на золотых, серебряных и бронзовых монетах и подчеркивают честность правительства при соблюдении веса монет и пробы металла — в то время, когда вес монет и проба фактически не соблюдались и когда снижение ценности золота и серебра вскоре спровоцирует серьезный экономический кризис.

Адриан на большой серии монет олицетворяет не только добродетели императора, но и географические реалии — весь мир и каждую отдельно взятую провинцию под властью Рима. Целью этого было напомнить римлянам и их подданным, что он, происходивший из провинции, считал империю не владением Италии, а живым организмом, каждая часть которого существовала сама по себе и пользовалась вниманием императора. Одна из серий монет посвящена визитам этого величайшего императора-путешественника в не менее чем восемнадцать провинций, которые олицетворяют их полные национальные костюмы. Антонин Пий в скором времени пересмотрел эти космополитические взгляды, однако, когда Септимий Север изображает на своих монетах слово AFRICA и, как и раньше, национальный костюм (фото 6б), это обозначает не покоренную провинцию и не просто одну из территорий, от владения которой римляне получают выгоду, а говорит

всему миру, что эта страна, из которой ведет свое происхождение император, пользуется его покровительством — и что провинции могут рассчитывать на то, чтобы к ним относились так же, как и к Италии.

Это — примеры широкомасштабного, длительного, разного по форме самовосхваления во всеуслышание римского правительства на монетах. Вполне естественно, что эта же тематика преобладает и в литературе, так как писатели принадлежали в большинстве своем к правящему классу или зависели от него. Несмотря на то что они могли расходиться, и расходились, во мнении о заслугах императоров (особенно мертвых), писатели эпохи империи почти единодушны, когда они описывают преимущества власти Рима жителям провинций. Характерной в этом отношении является хвалебная песнь *Pax Augusta* (миру, который дал император, причем в представлении римлян победа Рима и поражение противника являлись обязательными условиями мира. — Пер.) Веллея Патеркула, который был не великим писателем, а старшим офицером, преданным Тиберию. Только в устах гения этот несколько избитый жанр мог преобразиться и получить признание. Одним из самых значительных успехов режима империи было то, что он добился абсолютного преклонения перед властью Рима, и это открыто выразил Вергилий:

Другие, без сомнения, лучше отливают бронзу.

Так, что заметно едва уловимое дыхание, ваяют из мрамора

Живые черты лица; а другие говорят

Красноречивее или измеряют

Небесные дорожки лучше нас,

Иль звезд восход; но помни, римлянин,

Управляй людьми по закону, устанавливай

Мир, борись с высокомерными,

Щади смиренных. Это наше вечное искусство.

Однако это, судя по неоднозначному, гуманному мировоззрению и сердцу Вергилия, не является откровенным дифирамбом. Он предупреждает римлян о необходимости быть уверенными в том, что осуществля-

ешь управление благополучно; «Чтобы не забывали» Киплинга вызывает подобные чувства.

Примерно через полтора столетия после Вергилия одно из многих сомнений, мучивших историка Тацита, касалось именно этого: было ли недовольство, которое наверняка испытывали жители провинций, оправданным? Следовательно, существовала потребность убедительно оправдать имперскую политику Рима, которая в год Четырех Императоров (68—70 гг. н. э.) усматривается в действиях Цериалиса, командующего в Галлии и на Рейне, когда он обращается к восставшему и побежденному племени триверов:

«В Галлии всегда были короли и шли войны до тех пор, пока вы не стали подчиняться нашим законам. Несмотря на то что вы часто нас провоцировали, из всех своих преимуществ победителя мы использовали лишь одно — возложили на вас расходы, необходимые для сохранения мира. Поскольку вы не можете сохранить мир между народами без армии, содержать армии без денег, добывать деньги без налогов. Во всем остальном мы равны. Вы часто командуете нашими легионами; вы правите этими и другими провинциями, мы не претендуем на привилегии, мы не изгоняем вас. Вы наравне с нами испытываете на себе добродетели хороших императоров, хоть вы и живете далеко от столицы: жестокие императоры истязают тех, кто находится ближе к ним. Вы переносите неурожайные годы, ливневые дожди и другие стихийные бедствия; точно так же вы переносите странности и алчность ваших правителей. Пороки будут существовать до тех пор, пока существует люди, но эти пороки компенсируются лучшими временами, приходящими им на смену. Вряд ли вы можете надеяться, что обретете умеренного правителя, если вами будут править главари повстанцев Тутор или Классика, или что налоги, необходимые для содержания армий, которые противостоят германцам и бриттам, будут меньше, чем сейчас. Если римляне уйдут — чего Небеса не допустят — чего еще ожидать, кроме всеобщей войны между всеми на-

родами? Удача и порядок, сопутствовавшие нам в течение девятисот лет, позволили создать эту мощную структуру, которую нельзя разрушить, не погубив при этом своих разрушителей».

Такими речами, продолжает историк, Цериалис успокаивал и ободрял тех, к кому он обращался, — они боялись более суровых мер. Вместо того чтобы действовать силой, он вразумительно объясняет им, почему единственной альтернативой правления Рима была анархия. Сам Тацит, хоть он и восхищается военной славой Рима, был приверженцем идей сотрудничества с провинциями, которые Адриан почти преворил в жизнь.

Но в защиту Рима высказывались не только римляне. На востоке, где правящие слои греческого населения были обязаны своим положением власти Рима, не было недостатка в людях, которые вели пропаганду в пользу правящего режима, включая величайших ораторов, писателей и философов того времени. В соответствии с традициями эллинизма их изложение и аргументы выдержаны в более возвышенном и академичном стиле, чем у Цериалиса, хотя тематика их такая же. В том же духе, как раньше и Эпиктет, известный философ Элий Аристид из Малой Азии восхваляет Рим времени правления Антонина Пия следующим образом:

«Теперь все греческие города преуспевают под вашим руководством, а все их нововведения и удобства, памятники, которые в них открываются, прекрасные предместья говорят в вашу честь. В прибрежных и глубинных районах страны появилось много городов — некоторые из них вновь основаны, остальные посредством ваших усилий разрослись в годы вашего правления... Заботясь об эллинах как о своих приемных родителях, вы поддерживаете их своей рукой, и, когда они падают, вы их поднимаете. Вы предоставляете свободу и независимость знатным людям, лидерам минувших дней, остальными вы правите с присущими вам умеренностью, уважением и заботой. Как во время праздника, весь цивилизо-

ванный мир складывает оружие, которое с древних времен носили как бремя, и обращается к прекрасному, к светлым мыслям и к власти, способной претворить эти мысли в жизнь. Все раздоры ушли из городов, их затмило состязание между городами — какие из них окажутся более красивыми и привлекательными... Вы продолжаете делать подарки городам, и невозможно определить, кто получает больше, поскольку ваша благосклонность одинакова для всех. Города сверкают великолепием и очарованием, и вся земля расцвела, как сад... Таким образом, остается лишь выразить сожаление тем, кто находится за пределами вашей гегемонии, — если такие есть, — поскольку они лишены таких благодетелей.

И вы же наилучшим образом доказали общее утверждение о том, что Земля является матерью и родиной всех людей. Теперь на самом деле возможно для эллина или не для эллина путешествовать там, где он пожелает, очень просто, как будто он переезжает из одной родной страны в другую. Ни Киликийские ворота, ни труднопроходимые песчаные пути в Египет, ведущие через арабские страны, ни непреодолимые горы, ни бескрайние долины рек, ни суровые варварские племена не внушают страха; для того чтобы чувствовать себя в безопасности, достаточно быть гражданином Рима, или, скорее, представителем одного из разобщенных народов, гегемоном которых вы являетесь. Гомер говорил: «Земля общая для всех», а вы претворили это в жизнь. Вы измерили и зафиксировали земельные площади всего цивилизованного мира; вы навели разные мосты через реки и проложили дороги через горы, вы застроили пустынные просторы почтовыми станциями, вы приспособили для оседлого и упорядоченного образа жизни все земли».

Провинции, как и Италия, сильно страдали от гражданских войн, и мир в Риме, принесенный Августом, настолько впечатлил население провинций, что оно было готово приветствовать систему империи, не

заостряя слишком пристального внимания на менее привлекательных ее чертах.

Тацит говорит о последних годах республики:

«В провинциях к власти сената и народа относились скептически, как к власти препирающихся между собой сановников и чиновников-вымогателей. У государственной системы не было средств борьбы с ними, так как она была обессилена жестокостью, фаворитизмом и более всего взяточничеством».

Итак, новое устройство «пользовалось популярностью в империи». Более того, жители провинций были в большей степени уверены, что их жалобы на римских наместников доходят до столицы. Лучшим способом пожаловаться было попросить высокопоставленного римлянина довести рассматриваемый случай до самой высокой инстанции. Уже давно сложилась традиция, в соответствии с которой целые общины и отдельные люди становились «клиентами» именитых покровителей из Рима, которые блюли их интересы; теперь эта традиция стала более эффективной. Об удовлетворенных апелляциях жителей провинций мы многое узнаем у Тацита. Одну из них (от провинции Африка) в сенат под председательством императора совместно с Плинием Младшим подал даже сам историк.

Такого рода коллективные выступления поощрялись институтом совета провинций, состоявшего из представителей местной знати. На самом деле эти советы были учреждены Августом и его преемниками для того, чтобы являться центрами проримских настроений; одной из их главных целей было официально способствовать поклонению Риму и императору. Они предназначались для того, чтобы направлять в определенное русло гордость жителей провинций, греков или уроженцев Запада за свою культуру и национальность. Одной из таких провинциальных организаций был совет трех галлов в Лугдунуме (изображение алтаря Рима и Августа в Лугдунуме появляется на монетах Августа). Это был смелый экспери-

мент и показатель самоуверенности, поскольку галльская аристократия, представители которой имели исключительное право на членство в этом совете, продолжала поощрять антиримские настроения и встала во главе восстаний I века н. э. Тацит и Плиний Младший подчеркивали роль этих советов в судебном преследовании порочных проконсулов и легатов, и, хотя это было второстепенным по сравнению с основными функциями этих органов, их существование было препятствием для относительно небольшого числа чиновников, которые игнорировали настороженность императора по отношению к жестоким правителям. Санкции, предусмотренные против такого злоупотребления властью, постепенно были объединены в законы и декреты, которые защищали от государственных служащих не только римлян в столице, но и жителей провинций от неудачных наместников и доверенных лиц императора. Например, при Коммод арендаторы имения императора Сальт Бурунитан в Африке (на северо-западе Туниса), где выращивались оливки, сильно жаловались на местного доверенного человека императора, которого обвиняли в том, что он заключил тайный сговор с арендодателем имения с целью заставить арендаторов выполнять чрезмерную работу. Коммод прислал утешительный ответ, в котором постановил, что доверенное лицо не может требовать более чем двухдневной трудовой повинности трижды в год.

Но более важными, чем отношение к Риму провинций, как таковых, или недовольных жителей провинций, как отдельных, так и групп их, были взаимоотношения между центральной властью и самоуправляющимися городами во всем греко-римском мире — преемниками классических греческих городов-государств и более ранних шумерских городов-государств 3-го тысячелетия до н. э. Империя должна была подразделяться на легко контролируемые части и на меньшие по размеру и более самостоятельные, чем провинции, организмы, и давно уже учрежденный греками институт городов-го-

сударств удовлетворял эту потребность, поскольку в этих городах человек жил и умирал; к жизни городов он проявлял огромный интерес и по отношению к ним испытывал самые патриотические чувства. В III веке до н. э. городов-государств, сильно отличавшихся друг от друга по своей значимости, стало больше, чем когда-либо еще, — во многом благодаря новой волне их роста на западе Малой Азии. Структуру городов, находящихся там, да и везде, римляне сочли столь удобной для них, что они даже распространили ее на центральные горные части того же полуострова и на Галлию — в обоих этих регионах обычной единицей был не город, а племя. Вся история римского господства, равно как и греческого господства до этого, с определенной долей справедливости может быть названа историей городов.

Городам римляне умышленно предоставляли, в пределах рыхлой структуры провинций, разного рода местные привилегии и ту или иную степень автономии. Монархи государств, образовавшихся во время походов Александра Македонского, делали то же самое, но не столь искусно, как римляне, которые считали, что понятие автономии подчиненных им территорий означает отнюдь не их независимость в международных отношениях, или в вопросах обороны, или в налогообложении, а лишь значительную степень самоуправления в рамках более крупной единицы административного деления. Иудейский историк Иосиф полагал, что Цериалис был прав и что римляне были готовы позволять городам многое, если последние исправно платили дань. Исключительным был статус некоторых привилегированных городов, особенно в Греции и Малой Азии, которые были формально «свободными», а иногда связанными договором с Римом. Афины, Родос, Антиохия и Никополь (основанный Августом недалеко от места битвы при мысе Акции) были самыми заметными среди таких городов, но их было гораздо больше.

Однако степень самоуправления, предоставляемого даже городам, которые не являлись «свободными», была очень значительной. Многие из них владели

большими участками прибрежной земли, а договоры и хартии, заключенные с Римом, предусматривали местные права городов, включая ограниченную юрисдикцию. Действительно, в крайнем случае правительство могло вмешаться в дела городов, например, в случае чрезвычайного происшествия в ходе гражданской войны в конце эпохи республики или позже именем безопасности империи. Но в основном в благополучный период первых императоров центральное правительство старалось не казаться слишком деспотичным; его отношения с городами точно иллюстрировали доктрину «разделяй и властвуй», которая проводилась в жизнь явно эмпирически.

Итак, под контролем Рима города-государства пережили второй расцвет; процветающая местная буржуазия пылко хранила верность римскому идеалу города, от которого зависело ее положение, а неизвестные иудейские прорицатели называли греков и римлян ненавистными поделщиками — обладателями власти. Тем не менее во II столетии н. э. отношения городов с Римом, действительно основанные на невмешательстве (в разумной степени) центральной власти, начали рушиться. Отчасти это происходило потому, что власти городов иногда проявляли беспечность и безответственность в распоряжении общественными денежными средствами. Траян и его преемники на примере Рима узнали разницу между профессионалами и любителями в правительстве, и теперь они командировали своих представителей, которые вмешивались в дела городов. Существовала тенденция к тому, что эти государственные служащие превращались в бюрократов, в ведении которых были многие дела, которые ранее находились в ведении менее профессиональных представителей местной власти. Траян был встревожен беспорядком в области финансов внутри общин Вифинии и Понта, территорий на севере Малой Азии, через которые проходили коммуникации на восток, куда планировалось совершить походы. Поэтому он начал практику (или продолжил практику, начатую Домицианом) направления в провинции высокопоставленных

римских чиновников, наделенных особыми правами вмешательства в их дела. Одним из них был Плиний Младший. До нас дошла серия его писем императору, в которых Плиний спрашивает его (иногда несколько нервно) об указаниях; ответы Траяна также сохранились.

Плиний — Траяну

«Жители Никомерии, господин, израсходовали три миллиона триста двадцать девять тысяч сестерциев на акведуки; но они бросили его недостроенным, и он был даже снесен. Они субсидировали двести тысяч сестерциев еще на один акведук, но его строительство также было прервано; итак, после того как на ветер выбросили огромную сумму денег, вновь нужно нести большие расходы для того, чтобы обеспечить себя водой. Я лично посетил самый чистый источник, из которого воду можно брать через арочные пролеты (как это предполагалось в соответствии с первым проектом), использование этого источника для снабжения водой должно ограничиваться лишь теми частями города, которые находятся на одном уровне с ним или ниже. Арочных пролетов осталось очень мало, остальные можно построить из каменных глыб, которые были извлечены из остатков предыдущего строительства; какую-то часть можно построить из кирпича, так как это будет проще и дешевле. Но прежде всего, для того чтобы предотвратить очередную неудачу, Вам необходимо командировать сюда инспектора акведуков или инженера. Я осмелюсь утверждать одно — что красота акведука и та польза, которую он принесет, совершенно будут достойны Вашего правления».

Траян — Плинию

«Необходимо позаботиться о том, чтобы жители Никомерии были снабжены водой — и Вы, я убежден, приступите к работе с должным усердием. Но в Вашей обязанности входит, конечно, еще и установить, кто виновен в том, что граждане Никомерии вплоть до настоящего момента бросали на ветер такие большие сум-

мы денег. Им нельзя позволять сначала инициировать строительство акведука, а затем бросать его, предварительно сговорившись. Вы дадите мне знать о результатах Вашего расследования».

Фразы Плиния и Траяна свидетельствуют о том, что Рим не мог осуществить выбор между своим традиционным нежеланием вникать во все мелкие дела, и отеческим стремлением достигнуть эффективности во всех главных начинаниях.

Но письма, которыми обменивался Траян со своим наместником, указывают также на то, что в Риме постоянно негласно опасались возможного нарушения существующего порядка. И примерно в то же самое время Ювенал пишет ужасающий рассказ, содержащий очевидную истину, лежащую в основе сатиры, о религиозном противостоянии между двумя соседними египетскими деревнями — Омби и Тентира. Такие небольшие населенные пункты не были заселены греками, но правители больших по своим размерам восточных общин-городов, греки или подвергшиеся влиянию эллинизма, так же, как и центральное правительство в Риме, боялись нарушения существующего порядка на местном уровне, так как считали, что это может пагубно отразиться на их отношениях с Римом. Поэтому иногда они считали себя обязанными напоминать своим соотечественникам о жестокости римлян, властвующих над ними всеми. В таком же духе создатель жизнеописаний Плутарх из греческой Херонеи (40—112 гг. н. э.) предостерегает от римского сапога на шею, от ужасного карающего топора, отрубаящего голову.

Его современник Дион Хризостом (Златоуст), серьезный, немного самодовольный философ-романтик, проповедник из Прусы возле Мраморного моря, призывает народы Никей и Никомедии, Эфеса и Смирны прекратить междоусобицы. Конфликты, которые вызывали сильное недовольство Рима, легко могли возникнуть в результате противостояния городов — что в любом случае, как утверждает Дион, могло привести

лишь к «слезке за глупцами». Дион, находившийся в зависимости от римских властей, когда жители Прусы проводили демонстрации протеста против него, подчеркивал, как нелепы и унизительны были эти стычки городов между собой и что они без всякой необходимости увеличивали степень зависимости греков от милости римлян. «Возможно, вы не отдаете себе отчета в том, что ваши собственные распри предоставляют тем, кто вами правит, тиранические полномочия?» И он говорит, что соперничество между греческими городами из-за почетных званий «вызывает смех, особенно в Риме, и, что еще более унизительно, называется «недостатком греков». В другой речи, обращенной к жителям Родоса, Дион сурово осуждает последних за то, что они дали новые названия старым статуям, для того чтобы почтить своих современников и понести при этом минимальные расходы. Он называет эту традицию «смесью скупости и подхалимства». Он полагает, что таким образом народ Родоса не может сохранить и подтвердить свой статус «вольного города», связанного договором с Римом. Жителям Родоса вместо этого следовало бы сохранять их достоинство и вместе с ним честь эллинов.

Такие слова немного напоминают нотацию. Однако для греческих городов наступили черные дни, когда в течение II и III веков н. э. правящий класс этих городов постепенно утратил интерес к политической жизни на местном уровне. Оказалось, что низкие должности причиняют слишком много беспокойства и не вознаграждаются должным образом, исполнение обязанностей государственных чиновников (посты которых римляне настойчиво предлагали занимать) было слишком дорогостоящим; вмешательство же римлян во все дела, даже если оно было необходимым для проверки эффективности местной власти, лишило политическую жизнь греческих городов ее сути, самого интересного. То, что состоятельные граждане греческих городов устранились таким образом, означало окончание эпохи эллинистического возрождения в Риме, а

также «приятной видимости союза самоуправляющихся городов» под властью Рима. По структуре городов, которая так долго являлась основой средиземноморской цивилизации, был нанесен смертельный удар. Марк Аврелий отмечал: «То, что не приносит пользы всему рою, не может принести пользы и одной пчеле»; и в Риме теперь не были уверены в том, что на «пчелок» — жителей провинций — можно положиться и что они будут работать в интересах «роя». Поэтому в III веке н. э. вмешательство римских властей в дела греческих городов стало всеобъемлющим и постоянным. Более твердая рука видна в повседневных делах. Например, реквизиции скота для государственного транспорта, сохранившиеся со времен персидских и греческих правителей Ближнего Востока, которые Клавдий и другие императоры пытались смягчить, постепенно становились все более обременительны, а к 250 году н. э. — невыносимы.

Правители государств-«клиентов», зависимых от Рима, говорили со своими подданными на том же языке, который использовал Дион в отношении жителей провинции Азия. Например, Ирод Великий Иудейский (ум. в 4 г. до н. э.) считал своей миссией (несмотря на возращения настроенного националистически духовенства) воспитание в своих подданных стремления достичь компромисса с римскими властями. Ирод пытался сделать это посредством восприятия греческой культуры, являвшейся удобным средством найти взаимопонимание с римлянами, какого не могла обеспечить чуждая для римлян иудейская цивилизация. Столь дальновидное приспособление к свершившимся историческим фактам было неизбежно — какими бы отдаленными и сокровенными ни были мысли таких людей, как Ирод и Дион, и вне зависимости от того, разделяли они или нет ту ненависть и глубокое презрение, которые, без сомнения, испытывали их соотечественники по отношению к своим повелителям — римлянам.

Греческие и латинские писатели, которые мыслили глубже, иногда старались фиксировать подобные анти-

римские настроения. Уже в последние годы республики они старались привлечь внимание к враждебным чувствам, которых можно было ожидать от подданных Рима. Цицерон чувствует, что везде презирают империю в целом, и причины этого ему понятны; большую часть вины он возложил на Суллу. Но в соответствии с тем, что пишет историк Саллюстий, который дал яркое описание (иногда в сочувствующих тонах) врагов Рима, неприятности начались гораздо раньше. Катон Старший заметил, что жители Родоса имеют полное право мечтать о свободе и вследствие этого молиться за поражение римлян и что римские законы — это право сильнейшего. Нам известно о том, что греки агитировали за Парфию, а также о существовании людей, писавших злые антиримские памфлеты, таких, как Метродор из Сцепсиса на северо-западе Малой Азии. Историк и ритор Дионисий, живший при Августе и происходивший из Галикарнаса (юго-запад того же полуострова), протестует против укоренившейся тенденции называть римлян варварами — он утверждает, что это не так, поскольку они являются отпрысками греков! Писатель II века н. э. с того же полуострова Элий Аристид предпочитал называть греков их «приемными родителями».

Тацит неоднократно отмечает недовольство по отношению к римлянам в западных провинциях. Хотя он замечает, что было бы слишком просто, немудро и примитивно обвинять во всем великие империи, никто, кроме него, не написал более информативных отзывов о проявлениях недовольства в провинциях, которые также показывали, как с ними можно бороться. Тацит прекрасно понимал, что окончательное решение — силовое и что издержки такого решения не всегда можно скрыть. Причиной восстания в Галлии во время правления Тиберия могли быть слишком большие налоги; слабый бесправен; ужасающе жестокое поведение иногда всплывало на поверхность, а иногда его удавалось скрыть, как, например, в отношении правительницы из Британии Боудикки (Боадии) — из-за такого обращения с ней она восстала; в

произведении «Агрикола» Тацит продолжает рассказы-вать об угнетении и эксплуатации в той же провинции Британия.

Такие сведения о западных провинциях представля-ют особую ценность, поскольку их жители были слиш-ком немногословны, чтобы оставить нам больше ин-формации о себе, в отличие от более романизован-ных народов, которые, как правило, были и самыми проримски настроенными. Жители Востока, как гре-ки, так и народы, подвергшиеся греческому влиянию, умели гораздо более ясно выражать свои мысли и бо-лее остро ощущали идеологический конфликт. Однако определить степень даже их антиримских настроений очень непросто, поскольку подавляющее большинство греческих писателей, как и подавляющее большинство латинских писателей, принадлежали к образованным, процветающим и лояльным слоям общества и поэтому обычно не писали (даже в завуалированной форме, как Дион Хризостом) о том, насколько исполненными не-нависти были антиримские настроения. В целом вслед-ствие этого при исследовании этой очень важной про-блемы мы вынуждены опираться на «тихий шепот над-писей», на случайно обнаруженные частные докумен-ты — особенно содержащиеся на папирусах, сохранен-ных почвой Египта, а также на крамольные сочине-ния, которые создавались и циркулировали внутри низших слоев общества, передаваясь из рук в руки. Часто они принимали форму религиозных трактатов, прорицаний или предсказаний. Таковыми яв-лялись «Языческие акты мучеников» и бесчисленные «Оракулы Сивилл», написанные в стихотворной фор-ме на греческом.

Неудивительно, что эти антиримские «Оракулы» час-то имели еврейский след, поскольку в Иудее проя-вились отрицательные результаты имперской деятель-ности римлян. Три иудейских восстания создали жут-кие предпосылки появления апокалиптических, экста-тических «Оракулов». Четырнадцать сохранившихся различных по своему характеру произведений, дыша-

щих ненавистью ко всему, что связано с Римом, кроважно предсказывают падение Рима и говорят о его невыносимом высокомерии.

Откровение Бога, Страшный Суд грядет,
Последний суд над миром безверия.
Я заявляю об этом, я прорицаю всем людям...
Твой день когда-нибудь придет, о надменный Рим,
Меткий удар с небес — и ты первый
Будешь усмирен, тебя сровняют с землей,
И огонь будет жадно пожирать тебя, запылают
Твои мостовые. Твое богатство канет в вечность,
А на том месте, где ты когда-то стоял,
Поселятся волки и лисицы,
Затем ты опустеешь, как будто тебя и не было...
Уже скоро
Конец света, апокалипсис
И суд бессмертного Бога над теми,
Кто был избран и назван. Прежде всего
Неумолимый гнев падет на Рим:
Наступят кровавые времена, когда жизнь будет ужасна.
Горе, горе тебе, о земля Италии,
Великая варварская страна...
Не станет больше под твое ярмо
Покорно подставлять шею грек или сириец,
Варвар или человек иной национальности,
Ты будешь разграблен и разрушен
В отместку за твои деяния, ты будешь громко
Вопить от страха, пока не заплатишь за все.

Еще один «Оракул» утверждает, что все эти несчастья навлечет на Рим один из правителей Востока, который поработит весь Запад.

«За то, что Рим брал материальные ценности у Азии, которая должна была платить ему налоги, Азия возьмет втрое больше богатств у Рима в качестве компенсации за нетерпимое высокомерие по отношению к ней, а в отместку за всех людей из Азии, превращенных в домашних рабов в Италии, втрое больше итальянцев станут в Азии неимущими рабами и в тысячекратном размере взыщут за...»

Позже те же восточные или еврейские корни прослеживаются в предсказаниях того, что греческий мир,

как соучастник преступлений, совершенных расой господ, полностью разделит судьбу Рима — падение и разрушение.

Когда миллионы людей находятся под властью другого народа, многие из них, скорее всего, неизбежно будут недовольны. Эффективность, с которой Рим осуществлял управление, и гласность не всегда могли скрыть широко распространенных мыслей о том, что

Земля больна,
И небеса устали от лживых слов,
Которые произносят государства и королевства,
Когда они говорят о Правде и Справедливости.

Уильям Вордсворт

Однако наши сведения слишком фрагментарны, чтобы судить по ним о том, насколько распространенным или сильным было это недовольство. Возможно, жалоб было много. Однако недовольство редко было настолько отчаянным или всеобщим, чтобы привести к совместному восстанию, которого императоры изо всех сил старались избежать.

На протяжении всей эпохи Древнего Рима сельское хозяйство оставалось основой экономики Италии и империи. Но Гай Грах (123—122 гг. до н. э.), стремясь искоренить безработицу, вызванную обезземеливанием и оттоком людей от земли, предвосхитил будущее и попытался найти решение этой проблемы в торговле. Он намеревался поселить большое количество городских безработных вместе с более состоятельными людьми в колониях, находившихся на торговых путях, — не только в самой Италии, но и во вновь образованной колонии (впоследствии названной «Юнона») в Северной Африке возле Карфагена. Из-за оппозиции в Риме его начинание закончилось неудачей. Однако всего через несколько лет была основана первая из многих подобных заморских колоний в Нарбоне (Нарбонне). Те-

перь торговля становилась, наряду с сельским хозяйством, важным экономическим фактором; несмотря на широко распространенное пиратство и постоянные гражданские войны, последний период республики ознаменовался непрерывным развитием международной торговли. Из-за развития торговли большое значение приобретала аннексия Римом таких процветающих стран, как Азия, Галлия и Египет. Благодаря налогам, взяткам, грабежу и доходам от финансовых операций были накоплены большие суммы капитала. Несмотря на то что морские коммуникации представляли опасность, критерии роскоши быстро росли, начиная со II столетия до н. э. и далее, и крупные финансисты поздней республики, такие, как Красс и Аттик, зарабатывали все больше и больше денег. Все знают, что последний из этих двоих, как и многие другие люди, имевшие крупные торговые интересы, был сенатором и входил в круг лиц, которым не разрешалось напрямую заниматься таким вульгарным делом, как торговля. Но эту проблему было легко решить с помощью очевидной фикции. Цицерон отмечал:

«Торговля, если она небольшого масштаба, считается вульгарной; но если это оптовая и широкомасштабная торговля, посредством которой импортируют большие партии товаров из всех частей света и без обмана распространяют их среди многих людей, к ней не должно относиться с пренебрежением. Наоборот, она скорее заслуживает большого уважения в том случае, если те, кто ею занимаются и кормятся за счет тех состояний, которые они нажили, или, я бы сказал, удовлетворены этим, направляются из порта в сельское имение, потому что они часто направлялись из открытого моря в порт...»

В последние два столетия до н. э. итальянские экспортные товары, особенно гончарные изделия, вино и масло, изделия из железа, произведенные в ПUTEОЛИ и Капуе, распространялись на всей территории Средиземноморья. Такому расширению торговли способствовали не только нормальные торговые процессы,

но и влиятельная поддержка римского правительства; в конце II века н. э., например, власти запретили производство вина и масла в Галлии, которое могло составить конкуренцию. Главным портом Рима, который являлся не только политическим, но и экономическим центром империи, сначала были Путеолы (к 125 году до н. э. большее значение, чем Путеолы, как торговый транзитный порт имел только Делос, преемник Родоса), а позже, в эпоху принципата, — Остия. Главные порты провинций были снабжены сетью маяков, они принимали римские экспортные товары и служили для ведения местной торговли. Среди них были Нарбон (Нарбонн) и Арелат (Арль) в Галлии; Утика (на смену которой пришел Карфаген), Кирена и Кирта (Константин) в Северной Африке; Афины, Делос и Эфес (который вскоре сменила Смирна) на Эгейском море; Антиохия и Апамея на побережье Сирии; а в Египте Александрия, которая располагалась в трех неделях пути по морю от Остии. В эти и многие другие города повалили деловые люди из Италии — купцы, финансисты, владельцы мастерских и крупных имений — из которых, как утверждают, 89 000 вместе с их семьями уничтожил царь Митридат VI Понтийский только в Малой Азии.

Мир, принесенный Августом, обеспечил невиданную ранее безопасность и свободу торговых отношений на всей территории Средиземноморья, поощряемых широкомасштабным строительством дорог и искоренением морского пиратства. Самую приятную похвалу из всех, которые когда-либо возносили Августу, он услышал в последние дни своей жизни, у побережья Кампании. Когда корабль, на котором он плыл на Капри, проплывал мимо Путеолы, он прошел мимо торгового судна, только что прибывшего из Александрии. Одетые в белое, украшенные венками, кадящие ладан члены команды и пассажиры корабля из Александрии приветствовали Августа, крича, что ему они обязаны жизнью, свободой и процветанием. Эти благоприятные условия, созданные усилиями Августа, дали колоссальный импульс торговле и ре-

меслу. Италия все еще занимала ведущие позиции, например, в новой отрасли производства товаров из шерсти (в Помпеях и на севере), в области стеклодувного производства, недавно изобретенного в Сидоне в Финикии (в Кампании), в металлообработке (в Риме). В больших объемах экспортировались гончарные изделия из Арретия (Ареццо), технология изготовления глазури к ним была засекречена; объем чаши, в которой замешивали глину, составлял 10 000 галлонов, в производстве одного изделия было задействовано 59 рабов. Увеличивая масштабы экспортной торговли с Западом и расширяя ее на Востоке (несмотря на то что Траян так и не закончил строительство Коринфского канала), Италия в больших объемах закупала товары в провинциях, импортировала рабов, зерно, металлы, мрамор, лен, папирус, меха и слоновую кость.

Торговля внутри империи имела большее значение, чем внешняя торговля, но большую часть предметов роскоши ввозили из-за границы: благовония — из Сомали, янтарь — из Прибалтики через Карнунт (Петронелл) и транзитный порт Аквилея на севере Италии, перец и драгоценные камни — через Аден из Индии, установлению связей с которой способствовало открытие муссонов; из Китая ввозили шелк, который затем ткали и окрашивали в Сирии (а на острове Кос перерабатывали в полушелковые изделия с основой из льна). На всем пути из Китая посредники вскоре начали осуществлять процветающую торговлю шелком, используя торговый путь, на который не могли напасть парфяне. В начале II века н. э. (или, возможно уже во время правления Августа) некто Мэ по прозвищу Титан, возможно сириец, осуществил экспедицию, достигшую Ташкургана в Китайском Туркестане.

Вся эта деятельность предоставляла возможность обогащения, которое сопровождалось азартом и опасностью. Петроний описал неудачи и триумфы в области торговли своего вольноотпущенника, уроженца Азии Тримальхио, который поселился в Кампании в эпоху раннего принципата:

«Почувствовав увлечение торговлей — я не задержу твое внимание надолго, — я построил пять кораблей, загрузил их вином — стоимость этого груза в то время составляла столько золота, сколько он весил, — и отправил его в Рим. Ты можешь подумать, что все было подстроено — все корабли утонули, это правда, никакого обмана. Нептун поглотил тридцать миллионов за один день. Ты думаешь, я отчаялся? Господи, нет, я не ощутил своей потери, как будто ничего не случилось. Я построил еще несколько кораблей, они были больше, лучше, дороже, так что никто не мог сказать, что я не смелый человек. Ты знаешь, что большой размер корабля предполагает относительную безопасность. Я взял еще один груз — вино, свинина, фасоль, благовония, рабы. Фортуната поступила тогда великодушно: она продала все свои драгоценности и наряды, и в моих руках оказалась сотня золотом. Из этих средств произошло мое состояние. Чего желает Бог, вскоре случается. Я сделал десять миллионов чистыми на моем путешествии. Я сразу же скупил все имения, принадлежавшие моему господину. Я построил дом, купил рабов и скот: за что бы я ни брался, все росло, как медовые соты. Когда мой доход оказался больше, чем доходы моей собственной страны, я вышел из игры: я бросил активную работу и стал помогать деньгами вольноотпущенникам».

Хотя активное вмешательство государства в экономику было в те времена ограничено, торговля фигурировала в мыслях императоров, когда они просчитывали свои действия. По политическим соображениям одной из самых важных своих обязанностей они считали обеспечение населения Рима дешевым зерном, которое ввозили из стран, где в больших объемах производились зерновые культуры, из Африки (Тунис) и Египта. Кроме того, рудники Испании, которые были основным источником металлов, перешли в сферу влияния императоров, а при Тиберии напрямую были поставлены под контроль. Эти и другие рудники обеспечивали Риму металлы для новой монетной системы,

введенной Августом. Ее составляли общегосударственные, соотнесенные между собой золотые и серебряные монеты, которые разменивались на мелкие монеты из ярко-желтой латуни и красной меди (фото 5б, 6а, 6б); позже иногда три главных металла — золото, серебро и аес (латунь и медь) — изображались как трио на самих монетах. Эти главные компоненты монетной системы дополнялись бронзовыми монетами, чеканившимися властями провинций, местную валюту выпускали многие города как на Востоке, так и на Западе; однако в западных провинциях местные денежные знаки уступили место имперским при Клавдии. Монетная система, единая во всей империи, не только служила средством повсеместного распространения государственной пропаганды; она способствовала новому широкомасштабному росту торговли.

Несмотря на то что в I и II веках н. э. частновладельческие земли сконцентрировались в руках небольшого числа людей, экономика империи продолжала развиваться, поскольку мирные условия и новые дороги способствовали широкому развитию ремесла. Элий Аристид в 156 году н. э. в своей речи, восхвалявшей Рим, справедливо рассуждал о том, что любой грек и варвар запросто мог путешествовать в тех местах, где ему захочется, и что ему не нужно бояться ни Киликийских ворот, ни переходов через пустыню. Начали разрабатывать новые источники сырья: завоевания Траяна в Дакии принесли новые золотые копи; железо и свинец добывали в Британии. В Галлии развивалось производство стекла и бронзы и, что важнее всего, гончарных изделий соответственно в Ла-Графесенке на юге и Лезо в Оверни; во II веке н. э. выпуск этой продукции осуществлялся в основном в Рейнзаберне и Триере в Рейнской области, центром стеклодувного производства которой был *Colonia Agrippina* (Кельн) и которая стала главным промышленным регионом Европы. Многие военные укрепленные пункты на Рейне, Дунае и в Африке превратились в города. Между тем экспортная торговля в Азии и Сирии

продолжала процветать и расти, там также шел процесс роста городов, пока города в некоторых регионах Сирии, где люди имели талант к торговле, не превратились в одну почти сплошную городскую зону.

Во время такого развития экономики, несмотря на то что Рим с его огромными рынками, обладающий портом Остия, теперь приспособленным для больших кораблей, стал преобладать в средиземноморском мире, из-за увеличивающейся тенденции к децентрализации Италия начала утрачивать свое экономическое превосходство. Эта децентрализация являлась одним из факторов, удерживавших экономическое развитие, несмотря на то что оно было бурным, от неограниченного роста. Среди остальных сдерживавших экономическое развитие факторов было то, что экономическая база империи была преимущественно аграрной, сухопутный транспорт был дорог, финансовая деятельность была относительно незрелой, поэтому, хотя ссуды денег и стали повсеместными, не было создано крупных кредитных организаций (возможно, оттого, что этому препятствовало государство). Среди остальных тормозящих факторов были застой в области техники — частично из-за использования рабского труда — и отток в иностранные государства, особенно в Индию, денег, сделанных из драгоценных металлов, в первое столетие существования принципата. «Как дорого, — говорит Плиний Старший, — нам обходятся наши роскошь и женщины».

Причиной покупки за границей предметов роскоши в таких больших масштабах была расточительность высших слоев общества. Получившая свое развитие в I веке до н. э. и осужденная (безрезультатно) Августом и Тиберием безудержная тяга к роскоши достигла наивысшего развития во время правления Калигулы, Клавдия и особенно Нерона, который всех увлек в этом отношении своим августейшим примером, о чем свидетельствуют бесчисленные истории, поведенные Светонием, Тацитом и Плинием Старшим. В атмосфере меньшей расточительности, которую создали такие

императоры, как Веспасиан и Траян, казна, очевидно, ввела ограничения на вывоз из страны национальной валюты. С этого момента римские монеты не встречаются в таких больших количествах, как раньше, например, на юге Индии. Эти ограничения имеют большое значение, потому что, как и ранее вмешательство Тиберия в экономику с целью ввести деньги в оборот во время финансового кризиса (33 г. н. э.), они предвещали общий упадок существовавшей тогда «свободной» экономики и приход на смену ей экономики, контроль над которой осуществляет государство, в которую оно вмешивается. Прежде всего, эта тенденция проявляется в увеличении количества общественных работ и других мерах усовершенствования, приносивших облегчение. Например, Нерва разработал, а Траян развил проект поддержки (и, возможно, образования) бедных мальчиков Италии за счет процедур по залогу земли, для которых государство ссужало деньги по низким ставкам процента — таким образом помогая фермерам наряду с теми, для кого предназначалась благотворительная акция (фото 6а). Затем, дабы сохранить память о жене Антонина, Фаустине Старшей, проект был распространен и на девочек (фото 6б). Но государство предприняло действия более фундаментального, основательного характера в этот же период, когда стало ясно, что, если финансы страны пустить на самотек, их станет недостаточно для того, чтобы осуществлять финансирование необходимых военных действий, расходы на которые увеличивались. В таких условиях недостаток централизованных финансовых резервов означал скудное существование страны, что постепенно и незаметно обесценивало золотые и серебряные деньги, которые стали носить разменный (номинальный) характер. Страх перед национальным банкротством всегда присутствовал в мыслях Траяна, который вел широкомасштабные войны, Адриана, старавшегося сделать свое правление максимально эффективным, и Аврелия, который вынужден был противостоять опасной угрозе на севере. Поэтому вмешательство Траяна

в дела греческих городов было составной частью более крупного проекта. Он и его преемники шаг за шагом продвигались к более жесткому контролю над экономикой и доходами страны посредством более строгого установления размера и исполнения налогообложения, усиления руководства принудительным трудом, введения обязательных договоров по аренде и контроля над содержанием армий чиновников для удовлетворения всех этих потребностей.

Во время правления Септимия Севера и его преемников такие меры стали приниматься намного интенсивнее. Когда бесконечно тянулся жестокий III век и ставки налогообложения были безрассудно увеличены до губительного уровня, экономика Запада была подорвана. Это была эпоха постоянного чувства ненадежности и беспокойства. Из-за этого сокращалось производство, уменьшались размеры городских и пахотных площадей, что сопровождалось повсеместным кризисом доверия, вызванным обесцениванием денег. Политика обесценивания денег на самом деле была ошибочна с психологической точки зрения. Что касается всего остального, нельзя усматривать причину упадка экономики империи в III веке н. э. в интенсивном вмешательстве государства в экономику. Это произошло скорее из-за того, что Рим не в состоянии был поддерживать состояние мира в провинциях, особенно на Западе, так как казна не могла позволить себе нести двойное бремя гражданских войн, которые возникали постоянно из-за отсутствия системы престолонаследия, и захватнических войн, которые многие императоры вели из-за своего желания обрести славу. Учитывая эти факторы, правительство Рима сочло, что оно не в состоянии сводить концы с концами без строгой, диктаторской регламентации жизни, которую предвосхитили императоры-патерналисты II века н. э., воплотил в жизнь Север, а последующие императоры жестоко усилили. Это позволило империи выжить, но такого процветания торговли, как во II веке н. э., не удалось достичь в полной мере на Востоке, а в большинстве ре-

гионов Запада не удалось достичь вообще. Единственным исключением, возможно, являются отдаленные территории, такие, как Британия, которая достигла пика своего развития в III и IV веках н. э.

Глава 3 ГРАЖДАНЕ РИМА

Социальная пирамида Древнего Рима была намного выше и круче (имеется в виду то, что очень сложно было перейти из одного сословия в другое. — *Пер.*), чем в самых высокоразвитых современных европейских странах, — пожалуй, такой же высокой, как пирамида британского общества XVIII века. Кое-что уже было сказано о правящем классе — о его небольших, враждующих между собой мобильных группировках, которые властвовали в эпоху республики и затем были использованы Августом для того, чтобы помочь ему в управлении империей по его указаниям. Мы увидели, что многие из этих сенаторов и всадников купались в небывалой роскоши и были крайне расточительны. Другие, конечно, вели более умеренный образ жизни. Как, в общих чертах, этих людей готовили к исполнению своих обязанностей?

В годы ранней республики образованием детей из высшего класса занимались их отцы и матери, которые прививали им традиционные римские добродетели. Особое внимание уделялось примерам, которые подавали герои древности, и от детей требовали выучить Двенадцать таблиц, на которых было основано все последующее римское право. Мальчики сопровождали своих отцов во время посещения форума и где бы то ни было; мальчиков в качестве учеников неформально прикрепляли к высокопоставленным людям с тем, чтобы познавать их образ жизни и подражать ему. Тем не менее в III и II веках до н. э., хотя старые родовые традиции крепко запали в память и к ним часто обращались, образование под влиянием Греции

переходило в руки специальных учреждений, а греки-рабы и греки-вольнотпущенники становились в Риме школьными учителями. Вольнотпущенник по имени Спирий Карвилий открыл платную школу в 250 году до н. э., став первым учителем начальной школы, или литератором; а писатели Ливий Андроний и Энний преподавали литературу в частных домах в Риме и были предшественниками учителей средней школы, или грамматиков. Они обучали «искусству правильной речи» и, что также было одной из их задач, истолкованию греческой и впоследствии латинской поэзии, так как считалось, что посредством поэзии можно было достичь высшего уровня ораторского искусства и в целом интеллектуальной жизни. Катон Старший твердо, хотя и тщетно, противился этой тенденции, выступая за более «специфически итальянский» курс ораторского искусства, науки о сельском хозяйстве, права, медицины и военной науки. Преобладала греческая система, и, по крайней мере, наиболее известные учителя средней школы, или грамматики, были высокооплачиваемыми, хотя преподавательская деятельность в целом оставалась трудным, бесславным и низкооплачиваемым занятием. Обучение (по крайней мере, в начальном образовании) проводилось далеко не лучшим образом.

Но Катона и его единомышленников особенно беспокоило то, что более совершенные формы греческого образования могли утвердиться в Риме — и это уже происходило в то время. Основы европейской университетской системы были заложены в Афинах в IV столетии до н. э., в Академии Платона, в Лицее Аристотеля и в школе риторики Исократ. Исократ, отдававший предпочтение регулярным лекциям как антиподу групповому диалогу или семинару Платона, стремился обеспечить общее образование, которое могло подготовить человека к изучению главного, с его точки зрения, предмета — риторики. Риторика — ораторское искусство, искусство убеждения — была главной составной частью курса обучения, поскольку считалась

ключом к практике общественной жизни. Римляне также ставили риторику в исключительное положение в их системе образования; и во II столетии до н. э. ритор, преподаватель риторики университетского уровня, пользовался большим авторитетом в Риме. Энтузиазм, с которым молодые римляне в 168 году до н. э. толпой валили послушать Кратета из Маллы, пергамского библиотекаря, — который вынужден был остаться в Риме, потому что ослабел на открытии палатинского коллектора, — заставил консервативные элементы наложить запрет на риторику, и те, кто пытался адаптировать эту греческую науку к латинскому языку, испытали такие же трудности в 92 году до н. э. Но в последующие годы этот вид высшего образования утвердился в столице на обоих языках. Насаждалась классическая схема фиксированных форм в области литературного творчества всех категорий (вариации допускались и поощрялись в рамках этой схемы, а не вне ее). Система имела целью развитие умственных способностей по установленной форме, при этом считалось, что чистота и острота красноречия являются отражением чистоты и остроты интеллекта.

Цицерон настаивал на том, что общий характер обучения, предложенный Исократом, не должен быть утерян. В своих в высшей степени «отшлифованных» работах, посвященных проблемам образования («Об ораторе», «Оратор» и «Брут»), он часто подчеркивает, что ни один человек не может быть олицетворением общественной жизни, хорошим оратором, не обладая большой общей культурой; кроме того, он должен также быть хорошим человеком. Это была двойная основа гуманитаризации (от *humanitas* — образ мысли, достойный человеческой жизни, идеал образования. — *Пер.*). Идеи Цицерона были большим его вкладом в развитие образования. Его современник Варрон выступал за то, чтобы программа обучения включала в себя грамматику, диалектику, риторику, геометрию, арифметику, астрономию, музыку, медицину, архитектуру. Философии нет в этом списке; для того чтобы

изучать этот предмет, как и риторику, на более высоком уровне, молодые римляне продолжали обучение в главном университетском городе — Афинах или в одном из греческих центров высшего образования, таких, как Родос, Митилена, Эфес, Пергам, Тарс, Смирна, Александрия, Аполлония (в Иллирии) или Массилия (Марсель). Но обширная программа обучения Варрона никогда не была реализована в сколько-нибудь значительной степени, и в начале новой эры риторы стали сосредоточивать свои усилия почти исключительно на преподавании риторики, которое велось с помощью учебных декламаций (учебных торжественных речей. — *Пер.*). Вскоре после эпохи Августа модная литературная критика перенесла свое внимание от поэзии на искусство риторики, и в начале I века н. э. великий римский деятель в области образования Квинтилиан, хотя он и выражал неодобрение по поводу нелепо узкой специализации и оторванности от жизни этих декламационных курсов, безоговорочно признал главенство риторики как предмета высшего образования. Философы на протяжении многих веков имели свое мнение, и Квинтилиан отреагировал на недавнее выражение их точки зрения, сформулированное Сенекой, который подверг риторику критике за то, что ей обучали «не для жизни, а для школы». Но настоящее объяснение того, почему риторика приобрела элементы фантазии и оторванности от жизни, нашел Тацит. В «Диалоге об ораторах», который обычно считают его ранней работой, один из говоривших вспоминает, что риторику изначально называли главным учебным предметом, так как в те времена она являлась необходимой подготовкой для общественной жизни Греции и Рима. Однако поскольку теперь на смену энергичным, эмоциональным дискуссиям правящего класса пришел спокойный процесс правления императоров, отмечает говоривший, риторика больше не играла былой ключевой роли.

«Риторика — это не тихое и мирное искусство, или искусство, которое получает удовольствие от мораль-

ных ценностей и хорошего поведения; нет, искусство по-настоящему великого и известного оратора — ребенок, воспитанный укладом жизни, который дураки называют свободой, пособник мятежа, возбудитель разнузданной черни. Это растение, которое не растет под властью жестко регламентированной конституции».

И тем не менее, несмотря на то что основной *raison d'être* (смысл существования. — *Пер.*) риторики исчез вместе с образованием принципата, она оставалась основой образования в Риме на протяжении всего периода античности. Даже в IV веке н. э. ритор Либаний выражает мнение о том, что одна эта наука является последним способом отличить цивилизованных людей от варваров, а получатель его письма, Василий Каппадокийский, вопреки тому, что другие христиане проповедовали иную точку зрения, так же пылко поддерживает эту мысль. В этих условиях риторика пользовалась активной поддержкой императоров. В свое время Полибий считал главным изъяном эффективной в остальной системы образования в Риме именно то, что власти не вмешивались в дела образования — в отличие, например, от практики, распространенной в Иудее. Но такое положение дел в Риме изменилось в I веке н. э., и первым, кто вмешался в дела образования, стал Веспасиан, сделавший самого Квинтилиана первым преподавателем риторики и литературы, получавшим государственное жалованье. Адриан даровал Риму школу ораторского искусства Атеней — по образцу афинской, но в курс обучения было включено право, — и в годы его правления директора-греки великих афинских школ философии, не являвшиеся гражданами Рима, уже были исключением. Антонин Пий и Марк Аврелий учредили императорские преподавательские должности в Афинах; и профессора, которых Ювенал все еще ставил наравне с посетителями государственных бань, обрели ощутимые налоговые льготы. Действительно, на протяжении II и III веков н. э. государственный контроль над важнейшими образовательными учреждениями ужесточался, пока он не стал полным и повсеместным. Преподавание в школе началь-

ной и средней ступени первоначально было предоставлено инициативе на местах; в Коуме, например, спонсором проекта был Плиний Младший. Но теперь эти ступени образования также привлекали все большее внимание добросовестно относящихся к своим обязанностям императоров. Например, по инициативе Нервы и Траяна образование сирот оплачивалось за счет процедур по залогу земли (фото ба). Плиний воздает хвалу Траяну за его щедрость в этом отношении, а в годы правления Адриана были школы для детей рудокопов в Випаске на юге Португалии.

Однако предоставление подобных привилегий в области образования для тех, кто не принадлежал к высшим слоям общества, было неэффективным, бессистемным, оставалось редкостью. В IV столетии н. э. Вегетий сомневался, что новобранцы в армии будут достаточно грамотны для того, чтобы вести документацию их подразделения. Несмотря на возражения Эпикура и его последователя Лукреция, мысль Платона и ✓ Аристотеля о том, что истина доступна лишь элите, продолжала преобладать в древности; бесплатного образования для народа не существовало. Действительно, в очень многих греческих городах устраивались школы для детей всех свободных от рождения граждан. Но даже здесь выходцам из низших слоев общества становилось все труднее и труднее учиться и достигать определенного уровня образования; этот обычай не переняли в сколько-нибудь значительной степени в Риме, Италии или в какой-либо другой местности, где говорили на латыни. Верно и то, что в состоятельных домах организовывали обучение рабов разным профессиям; об этом можно судить по хозяйству самого императора, свидетельства этого находим в Египте и в Дориле, который находился в центре провинции Азия. Но опять-таки это относилось к немногим рабам, пользовавшимся небывалыми привилегиями, так как императоры считали, что подобная практика должна быть строго ограничена. Например, вот о чем распорядился Домициан (93—4 гг. н. э.):

«Я решил, что алчность лекарей и учителей — которые вовсе не ради развития культуры, а для увеличения своего заработка в слишком больших размерах за деньги обучают своему искусству (которому они должны обучать лишь избранных представителей свободной молодежи) домашних (?) рабов, которых им присылают для натаскивания, — должно строго держать в узде. Вследствие этого те из них, кто берет плату за обучение рабов, подлежат лишению привилегий, которые предоставил им мой божественный отец Веспасиан...»

То, что из системы государственного образования выпадали все (за небольшим исключением) незажиточные люди, должно считаться одной из основных ошибок правящего режима в Риме. Не существовало также систематического образования для женщин. В греческих городах школьное образование для девочек, даже на уровне средней школы, давно уже получило довольно широкое распространение, особенно в Теосе (на Эгейском побережье Малой Азии) в III веке до н. э. В афинской Академии были даже женщины-ученые (последнюю из них, Гипатию из Александрии, в 415 году н. э. растерзала толпа христиан). Но вот парадокс. В Риме, несмотря на то что высокопоставленные женщины в большей степени были задействованы в общественной жизни — у нас есть необычное письмо Цицерона, в котором говорится о влиянии женщин на семейном совете Брута, и общеизвестным является влияние императриц, — тем не менее их систематическое образование в основном не было широким. Конечно, были образованные женщины, например, соратник Цицерона по литературной деятельности Карелия, а также императрицы — покровительницы писателей, такие, как Сабина и Юлия Домна, жены Адриана и Севера соответственно. Девочки из хороших семей могли обучаться и иногда обучались с мальчиками, а Антонин Пий даже разработал проект образования для девочек-сирот (фото 66). Однако образование для женщин не было обычным делом — как утверждает Сенека, когда рассказывает нам, как его мать получила широкое общее образование, несмотря на то что ее муж чинил ей препятствия.

Все блага образования предназначались мужчинам — и в действительности только мужчинам, которым было суждено управлять империей. Эти юные римляне в возрасте семи лет начинали посещать начальную школу, двенадцати лет — среднюю школу, и оставались там, пока они официально не обретали статус взрослых (*toga virgilis*). Затем следовало высшее образование — обучение риторике, после чего было одно- или двухлетнее обучение в Афинах, на Родосе или где-то еще. К этому времени они уже овладевали знаниями по литературе Греции и Рима, философии Греции, римскому праву, умели произносить речи, довольно поверхностно знали военную и политическую историю. Им были привиты навыки верховой езды, охоты на дикого кабана с копьем, других видов охоты, владения оружием; возможно, они многое слышали от своих отцов и от друзей своих отцов о государственных делах, частном бизнесе и военных делах.

Но эта система образования исключительно однобоко делала упор на устное постижение риторики, и вследствие этого образование было скорее литературным, и привитие навыка гладко произносить речи или писать их считалось идеальным достоинством. Одним из самых примечательных психологических явлений в истории была странная, извечная страсть практичных и трезвых римлян к очарованию тем эффектом, который производила умело сказанная речь. Эта страсть неизбежно приводила к упадку или забвению других наук. В общем, набор готовых аргументов и моделей обсуждения, который использовали в ходе обучения риторике, исключал навыки наблюдения и впечатления, убивал любопытство и притуплял умение отличить ложь от истины.

Особенно негативным было то, что в программу обучения не входили естественные науки. В учебном плане на них не было места или времени; предложение Варрона включить в него геометрию и астрономию осталось нереализованным. Рим практически не воспитал собственных незаурядных мыслителей в об-

ласти естественных наук, и это с горечью осознал Плиний Старший:

«Более чем двадцать греческих авторов опубликовали свои наблюдения по этим предметам. Когда мир погряз в конфликтах и был разделен на царства, разбитые, в свою очередь, на части, так много людей посвящали себя сложным исследованиям, особенно когда их окружали войны и... пираты, враги всего человечества, что мешало передаче информации. Так что теперь человек может узнать какие-то факты о той местности, где он сам живет, из записей людей, которые здесь никогда не были, и эти сведения ближе к истине, чем знания местных уроженцев. Тем более я удивляюсь тому, что сегодня, в это счастливое мирное время, под властью императора, который восторгается развитием литературы и естественных наук, абсолютно никто не пополняет знания с помощью самостоятельных исследований. И на самом деле даже открытия наших предшественников тщательно не изучены».

И все-таки до тех пор существовали выдающиеся греческие и восточные деятели естественных наук, хотя их было гораздо меньше, чем в III веке до н. э., когда процветала Александрийская научная школа. Был Диоскурид из Аназарба, ботаник эпохи раннего принципата, чья научная работа о лекарственных растениях оставалась общепринятым учебником до XVI века. Был и получивший даже большее признание Гален из Пергама, чьи работы по медицине перевел врач Генриха VIII Томас Линакр; а также современник Галена Птолемей из Александрии, математик и астроном, чья теория движения небесных тел была в своей основе общепринятой до появления Коперника и Кеплера. Герон, уроженец того же города, описал использование поршня в двигателе, в который был встроен паровой котел, создающий давление пара. Были также другие греческие и восточные ученые. Но их целью было скорее дополнение и усовершенствование применения уже известного, а не самостоятельные исследования. Иногда они также забывали главные принципы Аристотеля; иногда они отрицали абстракт-

ную науку и математические формулы — слишком совершенные для того времени, или получали распространение антинаучные влияния религии, против которых протестовал Эпикур, — те влияния, из-за которых была отвергнута гелиоцентрическая теория Аристарха с о. Самос (310—230 гг. до н. э.) в пользу традиционной гипотезы геоцентризма, которая сохраняла свои позиции до Коперника. В свое время Ориген из Александрии (185—254 гг. н. э.), несмотря на то что он являлся первым из великих греческих ученых-христиан, даже вернул к жизни убеждение в том, что эпилепсия и лунатизм — порождение демонов и что эпилептики должны быть лишены Святого причастия.

А между тем «в Риме, как нигде более», как утверждал Констант Марта, «каждый человек, который осмеливался научно объяснить природные явления, считался посягнувшим на безграничную власть богов. Чтобы заниматься наукой, человек должен был набраться храбрости заявить о своем неверии в богов. Вот почему римляне так долго прозябали в невежестве». Отделение науки от религии, которое было великим достижением греков, перестало существовать; а правительство Рима, которое поддерживало государственную религию и склонялось к стоическому детерминизму, проявляло очень ограниченный интерес к науке. Оно было заинтересовано в строительстве и возвращало великих строителей и гражданских инженеров, которые реализовывали проекты греческих и восточных архитекторов; оно постигало искусство ведения войны и возвращало великих военных инженеров. Действительно, если рассматривать область науки в целом, видно, что количество изобретений на протяжении римского периода остается очень небольшим. Верно то, что греки в научном отношении достигли на удивление многого. Греки вывели важнейшие понятия научной теории и математического доказательства, а также показали, как преобразовать первоначальные гипотезы в способные приносить пользу, как проверить эмпирическим путем научные идеи. Теперь пришло время использовать эти идеи на практике. Но это не было сдела-

но: люди древности так и не вступили в индустриальную эпоху. Однако они были на пороге ее. Например, оставался лишь один шаг от исследований Герона до создания и использования парового двигателя. Но в эпоху Древнего Рима этот шаг так и не был сделан, это предстояло сделать Джеймсу Ватту 1700 лет спустя.

Так или иначе, не хватало необходимых побуждений, стимула; и одной из причин этого было то, что естественные науки не входили в общепринятую программу образования. «Механик более низкого сорта, — приходит к выводу Аристотель, — это раб особого рода, раб-специалист», а Цицерон считал, что «все механики задействованы в заурядных профессиях, поскольку любая мастерская не таит в себе ничего прогрессивного». Действительно, высокопоставленные римляне не считали лабораторию приличным местом, а зачатки фундаментальной науки, которыми они, возможно, обладали, ими ни во что не ставились. То, что римляне полагались на труд рабов, также не способствовало появлению изобретений, поскольку это вызывало застой технологий, а также предубеждение в обществе против реальных попыток их усовершенствования. Существуют свидетельства того, что императоры боялись экономического хаоса, который могли вызвать изобретения. Тиберий будто бы убил человека, который изобрел небьющийся сорт стекла, поскольку его открытие могло снизить стоимость металлов, находившихся в собственности у императора; и, когда Веспасиану предложили облегчающую ручной труд машину для транспортировки тяжелых колонн, говорят, он отверг предложение со словами: «Я выступаю гарантом того, что рабочие зарабатывают достаточно денег, чтобы покупать себе еду». В таких историях есть доля истины, и можно предположить, что такие условия не благоприятствовали применению научных изобретений.

Образование в Риме отличалось от греческого еще и тем, что в Риме не было физического воспитания, отказались также от музыки и танцев. Или, скорее, в Риме можно было изучать последние два предмета, но

они не являлись частью общепринятой программы образования. Квинтилиан ратовал за обучение музыке — в качестве дополнения к риторике — с тем условием, что изучаться будет старинная и военная музыка. Когда Нерон объявил о начале новых артистических состязаний в Риме, проводившихся раз в пять лет, высказывались протесты, указывающие на то, что «император и сенат... дали полную свободу аморальному поведению. Они заставляют высшие круги Рима унижаться и становиться актерами и певцами на сцене. Им остается лишь раздеться и драться в боксерских перчатках, вместо того чтобы служить в армии». Дело в том, что физическое воспитание, хотя и модное в передовых кругах, не получило общественного признания и не стало частью общего образования. Нетрудно также понять, почему выдающиеся римляне не внесли своего вклада в достижения живописи, скульптуры и архитектуры эпохи империи (если не считать того, что они являлись потребителями и покровителями этих достижений) — эти искусства также не являлись частью их обучения. Цицерон в высказывании, которое цитировалось выше, называет архитектуру — наряду с медициной и педагогикой — одним из низменных с точки зрения общества занятий. Плиний Старший утверждает, что, хотя изучение живописи и допустимо в качестве подготовительной ступени высшего образования, никто из знатных римлян не был художником в течение вот уже многих веков. И если ты станешь скульптором, добавляет Луциан, «ты будешь просто рабочим, одним из многих, который съезживается от страха перед знаменитыми людьми, раболепствует перед пользующимися славой людьми... Даже если твое искусство, в общем, хвалят, никто из здравомыслящих людей не пожелает себе твоей участи».

Те, о чьем образовании сейчас шла речь, были верхушкой общественной пирамиды. Однако они составляли часть более крупной привилегированной прослойки тех, кто пользовался правами римского гражданства.

Когда император Клавдий провел перепись населения в 47 году н. э., численность населения, зафиксированная его чиновниками, составила 5 984 000. Возможно, эта цифра означает общее число граждан Рима на тот момент, включая их жен и, по крайней мере, старших детей. Если мы будем считать, что, по грубым подсчетам, население империи составляло 70—90 млн человек, становится ясно, насколько незначительной была прослойка граждан Рима. С другой стороны, число граждан и их родственников увеличилось примерно на миллион человек за три четверти столетия, которые прошли со времени переписи населения, проведенной Августом в 28 году до н. э. Хотя существует более ранняя статистика, ее сложно интерпретировать. В соответствии с ней прослойка граждан — после сокращения ее численности на протяжении II века до н. э. — не сильно увеличилась и за сорок лет, предшествующих правлению Августа. Это и неудивительно, принимая во внимание гражданские войны, бушевавшие на протяжении большей части рассматриваемого периода. Действительно, во время недалеко отстоящей от нас мировой войны коэффициент рождаемости, по крайней мере в Британии, быстро рос; увеличился ли подобным же образом коэффициент рождаемости в Риме во время кризиса, нельзя определить, но если это так, то рост рождаемости подобного рода в I веке до н. э. с лихвой компенсировался сильно участвовавшими случаями внезапной смерти.

Первоначально римское гражданство имели свободные жители Рима, и еще в течение длительного времени после формирования римской конфедерации в Италии привилегии гражданства не распространялись на многие территории полуострова. Для того чтобы остановить крупное восстание (90—88 гг. до н. э.), правительство Рима было вынуждено признать права гражданства всех жителей Италии к югу от реки По (89 г. до н. э.), а также пошло на половинчатые меры по предоставлению гражданства жителям Транспаданской Галлии (Италии к северу от реки По), которые обрели

полноправное римское гражданство в 49 году до н. э. Итак, то, что первоначально было привилегией жителей города Рима, теперь превратилось в итальянское гражданство в масштабах всей страны. В эпоху поздней республики и даже в первые годы существования принципата это преимущество возвышало Италию над остальными частями империи. «Славное отечество» (Италия. — *Пер.*) оставалось центром империи и оплотом ее политической, военной, сельскохозяйственной и экономической силы.

Приветствую тебя, великая мать урожаев! О земля Сатурна,
 приветствую тебя!
 Мать человечества! Ради тебя я вношу свой вклад в твое
 древнее
 Искусство, в твою славу; я осмеливаюсь снять печать со
 священных источников
 Древности и спеть сельскую мелодию во всех городах Рима.

Без сомнения, жители Рима свысока смотрели даже на итальянцев, однако с меньшей долей презрения, чем итальянцы, относились к жителям провинций. Мы вкратце остановимся на привилегиях, которые предоставляло право гражданства, а Италия пользовалась также многими другими привилегиями. На ее территории не были расквартированы легионеры; сыновья Италии уже давно входили в число *corps délite* (военной элиты. — *Пер.*), так как за ними сохранялись места в преторианской гвардии, а также, что важнее всего, жители Италии были освобождены от уплаты дани или поземельного налога, которыми были обложены все общины провинций, за исключением тех немногих общин, которым также предоставлялись «итальянские льготы».

Увеличение количества тех, кто имел гражданство, в период между началом единоличного правления Августа и проведением переписи населения Клавдием, вероятно, отчасти объяснялось тем, что в Италию вновь вернулись мир и благополучие. Но это явление происходило еще и частично за счет неуклонного, хотя и проводивше-

гося с осторожностью, распространения права гражданства на избранные общины и отдельных людей в провинциях. Когда в 118 году до н. э., несмотря на то что сенаторы были против появления заморских колоний, была основана наделенная правами гражданства колония в Нарбоне Мартии (Нарбонн) на юге Франции, ей, как впоследствии и многочисленным городам во многих провинциях, предоставили возможность образовать полноправную самоуправляющуюся администрацию — такую же, как и в других городах Италии, жители которых пользовались полноправным гражданством Рима. Затем Марий, которому, как и многим военачальникам, приходилось искать землю для того, чтобы сохранить верность себе бывших солдат, продолжил и развил эту практику, поселив многих из них за границей — в Северной Африке и на Корсике. Однако он не сделал эти поселения полноправными самоуправляющимися колониями; впоследствии колонии в провинциях, наделенные гражданскими правами, в значительных масштабах стали основывать Цезарь, Антоний и Август. Цезарь в качестве таковых восстановил Карфаген и Коринф, в какой-то степени зазывая туда не военных, а гражданских лиц для того, чтобы придать силы фактору торговли, но это оказалось исключением. Большая часть поселенцев были бывшими солдатами. Очень многие из них осели в провинциях Западной Европы и в Италии. Колонии были основаны также в Африке, на Балканах, в Сирии и на севере Малой Азии; а в центральных горных районах этого острова (Писидия) Август впоследствии поселил несколько общин, наделенных правами гражданства.

В таких горных опорных пунктах поселенцы должны были в случае необходимости нести военную службу, чтобы противостоять восставшим местным племенам. В других местах поселенцы также не были избавлены от забот. «Даже после твоего официального увольнения и с началом службы в резерве, — жаловался оратор своим товарищам — участникам мятежа на Дунае (14 г. н. э.), — тебя отсылают в далекую страну и «поселяют» на мокром болоте на невозделанном

склоне горы». Не каждый вышедший в отставку солдат был способен стать умелым и старательным гражданским поселенцем — таким, каких взращивали в Италии в последние годы эпохи республики. Однако в целом эти массовые поселения стали мощным фактором укрепления верности императору. Как и бывшие солдаты Мария, Суллы и Цезаря, которые после поселения их на земле оставались преданными своим военачальникам, поселившим их там, так и большинство ветеранов армий императора, поселенных в колониях с гражданскими правами, несомненно, испытывали чувство преданности к императору и отзывались о нем как о благодетеле и покровителе.

Хотя из-за введения выплат пенсий солдатам масштабы поселения сократились, колонии ветеранов продолжали основываться вплоть до времени правления Адриана, когда тенденция к призыву легионеров из числа местных жителей привела к тому, что необходимость в таких поселениях отпала. Несмотря на то что некоторые колонии пришли в упадок и прекратили свое существование, многие из них сохранились и по мере того, как одно поколение сменяло другое, увеличивались в размерах. Более того, за счет первичных поселенцев увеличилась численность граждан Рима, поскольку в том случае, если они не являлись врожденными гражданами, они получали гражданство при вступлении в легионы. К тому же населению, которое уже проживало в местах, избранных затем для основания колоний, часто предоставляли такой же статус граждан, как и новым поселенцам; и романизация, проводившаяся за счет таких колоний, косвенно приводила к дальнейшему расширению гражданских прав. Служащие вспомогательных подразделений (преемники служащих древних контингентов союзников, которых в эпоху принципата насчитывалось столько же, сколько и собственно легионеров) также обретали права гражданства после того, как они отбыли полный срок на действительной военной службе. Вышеперечисленными способами многие жители провинций становились гражданами. В восточных провинциях граждане Рима все еще

составляли лишь ничтожную часть населения, хотя выдающимся грекам и жителям Востока даровались гражданские права, однако Запад все в большей степени приравнивался к Риму в отношении гражданских прав и культуры. Этому процессу, о котором с одобрением отзывался Клавдий в своей речи, произнесенной перед членами сената, способствовало наделение правами гражданства *en block* (целиком. — *Пер.*) избранных местных общин, иногда после промежуточной стадии «латинского права».

До II века н. э. граждане Рима продолжали пользоваться привилегиями и престижем, которые намного превосходили привилегии и престиж остальной части населения империи. Гордость за этот статус была очень древней, и ее укрепляли расовые, патриотические, религиозные и правовые соображения. Историки объясняли это чувство удовлетворением, которое римляне испытывали по поводу того, что они добились освобождения от самодержавной власти царей (50 г. до н. э.): «Народ Рима не жил под властью монархии, а был свободен. Он решил, что он скорее откроет свои ворота врагам, но не царям». Впоследствии ревностное отношение к определенным правам, присущим средне-статистическому гражданину, было особой чертой характера римлян и являлось одним из наших наиболее значительных заимствований у Рима. В эпоху республики гражданин обладал двумя основополагающими правами: правом обращаться к собранию римского народа (*provocatio*) и правом голоса (*suffragium*) на этом собрании. Оба этих права восходят к очень древним временам; оба они считались гарантом свободы и в таком же виде они изображались на монете эпохи республики (фото 5а). Право обращаться к народному собранию оставалось главной привилегией гражданина. Предполагалось, что в далеком прошлом это право предоставлялось всем римлянам, приговоренным за что-либо к смертной казни, с течением времени это же право стало распространяться на тех, кто был приговорен также к другим видам наказания. Судья, который пренебрег апелляцией и вынес смертный приговор, обви-

нялся в убийстве, если это право не приостанавливало свое действие в случае объявления осадного положения или не аннулировалось в связи с чрезвычайным назначением диктатора. В период империи, если не ранее, этот принцип стал распространяться и на апелляции граждан (*appellatio*), посредством которых правовые дискуссии переправлялись из низшей судебной инстанции в высшую. Но подобным же образом в эпоху империи древнее право обращения к народному собранию сменилось предоставлением права апелляции к высшим судам юстиции под председательством в одном случае консулов, которые председательствовали и в сенате, а в другом — самого императора. Эти новые суды затмили собой значение древних народных судов и особых постоянных уголовных судов, которые от случая к случаю учреждались начиная с 149 года до н. э., для того чтобы разбирать особые преступления — в основном затрагивающие государство — например, взяточничество.

Правом апеллировать к императору особо дорожили. Расширения сферы действия этого права, похоже, потребовал гражданин Рима Павел (впоследствии объявленный святым), когда он предстал перед Порцием Фестом, наместником Иудеи, для того чтобы объяснить жалобы иудейской общины:

«Фест, желая сделать приятное иудеям, возразил Павлу и сказал: «Обратись к Иерусалиму, и там этот вопрос рассудят прежде меня». Павел затем сказал: «Я настаиваю на том, чтобы вопрос разбирался Цезарем, ему следует меня судить... Я подаю апелляцию Цезарю». Затем Фест, посоветовавшись с советником, ответил: «Ты апеллируешь к Цезарю? К Цезарю ты и отправишься».

Поскольку решение не было принято, — а строго говоря, такой апелляции и быть не могло в случае Павла, — то гражданин мог настаивать на том, чтобы император разбирал его дело, и Павел успешно отстоял свое право быть судимым римским законом под руководством императора. Несомненно, он был также за-

щищен от произвольной порки без судебного разбирательства. И даже императоры, какое бы влияние они ни оказывали на судопроизводство, в течение долгого времени продолжали подчиняться закону теоретически, а иногда и практически. Плиний Старший воздает хвалу Траяну за то, что он не ставил себя над законом, в конце II столетия н. э. или позже, только когда подозрения в государственной измене стали занимать все мысли императора, от этой концепции отказались.

Недаром Цицерон, величайший из защитников в суде, отмечал, что права и привилегии граждан, на которых держалась вся римская система, в конечном итоге зависели от несравненного величия римского права, которое выступало их главным гарантом и высшим юридическим основанием:

«Закон — это обязательство, гарантирующее эти наши привилегии в содружестве, основа нашей новой свободы, источник справедливости. Закон — это душа и сердце государства, его здравый смысл и мировоззрение. Государство без закона — это человеческое тело без души, оно не способно управлять своими органами, мускулатурой, кровью, конечностями. Магистраты, которые проводят в жизнь законы, судьи, которые их интерпретируют, — одним словом, все мы подчиняемся законам для того, чтобы быть свободными».

И, испытывая относительно редкое поначалу диктаторское вмешательство императора в свои повседневные дела, законодательство оставалось защитником каждого гражданина.

Римское право отличается высшей степенью практического здравого смысла, воплощенного в ясности и точности идей и языка. Деятели римского права (как и английского) неохотно формулируют принципы, из которых они исходили. Они нуждались в обобщенных нормативах не для себя самих, но для того, чтобы решать возникавшие вновь и вновь проблемы. И лишь немногие из обобщенных нормативов, принятых ими, посредством которых решались все новые юридические проблемы, с тех пор не оправдали себя. Из всех когда-

либо составленных сводов законов древнеримское законодательство ближе всего подходило к тому, чтобы быть принятым повсеместно. Сами римляне осознавали, что именно это делает их выдающимися среди других народов. Они стали первым народом, который подходил к закону с научной точки зрения; правовые системы других государств (включая многочисленные кодексы, в то время все еще распространявшие свое действие на тех подданных Рима, которые не были его гражданами) не являлись примером столь высокой степени систематической практической целесообразности, воплощением которой было римское право. Впоследствии юристы сочли наиболее ценной идею закона как письменного правового обоснования, воплощающего принципы естественной справедливости и сохраняющего независимость от религиозных установок.

Большим достижением римлян считается их подход к закону с точки зрения взаимоотношений одного человека с другим. С давних времен они уделяли самое пристальное внимание законам, регулировавшим эти отношения, и выводили из этого многие их понятия о гражданстве, на которых основываются наши собственные понятия о том, как члены сообщества должны жить друг с другом. То, что римляне уделяли особое внимание этой стороне законодательства, исторически обосновано и связано с важнейшей характерной чертой римского общества. В сфере права, как и в сфере образования, римский род, который подчинялся крайне деспотичной власти его главы, с самого начала был очень могущественным организмом. Отношения одного рода с другим были почти как отношения одного независимого государства с другим; а законы, которые регулировали эти отношения, не были подвержены «капризам» государства. Этот законодательный орган (род. — *Пер.*) мало изменялся в сколько-нибудь значительной степени; поскольку он зависел от тщательного анализа повседневной жизни и от принципов, лежащих в основе деятельности, которая велась внутри него, причин для модернизации было относительно немного.

Итак, это величайшее из достижений древних римлян (римское право. — *Пер.*), одно из выдающихся творений человеческого разума, имело долгую историю продолжительностью более чем два тысячелетия; в течение долгого времени выживание цивилизации, казалось, зависело от сохранения этого достижения. Однако, несмотря на неизменность основной структуры законодательства, в течение многих веков шло медленное, осторожное его развитие. Составители Двенадцати таблиц, которые в V (?) веке до н. э. соединили древние, оракульские обычаи и прогрессивные профессиональные взгляды, уже не были новичками в своем деле. В течение последних нескольких веков до наступления новой эры — об этом периоде мы становимся все лучше осведомлены, — хотя власть отца над имуществом его детей всегда оставалась значительной, его влияние на их личные дела постепенно ограничивалось. Между тем природная пронизательность и пунктуальность римлян в делах законодательства обогащались и развивались благодаря влиянию идей греческой философии, в том числе идеи «естественного», всеобщего права, которая сыграла свою роль в формулировке основного римского принципа справедливости (*aequitas*). Гражданское право было национальным достижением римлян, но эллинизм явился существенным фактором того, что положения гражданского права стали всеобщими, и способствовал признанию его главных принципов (действовавших наряду с менее совершенными местными сводами законов) во всей империи. Первый систематический научный труд принадлежит Квинту Муцию Сцеволе (консул в 95 г. до н. э.) — который читал греков, — а в середине этого же столетия был разработан настоящий метод юриспруденции.

Но классический период римского права наступил позже, чем классический период римской литературы. Зенитом поступательного развития римского права, как и римской архитектуры, был II век н. э. Как только юристы стали затмевать собой клонящуюся к упадку профессию адвоката, началась кодификация законов, к кото-

рой — предпочитая иметь дело с практическими вопросами и отдельными юридическими прецедентами — римляне до сих пор не были склонны. Первым из великих имен, появившихся в эту эпоху, было имя уроженца Северной Африки Сальвия Юлиана (100—169 гг. н. э.), который работал у Адриана — одного из величайших идеологов гуманного законодательства — и получил известность за свои четкие и краткие формулировки. Гай Младший, современник Сальвия, обрел знаменитость у грядущих поколений, так как написал элементарный учебник — «Институты». Но этот период наивысшего развития теории судебного процесса продолжался в последующие годы, которые ознаменовались окончанием мира и стабильности, характеризовавших правление Антонина. Шло дальнейшее впечатляющее развитие, и в последние годы II века н. э. и в первые годы III века — при Септимию Севере и Каракалле — вырабатывались существующие во всей области законодательства принципы. Это было время выдающегося своей логичностью, очень беспристрастного Папиниана (ум. в 212 г. н. э.) и его младшего современника, уроженца Сирии Ульпиана (ум. в 228 г. н. э.), известного абсолютной ясностью своего изложения законодательства. Это были люди, которые создали, укрепили и сохранили правовые условия, в которых граждане Рима могли пользоваться своими правами и привилегиями; и не их вина в том, что, несмотря на их усилия, империя, будучи жертвой распрей и вторжений, уже двигалась навстречу тирании. Но в Средние века вновь именно знатоки римского права возглавили движение, имеющее своей целью освободить личность от пут феодализма и от церковного иррационализма, например, от судебной ордалии (испытание подсудимого физическим страданием. — *Пер.*).

Несмотря на то что граждане Рима обрели право обжаловать судебные решения, эпоха поздней республики и принципата отмечена постепенным сведением на нет тех привилегий, которые возвышали их касту

над другими народами, являвшимися подданными империи.

Существовало множество рассказов о том, как римские граждане успешно отстаивали свои права в прежние времена. В далеком прошлом жизнь и имущество плебеев защищали неприкосновенные народные трибуны. Учреждение должности народного трибуна — традиционно датируемое V веком до н. э. — явилось результатом народных восстаний против власти олигархов. Трибуны могли наложить вето (*intercessio*) на действия чиновников, на выборы, законы и указы членов сената, они могли также пользоваться правами проводить в жизнь законы, которые принимались их избирателями, плебеями, на собраниях (*concilium plebis*). В IV и III веках до н. э., благодаря тому что все постепенно приходило к компромиссу, трибуны стали взаимодействовать с сенатом. Начиная с этого времени, несмотря на то что народ теоретически осуществлял верховную власть посредством народного собрания, на самом деле решения народа, касающиеся государственного управления, почти всегда определялись и направлялись состоятельными и аристократическими слоями общества. Народное собрание проводило голосование лишь по тем вопросам, которые предлагались чиновниками, и, как правило, действовало в соответствии с рекомендациями сената. К тому же увеличение территории Рима в последние два столетия до нашей эры, из-за которого массовая посещаемость народного собрания стала невозможной, способствовало упадку народного собрания, наряду с нежеланием правящего класса проводить реформы. Те, кто посещал собрание, все еще голосовали, причем действительно по важным вопросам — включая избрание консулов и других высокопоставленных чиновников, — но голосование было предрешено ведущими политиками и представителями знати посредством разного рода подкупов и давления. Действительно, «свобода» народа понималась иначе, чем в западных демократических странах в настоящее время. «Для плебея опасно говорить вслух», — отмечал Энний, основоположник римской поэзии, — невлиятель-

ным гражданам даже казалось трудным выступать на народном собрании. Их гражданская «свобода» означала равенство прав личности перед законом, а не право на власть. Человек древности, в отличие от современного человека, не мог претендовать на собственное мнение; цивилизация была слишком хрупкой, ее создавали ценой слишком больших усилий не для того, чтобы подвергать ее опасности из-за чьего-либо собственного мнения.

Действительно, были два момента, когда, казалось, зарождалось нечто вроде демократии, — в III веке до н. э., между 1-й и 2-й Пуническими войнами и сто лет спустя, во время деятельности Гракхов. Но в обоих случаях это было пресечено: в первом случае из-за кризиса в период 2-й Пунической войны и успешного ведения этой войны сенатом, а во время деятельности Гракхов — из-за того, что им не удалось возродить власть трибунов в целях проведения демократических реформ. Их методы действий были не очень продуманными, и консервативные лидеры сплотили вокруг себя своих рьяных сторонников, чтобы пресечь эти реформы. Это привело к тому, что полномочия трибунов были официально урезаны, институт трибунов пришел в упадок во время правления Суллы. Лишь случайно, до и после правления Суллы, народное собрание вновь проявило себя, например, когда оно подтвердило особые военные полномочия Мария, а затем Помпея. Однако даже эти «крамольные» действия, которые не были истинно народными, инициировались сверху. Почти во все времена низшие классы в более или менее добровольном порядке позволяли людям, наделенным большей властью, чем они сами, манипулировать собой.

Но в последние годы существования республики это манипулирование народными массами привело к тому, что значение трибунов стремительно возросло благодаря их способности провоцировать массовые беспорядки (трибуны переживали нечто вроде «бабьего лета»), а также к тому, что стремление неимущих слоев к насилью стали охотно использовать. Ранее правительство республики (в 186-м, 64 гг. до н. э.) преследовало цен-

тры (коллегии), разжигавшие народные выступления, сопровождавшиеся насилием, но в конце эпохи республики в этом отношении установилась почти полная анархия. В таких условиях Цицерон в своих рекомендациях, как построить идеальное государство, выступает категорически против демократии:

«То, что я предоставил народу право свободного голосования, оборачивается тем, что обладание и использование политической власти переходит в руки «людей свободной воли» (*boni*, т. е. высшего класса)... и свобода, возможно, состоит для них в том, что народу милостиво предоставлена возможность завоевать благосклонность этих людей».

В терминах в большей степени философских он утверждает, что «равенство», невежественно трактуемое, нежелательно и опасно, «поскольку равенство в юридических правах, которого так хотят свободные народы, невозможно претворить в жизнь. Дело в том, что сам народ, который является свободным и не ограниченным в действиях, предоставляет особые полномочия многим отдельным людям и создает тем самым огромное неравенство среди людей, а также неравенство почестей, оказываемых им. Кроме того, то, что называется равенством, на самом деле вещь несправедливая, так как когда одинаковые почести оказываются людям как высших, так и низших слоев — ведь и те и другие есть в каждом государстве, — то эта самая «справедливость» становится несправедливой; но такого не может произойти в государствах, которыми управляют их лучшие люди».

Так как Цицерон излагает подобные мысли во время кризисов и восстаний конца 50-х годов I века до н. э., он думает о народе, осуществляющем верховную власть, как о банде голодранцев и головорезов, «отречение Ромула», которые часто собирались для того, чтобы посредством силовых методов вмешиваться в политику метрополии. Мысли о Законе Природы, сде-

лавшем всех людей братьями, были так же чужды Цицерону, как и сам народ.

Когда во главе империи стоял Август, стало ясно, что он согласен с идеями Цицерона о том, что о демократии и речи быть не может. Памятуя о том, что многие военачальники использовали трибунов для сеяния анархии в ходе политических столкновений, Август лишил должность трибуна всего ее значения, включив взамен этого «власть трибуна» без должности в число своих собственных титулов, и это долгое время находило свое отражение на его монетах; последующие императоры продолжили эту практику (фото 5б, 6а). Претендуя на полномочия трибуна, правители Рима имели целью подчеркнуть, что они сами являются лучшими выразителями интересов народа. Действительно, несмотря на то что право гражданина обжаловать решение суда скрупулезно соблюдалось, граждане апеллировали теперь не к народному собранию, а к императору. В то же время еще одно фундаментальное право граждан эпохи республики — право голосования — быстро сходило на нет. Поначалу народное собрание, его полномочия и избирательные права фиктивно сохранялись — Август даже заявил о своем намерении (позже не реализованном) разрешить голосование *in absentia* (открепленное голосование. — *Пер.*) — но никогда не существовало возможности внести чье-то имя в список избирателей или избрать какого-либо кандидата вопреки желаниям императора. Во время правления Тиберия выборы были перенесены из народного собрания в сенат, и, несмотря на то что народное собрание продолжало формально существовать до III века н. э., неизвестно, исполняло ли оно свои судебные или законодательные функции по истечении I века н. э. В других общинах Италии, на которые распространялось право гражданства, выборы с целью ежегодного избрания главных муниципальных чиновников продолжали проводиться в течение некоторого времени. Например, семь тысяч надписей, сохранившихся на стенах Помпеи, содержат большое количество отзывов и обращений, относящихся к выборам, — «Сукновал

Примус просит поддержки Луция Цея Секунда на выборах на пост дуумвира (высокопоставленного чиновника) и т. д.; а романист Петроний рассказывает о том, как претендующие на должность кандидаты в другом городе, возможно ПUTEОЛИ, старались снискать расположение избирателей. Но в Риме выборы имели более серьезное значение для безопасности государства и престижа империи, и незначительный опыт проведенных в прошлом нескольких выборов, которые не контролировались (что вылилось в восстания), убедил Августа и его преемников, что выбор чиновников, даже если исход голосования предварительно предreshен, не должен быть оставлен на волю случая.

Тем не менее политика империи по отношению к низшим слоям римского общества не ограничивалась лишь негативными действиями (лишением политической власти). У этой политики был и позитивный аспект — а именно обеспечение низших классов дешевыми продуктами (из-за чего они были счастливы) и организация зрелищных представлений. Уже в эпоху поздней республики дальновидные государственные деятели, такие, например, как Катон Младший, как и более оппортунистические политики, поняли, что единственно разумной и верной политикой является заставить народ замолчать, развлекая его и выделяя деньги на обеспечение его продуктами. Публичные представления стали даже более впечатляющими, а с 62 года до н. э. месячный рацион зерна (пять пеков) был предоставлен примерно 320 000 попросивших об этом по цене, составлявшей менее половины обычной рыночной цены. В 58 году до н. э. соперник Цицерона Публий Клодий перещеголял Катона, отдав это зерно бесплатно, выделив для этого более половины дохода, полученного благодаря недавним завоеваниям Помпея на Востоке. Это было экономической, в отличие от политической, акцией, подобные которой в наше время предпринимаются колониальными властями.

ми по отношению к населению их африканских владений. Предполагалось, что обыватели, составлявшие большинство граждан Рима, должны держаться подальше от политики, — для которой (за исключением самых примитивных ее форм) они считались неспособными, — и что можно этого добиться, если уровень их жизни повысится (с помощью субсидий) и если они будут развлекаться.

Это — сведения о том, против чего была направлена имперская политика ослабления народного собрания и института трибунов. Август высказался об этом вполне недвусмысленно в своих актах, которые мы можем увидеть сегодня прикрепленными к стене его храма в Анкире (Анкаре). Действительно, он обращается к формуле «сенат и римский народ», но очень подробно рассказывает о том, какими именно милостями он «осыпал» народ Рима:

«Населению Рима я дал триста сестерциев на человека, выполняя волю моего отца (имеется в виду приемный отец — Цезарь) и от своего имени, во время моего пятого консульства я пожаловал четыреста сестерциев каждому, выделив из военной добычи; второй раз, более того, во время моего десятого консульства я выплатил за счет моего собственного наследственного имущества четыреста сестерциев каждому в виде подарка, а во время моего одиннадцатого консульства я двенадцать раз устраивал раздачу мучных продуктов за свой счет, а на двенадцатый год моего пребывания на посту трибуна я третий раз пожаловал четыреста сестерциев каждому. Мои щедрые дары получили не менее чем 250 000 человек. На восемнадцатый год моего пребывания на посту трибуна, будучи консулом в двенадцатый раз, я одарил 320 000 человек из числа городского населения — по шестьдесят денариев...»

И список продолжается.

Цезарь установил новые нормы расходов на публичные представления, а позже Август, хотя и был экономным по своему характеру, счел, что никакие расходы, понесенные в этих целях, не будут слишком большими.

ми. Вот еще одна часть расходов, о которых он с гордостью пишет:

«Три раза от своего имени я устраивал гладиаторские бои и пять раз от имени моих сыновей и внуков; в этих боях сражались около десяти тысяч человек. Дважды от своего имени я устраивал для народа представления атлетов со всех концов света, а третий раз — от имени моего внука. Четыре раза я устраивал Игры своего имени и двадцать три раза — игры имени других правителей... Двадцать шесть раз я организовывал травлю африканских диких животных, в ходе которой около 3500 животных были убиты. Я также показал народу спектакль, изображающий морское сражение на Тибре».

Эти кровавые средства, перечисленные Августом в его собственном отчете, были необходимы для того, чтобы снискать расположение народа к его режиму.

Все последующие императоры соглашались с тем, что двойственная формула «хлеба и зрелищ» годилась для римского населения, а формула «участие в политике» — не годилась. Популярность правителя в столице очень во многом зависела от эффективности и щедрости того, как он применял эти формулы на практике. Особенно щедрым в этом отношении был Нерон, и поэтому его считали настолько незаменимым, что толпы горожан упрашивали его отложить планируемую поездку за границу. Он не только устраивал им дорогостоящие представления, но и настолько обожал верховую езду и езду на колесницах, что сам охотно принимал участие в гонках. Он также зачесывал волосы вперед и укладывал их уступами, как возница колесницы, и именно в таком виде он предстает на монетах (фото 5б). Реверс монеты, изображенный здесь, напоминал всем, кто его видел, что обеспечение их продуктами питания намного улучшилось благодаря большому новому порту (построенному Клавдием), который Нерон открыл в Остии. В том же духе на других монетах, изображающих здания, вновь отстроенные после Великого пожара, показаны не только античные храмы, но и прекрасный продуктовый рынок (Macellum), стро-

ительство которого Нерон завершил пятью годами ранее и после пожара, по-видимому, отстроил его заново.

Этим двум темам — пожалованным хлебу и зрелищам — часто посвящались монеты эпохи империи, так как на это тратились большие, как никогда, суммы. Тит изображает сам Колизей. Траян оставался знаменитым в течение многих веков, так как покровительствовал Играм, которым все еще посвящались памятные монеты, выпущенные примерно через три столетия после времени его правления. Позже, во II веке н. э., незадолго до того, как число праздничных дней в году возросло до 130 (на 37 со времени правления Клавдия и вдвое — по сравнению с эпохой республики), даже просвещенный Антонин Пий подает пример для подражания, изобразив на монете с подписью «Щедрость императора» одного из слонов, которых он приобрел для заклания на арене (фото ба), — возможно, в честь празднования седьмого столетнего юбилея Рима (148 г. н. э.). На тысячелетие города Филипп Араб развил эту тематику, изобразив на своей монете множество животных. Монеты также часто изображают сцены щедрости императора: раздачу чего-либо гражданскому населению Рима. Тем не менее с тех пор монеты с такими сюжетами (хотя их выпуск часто повторялся) дошли до нас в гораздо меньших количествах, чем монеты многих других типов, — похоже, первоначально выпуск таких монет ограничивался небольшими партиями, и они не были предназначены для обращения далеко за пределами столицы. Дело в том, что именно городской бедноте Рима такая политика приносила пользу. Столичное население извлекало для себя выгоду и из постоянно развивающихся материальных удобств Рима, особенно великих бань Тита, Траяна и Каракаллы.

Хотя бани, несомненно, и доставляли удовольствие телам «свободных» римлян, отстранение их от управления государством, а также их зависимость от пожертвований и зачастую ужасных развлечений привели к деградации их интеллекта; а богатые и умные презирали их все больше и больше. Когда публика, присутствовавшая в цирке, стала аплодировать команде, которая

не нравилась императору Калигуле, было записано его изречение, в котором он сожалеет о том, что у народа нет одной шеи для того, чтобы он мог ее отрубить. В литературных кругах часто возникало явно антидемократическое направление. Когда Гораций пишет: «Я ненавижу грубую толпу и держусь от нее в отдалении», он использует образные средства, присущие «жрецу» поэзии, чьи священные обряды не должны оскверняться; он также вторит Цицерону, питая отвращение к «отребью Ромула». Петроний проявляет своего рода добродушное, если не высокомерное, сочувствие к итальянским простолюдинам, которых он изображает; в отличие от почти всех остальных писателей, он даже потрудился воспроизвести их малограмотную речь. Тацит испытывает отвращение к толпам разного рода, к сборищам как военных, так и гражданских лиц, и особенно к населению столицы, где «делаются и процветают самые унижительные и постыдные делишки». Хотя он и отмечает, что даже лишенные чувства собственного достоинства «клиенты» (или рабы) способны на храбрость, в целом он считает толпы жителей столицы алчными, истеричными, суеверными и раболепными. Точно так же считал его даже более озлобленный современник Ювенал. Ювенал страстно ненавидит богатых и аристократов, которых он обвиняет в том, что его прежняя жизнь была полна лишений; но в сатирах, следующих одна за другой, он безжалостно пишет об унижениях (причиняемых другими, также униженными слоями общества), которым подвергают бедных, и в особенности мещан, таких же, как и он сам; однако, поскольку они паразитическим образом зависят от других, они должны винить в своих несчастьях только самих себя. Он пишет Требию, дармоеду Виррона:

Если тебе еще не стыдно за свою «карьеру»,
 И считаешь, что есть хлеб другого человека — это вершина
 блаженства,
 Я боюсь сказать под присягой о том, что ты — честный
 человек...

Он прав в том, что обращается с тобой подобным образом.
 Если ты можешь выносить наихудшее обращение, значит,
 ты его заслуживаешь.
 Позже ты обреешь свою голову и разрешишь ему шлепать по
 ней,
 Ты не избежишь жестоких ударов плетью для того, чтобы
 заработать
 Себе на обед и заслужить благосклонность своего друга.

То, что говорили о Гейне, относится и к Ювеналу: «в той же степени, в какой он ненавидел деспотичный абсолютизм, он ненавидел и скудость ума, которую тот порождает в народе». Точно так же философы эпохи принципата в большинстве своем не поднимались выше того, чтобы не обратить внимания на деградацию толпы. Сенека, как и Цицерон, испытывал любовь к человечеству, однако ему не нравилась «зловонная толпа». Эпиктет, который был в начале жизни рабом, говорит об этом более сочувственным и менее фамильярным тоном: «Если ты встретишься с толпой — на играх, на представлении, на празднике, — старайся провести праздник с людьми. Так как что может быть приятнее для человека, который любит ближнего своего, чем видеть много своих ближних?» Однако он также в какой-то степени разделяет настроения Горация, поскольку он считает, что философу подобает остерегаться простолудинов до тех пор, пока у него самого не сформируются его собственные твердые, возвышенные принципы: «помни, что человек, который счищает с кого-то сажу, сам не может не вымазаться ей». Когда мы читаем это у одного из самых просвещенных языческих мыслителей, можно осознать ту степень возбуждения, с которым в ту же эпоху все большее количество людей читало Евангелие от Матфея, в котором об Иисусе говорилось, что, «когда увидел Он множество людей, был тронут Он жалостью к ним, ибо были они слабы духом и разрозненны, как овцы без пастуха».

Бессильное, подвергавшееся эксплуатации, зачастую совершенно обедневшее население империи включало в себя большое число граждан Рима. То, что сообще-

Образ императора показывают его подданным

1а. Юлий Цезарь

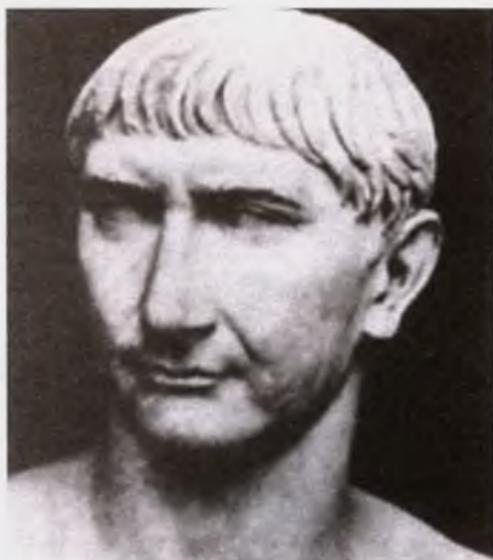
1б. Август

1в-г. Два бюста Веспасиана. Бюст слева изображает его великим императором, а бюст справа — итальянцем среднего класса

Расцвет империи

2а-б. Траян, покоритель мира и отец своего народа

2в. Адриан, самый разносторонний и космополитичный из всех императоров

Новый бог и правитель-философ

За. Антиной, чья смерть вызвала религиозные чувства

Зб. Статуя Аврелия верхом на лошади (слева) и работа Донателло эпохи Ренессанса (внизу), созданная под влиянием статуи Аврелия

Напряжение и кризис

4а. Коммод в облике Геркулеса

4б. Каракалла, имитирующий наклон головы Александра Македонского

4в. Деций, преследователь христиан

Римляне и их противники

5а. *Против часовой стрелки.* Монеты изображают царя Понта Митридата VI, военачальника Фламинина, а последние три — олицетворение гражданских прав римлян — права обращения к народному собранию и права голоса

5б. *Сверху вниз:* Тиберий; Нерон (*слева*) обеспечивает снабжение Рима хлебом (*справа*); шекель восставших иудеев, с кубком (*слева*) и ритуальными растениями (*справа*)

Послания народу

ба. *Сверху вниз:* Гальба (*слева*) провозглашает свободу (*справа*); снова Гальба и Виктория; пожертвования Траяна в пользу образования; Антонин (*слева*) и доставка животных для арены

66. *Первый ряд:* Антонин жертвует в пользу девочек-сирот; *второй ряд:* Север превозносит свою родину, Африку; *третий ряд:* чествуются жена Севера, Юлия Домна, и справедливость правительства

Скульптура эпохи поздней республики

7а

7б

7в

7г

Красавицы Леванта

8а. Изображение из сирийского города Пальмиры свидетельствует о взаимодействии греко-римской и парфянской цивилизаций

8б. Портрет из Египта

Народы Востока и Юга

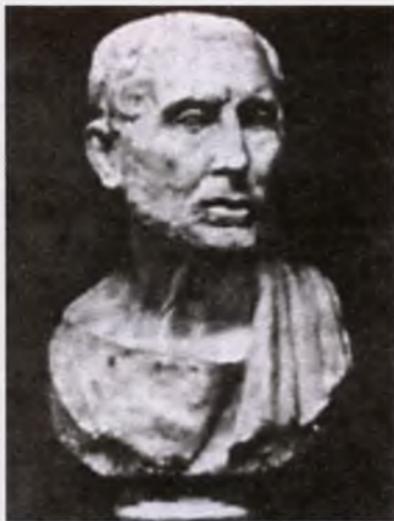
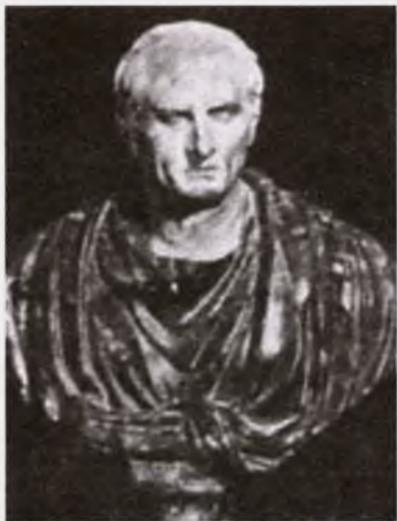

9а-б. Еще один египетский портрет (слева) и сентиментальное изображение мальчика-раба

9в-г. Погребальный портрет из Египта (слева) и молодой раб-негр

Разум или судьба?

10а-б. Выдающиеся писатели-философы I в. до н. э.: Цицерон (слева) и Посидоний из сирийской Апамеи

10в. Копия статуи Эвтихида, известной как Фортуна Антиохийская

Смерть, где твое жало?

11а. Смерть-похитительница

11б. Скелеты на серебряной чаше

11в. Сын Домициана в
младенческом возрасте
разговаривает с семьёю
планетами

11г. Айон, или Время, бог астрологов

Астрологи и маги

12а. Бог Юпитер в центре зодиака

12б. Мозаичный узор отпугивает дурной глаз

12в. Бронзовые руки, отражающие пантеистические идеи

Служа их богам

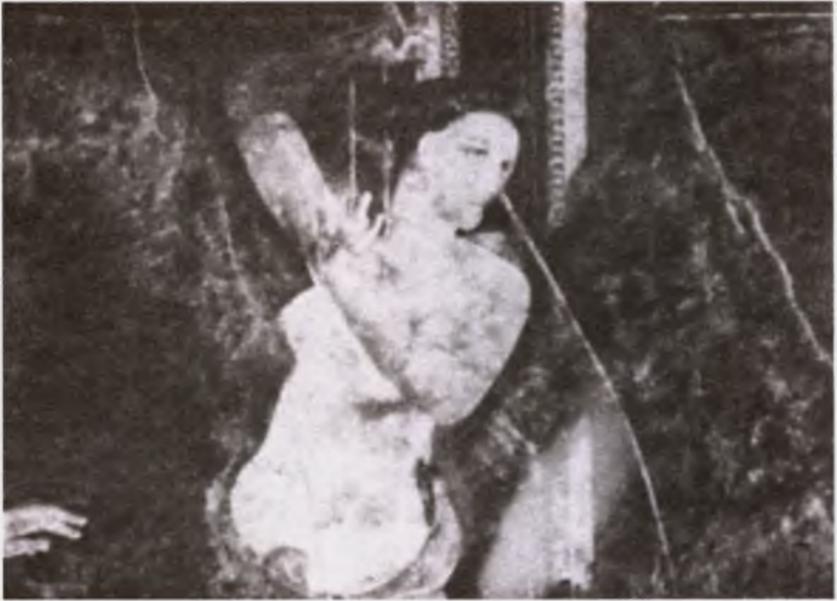
13а. Высший священник азиатской Великой Матери

13б-в. Сэр Джошуа Рейнолдс изобразил фигуру (справа), навеянную греко-римскими менадами (внизу)

Мистерии

14а-б. Настенная живопись в Помпеях приоткрывает завесу секретности, окружавшую культ Бахуса. Посвященный должен был испытать ужасы, прежде чем обрести жизнь после смерти, а неверующий — боль

Гаранты жизни в потустороннем мире

15а. Обряды, посвященные египетской Исиде

15б-в. Саркофаг с изображением Бахуса и Ариадны в триумфальном шествии и ремейк XV в. (внизу)

«Жизни» тех, кто дает жизнь

16а. Саркофаг, изображающий Бахуса, обнаруживающего Ариадну и награждающего ее вечной жизнью

16б-в. Статуи Митры, убивающего быка (*вверху*) и приносящего жертву (*справа*)

ство граждан Рима перестал быть привилегированной кастой, в таких условиях было неизбежно. Элий Аристид из соображений лести относил как граждан Рима, так и всех остальных подданных к одной группе — людей, которые пользуются милостью императора. Но на самом деле при жизни Аристида уже начинал формироваться новый привилегированный класс — а именно бюрократия империи, которая выросла из государственных служащих Августа и на протяжении II века н. э. имела тенденцию к увеличению, а также стремилась все больше и больше возвысить себя над остальными гражданами.

Тем не менее бюрократия недолго властвовала безраздельно, так как еще одной замкнутой группой из числа граждан Рима, постоянно укрепляющей свою власть с последних лет II века н. э., была армия. Она начала менять свой статус непрофессиональной армии на статус профессиональной примерно тремя столетиями ранее под руководством Гая Мария. Этот выдающийся военный новатор, который также прививал легионам становившийся все сильнее *esprit de corps* (кастовый дух. — *Пер.*), подготовил почву для профессиональной армии, отменив существовавший ранее имущественный ценз — в соответствии с которым солдатами могли быть люди, обладающие каким-то состоянием, — для того чтобы принимать в ряды армии тех, у кого вообще не было имущества. Поскольку таким людям выдавали награды и военную добычу их военачальники, а не правительство, республика была раздираема амбициями военных, противостоящих друг другу, за каждым из которых преданно следовали его легионы. Цезарь, в частности, повысил профессионализм своих легионеров — многие из которых происходили из Цизальпинской Галлии, принадлежавшей тогда Италии (49 г. до н. э.), — до беспрецедентного уровня и таким образом передал своим преемникам-императорам «человеческое оружие», с помощью кото-

рого они самовластно управляли империей, сохраняя видимые атрибуты республики.

Августу достались около шестидесяти легионов, но к концу его правления их насчитывалось только двадцать пять. Каждый полнокровный легион состоял примерно из 5000 человек, включая небольшое количество конных гвардейцев (120). Учитывая это, общая численность легионов при Августе составляла около 128 000 человек.

Он также продолжил практику эпохи республики, привлекая к военной службе контингенты союзников, не являвшихся гражданами Рима, и таким образом была создана еще одна часть армии — кавалерия и пехота, — почти равная легионам по численности и не намного уступающая им по уровню профессионализма (фото 19а). Эти вспомогательные подразделения поначалу дислоцировались в той местности, откуда они происходили, но позже эта практика прекратилась. Военная организация дополнялась регулярным флотом, тремя городскими когортами (по 1000 человек в каждой), подчиненными префекту Рима, поддерживавшими порядок в Риме, и девятью подразделениями когорты преторианцев (каждое из которых состояло из 500—1000 человек), выполнявшими функции охраны императора, ординарцев и личных адъютантов. Преторианцы, подчиненные их влиятельному префекту, были жителями Италии (из наиболее урбанизированных ее районов) до II века н. э., позже их начали дополнительно набирать в романизованных регионах Испании, Норика и Македонии. В эпоху раннего принципата легионеров набирали преимущественно в Италии, но все больше по численности становилась часть армии, набранная в наиболее развитых областях Испании и особенно Галлии, так что итальянский элемент медленно уменьшался в численности, пока в I в. н. э. он не исчез вовсе. Менее романизованные регионы вышеупомянутых стран поставляли много людей во вспомогательные подразделения.

Согласно внешней политике Августа, большая часть легионов концентрировались возле границ, по соседству

с Рейном, Дунаем и Евфратом; помимо этого, единственными регионами, где содержались большие гарнизоны, были Северо-Западная Испания и Египет. Центральных резервов не существовало; и в целом армия, в которую теперь набирали людей на определенный срок и выплачивали бывшим солдатам пенсию, из соображений экономии была слишком мала, для того чтобы противостоять серьезной внешней угрозе. При преемниках Августа служба в армии все больше начинала носить характер деятельности по охране границ, — что еще больше подчеркивало отсутствие центральных резервов, — а полевые войска на пограничных территориях постепенно стали носить характер позиционных гарнизонов, заключенных в крепости. Вскоре эти крупные подразделения начали подбивать своих командиров на то, чтобы те добились императорской власти. Первые трагические последствия этого стали очевидны в год Четырех Императоров, когда Гальбу, Вителлия и Веспасиана привели на трон легионы Испании, Германии и Иудеи соответственно. Тацит предвидел, что эти события пагубно скажутся в будущем, и в цикле драматических эпизодов изображает кризис традиционного авторитета законности, спровоцированный этими мятежными армиями.

Когорты преторианцев, в свою очередь, убили Гальбу, и даже ранее они, подчинявшиеся власти префекта, который был вторым человеком после императора по степени влияния, показали, какую опасность они представляют для трона. С течением времени именно они стали самыми влиятельными, циничными и своенравными из тех, кто приводил императоров на трон. Расцвет этого разрушительного явления пришелся на 193 год н. э., когда префект преторианцев Лет всего через три месяца после того, как он организовал убийство Коммода в пользу Пертинакса, убил и самого Пертинакса. Затем преторианцы устроили продажу империи «с аукциона», в котором приняли участие Сульпициан, префект Рима, и даже еще более состоятельный престарелый Дидий Юлиан, — «самое позорное событие, недостойное Рима». Эта опасная практика выдачи армии (сверх обыч-

ного жалования) особых даров (*donativa*) постепенно укоренялась с самого начала эпохи принципата. Денежные премии выдавались при смене императоров, в честь усыновления и других радостных событий. Большая часть денег шла преторианцам, чье жалованье и так было в три раза выше жалованья легионеров, и то же самое касается их даров. В 136 году н. э., когда Адриан усыновил Элия Цезаря (который умер раньше него), сообщалось (возможно, источником, которому нельзя доверять), что суммы денег, розданные солдатам, достигли астрономических размеров — 300 000 сестерциев (один сестерций, возможно, был равен 6 нынешним пенсам или даже больше), и в основном деньги достались преторианцам. Теперь империю «на аукционе» приобрел Дидий Юлиан, и сообщалось, что каждый гвардеец получил 25 000.

Но Дидий оставался императором и в живых только в течение двух месяцев. Его преемник, Септимий Север, под властью которого было двенадцать легионов на Дунае, перед своим вступлением в город потребовал от преторианцев, чтобы они встретили его невооруженными, его легионеры окружили их, и он бесчестно распустил их. За этим решительным шагом последовало возрождение гвардии, численность которой увеличилась до 15 000 человек. Но, хотя до сих пор она состояла в основном из итальянцев, это подразделение с этих пор формировалось за счет пограничных легионов, и Север, рассматривавший его как школу подготовки офицеров, призвал в его ряды лучших из своих людей из числа дунайских гарнизонов. Это было знаком того, что первенство Италии окончилось, а легион стал дислоцироваться в Албано (Албано) возле Рима.

Шаги, которые предпринял Север для того, чтобы отблагодарить войска, сводились к милитаризации всего общественного строя Римской империи. Он не только увеличил численность армии, но и ввел новые различные льготы для солдат, которым было разрешено жениться во время службы, а после увольнения им предоставляли особые привилегии. Коммод увеличил их жалованье на двадцать пять процентов; Север повысил

его еще на тридцать процентов; его сын Каракалла утвердил еще одно повышение жалования на пятьдесят процентов. Первые и последние шаги правления Севера стали символом новой власти и нового характера его правительства. В 193 году н. э. он вступил в Рим в сопровождении своих войск в полном составе и вооружении, а в 211 году н. э., незадолго до смерти, он дал своим сыновьям совет — осыпать солдат сокровищами и не беспокоиться об остальной части населения. Такую политику он, с его выдающимися способностями и безжалостной прозрачностью своих целей, считал необходимой для того, чтобы сохранить власть от внешней угрозы. Эта политика положила начало новой эре; с этого времени ни члены сената, ни граждане Рима — чьи привилегии, де-факто прекратившие свое существование, Каракалла де-юре распространил на всю империю (212 г. н. э.), ни даже высшая бюрократия не являлись привилегированными сословиями. Ими стали демократизированные, неитальянские офицерские кадры и войска, которыми они командовали. Пожалования росли, но при преемниках Севера его формула, отнюдь не гарантировавшая преданности солдат, оказалась бесполезной и убийственной; возросшее влияние военных тем более усилило их стремление назначать и смещать императоров.

В этот (как и в предшествующие) период роль армии должным образом показана в форме пропаганды не только на скульптурных рельефах (фото 18г, 19а-б, 20а, рис. 1), но и на многочисленных разнообразных монетных изображениях. Некоторые темы конечно же не освещались. Хотя часто отмечались щедрые дары императора гражданскому населению Рима, изображения катастрофически огромных даров войскам отсутствовали. И только Клавдий на одной из монет довольно бестактно открыто отразил свои взаимоотношения с преторианской гвардией, которая позволила ему унаследовать престол. В своих титулах, которые содержатся на монетах, императоры также подчеркивали в большей степени свою гражданскую власть, а не командование армией. Воен-

Рис. 1. Бронзовая статуэтка римского солдата, II век н. э.
Из Веллии (*Castellammare di Stabia*)

ные же дела часто упоминаются на монетах таким образом, чтобы подчеркнуть не диктаторское верховное командование, а достижение победы, которая вновь и вновь персонифицировалась в различных обличьях, которые понимали даже самые безграмотные подданные Рима (фото ба). Иногда победы, увековеченные таким образом, на самом деле еще не были одержаны, но существовала надежда, что их одержат в будущем; и так же, в духе принятия желаемого за действительное, монеты эпохи гражданских войн (68—70 гг. н. э.) изображают зачастую несуществующие «Соглашение преторианцев», «Преданность преторианцев», «Преданность армии» — т. е. настойчиво касались темы, к которой обращаются в худшие периоды хаоса, предательства и беспорядка, — например, в III столетии н. э., во время правления Гал-

лиена (253—68 гг.) и Квинтилла (270 г.). Нерва, хотя ему и доставляли беспокойство преторианцы, с которыми не посоветовались насчет убийства его предшественника Домициана, отдавал должное той схеме общества, которая существовала скорее теоретически, совместив «Единство армий» с «Дальновидностью сената», который давно уже превратился в послушного слугу императоров, так же как и граждане Рима вскоре в целом утратят свое привилегированное положение, сначала в пользу подчинившейся императору бюрократии, а затем — армии.

Но что же теперь представляли собой граждане Рима, таким образом постепенно терявшие привилегированное положение, которым они когда-то обладали? Уже давно по крепкому, консервативному мелкому итальянскому фермеру, составлявшему основу республики в прежние времена, когда она развивалась, экономическими катаклизмами II века до н. э. (период больших имений, хозяйство в которых велось за счет рабского труда) был нанесен серьезный удар. Его силу подорвали гибель людей в ходе кровопролития, финансовые неурядицы и политический хаос последующего столетия. Многие роды вымерли; из оставшихся лишь немногие двигались вверх и становились состоятельными или даже очень богатыми людьми; многие двигались вниз и устремлялись в города, вливались в голодающие, буйные толпы, наполнявшие тогда города. Социальная пирамида Рима стала еще круче. Были очень богатые и очень бедные, а находившийся между ними средний класс во многом утратил свое значение.

Однако уже зарождался новый средний класс, значительную часть которого составляли отпущенные на волю рабы и их потомки. О системе рабства кое-что будет сказано ниже; сейчас же следует заметить, что бросающейся в глаза характерной чертой этой системы с самого далекого прошлого было то, что рабов часто отпускали на свободу. Это могло происходить по многим причинам, но в особенности из-за того, что существовал обычай, в

соответствии с которым рабы могли сами покупать себе свободу за счет своих сбережений (*peculium*) — как свидетельствуют юристы, это было главным стимулом к тому, чтобы хорошо работать. В 357 году до н. э. каждый акт освобождения был обложен пятипроцентным государственным налогом, и доход от этого налога был помещен в специальную казну, предназначенную для чрезвычайного положения в стране. К 209 году до н. э. 4000 фунтов золота было накоплено в этом фонде. Из этой цифры вычислили, что ежегодно освобождали около 1350 рабов. Вольноотпущеннику официально не могли быть предоставлены гражданские права, и в других отношениях его свобода также не была полной. Он обязан был с почтением относиться к своему бывшему хозяину и служить ему; вольноотпущенник являлся клиентом, его бывший хозяин — его патроном. Вольноотпущенник не мог предъявить судебный иск без разрешения высших чиновников; если он умирал, не оставив завещания или у него не было наследников, его имущество подлежало возвращению его бывшему хозяину. Хотя вольноотпущенник и мог служить помощником высшего должностного лица или священника, сам он не имел права на высокий военный чин или государственную службу в Риме или в других общинах, наделенных гражданскими правами. Тем не менее любой сын, рожденный от вольноотпущенника после освобождения последнего, был свободным человеком, не подлежащим всем вышеупомянутым ограничениям, и полноправным гражданином. Эта характерная черта истории Рима в значительной степени шла вразрез с принципом, авторство которого Платон приписывал одному из своих ораторов: «Всекие бесцеремонные перестановки внутри слоев общества повредили бы государству; их можно считать высшей степенью подлости, и это будет справедливо».

В середине эпохи Римской республики рабы были обычно военнопленными, происходившими из многих стран, часто они были так же хорошо образованны, как и их хозяева. Итак, население Рима, наделенное гражданскими правами, постоянно пополнялось и видоизменя-

лось за счет примеси сначала итальянской, а затем — греческой, семитской и азиатской крови. Опасения властей по поводу этих новых элементов общества становятся очевидными из распоряжения правительства ограничить возможности вольноотпущенников, сведя их в четыре (из тридцати пяти насчитывающихся в Риме) трибы, иначе говоря, в четыре городские трибы (? 220 г. до н. э.). Поскольку трибами голосовали на народном собрании, результатом этого стало ограничение количества вольноотпущенников-избирателей, для того чтобы ограничить участие их и их детей в голосовании и уменьшить их влияние. Подобным же образом в 169 году до н. э. появилось распоряжение о том, чтобы все беднейшие вольноотпущенники были сведены в одну трибу.

Тем не менее та легкость, с которой в Риме освобождали рабов и предоставляли права гражданства их детям, может считаться либерализмом по сравнению с порядком, существовавшим в других древних государствах. С течением времени из-за огромного числа вольноотпущенников, появившихся в результате такой политики, римское общество стало трансформироваться — в частности, приобретать более восточный характер. Ювенала, как и большинство римлян, принадлежавших к высшим слоям общества или стремившихся к этому, подобная ситуация не устраивала. В своем ставшем известным стихотворении, сетующем на то, что воды Оронта текут в Тибр, он справедливо отмечает, что более развитые рабы, которым было легко добиться освобождения, были из восточных провинций — Сирии или Малой Азии; им, приспособленным для городской жизни, проницательным и деятельным, не хватало более «основательных», нордических положительных качеств западных варваров, которые становились неотесанными рабами, и им никогда не давали свободу. Ювенал писал свои произведения после 100 года н. э., но этот процесс шел полным ходом уже в эпоху республики. По некоторым подсчетам, около полумиллиона рабов были освобождены только в 80—50-х годах до н. э. И эта цифра учитывает лишь тех, кто подвергся официальной процедуре освобождения; помимо

этого, довольно много рабов было освобождено неофициально, а незадолго до окончания эпохи республики преторы распространили закон о защите на бывших рабов, оказавшихся в такой несколько опасной ситуации.

Август энергично взялся за решение всего комплекса социологических проблем. В своем духе он, с одной стороны, ужесточил процедуру освобождения, наложив ограничение на освобождение рабов как по завещанию, так и при жизни хозяина, а с другой стороны, в то же время обеспечил конкретные, надежные преимущества тем, кто обрел свободу в результате надлежащей юридической процедуры. Возможно, Август стремился к расовому «очищению», но, по всей вероятности, его мотивы были не только расовыми. Поначалу он намеревался ограничить число новых граждан хотя бы до такой степени, чтобы стала возможной их культурная ассимиляция и чтобы их мировоззрение могло соответствующим образом приспособиться к политическим требованиям, выдвигаемым режимом. Так, он ограничил социальные амбиции вольноотпущенников, не разрешив их браки с членами семей сенаторов; и позже были наложены ограничения на наследование ими имущества и возбуждение судебных процессов. Подобным же образом он предоставил статус свободных людей тем рабам, которые были отпущены на свободу неофициально, но не разрешил им вступать в права наследования или составлять завещание, хотя их дети рассматривались как «латиняне», которые могли стать полноправными гражданами Рима.

Его главной целью было сделать избирательные права наградой за заслуги; и вместе с вышеупомянутыми ограничениями он явно поощрял тех вольноотпущенников, которые были готовы сотрудничать с ним. Признав их статус, Август рассчитывал стимулировать их иметь больше детей, и вольноотпущенники превратились в могучий средний класс, неоднородный по национальному составу, который пришел на смену итальянскому среднему классу эпохи республики. Действительно, вольноотпущенников все еще не допускали на посты высшего уровня (попытка назначить одного из них, Лицина, на

должность доверенного лица императора в Галлии оказалась неудачной). Но к тем незначительным должностям, которые они занимали в эпоху республики, Август добавил более важные. Теперь вольноотпущенникам давали ответственные посты в римском флоте и в охране, которая выполняла функции пожарной бригады и полиции. Им было разрешено ведать охраной городов в качестве чиновников, чьи обязанности, казалось, в меньшей степени касались общей регламентации жизни населения и в большей — ухода за святилищами римлян. К этим святилищам относились алтари, в которых культ и статуя императора-гения служили напоминанием о том, что вольноотпущенник, осуществлявший надзор за храмом, нашел свое место при императорском режиме. В других частях Италии, а также в Риме различные посты, связанные с поклонением императору, были доступны для вольноотпущенников. Бывшие рабы становились также врачами, юристами, школьными учителями, ремесленниками, хозяевами лавок, управляющими, жокеями, аукционистами, копиистами, танцорами, сутенерами.

Многие из этих вольноотпущенников извлекли для себя огромную выгоду из всплеска процветания торговли, принесенного миром Августа. Карикатурой на таких нуворишей, обычно выходцев с Востока, является «Пир Трималхиона» Петрония, и существуют язвительные, саркастические рассуждения Ювенала на эту же тему. Но в период времени между жизнями этих двух писателей, один из которых творил при Нероне, а другой — при Траяне и Адриане, вольноотпущенники (хотя они могли быть очень богатыми и влиятельными) как политическая сила достигли апогея своего развития и миновали его. Клавдий начал практику назначения вольноотпущенников на ключевые посты в правительстве и на должности политических советников — таких талантливых выходцев с Востока (обладавших огромными богатствами и властью, которой не пользовался ни один из сенаторов), как высший чиновник Паллас (по финансам), Нарцисс (государственный секретарь) и Каллист (советник по петициям). Огромное, пристальное внимание их недостат-

кам и злключениям уделяет Тацит, который считал их выдвижение ужасным предзнаменованием. От него же мы узнаем о влиятельных вольноотпущенниках, пользовавшихся доверием Нерона, — танцоре Парисе и Гелии, который уговаривал Нерона вернуться из его путешествия по Греции. Еще одним вольноотпущенником был Эпафродит, который занимался расследованием заговора сенаторов, купил и освободил философа Эпиктета; он был возвращен на свой пост чиновника, ведающего финансами, при Домициане, который убил его, по-видимому, из-за того, что Эпафродит помог своему прежнему хозяину, императору Нерону, покончить жизнь самоубийством. Но такие императоры, как Веспасиан, Траян и его преемники, считали неблагоразумным слишком во многом полагаться на бывших рабов; и посты в правительстве с этих пор занимали выходцы из вышестоящего класса всадников.

Однако, ввиду традиционной политики освобождения многих рабов, которую проводил Рим, всадники также очень часто были потомками вольноотпущенников. Таковыми были и многие члены сената. Когда в этом органе обсуждались возможные действия, направленные на то, чтобы умерить высокомерие вольноотпущенников, было указано на то, что «большинство всадников, многие сенаторы являются потомками бывших рабов. Стоит только изолировать вольноотпущенников — и вы тем самым лишь продемонстрируете, как мало есть людей, рожденных свободными» (56 г. н. э.). Возможно, — хотя об этом можно только догадываться — девяносто процентов населения Рима в 100 году н. э. были неитальянцами, происходившими от рабов. Римляне эпохи принципата были многонациональным народом, который отличался по этническому составу от тех итальянцев, которые сражались за империю в ранние века республики. Следует ли считать это изменением к лучшему или к худшему, зависит от точки зрения (или национальности) историка, который исследует проблему. Если допустимы какие-либо обобщения, касающиеся миллионов людей, новые, восточного типа, римляне с более

темным цветом кожи были более возбудимы, менее трудолюбивы, не столь целенаправленны, у них в меньшей степени был развит командный дух, чем у их предшественников, но они были более сообразительны, духовны и гуманны.

Глава 4

ПОДДАННЫЕ И РАБЫ

Города-государства Восточного Средиземноморья во времена существования великих царств преемников Александра, которые с течением времени были уничтожены Римом, не многим отличались от городов-государств классической Греции (как Афины V в. до н. э.) внешне и многим — по своему содержанию, сущности. У каждого из этих городов было народное собрание, городской совет, руководящие чиновники, судебные органы, внутренние и внешние конфликты. Но народное собрание утрачивало свои прежние позиции, и, несмотря на то что оно все еще подавало признаки жизни, власть в таких городах находилась в руках группировок состоятельных людей, принадлежащих к высшим слоям общества, которых поддерживали те или иные греческие царства, под чьим протекторатом были эти города. Эти огромные континентальные империи, где передача информации осуществлялась медленно (что было неизбежно), не потерпели бы колебаний политического курса, который могли бы проводить в подконтрольных им городах демократические режимы.

Кроме того, правящие классы городов-государств сами очень боялись революции. На протяжении III века до н. э., по мере того как увеличивался разрыв между богатыми и бедными, эти опасения становились все более серьезными. Состоятельные люди боялись движения за перераспределение земли или за отмену долгов. Образы эгалитарных утопических обществ, которые создали первые стоики и Евгемер из Мессены (300 г. до н. э.), а

также описание коммунистического «Солнечного государства», которое привел Ямбул поколением или двумя позже, казалось, приблизили опасность. А опасность была очень реальна, поскольку в следующий за этим период произошло много восстаний бедноты. К этим восстаниям относятся два государственных переворота в Спарте, которые, хотя рабы и не принимали в них участия (они подняли свои собственные восстания), имели все остальные признаки классовой революции. Казалось, в эту эпоху все аристократическое здание древнего общества дало трещину и, возможно, было на грани разрушения. Именно для того, чтобы предотвратить революцию беднейших слоев населения, в 133 году до н. э. царь Аттал III завещал Риму свое очень богатое бюрократическое царство Пергам. Как результат этого началось именно такое восстание, которого он боялся, — частично националистическое, частично социальное — под предводительством Аристоника.

Римляне подавили восстание, но были не в большей степени, чем их предшественники-монархи, склонны предоставить демократии власть в восточных городах. Так, Цицерон возлагает вину за упадок городов классической Греции на демократические народные собрания; и он дает пояснения о том, что его современники, жители городов, испытывают ненависть и злобу по отношению к атрибутам власти — налогу на имя, поземельному налогу, десятине, портовым пошлинам в пользу Рима. Императоры были согласны с заключением Цицерона. Поэтому в течение всего периода римского владычества власть в городах Востока находилась в руках замкнутых группировок владельцев собственности (членство в этих группировках преимущественно передавалось по наследству). «Величайшие и самые влиятельные люди в каждом городе, — сказал один из членов такой группировки, Элий Аристид, в своем Обращении к Риму в 156 году н. э., — охраняют его (город) для вас». Сохранение жизни и собственности было тогда гораздо более проблематичным, чем в большинстве стран цивилизованного современного мира, и эта

местная олигархия и римские наместники, как отмечали арендаторы имения Сальт Бурунитан, сотрудничали с целью держать в подчинении низшие сословия. В 62 году н. э. в сенате враждебно отзывались о состоятельном критянце, Клавдии Тимархе, который хвастался, что может поставить или сместить наместника Рима. Но обычно наместник главенствовал над теми, кто сотрудничал с ним на местах.

Императоры делали все от них зависящее, чтобы усилить позиции своих сторонников в городах, предоставив значительной части из них римское гражданство, а некоторых даже допустив в члены сената. Первым таким сенатором стал при Тиберии (15 г. н. э.) Квинт Помпей Мацер, внук друга Помпея Теофана из Митилены. Эксперимент не удался, поскольку Мацер был вовлечен в заговор в 33 году н. э. Но Клавдий повторил и продолжил эту практику и распространил эту либеральную политику на менее развитые города на Западе. Это следует из того, что в его речи в 48 году н. э., с большой точностью записанной Тацитом, он рекомендует сенату принять в свои ряды некоторых галльских вождей, приводя аргументы в пользу политики, предполагавшей в качестве щедрой награды за услуги принимать в сенат представителей правящих кругов, не являющихся римлянами, которые охраняли дружественные Риму режимы в провинциях от давления снизу. Он говорит о Галлии, однако сенаторы восточного происхождения также стали появляться во все большем количестве, которое увеличилось в период правления Антонинов. Это была величайшая награда, которую могли получить ориентировавшиеся на Рим аристократы греческих городов, хотя значение награды несколько потускнело, когда сириец Элагабал (218—22 гг. н. э.) снял все национальные барьеры к тому, чтобы в члены сената допускались те, кого он называл рабами.

Эти ориентирующиеся на Рим правящие классы городов включали в себя членов местных советов, которые перестали быть просто комитетами народного собрания и стали постоянными и не несущими ни перед кем от-

ветственности органами власти, заменив собой власть народного собрания. Действительно, в целях пропаганды города должны были называться «демократиями», поскольку это название все еще окружал ореол народного идеала. Однако народным собраниям оставалось лишь «избирать» чиновников, одобряя списки кандидатов, предложенных советом, и принимать законы, утверждая то, что уже решил совет. Плутарх из Херонеи, приверженец Рима, понимал, что необходимо тщательно соблюдать внешние, видимые атрибуты демократии и что нужно немного постараться, чтобы казалось, что деятельность народного собрания не predetermined заранее, — постараться настолько, чтобы заблаговременно подготовить фиктивные диспуты, которые правители провели бы друг с другом на публике.

«Когда народ недоверчиво относится к какому-либо важному, решающему мероприятию, государственным деятелям, которые приходят на собрание, не следует всем выражать одинаковое мнение, как будто они договорились заранее. Двое или трое из единомышленников должны «расходиться во мнениях» и тихо говорить в пользу противоположной точки зрения, а затем поменять свою позицию, как будто их убедили. Таким образом, поскольку будет казаться, что они руководствуются лишь благом народа, они увлекут людей за собой».

Пока эти греческие или эллинизированные местные правящие круги занимали свои посты, им приходилось тратить немало денег на дешевые продукты и развлечения для бедного городского населения, как и на другие издержки государственной службы. Как и в Риме, это было своего рода социальное страхование, целью которого было снискать расположение народа, который так во многом ущемляли. Но расходы оказались настолько обременительными, что во II веке н. э. римское правительство стало оказывать давление на провинциальную знать с целью прекратить ее уклонение от исполнения своих обязанностей. В предшествующие столетия, так или иначе, эти олигархи могли сделать так, чтобы их монополия

местной власти окупалась, — принимая законы, концентрирующие частное владение землей в руках очень небольшого числа собственников, отстаивая свои классовые интересы также другими способами. Например, местные кодексы законов были выгодны для землевладельцев и кредиторов, а единая ставка налогов (аналогичная единой ставке дани таможенной пошлины в пользу Рима) означала, что бедный платил налоги в той же арифметической пропорции, что и богатый, — который, кроме того, контролируя административный аппарат, мог пользоваться незаконными источниками доходов (взятки) и законными привилегиями.

Например, администрация городов, иными словами, магнаты были уполномочены взимать дань в пользу самого Рима. Однако, по мнению более гуманного и деятельного администратора из аппарата императора, местные правящие группировки иногда обращались с подчиненным им населением настолько жестоко, что за них становилось неудобно. Это ясно из отзыва Элия Аристида о Риме как о «надежной защите от власти местных правителей». Действительно, во II веке н. э. императоры часто были вынуждены осуществлять свое вмешательство, чтобы защитить неимущих. В то же самое время они укрепляли союзы с местными олигархами (от сотрудничества с которыми в конечном итоге зависела вся структура империи), даря им все больше императорских милостей. Однако власти Рима были вынуждены установить определенный лимит на привилегии этих олигархов, для того чтобы защитить «маленького человека» во имя как стабильности, так и гуманности, они не могли просто отдать все местным богачам; а их вмешательство в дела провинций с этой целью было одним из факторов, которые ускорили упадок местного самоуправления.

Постоянно увеличивавшаяся пропасть между богатыми и бедными имела склонность проявляться в форме глубокого контраста между городом и деревней. Как и во

времена классической Греции, самоуправляющиеся города-государства Римской империи в своем большинстве владели полосами (размер которых варьировался) сельскохозяйственной земли. Эти города экономически паразитировали за счет деревни. Земля всегда была лучшей сферой вложения средств, и торговля, а также ремесла города в значительной степени зависели от доходов, которые городские аристократы, владельцы земли в сельской местности, получали от крестьян. Таким образом, население сельской местности и деревень, расположенных вокруг городов, в большинстве случаев было обречено на еще более низкий уровень жизни, чем беднота в стенах города. Дело в том, что крестьянство, не имевшее возможности часто посещать собрания в городе, не имело права голоса при решении текущих городских проблем и, таким образом, представляло собой всего лишь многочисленную прослойку, лишенную избирательных прав. Так, мы узнаем, что в Смирне был «верхний город», населению которого противопоставлялись «люди с берега моря», а в Вифинии надписи свидетельствуют о разграничении между «теми, чье имя внесено в список избирателей», и «теми, кто живет в сельском округе». Эти нищие или нуждавшиеся сельские жители часто были вынуждены прибегать к многовековому обычаю продажи себя или своих детей в рабство — обычаю, которому Рим не препятствовал, хотя классическое римское право, разрешавшее широко распространенную практику подкидывания младенцев (особенно девочек), неодобрительно относилось к продаже «свободных» детей в рабство.

Там, в Малой Азии, как и во многих других регионах Востока, эти деревенские местные жители отличались по национальности и культуре от городского населения, которое, не в пример им, было греческим или, по крайней мере, эллинизированным. Ни один из местных языков не сохранился на уровне литературного, но обнаружены надписи, к примеру, на фригийском языке, которые делались до конца I века до н. э., а то, что местные, туземные религиозные верования продолжали пользоваться влиянием, и это влияние порой рос-

ло, свидетельствовало о том, что туземные народы продолжали существовать в сельской местности на протяжении периода принципата. Деревни вели на удивление обособленную от эллинизированных городов жизнь.

Часть римлян тяготела к урбанизации. На востоке, как и на западе, правительству империи нравилось предоставлять племенам, в том случае, если степень их развития была довольно высокой и они считались «надежными», статус города, что давало гораздо большие политические, экономические и культурные возможности. Но эта тенденция, хотя она и была запланирована, не получила широкого развития, и в III веке н. э., по мере того как власть эллинизированного правящего класса ослабевала, видимость политического устройства по греческому образцу исчезала, и сельское население стало отстаивать свои права. Этот процесс нашел свое отражение на монетах, которые римляне разрешали чеканить многим городам Востока до 268—275 годов н. э. За исключением монет, выпускавшихся в некоторых колониях, основанных ветеранами, которые придерживались римской модели, надписи на таких монетах делались главным образом на греческом языке, а исполнение их, хоть и скудное в художественном отношении, навеяно греческими традициями. Но в III столетии н. э. происходит постепенное освобождение стиля от греческого влияния, и это напоминает нам о том, что сельская местность, которую в течение долгого времени игнорировали и притесняли, наконец стала занимать подобающее ей место, и это происходило в ущерб городскому организму, городу-государству, который был издавна характерен для греко-римской цивилизации.

Информацию об отношениях между классами общества на территории всей империи добыть сложно, поскольку большинство литературных источников отражают точку зрения властей предрержащих. Иногда сообщается о единичных случаях недовольства. Что же касается остального, составить определенное представ-

ление возможно путем усердного изучения косвенного литературного или документального материала. Этот материал свидетельствует о том, что на Востоке, а возможно, и на Западе, несмотря на успехи администрации и пропаганду римлян, массы были недовольны состоятельными людьми, управлявшими ими.

Даже в Италии большой портовый город Путеоли отправил в 58 году н. э. в римский сенат две противостоящие друг другу делегации, одну от городского совета, другую — от остальных граждан. Совет жаловался на несоблюдение общественного порядка, а население — на присвоение общественных средств чиновниками и влиятельными людьми. Произошли бунты, сопровождавшиеся метанием камней и поджогами.

А романист Петроний заставляет одного из своих персонажей, Ганимеда, который говорит на малограмотном латинском языке, быть выразителем чувств немущей социальной прослойки этого же или соседнего города:

«Ни одного из вас не волнуется постоянно о том, что цены на продукты внезапно повышаются. Я клянусь, у меня во рту сегодня не было и куска хлеба. И о том, что продолжается засуха. Голод продолжается вот уже целый год. Будь прокляты власти, которые играют с пекарями в игру «Услуга за услугу». Это сильно отражается на маленьких людях... Господи, каждый день становится все хуже и хуже. Этот город катится в пропасть, как хвост теленка. Но почему мы должны терпеть высшего чиновника, который не стоит и трех зернышек перца, который больше заботится о том, чтобы положить две мелкие монеты в кошелек, чем о том, как мы выживем? Он сидит дома, ухмыляется и кладет в свои карманы больше денег в день, чем у других людей все состояние...»

Еще большее недовольство испытывали работники в имении Коммода в Африке. Но в целом существует намного меньше сведений о классовом чувстве на Западе, чем среди населения Востока, которое более охотно высказывалось — на греческом языке, — и в некоторых слу-

чаях его свидетельства сохранились, несмотря на давление, из-за которого жалобы бедняка рассматривались и хранились неохотно. На Востоке недовольство было сильным, и становилось все сильнее: при Флавиях, а затем при Адриане настроение толп изменялось скорее к худшему, чем к лучшему. Как понимали греческие писатели, такие, как Луциан и Плутарх, между богатыми и бедными происходили постоянные конфликты. К концу II века н. э. угнетенные крестьяне стали даже еще более угрюмыми и непредсказуемыми. В Малой Азии, как и, бесспорно, повсеместно, существовала специальная служба сельской полиции, которая, действуя на основе секретных списков потенциальных преступников, имевшихся у наместника, убивала или подвергала аресту мятежников, грабителей и христиан.

Недовольство в городах принимало разные формы. Одна из них была традиционная: хотя народные собрания городов и утратили полную власть, они все еще предоставляли возможность произносить подстрекательские речи, выдвигающие прежние радикальные средства от всех зол, — например, отмену налогов и перераспределение земель. Императоры относились к такого рода беспорядкам настолько серьезно, что приостанавливали деятельность некоторых народных собраний на местах и депортировали действовавших там политиков с левым уклоном на острова. Рим был очень чувствителен к возможным беспорядкам на классовой основе в городах. В небезынтесной переписке с Плинием Младшим-наместник в Вифинии и Понте-Траян, наделенный специальными полномочиями, даже обосновывает интересами безопасности то, что он отверг полезный проект его представителя по организации местной пожарной команды в Никомедии:

«Ты придержишься мнения, что необходимо учредить пожарную команду в Никомедии, как это было сделано в нескольких других городах. Но следует помнить, что организации подобного рода серьезно нарушали спокойствие твоей провинции в целом и этих городов — в частности. Какое бы мы ни дали название этой органи-

зации и какую бы мы цель ни преследовали, давая это название, люди, которые объединены для общего дела, все равно вскоре станут политическим сообществом. Поэтому было бы более целесообразно выделить соответствующие средства для тушения пожаров и объединить владельцев недвижимого имущества, чтобы они пользовались этими средствами сами, призывая на помощь народ, когда это необходимо».

То, что чернь принимала участие в деятельности организаций и клубов, число которых все время увеличивалось, а также то, что толпы собирались в театрах и цирках, казалось источником постоянной опасности: предел классовой ненависти был близок. Совершались нападения на дома состоятельных сторонников идеи сотрудничества с Римом, таких, как Дион Хризостом из Прузы, а Антонин Пий горько упрекал жителей Эфеса в том, что они «не ценят должным образом» достойную восхищения строительную деятельность их местного миллионера Ведия Антонина — они предпочли бы, чтобы его деньги шли на бесплатную раздачу продуктов или на развлечения. Кроме того, группами наемных работников, задействованных в торговле и ремесле, проводились демонстрации против властей и работодателей. Хотя работники-рабы и не имели возможности бастовать, в таких местах, как Малая Азия (где рабы не были в значительной степени задействованы в производстве), проводились трудовые диспуты, вызывающие кое-какие аналогии с современной забастовкой. Эфес вновь опередил всех по количеству протестов против пекарей, осуждаемых эдиктом императора:

«Итак, это случается в то время, когда людей волекает в беспорядки и смуту ничем не сдерживаемое зло в лице группировок пекарей-подстрекателей на рынке, которых давно уже следовало арестовать и отдать под суд. Но поскольку тем не менее необходимо думать прежде всего об их благотворительности в пользу города, а не о наказании этих людей, я решил привести их в чувство эдиктом. Поэтому я приказываю Союзу пекарей как фракции не проводить собра-

ний, а также не становиться во главе людей безрас- судных, но строго соблюдать постановления об обще- ственной благотворительности и непрерывно оказы- вать городу услуги, необходимые для производства хлеба. С этого момента, если кто-либо из них будет уличен в посещении собраний, вопреки запрету, или в провоцировании мятежа или беспорядков, он будет арестован и подвергнут надлежащему заключению».

Эти пекари были городскими концессионерами, так как они работали по особой лицензии городских вла- стей. Возможно, они бастовали в соответствии с санк- циями их объединения; и, по всей видимости, забас- товка не была наказуема, если она не сопровождалась мятежом. Подобным же образом, во время спора, ка- савшегося строительства, в Милете группу рабочих во главе с неким предводителем уговаривали расторгнуть их контракт, выразив свое недовольство. Обычные ра- бочие вовлекались в такого рода манифестации, но их выступления не были пролетарскими в том отношении, что они были организованы (и нуждались в организа- ции) лидерами, чье социальное положение было более высоким; пекари, виновные в волнениях в пекарнях Эфеса, были владельцами пекарен, и зачинщиками та- ких же по сути волнений стала группа подрядчиков в близлежащем Пергаме, а также судовладельцы Арела- та (Арля) в Галлии.

Факты, которыми мы располагаем, слишком скудны для того, чтобы поведать нам, часто ли такие забастов- ки происходили в Азии (где-нибудь еще они наверняка случались редко), какую роль в них играло классовое чувство и пробуждалось ли это чувство под воздействи- ем забастовок. Но главные экономические причины не- довольства в I веке н. э. явно видны из рассказа о чудо- творце-мудреце Аполлонии из Тианы и о его прише- ствии в Аспенд на южном побережье Малой Азии:

«Когда Аполлоний добрался до Аспенда... продавать было нечего, кроме корма для скота и пайков для го- лодающих, так как богачи скупили зерно для экспор- та. Молодые и пожилые люди, охваченные яростью по

отношению к наместнику, зажгли огонь для того, чтобы сжечь его живым, невзирая на то, что он припал к ногам статуи императора.

...Аполлоний обратился к толпе и дал ей знак, призывающий к вниманию. Удивленная толпа замолчала, и люди даже приблизили огонь к находящимся поблизости алтарям. Воспрянув духом, наместник сказал, что Икс и Игрек (он назвал фамилии) «ответственны за этот голод, потому что они заперли зерно в своих амбарах во всей провинции». Граждане Аспенда хотели разыскать этих владельцев плантаций, но Аполлоний покачал головой и знаками дал им понять, что им следует заставить виновных отдать зерно добровольно. Когда виновные прибыли, Аполлоний с трудом удержался от того, чтобы произнести обличающую их речь, так как он сочувствовал слезам толпы, состоящей из женщин и детей, а также стонам стариков, полумертвых от голода. Но он сдержал свой обет молчания и написал свою обличительную речь на грифельной доске, которую передал наместнику для оглашения: «Аполлоний скупщикам зерна Аспенда: «Земля — наша общая мать, ибо она справедлива, но вы в своей несправедливости поступали так, как будто она только ваша мать. Если вы не остановитесь, я не позволю вам существовать на земле». В страхе они заполнили рынок зерном, и город вернулся к жизни».

Классовые чувства были особенно сильны в Иудее. На самом высоком уровне они принимали религиозные формы: те, кто монополизировал ведущие должности, особенно должность первосвященника, были более или менее убежденными саддукеями, в то время как священники, занимавшие менее значительные посты, и левиты в большинстве своем были монашествующими фарисеями (ессеями), составлявшими треть по счету секту, которую Иосиф считал значительной, однако не описанную в Новом Завете. Низшее положение занимали угнетаемые радикальными анархистами пуританами-зелотами (которые считали всех священников и других представителей римской и иудейской знати в равной степени отравленными кор-

рупцией) толпы нищих, таких, как «нищие моряки Тиберия», которые стали противостоят аристократии в эпоху Нерона. Иудейская литература рассказывает много о той пропасти, которая пролегла между богатыми и безнадежно бедными; Иисус часто обращался к этой теме — он поведал притчу о Лазаре и, в качестве вывода к своему высказыванию, относящемуся ко всему мирозданию, — кесарю кесарево, — уверял толпу: «Я снова говорю вам, легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царство Господа».

Но худший вариант классовых контрастов и классового противостояния наблюдался в Египте, где системы городов практически не существовало, и управление страной, к которой относились как к источнику дохода императора, не основывалось на традиционном устройстве провинций. Свидетельств того существует множество, благодаря почве Египта, в которой сохранилось большое количество папирусов. Они содержат множество жалоб на то, что богатые уклоняются от уплаты государственных налогов, и на то, что они грабят крестьян, невзирая на попытки римских наместников препятствовать обоим этим видам злоупотреблений. Эксплуатация в Египте была безжалостная; она усугублялась освобождением привилегированных классов от уплаты подушного налога, сложной системой повинностей и общинных обязанностей, а также несоответствием некоторых римских чиновников довольно-таки строгим нормам честности, в целом свойственным эпохе принципата. В 55—60 годах н. э. деревни в Египте были опустошены из-за побегов и смерти налогоплательщиков, и, когда выдавался неурожайный год, еще больше крестьян умирало. В 152—154-м и в 172 годах н. э. происходили восстания, а в III веке н. э. с бедняками обращались все хуже и хуже. Дошедший до нас папирус содержит подсчеты расходов одного человека, в которых нашли отражение издержки на нужды полиции, военной полиции, информаторов и солдат, а также расходы на взятки, получатели которых не установлены. Очень сомнительно, что «свободные» феллахи и

мелкие местные торговцы римского Египта были более обеспеченными, чем при Птолемах, которые правили ими раньше; во всяком случае, их жизнь была далеко не отрадной, а их негодование было огромным.

В целом Древнему миру было свойственно рабство, и цивилизация Древнего Рима не являлась исключением. Но Рим отличался тем, что рабы здесь использовались в более широких масштабах, чем в империях, существовавших ранее, а также тем, что в эксплуатацию рабов было внесено много изменений. В течение долгого времени эксплуатация рабов была крайне жестокой, но впоследствии стала более гуманной.

Рабы существовали в Риме с самых древних времен. Например, долговое рабство, которое снабжало большим количеством рабов доклассические ближневосточные цивилизации, закреплено в римских законах Двенадцати таблиц, относящихся к V веку до н. э.; поэтому долговое рабство, возможно, было еще более раннего происхождения. За несколько столетий до законов Двенадцати таблиц практика действительно широкомасштабного использования рабов была привнесена на Запад греками-колонистами Южной Италии и Сицилии, а также финикийцами, которые обосновались в Карфагене. Затем, начиная с III века до н. э., в результате победоносных войн поток рабов со всех концов света хлынул в Рим. Например, в ходе 1-й Пунической войны в рабство было обращено 75 000 военнопленных, 30 000 — в ходе 2-й Пунической войны из одного города — Тарента, много азиатов было обращено в рабство после побед Римской империи над царем из династии Селевкидов, Антиохом III (189—188 гг. до н. э.), 150 000 рабов из Эпира в 167 году до н. э., столько же — после победы Мария над германцами (102—101 гг. до н. э.), возможно, около полумиллиона — в ходе галльских завоеваний Цезаря. Рабы продавались на огромных невольничьих рынках, таких, как Капуя и Делос. Также снабжение рынков в значительной степени осуществлялось похитителями людей,

которые, пользуясь содействием знатных римлян, наводнили Средиземноморье; а также беднейшим населением сельской местности, продававшим детей в рабство.

Самым компетентным из обращенных в рабство, а также их детям поручали работу в городе или по дому (фото 96), они даже становились профессионалами — философами, учителями, художниками и архитекторами; в то же время те, кому не повезло, — варвары, преступники — испытывали невзгоды гладиаторских школ и ужасы шахт и каменоломен. Кроме того, после Пунических войн свободных владельцев земельных наделов в Италии постепенно вытесняли крупные скотоводческие фермы, хозяйство в которых в пользу владельца, не проживающего в своем имении, вели бригады, состоящие из рабов. В течение последних двух столетий до нашей эры экономика Сицилии, Северной Африки и прежде всего Италии в большей степени, чем когда-либо, в любой стране, раньше или позже, была основана на рабском труде. Италия оставалась основным центром использования труда рабов вплоть до II века н. э. Но затем поток военнопленных-рабов стал иссякать (последняя крупная добыча была захвачена после войн Траяна против Дакии), и владельцы земельных наделов, которые позже стали так характерны для европейского общества, стали вновь приходить в себя.

Точное число рабов в Италии или в Риме в какое-то определенное время установить невозможно. Вероятно, в годы правления Августа их в Италии насчитывалось два миллиона или более, и они составляли от одной четверти до одной трети всего населения. Эти примерные цифры можно сравнить с бывшими рабовладельческими штатами США, где в 1850 году насчитывался 51 раб на 100 свободных людей. В Риме из одного миллиона жителей примерно четверть были рабами. Многие из них были из Европы, гораздо больше — из Азии и Сирии и, возможно, одна девятая часть — из-за пределов империи. Влиятельные римляне, скорее всего, владели 400—500 рабами каждый. В значительной степени вопреки древней традиции, примером которой служит Регул, который в

III веке до н. э. владел одним рабом и нанимал одного работника, Плиний Старший ссылается на дело Гая Цецилия Клавдия Исидора, который в своем завещании утверждал, что имеет 4166 рабов. Но гораздо более крупными рабовладельцами были императоры, чьи имения и количество челяди неуклонно росли. В провинциях степень использования труда рабов варьировалась в зависимости от региона. Было известно, что в Испании были полчища рабов, существовали крупные рабовладельческие хозяйства в провинции Африка; однако в Египте было больше свободных бедных людей, чем рабов, и, хотя в процветающих эллинизированных городах Малой Азии рабы существовали, в сфере ремесла и сельского хозяйства их было немного.

Как показали реалии греко-римского мира, отношение к рабству в древности было хорошо сформулировано Аристотелем менее чем за столетие до того, как Рим неожиданно получил первую крупную партию заморских пленников: «С момента рождения одним суждено подчиняться, другим — править». Тем не менее проблема эта все больше обсуждалась, и через несколько лет основатели учения стоиков выразили свое убеждение в том, что рабство — это условное, искусственное, неестественное положение; другими словами, рабы, будучи людьми, равны свободным людям. Но когда вскоре после этого в Риме в широких масштабах начал использоваться труд рабов и стали бояться классовых беспорядков, влиятельные друзья Рима — стоики, такие, как Панэций, во II веке до н. э. сделали шаг назад к точке зрения Аристотеля. Как и другие философы того времени, эти новые стоики, хотя они, возможно, в своих мыслях и не проводили теоретического различия между свободным человеком и рабом (считая, что и тот и другой прежде всего человек), довольствовались тем, что считали рабство несчастьем, похожим на другие несчастья, и на этом прекращали разговор. В первые годы римского принципата эллинизированный иудейский философ Филон Александрийский все еще считал аксиомой то, что цивилизация не может существовать без рабов, и соответственно делал вывод,

что приобретение рабов позволительно с точки зрения морали.

Обращение многих римлян со своими рабами, особенно во времена республики, было, по современным взглядам, безобразным и отвратительным — это одно из самых позорных пятен в истории человечества. Хотя рабство и было свойственно Древнему миру, трудно найти какой-нибудь народ древности (кроме, возможно, ассирийцев), который мог превзойти многих римлян-рабовладельцев в бессердечности и жестокости, хотя, может быть, этот «рекорд» удалось побить в XX веке. Продолжительность жизни даже свободных граждан Рима была, скорее всего, не выше, чем жителей Ливерпуля или Глазго в середине XIX века или Индии в начале XX века, а рабы жили еще меньше — по грубым подсчетам, в среднем двадцать один год. Самые ужасные жестокости, плохое обращение испытывали на себе рабы, которых в эпоху республики содержали большими группами в огромных бараках и концентрационных лагерях, расположенных на территории больших поместий и плантаций, а также работавшие в мучительных условиях в грязи рудников (вызывающие жалость эпитафии на могилах рабов, трудившихся на рудниках, дошли до нас). «Какой пагубный воздух, — пишет Лукреций, — в золотых рудниках! Какое действие он оказывает на внешность человека и цвет его лица! Вы видели или слышали, как быстро люди умирают и как иссякают их жизненные силы, когда страшная необходимость заставляет их переносить тяготы такой работы?»

Точку зрения эпохи республики о труде рабов выразил Катон Старший в своей работе «О земледелии». Работа написана во II веке до н. э. Единственная цель Катона — доход. С рабами, большое количество которых он выбирал из военнопленных, следует обращаться как с животными. Складывается впечатление, что больше заботы проявлялось о том, чтобы в хороших условиях содержался бык, который сам о себе позаботиться не мог. Очевидно, некоторых рабов держали в цепях, и, когда они становились слишком старыми для

того, чтобы работать, Катон избавлялся от них с полной бессердечностью. Тем не менее он утверждает, что главное правило управления поместьем — хорошее обращение как с рабами, так и с животными, чтобы у них были силы на выполнение тяжелых работ. Следовательно, надсмотрщик не должен проявлять излишнюю жестокость, наказывая рабов.

«Когда раб находился на своем месте, он должен был либо работать, либо спать. Катон действительно милосливо относился к сонливым рабам, считая их более покорными, чем бодрствующие, и полагая, что те, кто освежил свои силы сном, в большей степени пригодны для работы, чем те, кто не высыпается. Придерживаясь мнения, что сексуальное влечение рабов является одной из главных причин их плохого поведения, он позволял мужчинам общаться с женщинами за установленную сумму денег, и не разрешал никому приближаться к женщинам за пределами поместья... Он также давал взаймы денег тем его рабам, которые хотели этого; они покупали мальчиков и, обучив и воспитав их на деньги Катона, через год снова их продавали. Многих из них Катон оставлял у себя, заплатив рабу-инструктору самую высокую цену, предложенную за них скупщиком...»

У Катона нет и намек на гуманность, однако то, что он вел хозяйство разумно, стремясь к эффективности, предполагало, что плохого обращения с рабами он избегал. Однако другие рабовладельцы сводили своих рабов в могилу непосильным трудом, и это случалось часто. Результатом огромного количества случаев жестокого обращения с рабами было то, что многие рабы, отчаявшись, совершали побег и скрывались. Это было одной из главных причин того, что в определенные моменты во II веке до н. э. классическое общество, казалось, было на грани краха и погружения в пучину. Напуганные тем, что они стали обладать огромным количеством рабов, и зачастую лишенные управленческого таланта (такого, как у Катона), римские рабовладельцы колебались между жестокостью и слабостью. Пословица гласила: «Каждый раб, которым мы владеем, — это враг, которого мы приютили»;

и действительно, беглые рабы собирались в шайки явно повстанческого характера, которые иногда достигали размеров армий. В ходе последовавших массовых мятежей римляне вынуждены были применять полномасштабные военные силы, и было письменно зафиксировано (возможно, без преувеличений), что более миллиона рабов нашли свою смерть. Восстания происходили с интервалами, начиная с 198 года до н. э., но первое крупное восстание разразилось на плантациях Сицилии в 135 году до н. э. Причиной его было жестокое обращение с рабами, включая то, что у рабов отнимали еду и одежду (рабовладельцы цинично говорили, что, если их рабы хотят себе новую одежду, они должны грабить проезжих). Историю этой войны с рабами поведал сицилийский историк I века до н. э. Диодор:

«Никогда еще не было такого восстания рабов, которое теперь произошло в Италии. В ходе его многие города терпели ужасные бедствия, и мужчины, женщины и дети, число которых не поддается описанию, испытали самые страшные несчастья. Целый остров чуть не перешел во власть беглецов, которые целью своего владычества ставили полное истребление их хозяев. Для большинства людей эти события были непредвиденными, явились неожиданными, однако они не казались беспричинными людям, обладавшим здравым политическим мышлением. Из-за своего богатства почти все те люди, которые пользуются благами этого щедрого острова, упивались роскошью, самонадеянностью и уединением. Поэтому, когда степень ненависти рабов к своим хозяевам превысила степень жестокости хозяев по отношению к своим рабам, ненависть однажды, как только представилась возможность, вырвалась наружу. Затем без предварительной подготовки тысячи рабов стали собираться вместе для того, чтобы истребить своих хозяев.

Война рабов разразилась из-за следующего случая. Сицилийцы, сильно разбогатевшие, начавшие вести изысканный образ жизни, покупали много рабов. Рабов толпами гнали из тех мест, где они выросли, и

внезапно ставили на их тела клеймо. Самых молодых из них использовали в качестве пастухов, остальных — на других работах...

Угнетенные изнурительным трудом и побоями, в большинстве своем испытывающие жестокое обращение без всяких на то причин, рабы не могли больше все это терпеть. Поэтому, встречаясь при каждом удобном случае, они замышляли восстание, пока в конечном итоге не осуществили свой план. Среди них был сириец из Апа-меи по имени Эун, раб Антигена из Энны. Своего рода колдун и заклинатель, он утверждал, что предсказывает грядущие события при помощи божественных откровений, являвшихся к нему во сне, и он обманул многих при помощи этого... Перед восстанием он похвалялся тем, что к нему явилась сирийская богиня и сказала ему, что он станет царем. Он повторял это не только другим рабам, но даже своему хозяину...»

Среди средств, которые Эун использовал для того, чтобы доказать свои права на лидерство, было зрелищное представление, изображающее дыхание огнем, которое он показал, спрятав во рту орех, наполненный серой. Его действия по формированию властных структур включали в себя чеканку монет, на которых он называет себя царем Антиохом в память о своей родине — Сирии. Эти одаренные вожди рабов придавали действенность своим прокламациям религиозного характера, взывая к национальным чувствам, и создавали организации, используя социальные шаблоны, с которыми они были знакомы на родине. Перед тем как восстание было подавлено (после того как многие погибли) в 131 году до н. э., армия рабов увеличилась до 70 000 человек, а ее победы послужили толчком к восстаниям в других частях империи. Удивительно, что римляне позволили Эуну умереть естественной смертью в плену; они также не стали прибегать к массовой казни пленных, решив вернуть их владельцам. Но во время вторжений германцев в Галлию рабы Сицилии вновь подняли восстание (104—100 гг. до н. э.), и потребовалось 17 000 римских солдат для того, чтобы подавить его. Предводителем последне-

го крупного восстания был смелый, гуманный гладиатор-фракиец Спартак, чья армия, состоявшая из 90 000 рабов (он отказался принять в ее ряды еще многих добровольцев), терроризировала весь итальянский полуостров (73—71 гг. до н. э.). Война закончилась тем, что Красс казнил 6000 рабов, которых он взял в плен. Их распятием вдоль Аппиевой дороги, от Капуи до Рима, закончилась эпоха великих восстаний. Они представляли самую серьезную угрозу Риму со времен Ганнибала.

Но в воздухе витали новые, менее жестокие идеи, хотя поначалу высказывались они осторожно. Стоик Посидоний, современник Спартака, понял, что дурное обращение некоторых рабовладельцев со своими рабами представляет опасность всему обществу. В тот же период стало понятно, что, поскольку у раба есть душа, ему можно разрешить принимать участие в религиозных действиях; в храме Надежды в Минтурне в число действующих прислужников входило столько же рабов, сколько свободных и вольноотпущенников, вместе взятых. За исключением коротких периодов времени (64—58 гг. до н. э. и годы правления Цезаря), им разрешали также быть членами клубов (*collegia*) — организаций взаимопомощи, которые образовывались повсеместно. Кроме того, в работах энциклопедиста и деятеля сельского хозяйства Варрона (116—27 гг. до н. э.) примитивное стремление Катона к прибыли уступило место более сложной экономической теории благосостояния. Варрон видел в рабах говорящие средства производства, которые отличаются от безгласных орудий труда, таких, например, как вилы, тем, что требуют психологического изучения и чуткого, гуманного обращения. Цицерон понимал, что его Братство людей фактически не может сделать рабов такими же, как и свободные люди, хотя искренняя гуманность, присущая ему, заставляла его быть добрым, заботливым и даже ласковым в отношении их. Когда умер раб, который читал ему вслух, Соситей, Цицерон написал: «Я очень огорчен. Никто бы не мог подумать, что я могу быть так огорчен из-за смерти раба». Он также писал теплые

письма своему преданному секретарю и рабу, позже вольноотпущеннику, Тиرونу; а отвращение, которое он испытывал к ужасной Сассии, которая злоупотребляла пытками своих рабов, было искренним и осуждающим. Хотя рабов должны были пытать перед тем, как разрешить им давать свидетельские показания (считалось, что иначе они не будут в состоянии сказать правду), тем не менее в этот период зарождения первых ростков гуманизма существовали некоторые признаки того, что самым ужасным зверствам будет положен конец.

Но эти признаки стали более отчетливо видны столетие спустя, в работах другого известного древнеримского моралиста Сенеки из Кордубы (Кордовы). Этот необычный человек сочетал в себе склонность к человеческим слабостям (когда он занимал должность министра Нерона и стал миллионером) и тепло человеческих чувств, которые тем не менее были искренними, поскольку были результатом научной деятельности Сенеки. Его «письма на моральные темы», адресованные его другу Луцилию, — в отличие от большинства писем Цицерона, предназначенные для публикации — содержат изложение его эпохальных взглядов на рабство, которые связывают идеи Братства людей с повседневной жизнью благородного римлянина. Конечно, он не предлагает освободить всех рабов, однако он требует, чтобы к ним относились, как к людям:

«Я был рад узнать от твоих посетителей, которые приходят сюда, что ты поддерживаешь дружеские отношения со своими рабами. Это соответствует как твоему здравому мировоззрению, так и твоей философии. «Они — рабы». Возможно, и так, но они все-таки люди. «Они — рабы». Но они живут с тобой под одной крышей. «Они — рабы». Друзья, даже скорее покорные друзья. «Они — рабы». Да, рабы — люди, если ты считаешь, что судьба одинаково властвует над ними и над тобой. ...Пожалуйста, подумай о том, что человек, которого ты называешь своим рабом, рожден из того же семени, над ним такое же доброе небо, он дышит так же, как и ты, живет так же, как и ты, умирает так же,

как и ты!.. Обращайся со своим рабом по-доброму, а также вежливо; говори с ним, делись с ним твоими размышлениями, дай ему побыть в твоём обществе!»

Подобные чувства теперь получили распространение среди культурных римлян, а Плиний Младший высказал их более проникновенным языком (который был свойственен его переписке), например, описывая более понятными и чувственными, чем Цицерон, словами то горе, которое он пережил, когда умирали рабы, которые были дороги ему. Начиная с этого столетия мы находим эпитафии душам умерших рабов; в имении императора в Карфагене, в котором хозяйство вели рабы, появилось собственное кладбище, а рабы состояли в обществах, которые оплачивали похороны своих членов.

В результате распространения более гуманных идей среди высших классов общества Август и его преемники издали постановления, предполагавшие защиту рабов от жестокого обращения. Например, Клавдий лишил рабовладельцев права деспотично убивать или выбрасывать на улицу больных рабов. Но укоренявшиеся сострадание и гуманность неизбежно пришли в противоречие со строгой буквой закона и суровыми обычаями и политикой, соответствовавшими этим законам. Дело в том, что, в соответствии с законом, между рабом и свободным пролегла пропасть. «Субъекты права подлежат основной классификации — все люди либо свободные, либо рабы». Фактически раб был человеком-имуществом, которое можно было купить и которым можно было распоряжаться, как и любым другим видом собственности. Он был во власти своего владельца, бесправен. Но даже если закон видел в рабе вещь, на самом деле он был человеком, и человеком, чей вклад в экономику и общественную жизнь заставлял признавать в нем личность. Вот в чем состояла дилемма.

Очень пронзительно и драматично рассказывает об этом Тацит. В 61 году н. э. произошло убийство городского префекта Луция Педания Секунда. Убийцей был раб-мужчина. Префект либо нарушил данное ему обещание освободить его, либо вмешался в его любовные

дела. По традиции, которую узаконил указ сената, датируемый временем правления Августа, такое происшествие влекло за собой пытки и казнь всех рабов в хозяйстве умершего — включая, в соответствии с указом Нерона, тех рабов, которые должны были обрести свободу по завещанию их хозяина. Решение провести эту казнь вызвало в 61 году н. э. серьезный общественный протест, но сенат не внял ему.

Раздавались протестующие возгласы сожаления по поводу того, что казни подвергалось такое количество людей, большинство которых были, вне всяких сомнений, невиновны, жалости к женщинам, к молодым людям. Однако тех, кто был за проведение казни, было большинство. Тем не менее огромные толпы с приготовленными заранее камнями и факелами не дали привести приговор в исполнение. В своем эдикте Нерон упрекал население; вдоль всей дороги, по которой приговоренных вели на казнь, он выставил войска. Затем было предложено выдворить из Италии также всех бывших рабов префекта, которые жили с ним под одной крышей. Но император наложил вето на это предложение — древний обычай не был смягчен, но он не должен был и делаться более жестоким.

Тацит не выносит свой собственный вердикт; он приводит аргументы в пользу суровости приговора и ни одного — в пользу помилования, тем не менее он пишет, что убийство было совершено под влиянием гнева.

После этого опасного случая в годы правления Нерона продолжалось изменение законодательства с целью защиты рабов от жестокого обращения. Веспасиан оградил женщин-проституток от издевательств. Домициан, несмотря на то что большая часть остальных его законов были реакционными, стал преследовать в судебном порядке тех, кто в целях выгоды кастрировал рабов. Адриан запретил рабовладельцам убивать рабов и постановил в законодательном порядке, что к пыткам следует прибегать лишь тогда, когда на обвиняемого имеется стойкое подозрение и когда другие свидетельства доказывают вину столь убедительно, что требуется лишь при-

знание рабов (чтобы окончательно доказать вину); а затем допросу подлежит только ограниченное число рабов, которые, возможно, находились на довольно близком расстоянии и видели что-либо существенное.

Этот и другие немаловажные законы Адриана, а также административные акции, такие, например, как изгнание в ссылку на пять лет в Умбрию за жестокое обращение с рабами, — свидетельствуют о неизменной готовности этого императора оказывать поддержку непривилегированным слоям населения, а также о его четком понимании того, что рабовладельческое общество и экономика того времени нуждались в людских ресурсах. Его преемник Антонин Пий продолжил этот процесс, издавая дополнительные законы, наказывавшие тех, кто убивал рабов или жестоко с ними обращался. Он выпустил указ, в соответствии с которым, если жестокость рабовладельца признавалась невыносимой, он обязан был продать своих рабов ввиду того, что «в интересах хозяев будет, если тем, кто с полным основанием добивается спасения от жестокости, голода и невыносимой несправедливости, не откажут». А Септимий Север и его сыновья, несмотря на диктаторские черты, характерные их режиму, продолжали издавать столь же гуманные законы, в соответствии с их уравнительными взглядами.

Хотя в условиях той социальной системы все еще считалось, что необходимо применять строгое наказание — такое, например, какое применяли в отношении рабов в хозяйстве убитого рабовладельца, — юристы конца II и начала III века н. э. разделяли мнение стоиков о том, что рабство — это обычай, противоречащий естественному праву: «Рабство — это институт права, общего для всех народов [*ius gentium*], в соответствии с которым, вопреки закону природы, человек подчиняется власти другого человека». «Что касается римского права [*ius civile*], рабов оно ни во что не ставит; однако все обстоит по-другому в области естественного права, поскольку, в соответствии с естественным правом, все люди равны».

Грек в Риме в середине II века н. э. был бы поражен отсутствием внешних отличий между рабами и свободными людьми. Например, и те и другие носили одну и ту же одежду; предложение обязать рабов носить другую одежду было отклонено сенатом в интересах общественной безопасности первостепенной важности — «тогда они увидят, насколько нас мало». Но Ювенал, очевидно, был прав, когда отмечал, что рабу богача живется лучше, чем беднейшим гражданам. Марк Аврелий, хотя он и считал равными себе лишь свободных людей, даже спрашивал: «В какой иной всеобщей конституции, кроме нашей, может принимать участие целый народ?»

Один из наиболее спорных вопросов истории античности касается меняющейся роли рабов Рима в экономике страны. Справедливо отмечалось, что дешевый рабский труд подорвал сельское хозяйство Италии, истощил почву, затормозил развитие техники; что многие рабы не могли выполнять сложные работы, и наступивший вследствие этого упадок ручного труда уничтожил стимул к развитию технологий. Тем не менее не следует недооценивать способности некоторых рабов обучаться нескольким смежным профессиям, как и справедливости того, что в условиях античности прежде всего рабство, а не другие возможные средства, увеличило размеры избыточного капитала, находящегося в руках имущих классов. Даже в эпоху поздней республики, когда масштабы использования рабов в сельском хозяйстве и ремесле значительно возросли, они, вероятно, превзошли по численности наемных рабочих лишь в скотоводческих хозяйствах. То, что позже на смену рабской рабочей силе пришли свободные арендаторы, объясняется тем, что в эпоху принципата, когда приток военнопленных сначала сократился, а затем иссяк, рабов стало мало, и они не были дешевыми.

Итак, рабовладельческое общество естественным образом постепенно развивалось. Однако в жестких политических условиях III и IV веков н. э. отношение к рабам, которое менялось к лучшему, иногда пережива-

ло обратное развитие. Даже основатели христианства, знавшие Новый Завет и гуманистические идеи язычества эпохи империи, не осуждали однозначно структуру рабовладельческого общества и так и не смогли разрешить дилемму между традиционной практикой и нравственным отрицанием ее, свойственным языческим правоведам. Вплоть до XIX века движение за отмену рабства, поддержанное христианской этикой, так и не достигло существенных успехов; тем не менее рабство все еще существует и в современном мире.

Видимым и существенным признаком жажды власти у римлян была их жестокость. Она выражалась в варварских, первобытных телесных наказаниях, которые зачастую заканчивались смертью — римляне распинали, пытали, жгли и хоронили заживо, сбрасывали с Тарпейской скалы, в целях мести вырезали пленных, топили, посадив в мешок; жестокие наказания применяли главы семейств и школьные учителя. Не зря символами римской власти были топорик и прутья (*fascēs*). И, несмотря на то что некоторые из римлян, возвышаясь над миром, залитым кровью, в котором они жили, протестовали против этой жестокости, а затем последовали позитивные реформы, рабы всегда страдали больше всего.

Остается обсудить наиболее отталкивающую деталь затронутого вопроса — истребление рабов в гладиаторских боях (рис. 2), — развлечение римлян, с которым по степени популярности мог сравниться только цирк. Кровавые состязания отнюдь не греческого происхождения — они пришли через Кампанию из Этрурии, где они, возможно, первоначально являлись частью церемонии похорон вождя. Первым письменным свидетельством их появления в Риме служит описание поминальных игр аристократа в 264 году до н. э., когда сражались лишь три пары гладиаторов. Нам известно о гладиаторских боях, которые с успехом были представлены вниманию публики в 160 году до н. э. вместе с пьесой Теренция. Столетие спустя во время игр,

Рис. 2. Мозаика, изображающая сражающихся гладиаторов. Галерея Боргезе, Рим

которые, как эдил, устроил Юлий Цезарь, количество гладиаторов увеличилось до 320 пар; а вскоре началось строительство постоянного амфитеатра. Цицерон обсуждал гладиаторские бои, слабо извиняясь, считая, что они развивают смелость и выдержку. Тем не менее он подвергает их критике как дурное развлечение.

Гладиаторские бои были неотъемлемой частью политики «хлеба и зрелищ», которую император считал себя обязанным проводить для народа Рима. Описывая свои заслуги в этом отношении, Август говорит в общей сложности о 10 000 гладиаторов, которые сражались в постоянном амфитеатре, построенном частично из камня. Отношение императорских особ к подобного рода боям было разным — от скуки (Марк Аврелий считал их «нудными») до глубокого восхищения, — хотя, вне зависимости от их убеждений, они, как правило, не осмеливались запретить кровопролитие или сократить его масштабы. Лишь Тиберий испытывал такое отвращение к боям, что не только сократил расходы на игры, но часто отсутствовал на них. Что касается его сына, Друза Младшего, то римская публика была в высшей степени шокирована его сильным увлечением этой бойней.

Критическую публику, которая посещала подобные представления в итальянских городах, — афиши этих представлений можно до сих пор увидеть на стенах Помпеи — олицетворяет в романе Петрония один из гостей на званом обеде у Тримальхио, Эхион:

«Наш добрый Тит обладает большим воображением и пылкостью... Он категорически против полумер. Он предоставит вам лучших бойцов, которые не отступают; прямо в середине, где всем зрителям все хорошо видно, будет твориться мясорубка... В конце концов, что Норбан когда-нибудь делал для нас? Он выпускал на арену каких-то квелых, ничего не стоящих гладиаторов, которые ничком падали, если на них дунешь; я видел бандитов, которых заставляли драться с дикими животными, — те и то выглядели лучше. Он проливал кровь каких-то пехотинцев, посаженных на лошадей, которых можно было бы забить светильниками; ты бы назвал их домашними петухами, один мул был хромым, другой — кривоногий, а запасные гладиаторы — просто искалеченные трупы, которых бросали в бой вместо других трупов. Один человек, фракиец, победил, но он также сражался, как подобает школьнику. Короче говоря, их всех потом перебили. Как же огромная толпа кричала: «Уложите их!»

Тысячи гладиаторов жили еще хуже и умирали. В Риме решение о том, оставить ли жизнь побежденному гладиатору, принимал император. Победителя щедро награждали, и он оставался в живых для того, чтобы вновь сражаться. Хотя обычные гладиаторские бои никогда не приедались, императоры старались придумать новые разновидности бойни, чтобы развлечь свой народ. Например, крупномасштабные «морские сражения» устраивали Цезарь и Август. Самые дорогостоящие бои устроил Клавдий в 52 году н. э., когда, хотя девятнадцать тысяч бойцов и «были преступниками, они сражались, как храбрые люди. После того как было пролито много крови, их пощадили». Нерона больше интересовали менее кровавые, греческие развлечения, тем не менее в голову ему пришла мысль заставить знатных женщин драться друг с другом на арене, чтобы пощекотать пресыщенные нервы. Позже Домициан заставлял женщин драться с карликами.

Отец Веспасиана Домициан и брат Тит даровали городу его монументальный Колизей (фото 26а, 26г, Пула

в Югославии), который вмещал 45 000 сидячих и 5000 стоячих мест. Торжественным открытием сооружения стали устроенные Титом представления, продолжавшиеся 100 дней. Затем, на протяжении лишь четырех месяцев, в 107 году н. э. Траян в честь своих побед в Дакии отправил на арену 10 000 гладиаторов — столько же, сколько и Август за все время своего правления. Обнаруженные недавно письменные источники содержат некоторые цифры, относящиеся к устроенным им представлениям в 108—113 годах н. э. Там упоминаются два небольших представления, на одном из которых сражались 350, а на другом — 202 пары гладиаторов, а также большое представление, которое продолжалось 117 дней и в котором была задействована 4941 пара гладиаторов. В общей сложности приблизительно 23 000 гладиаторов сражались в период между 106-м и 114 годами н. э. Для этого вполне подходили пленные даки, а Траян славился своим увлечением играми; его панегирист Плиний Младший вторит невнятным объяснениям Цицерона. Среди императорских особ увлечение такими увеселениями в гораздо большей степени испытывал Коммод, который, устраивая поединки инвалидов, которых он сам же и добивал, с размахом организовывал и классические гладиаторские бои. Он гордился тем, что лично сражались в не менее чем 1000 боях, 365 из которых он провел в годы правления своего отца, праведного Марка Аврелия. Вскоре после этого будущий император Гордиан I устраивал бои гладиаторов каждый месяц в течение года своего пребывания на должности эдила, задействовав в них в общей сложности от 4000 до 5000 гладиаторов.

И тем не менее уже за полтора столетия до этих игр Сенека, высказывая свои просвещенные идеи по поводу рабов в целом, выразил недвусмысленное отвращение к ужасам арены.

«Я случайно зашел на дневное представление в надежде спокойно развлечься, увидеть нечто вроде комедии, испытать некоторое облегчение, чтобы мои глаза могли отдохнуть от рек человеческой крови. Но нет — как бы не так! Все предыдущие бои были прямо-таки милосер-

дными. Долой эти пустяки: теперь идет настоящая, примитивная кровавая бойня! У гладиаторов нет ничего, что могло бы их защитить; их тела абсолютно открыты для каждого удара; каждый удар находит свою цель. Многие люди предпочитают это всем остальным гладиаторским состязаниям, будь они частью программы или проводятся по особой просьбе. Это действительно так. Шлем или щит не защитят от меча. Что толку в вооружении? Что толку в искусстве владения холодным оружием? Все это лишь ненадолго оттягивает смерть. Утром люди дерутся со львами и медведями, днем — со зрителями. Зрители натравливают нынешних безжалостных убийц на тех, кто станет палачами в будущем; победителю сохраняют жизнь для очередной кровавой схватки: смерть — единственный выход для гладиаторов. «Но этот, тот или другой человек совершил ограбление на большой дороге!» Ну и что? «И убийство!» Если он убийца, он заслуживает то, что получает. Но в чем состоит ваше преступление, несчастные, за что вы осуждены смотреть на все это? «Убей! Бей! Жги! Почему он отступает от холодной стали? Почему он боится убить? Зачем так бояться умирать?» Недовольство зрителей гонит его навстречу мечу. «Пусть дерутся друг с другом нагишом — вгрызайтесь в голую грудь!» Антракт в представлении. «Перережь горло нескольким людям, чтобы развлечь зрителей во время перерыва!» Что вы, люди, разве вы не видите, что плохой пример отражается на тех, кто его подает?»

В том же духе более просвещенные греки с ужасом отвергали идею гладиаторских боев. Тем не менее пристрастие к подобным развлечениям распространилось даже на греческих территориях Римской империи, где один за другим сооружались амфитеатры. Следует сказать, что во II веке н. э. философ-киник Демонакс Кипрский сумел наложить вето на предложение устроить гладиаторские бои в Афинах. Тем не менее в западных провинциях гладиаторские бои не прекращались до начала V века н. э. (к этому времени Римская империя уже в течение ста лет официально была христианским государством). На востоке бои прекратились поколением раньше.

Рис. 3. Рельеф, изображающий бой с дикими животными

Это произошло при жизни св. Августина, который лучше, чем кто бы то ни было, описывает непреодолимое чувство возбуждения и очарования, которое эти кровавые зрелища вызывали у одного из его друзей.

Схватки между дикими животными также были чрезвычайно популярны: однажды во время правления Тита 5000 животных было убито в течение одного дня. Сенека испытывал к подобного рода развлечениям не меньшее отвращение, чем к бою гладиаторов, и с такой же ненавистью отзывался еще об одном ужасном обычае римлян — появившемся во II веке до н. э. и запрещенном лишь Константином в 326 году н. э. — убийстве людей в амфитеатре не только вооруженными гладиаторами (как это было до появления этого обычая), но и дикими животными (рис. 3). Именно от этого обычая ведет свое происхождение современный бой быков. Август придал зрелищности этому виду казни и развлечения, возведя на форуме позорный столб, который падал и опускал жертву, бандита Селура, в клетку с дикими животными. Но взрослый период жизни самого Сенеки приходится на время правления императора Калигулы, в котором (если хоть малая толика слухов о нем, которые воспроизводит Светоний, — правда) воплотился свойственный исконным римлянам садизм, выразившийся в исключительно жестоких поступках; вид людей, которых разрывали на куски животные, казалось, доставлял ему огромное наслаждение.

Рис. 4. Рельеф, изображающий осужденных в амфитеатре. Из Милета (Балат, юго-запад Малой Азии); музей Стамбула

Некоторые из тех, кому была уготована такая участь, были невооруженными, приговоренными к смерти преступниками (рис. 4) — например, христиане, которых Нерон безжалостно убивал как козлов отпущения, обвиняя их в поджоге, в котором подозревали его самого. Христиан предавали мученической смерти и другие правители в Лионе, Карфагене и многих иных местах. Но некоторые из тех, кого заставляли сражаться с дикими животными, были опытными и вооруженными охотниками, т. е. иначе говоря, владели профессией гладиатора.

Гладиаторы были рабами. С одной стороны, некоторые из них вызывали чувства пылкого восхищения, такие же, какие современная публика испытывает по отношению к кинозвездам и популярным певцам; девушки Помпеи исписали стены любовными признаниями гладиаторам. С другой стороны, жизнь этих людей была невероятно суровой и сопровождалась постоянной смертельной опасностью, которая облегчалась, возможно, лишь надеждой на то, что устроители представления будут на их стороне, поскольку последние получали скидку на гладиаторов, вернувшихся в школу невредимыми.

Во II веке н. э. доктор Гален Пергамский описал воспитанника одной из крупных, хорошо организованных императорских школ гладиаторов — короткую предполагаемую продолжительность его жизни, его раскормленную, избитую, бесформенную фигуру и его ужасные раны. Своим настроением гладиаторы отличались друг от друга — как видно из письменных источников, оно было разным — от суицидального отчаяния до вспышек раздражения в том случае, если их отстраняли от боя. Императоры и сенат определяли сроки их службы.

Человеческие жертвоприношения принимали также драматические формы. В Колизее ставились театральные представления, убийства в которых были не фиктивными, а настоящими. При Домициане публика могла увидеть пьесы, в которых преступник совал свою правую руку в огонь, а другого заключенного распинали. Такие спектакли в амфитеатре превзошли по популярности игры в цирке и привели к тому, что люди перестали посещать театры, которые вышли из употребления спустя полвека после смерти Коммода. В этот период Тертулиан видел представление «Смерть Геркулеса», в ходе которого актер, игравший Геркулеса, был на самом деле сожжен. С каким-то мрачным удовольствием Тертулиан красноречиво пишет о величайшем из спектаклей, который должен был состояться, — «День Страшного Суда», в котором все римские императоры, чиновники, ученые, строители зрелищ — даже те, чей род занятий был в меньшей степени фатален, — подвергнутся всеобъемлющему великому истреблению — гораздо большему по масштабам, чем те убийства, которые они сами совершали. «Каким грандиозным будет спектакль в этот день, с каким размахом он будет поставлен. Такое зрелище вызовет у меня восхищение, смех, радость и ликование, когда я увижу... как магистраты, которые преследовали имя Иисуса, плавятся в пламени более неукротимом и неистовом, чем то, в котором они в ярости сжигали христиан».

Часть третья

ВЕРОВАНИЯ

Глава 5

СУДЬБА И ЗВЕЗДЫ

Постоянно повторяющиеся ужасы и жестокость, описанные в предыдущей главе, были явлением исключительно этрусского происхождения. Такого не могло быть в классической Греции, где, несмотря на все недостатки, всегда было определенное число людей, включая занимавших высокие должности, которые жили, руководствуясь более разумными, рациональными принципами. Эта тенденция упрочилась вместе с прогрессом в области точных наук, которые достигли своего наивысшего развития в эллинистической Александрии в III веке до н. э. Вместе с тем, начиная с этого времени, в течение всего существования Древнего Рима, рационалистический подход подвергался все большим гонениям. Научно мыслящие люди составляли ничтожное, почти незаметное меньшинство в мире Древнего Рима, в котором, с одной стороны, состязания в амфитеатре были предметом практически всеобщего восхищения и, с другой стороны, обычные знания людей уже не считались чем-то значительным; была утрачена вера в силы человека и возможности человеческого познания.

Период Древнего Рима был временем не только необузданной кровожадности, но также пессимизма и сомнений в способности человека воздействовать на свое собственное будущее. Существование имперского правительства и пропаганда, заявлявшая о поддержке культа

древних богов, не устранили укоренившегося ощущения того, что человек плывет по течению, брошен на произвол судьбы и всюду его подстерегает опасность. Главной богиней, на которую уповали сомневающиеся в своих возможностях люди, была Фортуна. «Во всем мире, — утверждает Плиний Старший, — в любом месте и в любую минуту каждый человек взывает к Фортуне и произносит ее имя: она — единственный защитник, только ее во всем обвиняют; она — единственная мысль в умах людей, единственная, кому воздают похвалы, единственная первопричина всего. Ей поклоняются и обижаются на нее, ее считают изменчивой и зачастую слепой, блуждающей, противоречивой, неуловимой, непостоянной, благосклонной к тем, кто этого недостойн... Мы так во многом уповаем на милость случая, что случай — это наше божество». Плиний писал это в I веке н. э., но он, возможно, опирается на греческие источники, относящиеся к гораздо более раннему периоду, так как, по свидетельству Полибия, культ Фортуны охватил и покорил весь мир Средиземноморья уже в III и во II веках до н. э. Миллионам людей казалось, что над всем абсолютно властвует удача, везение.

Богов не существует: говорить, что всем управляет Юпитер, — неверно:
По воле слепого случая текут года.

Многие считали, что воля Случая или Фортуны подчинена какому-то порядку, и это вне области понимания человека. Но Фортуна не была чем-то неосознанным; ее можно было увидеть, как видел ее Гораций, когда она помогала людям подняться и так же сражала их одним ударом.

Фортуна со злобным весельем
Заставляет человека, ее раба, противиться ей
И гордиться тем, что он отрицает ее предназначение.
Фортуна редко бывает благосклонна;
Она все-таки изменчива и непостоянна
И часто враждебна.

Она содействует успеху и падению,
Приводит человека в восторг от соперничества
И устраивает лотерею жизни.

Другим людям, в меньшей степени пессимистам, казалось, что благосклонность Фортуны и ее немилость уравновешены — «сегодня — тебе, завтра — мне»; поэтому вера в Фортуну оставалась. Но все же постулат «срывай розовые бутоны, пока можешь» — такого рода примитивное, поверхностное эпикурейство — был самым распространенным из всех жизненных кредо. Серебряный кубок, найденный в Боскореале близ Помпей (теперь он находится в Лувре — фото 11б), содержит изображение скелетов человека с надписью «Наслаждайся жизнью, пока жив, потому что будущее неопределенно». Один скелет держит большой кошелек с деньгами (написано — «зависть») и бабочку (олицетворяющую душу человека), которую он показывает собеседникам. Возле него небольшие по размеру скелеты играют на лире и хлопают в ладоши. Идея этих изображений в том, что самое лучшее из всего этого — кошелек, полный денег, и развлечения, которые можно на эти деньги купить: трать деньги, пока у тебя есть такая возможность.

Одной из наиболее известных и имеющих наибольшее значение статуй Древнего мира (296—290 гг. до н. э.) была статуя Фортуны работы Эвтихида (Тихэ) из Антиохии, богатого, недавно основанного города, который в недалеком будущем станет третьим (после Рима и Александрии) величайшим городом Римской империи. Скульптор изображает Фортуну сидящей на берегу божественной реки Оронт (фото 10в). Существовало не поддающееся подсчету количество копий этой статуи, и у каждой общины была своя Фортуна. У каждого человека также была Фортуна, и она практически олицетворяла его индивидуальность и то, к чему она его ведет. Фортуна считалась даром, полученным из рук мудрого Провидения, и силой, которая является непостоянной,

Рис. 5. Статуэтка Фортуны. II век н. э. Британский музей

действует избирательно. Римские императоры присвоили Фортуны себе: их монеты содержат изображение «Фортуны Августа» — назидательный образ небывалого величия, патриотизма и трудностей, сопровождающих судьбоносную жизнь правителя. Небольшие личные, сокровенные статуэтки Фортуны хранились в домах и дворцах (рис. 5); Антонин Пий хранил золотую статуэтку в своей спальне, а на монете его чеканки он называет Фортуны «*Obsequens*» («покорность». — *Пер.*) — то есть потворствующей его желаниям. На монетах Коммода Фортуна предстает как «*Manens*» («постоянно сопутствующая»), которая столь же крепко обуздывает, как ее изображение на рисунке обуздывает коня. Культ Фортуны распространился далеко за пределами греко-римского мира и надолго пережил Римскую империю. К ней взывал Данте, и люди, жившие во многих странах в эпоху Возрождения, проявили такую же преданность Фортуне, изображая ее или нечто, ее символизировавшее, в произведениях живописи.

В I веке н. э. люди стали меньше говорить о Фортуне как богине удачи, счастливого случая и боль-

гие, как и он, чувствовали себя подавленными ужасной, неотвратимой тиранией Судьбы. «Судьба правит миром, и все сущее прочно держится на определенных законах... в момент нашего рождения видна наша смерть, и конец нашего жизненного пути зависит от его начала», — пишет поэт Манилий в начале I века н. э.; и «с рождения до дня нашей смерти все предопределено», — утверждает учитель Овидия Ареллий Фуск. И Манилий и Фуск говорят о своей вере в неизбежность, неотвратимость Судьбы. Эта вера придала стоицизму, несмотря на явно противоречивую веру стоиков в Бога и их этику, характер исключительно механистического учения. Однако Цицерон отказывается верить в слепую силу Судьбы. «Я называю Судьбу закономерностью и рядом причин, в котором одна причина в сочетании с другой причиной порождают следствие». «Предназначение Судьбы — скрывать наше незнание фактов и причин». Сам он твердо стоял на гуманистических позициях. Признавая очень существенную и действительно огромную роль, которую играет слепой случай, тем не менее в том, что касается великих событий — таких, как победы и поражения, — он считает, что, хотя в них и есть элементы случайности, они не могут происходить (к счастью или к сожалению) без воздействия на них человека, без его участия.

В глубоко религиозном мировоззрении Вергилия вокруг Судьбы (Фатума) сплелась сложная сеть традиционных и личностных верований. В поэме «Энеида» слово «судьба» приобретает много значений и нюансов. Судьба есть у всех людей, однако у всех людей судьба разная. Судьба в мышлении Вергилия может выступать как Рок, который управляет всем миром; и в этом смысле убеждения Вергилия близки к теории стоиков о божественном управлении Судьбы миром. У Вергилия Судьба становится выражением имманентного всемирного божества. В «Гимне Судьбе», написанном стоиком Клеанфом, к Судьбе и Юпитеру обращаются по отдельности, но они связаны друг с другом. Образы как Юпитера, так и Судьбы появляются в поэме Вергилия, однако не всегда понятно, имеет ли в виду автор то, что воля Юпитера под-

чиняется Судьбе, или же воля Юпитера и есть Судьба. Но в душе Вергилий был монотеистом, верящим, как и стоики, в единое всемогущее божество, которое он отождествлял с Судьбой. Миссия этого божества состоит не в предоставлении абсолютной свободы, а в наделении величайшей из добродетелей — *pietas*, благочестием. Это — самое главное качество, присущее Энею, который кричал: «Давайте следовать туда, куда призывают нас Бог и жестокая Фортуна!» В «Энеиде» Фортуна может означать все, что угодно, — от признания фатальной неизбежности Рока до его противоположности — признания свободной воли человека. В сущности, Судьба, или Фортуна, по Вергилию, — это не просто механистическая сила, зародившаяся по законам природы, как греческая Ананке, или ничего не значащая случайность (такое толкование встречается иногда у греческих поэтов), а осмысленная цель божества, которое стоит над миром и находится внутри него. События, которые кажутся предопределенными судьбой, и явно иного рода события, которые, казалось бы, не укладываются в фаталистическую схему, в равной степени происходят по воле Провидения, которое позже в преисполненных торжественности отрывках из «Георгик» и «Энеиды» ассоциируется с Вселенной. Эти поэмы содержат в себе непоколебимую веру во Вселенную, глубокомысленные рассуждения о ней, а также сложный, замысловатый образ ее. Хотя народ Рима и был чужд философии, было бы неудивительно, если бы Вергилий, проживи он дольше, посвятил свою жизнь философии.

Размышления Тацита о дилемме между Судьбой, которая управляет всем, и свободной волей человека не менее глубокомысленны, но более мучительны, сложны и, следовательно, более неопределенны. Он фаталист, но главную роль Судьбе он отводит лишь в том случае, когда другие факторы бессильны, — например, когда «Бог бессилён». Он колеблется в своей вере в сверхъестественные явления. В целом он, возможно, принимает найденный стоиками, признанный многими компромисс, заключающийся в убеждении, что, хотя внешние

обстоятельства, события вне человека предопределены, его внутренняя, духовная жизнь определяется его собственным свободным выбором. Размышления Тацита на предмет слухов о даре предсказания, который приписывали придворному астрологу Тацита Трасиллию, являются характерными и показательными:

«Когда я слышу эти и подобные истории, я чувствую свою неуверенность в вопросе о том, управляет ли жизнью человека неизбежная необходимость, определенная Судьбой, или случайность. Мудрейшие мыслители и их ученики расходятся во мнениях на этот предмет. Многие уверены в том, что Небесам нет дела до нас, рождающихся и умирающих, вообще нет дела до людей, — и поэтому праведники часто страдают, а порочные люди процветают. Другие с этим не согласны; они уверяют нас в том, что, хотя все происходящее предопределяется Судьбой, все тем не менее зависит не от перемещения звезд, а от принципов и логики природы, ее обусловленности. Если следовать этому убеждению, мы свободны сами определять свою жизнь. Но, предупреждают нас, когда выбор сделан, последующий ход событий изменить уже нельзя. Тем не менее те, кто разделяет подобные взгляды, считают, что широко распространенные суждения о том, является ли этот ход событий благоприятным или неблагоприятным, могут быть ошибочны: многие из тех, кто кажется несчастным, становятся счастливыми, если они стойко переносят свои трудности; другие (так или иначе благополучные) люди становятся несчастными, если они неправильно пользуются своим благополучием. Так или иначе, большинство людей считают нормальной веру в то, что наша жизнь предопределена с рождения, что дар предвидения событий подтверждают удивительные свидетельства, как современные, так и древние. Если предсказание не сбывается, это происходит единственно из-за невежественных самозванцев, которые подвергают это предсказание сомнению».

Непостоянство милости императора — той милости, в могуществе которой, казалось, было нечто божественное, — наводила его на те же мысли: «Это заставляет ме-

ня задуматься о том, является ли милость императора по отношению к одним людям и опала — по отношению к другим predetermined судьбой с рождения, как и все остальное, или же что-то зависит и от наших собственных замыслов».

Позже, во II веке н. э., когда создавал свои произведения Тацит, эту и подобные проблемы тщательно, хладнокровно, с долей язвительности изучал один из самых популярных скептиков, греческий, или греко-сирийский, писатель Лукиан из Самосаты на Евфрате, отличавшийся занимательной манерой письма. Его изобретательный, парадоксальный ум стремился к нигилизму. Его целью было не иметь ни надежд, ни страхов и смеяться над глупостью и притязаниями других людей. В своих эссе, рассказах, пантомимах и пародиях он использовал яркие, живые диалоги. В одном из его «Диалогов умерших» он изображает верховного судью (подземного царства. — *Пер.*) Миноса, которого поставили в тупик логичные аргументы недавно умершего пирата Сострата в ходе их спора о судьбе.

«С о с т р а т. Дела, совершенные мной в моей жизни, — совершены ли они по моей собственной воле или же они predetermined Судьбой?

М и н о с. Разумеется, predetermined.

С о с т р а т. В таком случае все мы, вне зависимости от того, считают ли нас честными людьми или же мошенниками, во всем, что мы совершали, мы были лишь орудиями в руках Судьбы?

М и н о с. Конечно; Клото predetermined поступки каждого человека в момент его рождения.

С о с т р а т. Теперь представь, что человек совершает убийство по принуждению силы, которой он не в силах противостоять, например, палач, который исполняет распоряжения судьи, или телохранитель, который подчиняется деспоту. По-твоему, кто же убийца?

М и н о с. Конечно, судья или тиран. Ты бы еще спросил, виновен ли меч, который является всего лишь

орудием ярости человека и который в этом случае представляет собой главную действующую силу.

С о с т р а т. Я признателен тебе за дополнительное доказательство моего аргумента. Вот еще: раб, посланный своим господином, приносит мне золото или серебро. Кому я должен быть благодарен? Кого в своей записной книжке я назову своим благодетелем?

М и н о с. Того, кто послал раба. Тот, кто принес тебе золото, — всего лишь исполнитель.

С о с т р а т. Тогда смотри, как ты несправедлив! Ты наказываешь нас — тех, кто является всего лишь рабами, исполняющими волю Клото, и награждаешь тех, кто лишь исполняет чьи-то благодеяния. Никто никогда не будет утверждать, что в нашей власти было возражать против приказов Судьбы, которым противостоять невозможно.

М и н о с. Ах, Сострат! Если хорошенько вдуматься, можно найти множество парадоксов помимо этого. Однако, как я погляжу, ты не обычный пират, а в каком-то отношении философ. Своими вопросами ты многого добился. Отпусти его, Гермес, он не будет наказан. Но смотри, Сострат, ты не должен забивать голову другим людям и научать их задавать такие же вопросы».

Вера в Судьбу, которую нельзя или почти нельзя изменить, или в слепой Случай породила широко распространенное ощущение бесцельности и скуки, которые, по свидетельству Сенеки, были характерны его времени. Но люди сопротивлялись безысходности будущего, заведя множество разнообразных суеверий, которые в той или иной степени были основаны на их ощущениях. «Если не существует истины, которая не была бы осознана нашими предками, — пишет Т.С. Элиот, — тогда не существует и заблуждений, которыми они не были бы сбиты с толку». Однако эти верования, кроме того, немаловажны, потому что они являются материалом, на основе которого формировались мысли и чувства народов Рима и его подданных. В свою очередь,

ранняя христианская церковь возникла в качестве протеста против этих верований.

Прежде всего, подавляющее большинство населения Римской империи, включая очень многих самых образованных людей, верили в звезды, — и эта вера послужила большим стимулом к размышлениям о судьбе и удаче. Иначе говоря, они верили, что движение солнца, луны и звезд оказывает влияние на жизнь и смерть, судьбу и счастье человечества. Во всей Римской империи эта вера была настолько общепринятой и всеобъемлющей, что она может называться преобладающей религией мира Средиземноморья в рассматриваемый период.

Основой веры в звезды было убеждение в том, что между Землей и другими небесными телами существует своего рода гармония — какое-то космическое «родство», посредством которого они подчиняются одним и тем же законам и одинаково ведут себя. Люди считали (и этому учили философы), что в этой системе поддерживается единство, и все ее части зависят друг от друга. Люди испытывали неутолимое любопытство и стремились найти место человечества в этой системе, — и казалось само собой разумеющимся, что человечество не может не входить в эту систему, поскольку в эллинистическом мире уже отвергли как ересь теорию Аристарха Самосского о том, что Земля не является центром Вселенной. В масштабном и впечатляющем движении небесных тел, как и в передвижении войск возле гомеровской Трои, должна быть какая-то закономерность, и эта закономерность должна действовать и на Земле. Должно быть соответствие; небо и Земля являются частями единого целого, и то, что происходит на небе, должно происходить и на Земле из-за того, что Земля и небо непрерывно обмениваются взаимодействующими молекулами и излучениями. Люди верили, что небесные тела впитывали в себя токи, исходящие от Земли, и предположение о том, что излучения идут и в обратном направлении и существенным образом воздействуют на Землю и на людей, населявших ее, также казалось разумным. Следовательно, людь-

ми, способности которых к принятию решений и проведению их в жизнь были ограничены, управляют неизменные, бесчувственные, чуждые морали небесные сферы.

Так появилось основополагающее убеждение цивилизации Древнего Рима — одна из самых ужасных доктрин из тех, которые когда-либо угнетали человечество. Доктрина эта ведет свое трудное для понимания происхождение с древних времен. Астрономия, с течением времени уничтоженная астрологией, была единственной естественной наукой, интересовавшей Платона. После его смерти ученые Александрии совершили в этой области великие научные открытия. Но и они и Платон непредусмотрительно пренебрегали тем, что выходило за рамки открытых ими закономерностей, и настаивали на том, что небесные тела должны быть единообразными, не способными на изменения. Вслед за поэтами, авторами трагедий, которые считали Солнце, Луну и звезды божествами, Платон твердо верил в их божественность, включив в нарисованную им картину идеального устройства Вселенной комплексную астральную теологию. Уже во времена Платона греки и другие народы Средиземноморья с большим интересом изучали культ звезд, существовавший в Вавилоне. Вскоре после смерти Александра Великого, когда мир Средиземноморья постепенно отказывался от ценностей небольших городов-государств, в которых воплотились многие из его древних идеалов, профессиональные астрологи стали передавать грекам знания, которыми обладали жители Вавилона. Утверждают, что первым из них был Берос, который перевел произведение «Глаз Бела» и возглавлял школу астрологии на острове Кос. Затем в III или II веке до н. э. Бол из Мендеса (Египет) написал трактат, объясняющий и доказывающий взаимодействие звезд с людьми. Эта книга, «О симпатиях и антипатиях», стала бестселлером, практически не имеющим себе равных по степени воздействия на народы Средиземноморья.

Такие верования хорошо сочетались с идеями одного из великих философских течений, сменивших школу Платона, — стоиков. Полагая, что в душе человека есть

искра божественной силы, которая управляет небесами и озаряет их, стоики верили в божественное происхождение небесных тел и считали астрологию доказательством этого единства Вселенной. Астрология, по их мнению, могла повсеместно заменить старые культы городов-государств. И так, в то время, когда наука начала терять свое влияние, ее место заняла астрология. Существенную поддержку астрологии оказало одобрение одного из наиболее выдающихся, образованных, плодовитых и влиятельных мыслителей Древнего мира, Посидония из сирийской Апамеи (135—50 гг. до н. э., фото 106), который утверждал, что основополагающие принципы астрологии — это ключ к гармонии во Вселенной. Несмотря на большую разносторонность своего интеллекта и неутолимую жажду знаний (которые косвенным образом способствовали возникновению массового интереса к физическим явлениям), он считал астрологию истинной наукой, и вслед за ним она считалась таковой на протяжении последующих столетий и тысячелетия.

Почему эти верования в течение такого долгого времени пользовались повсеместной поддержкой? Во-первых, поклонение Солнцу казалось чем-то естественным, само собой разумеющимся; персы поклонялись Солнцу в течение многих веков, и Платон идеализирует эту практику и называет небесное светило «детищем главного божества». Более того, воздействие Солнца на Землю является собой очевидный пример космической гармонии: под воздействием Солнца появляется и исчезает растительность, а животные впадают в спячку или производят потомство. Несмотря на то что мы говорим на разных языках, говорит Плутарх, каждый из нас видит одни и те же светила — Солнце и Луну. Луна, которая в Вавилоне главенствовала даже над Солнцем и затмение которой внушало ужас, как оказалось, повелевает приливами и отливами (часто приводилась аналогия с магнитом), а звезды, как полагали, повелевали штормами и наводнениями, которые начинались и заканчивались вместе с появлением и исчезновением созвездий; кроме того, мало кто сомневался в том, что климатические условия, которыми

управляют небесные тела, детерминируют моральные и физические качества человека. Итак, казалось естественным, что, если что-либо происходило с одной частью системы, это сказывалось и на других ее частях. Легко понять, что является неверным в этой странной смеси логики и фантазии; и в самом деле, позже эти противоречия были детально освещены: наука отождествлялась с поклонением Солнцу, из некоторых установок делались неверные выводы (в частности, законы физики ошибочно применялись к психологии человека, а физические свойства Земли связывались с небесными телами). Тем не менее эта теория выглядела логичной с научной точки зрения. Как считали стоики, ценящие логику, в астрологии впечатляющим образом проявился рационализм — и в подтверждение этого приводились многие факты, которые были на самом деле сомнительными. Кроме того, в теории этой присутствовали необходимая точность, завершенность и неоспоримость: в I веке до н. э. Диодор Сицилийский сравнивал стоиков (и это сравнение было не в пользу стоиков) с вавилонскими астрологами, которые «всегда придерживались одних и тех же мнений, цепляясь за каждую деталь, в то время как греки, целью которых является доход, который можно извлечь из этого, постоянно основывают новые школы». Греками Диодор называл философов, которых он, будучи историком, недолюбливал.

Шиллера вся эта астрология сбита с толку, но письмо, которое написал ему Гете в 1798 году, характеризуется глубоким осознанием этого многолетнего феномена, который достиг наивысшего развития в эпоху Древнего Рима:

«Астрологические суеверия происходят от наших неясных представлений о каком-то всеобщем космическом единстве. Опыт подсказывает нам, что ближайшие к нам небесные тела оказывают существенное влияние на погоду, жизнь растений и так далее. Кто может сказать, где заканчивается это влияние? Астроном постоянно наблюдает, как небесные тела взаимодействуют между собой; философ склоняется к мысли и, более

того, даже вынужден утверждать, что это взаимодействие может происходить даже в том случае, если небесные тела удалены друг от друга на значительное расстояние. Поэтому человеку, учитывая его суеверность, нужно лишь пойти немного дальше, сделать лишь один шаг для того, чтобы распространить это влияние на свою духовную жизнь, на счастье и невезение. Эти и подобные фантастические идеи я не могу даже назвать суеверием; то, что они приходят к нам, — естественно, и, как и любая религия, они сомнительны и в то же время допустимы».

Возможно, следовало ожидать, что астрологам было бы логично положить конец верованиям в бессмертие на Небесах. Но этого не произошло. Наоборот, религиозная основа религии еще больше утвердилась. Люди помнили, что стойки и многие до них утверждали, что Солнце, Луна и звезды божественны: двое из римских императоров, Элагабал Сирийский (218—222 гг. н. э.) и Аврелиан Дунайский (270—275 гг. н. э.), приняли культ Солнца как государственную, почти монотеистическую религию в Риме, а Луну уже давно олицетворяли несколько богинь, в том числе Исида. Поэт, астроном и географ II века н. э. Птолемей Александрийский, написавший четыре книги, в которых заявлял о своей преданности астрологии, утверждает, что позади строя небесных светил обитает святой дух:

Пусть я и смертен, более того, недолговечен, но, если хоть
на секунду
Я устремляю свой пристальный взгляд в ночное звездное
небо,
Я стою уже не на Земле; я соприкасаюсь с Создателем,
И моя живая душа впитывает в себя бессмертие.

Поскольку вызывающее благоприятные или неблагоприятные последствия движение небесных тел происходит во времени, многие считали Время олицетворением самого Творца. Одна из персидских религиозных сект считала Время, которое в Авесте называется Беспредельным и определяющим вращение звезд, главой иерархии

богов и первопричиной всего сущего. Система счисления времени, в частности, уже давно была связана с идеей существования сверхъестественного существа, а самые древние календари создавались в религиозных целях. Поэтому Время, которое поначалу было представлено в простом человеческом облике, теперь наделили крыльями, и вокруг него стала виться змея — олицетворение того, что движение Времени бесконечно, оно движется по кругу, как змея. Голова Времени предстает в виде головы льва, поскольку Время, как и набрасывающийся на свою добычу лев, пожирает все сущее (фото 11г). С головой льва изображалось и злое божество, аналог семитского Яхве Ялдабаот, который ассоциировался с Кроном, или Сатурном, — отцом Юпитера, сыном Неба и Земли. Но из-за того, что Крона (Сатурна) путали с Хроносом (Хронос — олицетворение времени. — *Пер.*), чьим сыном предположительно был Аион, почитание Времени стало в дальнейшем связываться с древними легендами и мифами о примитивном, доэллинистическом Кроне. Философская же трактовка обличья Времени гласит, что лев олицетворяет огонь, змея — Землю, а крылья — воздух (небо), которыми управляет Время, как и жизнью людей.

У людей в эпоху древнеримской цивилизации очень сильно было развито чувство того, что временные отрезки — века, годы, часы и минуты — несут в себе религиозный, ритуальный смысл. Под влиянием Платона и астрологии люди считали, что эти временные отрезки являются божествами, и поэтому поклонялись им. Зенон, основоположник стоицизма, обожествляет их (в Египте в течение многих веков тоже обожествляли и поклонялись часам, месяцам, а также благоприятным и неблагоприятным годам). Поэтому Время иногда скульптурно изображалось внутри круга, состоящего из знаков зодиака, которые указывали на времена года (такое изображение Времени приводится на поздней серебряной вазе, которая теперь находится в Милане). Существовали также олицетворения времен года. На больших бронзовых памятных медальонах, выпускавшихся римскими императорами II века н. э. начиная с Адриана, они предста-

ют в виде детей, расположенных по кругу возле глобуса, олицетворявшего Мать-Землю; иногда вверху изображались знаки зодиака; на медальонах Коммода — во время правления которого такие убеждения получили наибольшее распространение — времена года «возникают» из круглой конструкции, которую держит в руках Юпитер. На таких изображениях Юпитер олицетворяет Время. Время же, в свою очередь, ассоциируется с рядом других богов, таких, как Солнце и египетский Серапис.

Этот чрезвычайно сложный комплекс представлений, заимствованных у многих народов, живших в разные эпохи, характеризует период Древнего Рима. В это время характерные черты разных культов и богов переплетались друг с другом. Такого рода «синкретизм» предполагал бесконечное, фантастическое множество усилий, направленных на то, чтобы понять и объяснить истинную природу этого божества, которое заключало в себе постоянное и величественное движение небесных тел или управляло им, что, в свою очередь, определяло человеческую жизнь.

Итак, небесные тела, которые «тогда, когда мы смеемся, знают, чем этот смех закончится», являлись в представлении людей злыми силами, безжалостно предопределявшими все, что должно случиться. Но этот роковой ход событий, который невозможно было изменить, казался людям невыносимым. Поэтому они пытались найти ответ на вопрос: возможно ли эти силы, которые действовали столь удручающе, умиротворить? Первым шагом к этому умиротворению стало выяснение (с помощью исследования) того, что именно уготовили для нас Небеса. Затем следовало определить образ действий человека и рассчитать эти действия во времени так, чтобы избежать самого враждебного воздействия. Но эти сложные задачи можно было выполнить лишь с помощью экспертов — профессиональных астрологов, которые в силу этого стали очень влиятельной социальной группой в древнем обществе.

Их предназначением было тщательное изучение семи планет, которым древние люди дали названия: Сатурн, Юпитер, Марс, Венера, Меркурий и Луна. «Если я не ошибаюсь, во всех религиях поздней античности, — утверждает Гилберт Мюррей, — эти семь планет играли роль богов, или устрашающую роль». Люди верили в то, что они оказывают очень большое влияние на все, что было в поле их зрения, и особенно на Землю, которая считалась центром системы, а также на людей. Под властью их предводителя Сатурна (который считался самим Временем) правящие мирозданием силы располагались на планетах. Более того, эти планеты могли растолковать их указы. Аналогии, которые проводились между планетами и богами, по имени которых они были названы, дали начало самой фантастической из всех системе мифов. Каждая из этих звезд наделялась своим образом действий, полом и характером. О них говорили, что они «встают и ложатся спать» и т. д. Все они отождествлялись со своими цветами, минералами, растениями, животными и даже гласными звуками — все это обыгрывалось во многих молитвах и магических формулах.

Воздействие, которое эти планеты оказывали, считалось неизменным и непреклонным, так как люди верили в то, что каждая планета является хозяином Сферы, обрамляющей Землю. Предполагалось, что каждая из этих сфер — это прозрачная хрустальная стена, которая отделяет Землю от того, что находится вне ее пределов. Таким образом, семь концентрических сфер отделяли Землю от неба — и для людей, которые верили в потустороннюю жизнь (а их количество постоянно увеличивалось), все эти сферы отделяли душу человека от того места, где начинается ее полет ввысь. Эта система представлений была основана на расположении планет по отношению к Земле. Очевидно, эта концепция была неизвестна в Вавилоне; ее следов мы не находим и в Средиземноморье вплоть до эпохи эллинизма. Еще одно нововведение, которое появилось из представлений о семи планетах, ведет свое происхождение из Вавилона. Это неделя, состоящая из семи

дней, которая играла существенную роль в астрологических расчетах, так как огромное значение имело то, какая планета является преобладающей, наиболее действенной в отношении Земли в тот или иной день. И то же число — семь — фигурирует не только в количестве дней недели, но и в словосочетаниях «семь чудес света», «семь возрастов человека» и многих других. В современном мире о людях до сих пор говорят (в соответствии с присущими им планетарными характеристиками) как об относящихся к Юпитеру, Меркурию или Сатурну, мы говорим о счастливом, благодаря звездам, стечении обстоятельств, о цифрах, приносящих несчастье.

Наряду с планетами вторым значительным элементом этой удивительной смеси научного мышления и фантазии были знаки зодиака.

«Звездный пояс, который греки называют зодиаком, — утверждает Цицерон, — содержит в себе некоторую силу такого рода, что каждая часть этого пояса по-разному воздействует на небеса и изменяет их, в соответствии с тем, какие звезды в данное время находятся неподалеку». Эти знаки зодиака, «Дома Солнца», представляли из себя двенадцать созвездий, которые, как утверждалось, более всего влияют на судьбу людей. Художники связывали знаки зодиака не только со временем, Матерью-Землей и временами года, но также и с традиционными олимпийскими богами, изображая их по кругу, в центре которого находится Юпитер, повелитель всего (фото 12а).

Таким образом, большинство жителей Римской империи верили в то, что небесные тела, в особенности семь планет, а также двенадцать знаков зодиака управляли человечеством. Римляне также были абсолютно уверены не только в том, что небеса предопределяли будущие события, но и в том, что, обладая необходимыми знаниями, можно заранее прочесть и понять эти предписания небес. Уже около 300 г. до н. э., или немного позже, приводилось высказывание ученика Аристотеля Теофраста о том, что самым интересным в его жизни были сведе-

ния, которыми обладали халдеи (так назывались астрологи из-за их месопотамского происхождения), которые предсказывали не только события, представлявшие общественный интерес, но даже события жизни и смерть отдельных людей.

Именно в это время такого рода предсказания проникли в Грецию. С этого времени, как заметил сицилийский историк Диодор, «люди предсказывали все события, радостные и печальные, касающиеся не только государств и регионов всего мира, но и правителей, а также обычных мужчин и женщин».

Он описывает астрологические символы, которыми была покрыта гробница Озимандиса — величественный реликт, поразивший воображение Шелли, а гробница царя Антиоха I, зависимого от Августа, в Коммагене на Евфрате, сходна с ней.

С этого времени астрологи, обычно уроженцы Востока по происхождению, наводнили мир Средиземноморья, дав огромному количеству его жителей ответы на главные интересующие их вопросы, принеся с собой волнение и утешение.

Одной из главных форм деятельности профессиональных астрологов было составление гороскопов (рис. 6, 7). Они занимались этим, используя более или менее сложные выкладки для того, чтобы выявить расположение небесных тел и знаков зодиака в момент зачатия человека и, в особенности, в момент его рождения. Таким образом астрологи предсказывали его судьбу, или фортуна. Первый дошедший до нас гороскоп относится к 410 году до н. э., но некоторые элементы техники его составления ведут свое происхождение от догреческого Вавилона. Еще вавилоняне предсказывали судьбу детей, исходя из положения Солнца, Луны и планет по отношению либо к Земле, либо к знакам зодиака в момент рождения или зачатия. Скорее всего, то, что эти действия сопровождались математическими расчетами, в зависимости от определенного расположения планет (на основе геоцентрической теории), является, так или иначе, заслугой греков. Наибольшее распространение такие гороскопы

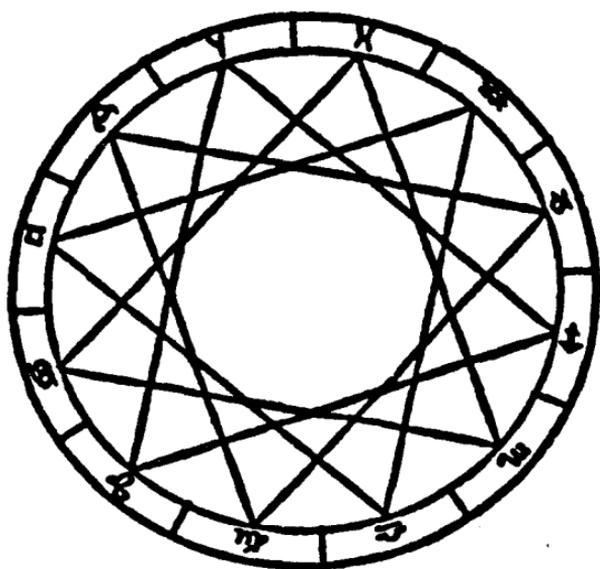

Рис. 6. Треугольники зодиака

получили в последние столетия до н. э. и в первые столетия н. э. Больше всего такими гороскопами занимались в Александрии. Но в Италии также, несмотря на то что поступали жалобы на астрологов, которых обвиняли в одурачивании недалеких людей в целях своей собственной наживы (139 г. до н. э.), методы, применявшиеся в Александрии, вытесняли старые местные обычаи предсказания будущего на основе полета птицы и внутренних частей жертвенного животного. Как показывают повторяющиеся примеры из истории Римской империи, астрологи не стеснялись говорить о тех случаях, когда их предсказания, казалось, подтверждались произошедшими событиями.

Но огромная популярность астрологов объяснялась не только тем, что им приписывали дар предвидения, т. е. «фаталистической» или «научной» астрологии. Разумеется, это было важно, так как необходимо было знать, какое из созвездий неумолимо предопределяет будущее человека. Но просто знания об этом — не оставляющие ни-

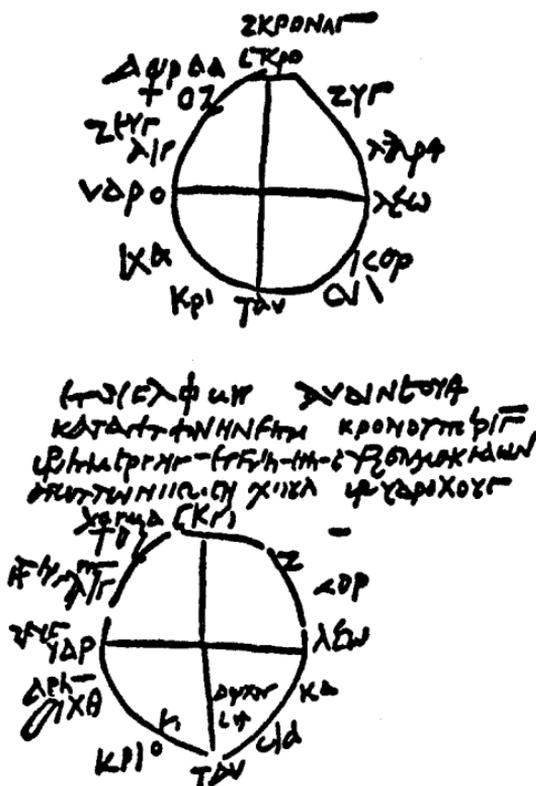

Рис. 7. Настенные надписи с изображением гороскопов, II век н. э. Из Дура-Европос (Салахия, Восточная Сирия)

какой надежды — требовали безоговорочной капитуляции перед механистической Вселенной, и это не удовлетворяло желаний людей обрести наставника в жизни. Поэтому помимо «фаталистической» астрологии возникло искусство вспомогательной, «катархальной» астрологии. В основе ее лежала теория о том, что планеты и другие небесные тела действительно обладают значительной силой, но воздействия этой силы можно избежать. Поэтому астрологи, определяя дни, часы и минуты, когда влияние небесных тел особенно сильно, могли посоветовать своим клиентам, каким образом можно перехитрить небеса, предпринимая какие-то действия или избегая их

в определенное время. Это искусство было очень широко распространено, и его указаниям повиновались. Поэт Авзоний, живший в IV веке н. э., описывал людей, которые желали, чтобы им стригли ногти под Меркурием, приводили в порядок бороду под Юпитером, а волосы стригли под Венерой.

Проблемы астрологии, как и другие злободневные вопросы, являлись предметом обсуждений в римских школах, где диспуты и произнесение речей были основными формами деятельности. Нам в наследие достались некоторые упражнения по риторике на латыни (возможно, конспекты лекций), датирующиеся не ранее чем 100 годом н. э. В них в словах гипотетического оратора проявляется дух того времени. Он доказывает несостоятельность точки зрения своего отца, который говорит, что астрология — это чушь:

«Мой отец пытается убедить вас в том, что в искусство астролога не следует верить. Поэтому он утверждает, что Судьбы не существует, и все происходит по воле случая, спонтанно. И даже если всем управляет Провидение, сознание человека не в состоянии постичь его... Тем не менее я допускаю, что астрологи говорят правду, поскольку некоторые звезды, если можно так выразиться, неизменные и связанные между собой, в течение всей вечности светят совместно, а другие совершают свое размеренное движение по неизменным орбитам, разбросанным по всему небу. Вы действительно верите, что все они распределены по небу случайно, хаотично?.. Бог, создатель космоса, распределил их по своим местам... Следовательно, каждый, кто рождается, имеет свое предназначение и, таким образом, принимает как неизбежное свое будущее и саму жизнь. Я не знаю ничего более определенного, чем гениальность этого не знающего заблуждений искусства, которое предсказывает будущее и затем осуществляет предсказанное. Природа, разум и опыт подтверждают существование такого искусства, как астрология... Прими как должное доказательство этой точной науки».

Такие рассуждения не ограничивались школьными упражнениями: в Риме, как и везде, некоторые умнейшие люди того времени утверждали, что при использовании правильных методов можно увидеть будущее и что только астрология является научным методом, с помощью которого этого можно добиться. К примеру, не много людей были умнее или образованнее, чем некоторые из первых римских императоров. Тем не менее все императоры I века н. э. (за исключением Веспасиана) очень глубоко верили в астрологию. Это убедительно доказывают письменные источники (не говоря уже о том, что Август посвятил Пантеон Солнцу и звездам). Этому совершенно не противоречит то, что некоторые из этих правителей изгоняли астрологов из Рима, поскольку эти меры были политическими: дело в том, что гороскопы, подстрекающие знать на захват трона, представляли опасность для режима. Астрологи подверглись таким гонениям при Августе и дважды — при Тиберии: сначала — в 16 году н. э., после того как слабоумного Либона Друза, потомка Помпея, который по линии жены приходился родственником императорам, заставили покончить жизнь самоубийством за то, что тот проявил чрезмерный интерес к предсказаниям астрологов, магическим обрядам и толкованиям снов; а еще раз — в 30 году н. э., когда Эмилия Лепида, потомок Суллы и Помпея, обладавшая сомнительной репутацией, была объявлена вне закона по обвинению в сокрытии истинного отцовства своего ребенка, в прелюбодеянии, отравлении, а также в том, что она говорила с астрологами об императорской семье.

Вряд ли Тиберию легко далось решение принять эти меры, не только потому, что они сказались бы на общественном мнении на всех уровнях, но и потому, что сам он, будучи очень интеллектуальным человеком, тем не менее глубоко верил в астрологию. Известно, что один из самых близких его друзей, один из тех немногих, кто был с Тиберием во время его длительного пребывания на Капри, был выдающийся астролог того времени Трасилл Александрийский. Этот человек, личность которого была окружена атмосферой легендарности, был грамматистом

по профессии, убежденным платонистом, автором научного трактата о магических числах, а также крупных работ по астрологии. Он работал в центре философии на острове Родос. Там в период изгнания и одиночества во время правления Августа его встретил Тиберий и обратил к астрологии. Тиберий был благодарен тем немногим людям, которые по-дружески к нему относились на Родосе. Он возвысил Трасилла, предоставил ему римское гражданство и наделил большими полномочиями, санкционировав его женитьбу на принцессе Коммагены, царства в области реки Евфрат, правители которого давно уже интересовались астрологией; а внучка Трасилла вышла замуж за префекта преторианцев Макрона, который был всемогущим в последние годы правления Тиберия. Сын астролога Балбилл стал влиятельным придворным и советником-астрологом Нерона, а внук Балбилла Филопапп — консулом при Траяне. Сестра Филопаппа была неразлучна с Сабиной, женой Адриана, при котором (что было вполне естественным для императора, отец которого был известным астрологом-любителем) астрологи вновь стали пользоваться влиянием при дворе.

Их предсказания часто влияли на ход событий. После того как Агриппина отравила Клавдия ядовитым грибом, она не сразу объявила своего сына Нерона императором, и это отчасти объясняется соображениями астрологического характера: она «часто издавала обнадеживающие извещения о состоянии здоровья покойного императора, чтобы поддержать моральный дух армии и дожидаться подходящего момента, который определили халдеи».

Но даже на монетах государственной чеканки присутствует много свидетельств того, во что верили императоры и чем они занимались. Одним из любимых рисунков на монете Августа был Козерог, знак зодиака, под которым он был зачат. Когда сын Домициана умер в младенческом возрасте, он был изображен сидящим, как юный Юпитер, на земном шаре, простирающим руки к звездам (фото 11в). При Коммодe, когда отмечалось седьмое столетие (семь — число, заключающее в себе большое планетарное значение, символ семи планет) освящения хра-

ма Юпитера на Капитолийском холме (191 г. н. э.), бог изображен размахивающим своим пучком молний среди семи планет. Бюст того же императора водружен на сферу, на которой были изображены рельефы трех знаков зодиака, которые оказали влияние на самые важные дни его жизни (фото 4а). Небольших размеров, бронзовый с позолотой, инкрустированный серебром бюст того же Коммода изображает его в космическом шлеме, украшенном семью блестящими звездами — по аналогии с богиней Исидой, которая изображалась в мантии с узорами в виде Луны и звезд. А фриз из Эфеса (теперь он находится в Вене) изображает его отца Марка Аврелия, который в сопровождении Солнца и звезд в колеснице движется на небеса.

Но не все соглашались с такого рода капитуляцией перед лицом астрологии. Уже во II веке до н. э. в аристократическом Риме возражали против фатализма астрологии, и, несмотря на ее триумф в следующем столетии, Лукреций, Цицерон и Цезарь не оказались в числе ее сторонников. Поэты эпохи Августа прибегали к советам астролога (для того чтобы соблюсти приличия), испытывая при этом определенную степень скептицизма. Однако в последующие годы Филон Иудейский (Александрийский. — *Пер.*), писатель Колумелла, эрудит Плиний Старший и сатирик Ювенал не верили в астрологию. Возможно, Тацит откладывал вынесение судебного решения из-за того, что он верил в фаталистическую астрологию и считал, что катархическая астрология может ошибаться, так как ошибки допускают люди, практикующие ее. В то время, хотя доходы астрологов, возможно, и были ограничены из-за подъема мистической религии, очень не многие серьезные мыслители сомневались в том, что звезды оказывают влияние на жизнь людей. Тем не менее решительный противник этой теории, как ни странно, принадлежал к кругу самого императора Адриана, сторонника астрологии. Это был Фаворин из Арелата (Арля), энциклопедист. Хотя он и утверждал, что не сдаться тридцати легионам-победителям — это абсолютная глупость, тем не менее приводят четырнадцать от-

лично сформулированных им аргументов против астрологии, которые фактически показали несостоятельность широких обобщений и выводов, на которых основаны гороскопы.

При преемниках Адриана, менее впечатлительных Антонине Пие и Марке Аврелии, популярность астрологии несколько снизилась. Но астрология оставалась чрезвычайно влиятельной, и даже св. Августин, хотя он и отказывался верить в то, что душа человека подчинена звездам, не был готов отрицать то, что излучение звезд играет роль в том, что человеческие тела похожи друг на друга. Византийский ученый Стефан все еще называл астрологию «самым значительным из всех искусств и королевой наук». В эпоху Возрождения в Италии повсеместно верили в астрологию, как и в Англии при Тюдорах и короле Якове. Сэр Филипп Сидней признавался в том, что верит в звезды, атеист Роберт Грин написал «Апологию священной науки астрологии». Шекспир, который разделял научные взгляды своего времени, часто обращается к астрологии. Он верил в то, что Солнце, Луна и звезды влияют на события и жизнь на земле. Но он был, возможно, одним из тех немногих, которые не верили в то, что эти небесные тела оказывают влияние на судьбы отдельных людей. Кент, а не Шекспир, вторя античным мудрецам-астрологам, утверждает в «Короле Лире»:

Звезды над нами определяют события нашей жизни,
Им человек не ровня, он не может породить
Такое потомство.

Среди великих ученых XVII века также находились верные сторонники астрологии. Во все эпохи подобные взгляды до сих пор всплывают в тяжелые времена, во время духовных кризисов — например, во время Второй мировой войны, когда количество практикующих астрологов исчислялось тысячами. А какая часть широких масс населения абсолютно не верит в астрологические прогнозы, публикующиеся сегодня в ежедневных газетах?

Когда астрология властвовала над миром, древние итальянцы (и большинство других народов, с которыми итальянцы соприкасались) продолжали беспрерывно доверять своему древнему местному обычаю предсказывать будущее на основе знамений — загадочных событий, противоречащих предполагаемым или известным явлениям природы. Правительство устроило грандиозный политико-религиозный спектакль вокруг кометы, которая пронеслась по небу после убийства Цезаря, и реакция населения на это явление была истеричной. Это неистребимое влечение народа к знамениям уловил вольноотпущенник Флегон из Тралл в Малой Азии, который опубликовал антологию знамений во время правления своего господина Адриана. Например, Флегон сообщал о том, что при Клавдии горничная родила обезьяну, что во времена Нерона родился ребенок с четырьмя головами и что женщина из Александрии четыре раза рождала пятерых близнецов. Читатели могли догадаться о зловещем смысле этих якобы произошедших событий, потому что никто не сомневался в том, что события эти несут в себе такой смысл. Затем в IV веке н. э. в защиту язычества Юлий Обсеквент вновь составил на удивление пеструю хронологию знамений (по годам), записанных в эпоху республики.

Историк и поэт Ливий, живший при Августе, оправдывает свое упоминание о таких «событиях» тем, что современный ему скептицизм был якобы признаком нигилизма и что славные предки считали, что эти события следует упоминать. Неверие Тацита в знамения смягчалось его верой в традиции, а также его общим агностическим подходом. Кроме того, он осознавал, что знамения, реальные или вымышленные, оказывают большое влияние на период, который он описывал. Например, он утверждает, что ужасный мятеж на германской границе (14 г. н. э.) был подавлен благодаря благоговению перед пришедшимся как раз к стати затмением, — но здесь он явно указывает на субъективную природу этого «знака».

«Казалось, ночь закончится страшным мятежом преступников. Но по воле счастливого случая этого не произошло. Было видно, как на чистом небе внезапно стал тускнеть свет Луны. Солдаты не знали, почему это происходило, и увидели в этом знак, относящийся к их положению. Затмение Луны, казалось, наводило на аналогию с их действиями: те меры, которые они принимали, увенчаются успехом лишь в том случае, если богиня Луны вновь будет ярко сиять. Для того чтобы добиться этого, они стали стучать медными инструментами и дудеть во все трубы. Им показалось, что свет стал ярче, и они были счастливы. Затем он стал слабее, и они были опечалены. В конце концов он скрылся из виду за облаками. Рассудок людей, уже лишенных душевного равновесия, готов был поверить во все, что угодно. Теперь они кричали о том, что небеса изнемогали от их преступлений, и им уготованы бесконечные трудности. Сын императора Друз понял, что из такого поворота событий нужно извлечь выгоду; в интересах здравого смысла счастливый случай можно было использовать...»

Тацит описывает также, как душная, предвещающая грозу атмосфера Рима незадолго до убийства Клавдия порождала среди встревоженного, взволнованного населения слухи о нескольких знамениях:

«Перемены к худшему нашли свое отражение в нескольких знамениях в следующем году. Знамена и палатки солдат поджигались огнем с небес. Рой пчел сел на Капитолийский храм. Рождались дети, которые были наполовину животными, а также поросенок с лапами ястреба. Знамение увидели и в потерях, которые понесли все государственные должности: в течение нескольких месяцев умерли квестор, эдил, трибун, претор и консул. Особый испуг испытала Агриппина, так как Клавдий, будучи навеселе, сказал, что ему суждено сначала вынести злодеяния своей жены, а затем наказать ее. Она решила действовать быстро».

Итак, таковы были знамения — или мнимые знамения, — но императрица волновалась также по другим причинам, и ни одно из объяснений ее быстрого реше-

ния принять жестокие меры не было упущено из виду Тацитом. Более поздний историк, Дион Кассий из Никеи (на северо-западе Малой Азии), в начале III века н. э. написавший историю Рима на греческом языке, утверждает, что в критический момент гражданских войн после убийства Коммода он сам, предчувствуя что-то очень недоброе, видя знаки народного протеста, сам едва не принял участие в явлении, которое, как казалось, было знаком свыше (196 г. н. э.):

«Наше волнение усугубило еще и внезапное появление в северной части неба ночью такого большого огня, что кто-то предположил, что горит весь город, а другие — что горит само небо. Но вот чему я удивился более всего: прекрасный дождь, напоминающий серебро, выпал с чистого неба на форум Августа. Я действительно не видел, как этот дождь шел, но увидел его после того, как он выпал, и им я посеребрил несколько бронзовых монет; они сохраняли такой внешний вид в течение трех дней, а на четвертый день все вещество, нанесенное на них, исчезло».

Таким образом, Дион боялся, что будет еще больше бедствий и что гражданская война не окончена, и, как и все, кто рассказывал такие истории, он мог сказать, что события показали его абсолютную правоту.

Это было также время, когда было много пророков, и их число увеличивалось, и у каждого из них были свои приверженцы-фанатики. «Возлюбленные братья, — предупреждает первое общее апостольское послание от Иоанна, — верьте не в каждого духа, но убедитесь в том, что этот дух является духом Господа: ибо много фальшивых пророков ходит по этому свету».

Это было написано в Малой Азии, где незадолго до этого появились христианские «пророки» Квадрат и Аммиан и где после этого в Ардабау в Мизийской Фригии возникло новое пророческое движение, которое превратилось в аскетическую, экстремистско-христианскую ересь монтанистов. Но существовали также и бесчисленные языческие пророки, в особенности на том же полуострове. Одним из самых колоритных и влиятельных из

них был Александр из Абонутейка, который, к великому отвращению Луциана, излагал предсказания, сопровождая их мистическими пантомимами; это сильно привлекало женщин и помогало обрести сторонников среди членов ведущих школ философии, как и приверженцев из числа знатных римлян. Александр предупреждал «всех атеистов, христиан и эпикурейцев» (эпикурейцы скептически относились к такого рода выдумкам), чтобы они держались подальше от его обрядов. Его собственным божеством была змея, которую он называл Гликон и которую он объявил воплощением Эскулапа, бога лечения, эту змею изображали даже на монетах города Абонутейка.

У таких людей предсказание будущего было панацеей, которая позволяла их последователям держать события под контролем и избавляться от ужасной ноши — Судьбы, или Фортуны, которая, казалось, давит на человечество. Но миллионы жителей Римской империи всех уровней культурного развития — от низшего до высшего, включая (что является парадоксом) и огромное количество людей, глубоко верящих в астрологию, пытались также оказать свое влияние на Судьбу, или Фортуну, с помощью более примитивных средств магии. Магия встречается всегда, во все времена. Это — искусство влияния на естественный ход событий с помощью оккультных процедур с использованием принуждения; так, воззвание к Луне гласит: «Ты должна это сделать, нравится тебе это или нет». Такого элемента принуждения нет в религии, которая старается снискать расположение богов средствами убеждения, такими, как молитва и жертвы. Тем не менее государственная религия Древнего Рима все еще содержала в себе бесчисленные пережитки древних магических обрядов. Такие обряды, и в Древнем мире, и где бы то ни было еще, могут условно быть разделены на две категории: 1) «гипнотические», или «гомеопатические», например, когда кому-то причиняют вред, изготовив его изображение и проткнув его гвоздями; 2) «контагиозные» (заражающие. — *Пер.*) — когда человеку доставляют страдания, предав огню что-то принадлежавшее ему — возможно, пучок волос или предмет одеж-

ды. Добиться чего-либо таким способом казалось трудным для тех, кто верил в астрологию, так как было понятно, что умиловить звезды таким образом нельзя, а если боги были над звездами (или отождествлялись с ними), они также оставались недостижимыми. Тем не менее к магии, возможно, все еще прибегали для того, чтобы воздействовать на нечто меньшее, чем Бог, но тем не менее могущественное — на «демонов», которые якобы обитают ниже того уровня, где находятся звезды. Хотя эти обряды не проповедуют даже того ложного рационализма, который есть в астрологии, основными принципами магии восхищался сэр Джеймс Фрейзер. Магия казалась ему «сводной сестрой науки» и даже матерью свободы, так как магические эксперименты, по крайней мере, дают ощущение причины и следствия, всеобщей гармонии, стремления к свободе, которое проявляется в том, что человек идет кратчайшим путем к тому, чтобы получить желаемое.

Однако то влияние, которое магия оказывала на народы Римской империи, представляет неприглядную картину обманутого и охваченного страхом мира, в котором всевозможные маги находили бесчисленное количество клиентов. О чудесных силах Пифагора (VI в. до н. э.) помнили и рассказывали, и уже в 200 году до н. э. количество работ, содержащихся в библиотеке Александрии, чье авторство приписывали самому знаменитому из персидских магов, Зороастру, достигло 2 млн стихов. Поскольку магия слилась с размышлениями александрийских философов, последующие века породили множество заклинаний, придуманных для того, чтобы душа обращалась к каждой из семи планет по очереди во время того, как она проделывала свой опасный путь мимо всех планет к ее последнему пристанищу. Бронзовая рука (фото 12в) изображает всемогущего Бога, а символы, выгравированные на ее поверхности, магическим образом гарантируют всем верующим его милость и защиту. О необычных традициях черной магии рассказано в шестой книге «Энеиды» Вергилия, которая описывает путешествие Энея в потусторонний мир: через озеро Аверн, около пещеры в

Кумах (теперь обнаружена), где сопровождавшая его Сивилла пророчествовала в магическом трансе и откуда греческое влияние впервые пришло в Рим. На земном уровне соответствующим образом подобранные предметы противостояли силе дурного глаза, которой, как предполагалось, обладала Медея (фото 126). Также образовались целые школы «божественного и священного искусства» алхимии, которая, основываясь на убеждении в том, что материальные предметы имеют духовную основу, добивалась того, чтобы превращать вещество, из которого состоит эта основа, в серебро или золото. У предполагаемых авторов священных книг этого искусства греческие, египетские, иудейские и персидские имена.

Греческие магические папирусы II и III веков н. э. (их было еще больше в двух последующих столетиях) представляли собой главным образом собрание способов достичь практических целей — как преуспеть в любви, вылечить болезнь и (больше всего) причинить вред врагам. Магические способности приписывали вождю рабов Эуну, Аполлонию из Тианы, Симону «Магу» из Самарии и многим другим. Из соображений секретности и общественной безопасности римские власти всегда решительно боролись против того вреда, который причиняли методы магии, а также против нового роста авторитета магии. Но когда племянник и приемный сын Тиберия Германик умер в 19 году н. э. в Сирии от болезни (которая, как он считал, была вызвана отравлением), как пишет Тацит, «обследование пола и стен его спальни выявило остатки человеческих тел, заклинания, проклятия, свинцовые таблички с написанным на них именем больного, обугленные и кровавые останки, а также другие пагубные предметы, которые, как предполагается, вверяют души силам могилы».

Проклятие известно как эллинистическая и римская литературная форма; жуткий пример его мы находим у Овидия. Но проклятие было чем-то гораздо большим, чем литературная форма. Сохранившаяся магическая табличка середины I века до н. э. была выполнена на тонком листе свинца (обмотанном вокруг гвоздя) про-

фессиональным магом; это — написанное в деталях проклятие, направленное против некоего Плотия и адресованное Прозерпине Спасительнице (Сальвии), богине потустороннего мира:

«О супруга Плутона, добрая и прекрасная Прозерпина (если только мне не следует называть тебя Спасительницей), заклинаю тебя, отними у Плотия его здоровье, тело, цвет лица, силу, способности. Отправь его Плутону, своему мужу. Он не сможет своими средствами противостоять этому. Пусть этого человека мучает четырехдневная, трехдневная или ежедневная лихорадка (малярия). Пусть она борется и борется с ним, бесконечно истощает и обессиливает его, пока она не отнимет у него жизнь... Я даю тебе голову Плотия, раба Авонии. О Прозерпина Сальвия, я даю тебе голову Плотия, раба Авонии. О Прозерпина Сальвия, я даю тебе лоб Плотия, Прозерпина Сальвия, я даю тебе брови Плотия, Прозерпина Сальвия, я даю тебе веки Плотия. Прозерпина Сальвия, я даю тебе ноздри, губы, уши, нос Плотия и его язык и зубы, чтобы Плотий не смог сказать, что причиняет ему боль; его шею, плечи, руки, пальцы, чтобы он совсем не мог помочь себе; его грудь, печень, сердце, легкие, чтобы он не мог спать; его лопатки, чтобы он не мог хорошо спать; его священную часть, чтобы он не мог выпускать жидкость; его ягодицы, задний проход, бедра, колени, ноги, голени, ступни, лодыжки, подошвы, пальцы ноги, ногти, чтобы он не мог стоять самостоятельно».

У магии были противники — ее называли «противоестественной», а Луциан сильно потешался над ней. Возможно, более распространенным было мнение, что практикующие маги могут быть самозванцами, но что сама концепция не является ошибочной. Колеблясь, как и астрология, между разумом и верой, чтобы найти сторонников ее концепции всеобщей гармонии, магия привлекала к себе писателей, большинство которых были легковерными или по меньшей мере колеблющимися. Одного из величайших писателей, романиста II века н. э. Апулея, уроженца Северной Африки, вызвали в суд по обвинению в колдовстве. Он защища-

ет себя в блестящей речи, «Апологии», но позже св. Августин не был абсолютно уверен в том, что обвинение было несправедливым.

Глава 6

РЕЛИГИЯ

Власти Рима всегда осознавали, что, как говорил полевой маршал лорд Монтгомери, «когда вы командуете очень многими людьми... вы понимаете, что эмоции, бурлящие в них, очень сильны». Делая из этого соответствующие выводы, власти Рима не часто оказывались неспособны перевести эмоции своих подданных в русло патриотизма. В Риме и Италии в целом верноподданнические *mystique* (таинственные чувства), развитию которых благоприятствовали всеми доступными государству и обществу средствами, были очень сильны; ими пропитана вся латинская литература.

В частности, патриотизм и государственная религия неотделимы друг от друга. Хотя итальянцы, как и другие народы империи, для того чтобы удовлетворить самые сокровенные религиозные чувства, обращались к экзотическим культам, которые были менее формализованы и «стерильны», чем античные итальянские культы, было бы ошибкой недооценивать влияние (в эпоху как республики, так и принципата) официальной религии Рима, движущей чувством патриотизма — одним из самых сильных чувств итальянцев. Чарующее могущество небесного бога Юпитера, Юноны и Минервы в Капитолийском храме, а также Весты — богини домашнего очага, Януса — бога ворот и дверей — и всех остальных богов, а также заботу, которую власти Рима проявляли по отношению к своим ритуалам и храмам, ярко выразил приехавший из Греции в Рим во II веке до н. э. проницательный историк Полибий:

«Качество, которое явно ставит Римское государство выше всех остальных, — это, по-моему, сущность религиозных убеждений римлян. Я считаю, что Римское

государство является сплоченным именно за счет того, что у других народов считается достойным упреков, — я имею в виду безотчетное суеверие. Все, что связано с ним, облекается в такие пышные формы и является настолько неотъемлемой частью общественной и частной жизни римлян, что ничто не может искоренить это, и это многих удивляет. Я, по крайней мере, полагаю, что эта политика проводится ради простых людей. Эта политика, возможно, не являлась бы необходимой, если бы можно было построить государство, состоящее из мудрых людей. Но поскольку любая толпа непостоянна, преисполнена безудержных желаний, подсознательных страстей и неистовой ярости, толпу необходимо держать в руках с помощью невидимых страхов и пышных зрелищ. Поэтому я полагаю, что не наши предки действовали опрометчиво и необдуманно, насаждая в народе понятия, связанные с богами и верованиями, а современные люди являются опрометчивыми и безрассудными, когда они отказываются от этих верований».

Такой расчетливый, политический подход к религии не был чем-то новым. Платон говорил о своем идеальном государстве: «Если вообще у кого бы то ни было есть право лгать, то это должны быть правители государства, и им, когда они имеют дело с врагами или с их собственными гражданами, разрешается говорить неправду для блага государства». В своих «Законах» он продолжает детально описывать религиозные убеждения, которые правительство должно разрабатывать и навязывать обществу во благо государства. В том же духе Критий, один из родственников Платона, так же как и он ненавидевший демократию, пишет в пьесе, что «какие-то дальновидные и здравомыслящие люди» в древности изобрели божество для того, чтобы «перед ним трепетали смертные», и что «должно быть что-то, чего боятся злые люди, даже если они делают, говорят что-то или думают о чем-то тайно». Немного позже Исократ вновь утверждал, что египетский законодатель в области религии Бусирис приказал поклоняться божествам-животным, так как «он считал

необходимым приучать толпу к подчинению любым приказам, которые исходят от их начальников».

Продолжатель этой традиции Полибий иногда внутренне противоречил сам себе — он был то правдоискателем, то сторонником придуманной государством религии. Таким образом, когда он высказывает свое мнение о якобы произошедшем чуде, его скептицизм смягчается терминами, которые отличались от терминов, позже употребленных Тацитом:

«Повсеместно на страницах моей «Истории» я возражаю такого рода утверждениям историков, и они постоянно тревожат меня... Я допускаю, что историков можно простить за то, что они рассказывают о таких чудесах, в тех случаях, когда они стараются сохранить почтение черни к богам; все, что выходит за рамки этого, является непростительным. Может быть, в каждом конкретном случае не просто установить эту границу, однако это не невозможно. Мы должны простить немного невежества или незначительную фальсификацию, но то, что выходит за эти пределы, по-моему, должно быть забраковано.

Деятель следующего поколения, сведущий в законах жрец Квинт Муций Сцевола, размышляя в том же ключе, положительно отзывался о тезисе стоиков о существовании трех видов религиозного учения: учение, воспетое поэтами; учение, выдуманное философами; учение, которое проповедуют влиятельные государственные люди. Эрудированный ученый эпохи поздней республики Варрон, который цитирует эту точку зрения и соглашается с ней, утверждает, что религия философов единственная из всех может претендовать на то, чтобы считаться истинной, но, что касается религии, проповедуемой чиновниками, он согласен со Сцеволой, что «обман народа в вопросах религии является целесообразным». Цицерон высказывал очень похожее мнение. Например, хотя он и не верит в предсказания, он одобрительно о них отзывался, так как считает, что жреческое сословие прорицателей, которые профессио-

нально занимались предсказанием будущего, выполняло политическую функцию. В своей работе, название которой было заимствовано у Платона, — «Законы» — Цицерон откровенно излагает платоновскую схему, видоизмененную под влиянием стоиков. Она гласила, что функцией религии является управление людьми: они должны подчиняться власти жрецов, избранных из числа самых влиятельных родов, так как «постоянная потребность народа в наставлении и авторитет аристократии сплачивают государство».

Эти мыслители эпохи поздней республики — Полибий, Сцевола, Варрон и Цицерон — подчеркивают воздействие этого патриотически-религиозного вымысла на простой народ. Но нужно принимать во внимание еще один аспект. Ведь знатные римляне, как и средний класс Италии в эпоху республики, сохраняли романтическую, давнюю верность древним богам — приблизительно то, что Сцевола называет «религией поэтов». «Молодой наследник трепетно поклонялся всему, чему его давние предки сочли необходимым поклоняться». Так с горечью говорил христианский поэт Пруденций, но до него такие замечания инакомыслящих раздавались редко. Тем не менее в I веке до н. э. свой протест заявил поэт Лукреций, убежденный материалист, который считал, что вся концепция религии, влекущей за собой неисчислимые бедствия и страдания, является результатом неразберихи в мыслях людей, которым недостает истинной философии природы. Лукреций восхваляет своего учителя Эпикура, который четвертью тысячелетия ранее, «когда жизнь человека, пресмыкаясь на глазах у всех, рухнула на землю под тяжестью предрассудков, чей свирепый лик грозно взирал на смертных с четырех четвертей неба... был первым смертным, кто поднял глаза, демонстрируя неповиновение, первым выпрямился и храбро встретил испытание».

Но протест Эпикура прошел бесследно, а поколение, сменившее поколение Лукреция, вряд ли этот вызов услышало. Напротив, гениальные писатели времени правления Августа восторгались и высоко ценили то, что

старая религия ассоциировалась с патриотизмом, и описывали это переплетение чувств непревзойденным, незабываемым литературным языком. Романтическая, написанная в духе шовинизма история Рима Ливия содержит яркие мифы и легенды, которые связывают повествование с тысячами обычаев и обрядов античной религии. Ливий откровенно оправдывает стиль своей работы:

«Я полагаю, что я полностью привожу легенды, которые относятся к периоду до основания города, и подробно их рассматриваю не для того, чтобы их подтвердить или опровергнуть: они являются скорее поэтическим вымыслом, чем достоверными историческими фактами. Когда речь идет о доисторической эпохе, допустимо смешивать деяния людей и богов для того, чтобы истоки истории города производили большее впечатление; и если у какой-то страны и есть право освящать ее происхождение, называя его «деянием Божьим», так это у Рима. Военная слава римлян настолько велика, что, когда они говорят, что их Отец, их Отец Основатель есть не кто иной, как Марс, страны мира должны смиренно их терпеть, — как терпят они и римское владычество.

Такой же была и религиозная основа и исходные принципы прославления Италии — земли Сатурна — в «Георгиках» Вергилия, а также написанной им патристической, романтической поэмы об основании Рима «Энеиды». И Вергилий и Ливий в молодости стали свидетелями волны страха, захлестнувшей народ Рима из-за того, что продолжение ужасной гражданской войны, казалось бы, доказало, что в отношениях государства со сверхъестественными силами было что-то ненормально. Повсеместно верили в то, что процветание Рима зависело от правильного исполнения обрядов и содержания в порядке национальных святынь; а Август приложил много усилий и потратил крупные суммы денег для того, чтобы показать народу, что все, что раньше было неправильным, стало правильным.

Цезарь вступил в пределы стен Рима в триумфальном шествии, Трижды победитель; он воздает благодарственный молебен Богам Италии — триста храмов по всему городу.

Никто, кроме Августа, не использовал в такой степени традиционную римскую религию для того, чтобы обеспечить признание своего режима. Благодаря этому он снискал расположение многих людей в правящих кругах Рима, а также принес чувство глубокого удовлетворения массам необразованных людей, чьи религиозные чувства и предрассудки все чаще выливались в демонстрации охваченных паникой граждан, причиной которых были знамения и предсказания. Помимо восстановления древних храмов, Август воздвиг новые великолепные здания, такие, как Палатинский храм, посвященный его лучезарному покровителю Аполлону. Кульминацией его религиозной деятельности позже стало ослепительное празднество (во время которого исполняли гимн, написанный Горацием), посвященное юбилейным играм, которые проводились раз в столетие и часто переносились на более поздний срок (17 г. до н. э.). Это символизировало очищение Рима от скверны прошлого и возвращение долгожданного золотого века мессий. Постепенно вводилось новшество — правителя, помимо возложения на него функций верховного жреца после смерти давно уже впавшего в немилость его предшественника на этом посту Лепида (12 г. до н. э.), самого стали все больше воспринимать как божество. Существовало много признаков культа правителя, основанного на благодарности и уважении по отношению к всесильному, явно сотворенному богами человеку. Это было присуще поздней греческой религии — единственной из всех мировых религий, в соответствии с которой человек мог возвыситься до звания бога. В обязанность итальянским корпорациям, в том числе бывших рабов, вменялось содействие культу императора, но в столице Август так и не стал богом Римского государства (*divus*), пока не умер.

Его преемники использовали государственную религию таким же образом, и многие ее традиции поддерживались с помощью очень разнообразных, ходивших в большом количестве монет империи (фото 5, 6). Действительно, благоразумные люди оправдывали существовавшее ранее различие между настоящей верой и фиктивной религией, которая навязывалась народу интересами политики, которые необходимо было соблюдать. «Эти ритуалы, — говорит Сенека Младший, — философ будет соблюдать, так как к тому обязывает закон, а не потому, что они нравятся богам... мы должны поклоняться всему пантеону основных богов, которых собрали вместе в соответствии с современными верованиями, не забывая при этом, что мы поклоняемся им, чтобы подать пример, а не потому, что они существуют». Тем не менее официальная религия была далека от того, чтобы потерять свое влияние из-за конкуренции с восточными культами. Она сохранила свою власть, к ней взывал весь народ. В особенности преданным сторонником этих обычаев был Антонин Пий. Его приверженность к древним ценностям и патриотизм напоминали убеждения Августа (возможно, представления Антонина Пия были более умозрительны и романтичны). Даже столетие спустя, при Деции (фото 4в) и при Валериане, во время кризисов традиционные культы вдохновляли массовые протесты против сепаратистов и козлов отпущения, таких, как христиане; и спустя много времени после того, как христианство стало официальной религией в Риме, в столице были аристократические группировки, ностальгически исповедовавшие традиционное язычество, считая его стержнем и исходной точкой власти в Риме.

Но государственная религия Рима, хотя в течение долгого времени она успешно переводила чувства подданных в русло патриотизма, ничего не сделала или сделала мало для того, чтобы утешать, искоренять тревогу и скуку, которые сопровождались почти повсеместной верой в безжалостную Судьбу или Случай, — она не могла за-

полнить духовный вакуум. Поэтому мужчины и женщины, соблюдая внешние формы официальных культов и посещая посвященные им церемонии, обращались к чему-то еще. Некоторые, как уже говорилось, стремились избежать воли своей Судьбы, прислушиваясь к советам астрологов или практикуя магию. Но многие уповали (это было следствием мощного, инстинктивного протеста человека против детерминизма) на страстную веру в неких спасителей, которые наделили бы их силой и святостью для того, чтобы безропотно вынести жизнь на земле. Кроме того, когда эта жизнь будет окончена, спасители даруют своим избранным приверженцам счастливую загробную жизнь, которая не будет подчиняться воле Судьбы, будет выше нее. Повсеместно существовала новая, отчаянная смиренность, уныние от духовного голода, чувство безнадежного одиночества и крушения надежд: поскольку в этом мире верить ни во что нельзя, вместо этого надо слепо верить в потусторонний мир. По мере развития принципата в Риме очень многие мужчины и женщины (и их становилось все больше) в римских провинциях желали личного, индивидуального «спасения» — победы над злом и смертью в благословенном потустороннем мире. Иисус родился в то время, когда повсеместно ждали прихода Спасителя, но еще в течение следующих двух столетий христианство не стало мировой религией; это были столетия, когда многие люди верили в языческих богов-спасителей. Это сопровождалось волнующими, загадочными, иногда разнузданными действиями — мистериями (обрядами религиозных эзотерических обществ. — *Пер.*). Такие загадочные культы быстро распространились в средиземноморском мире в течение первых трех столетий нашей эры как на Западе, так и на Востоке, откуда они и пришли.

Первостепенное значение имели их обещания, касавшиеся жизни после смерти. Началась эпоха, которая продолжалась до XIX века, когда главные тревоги людей касались загробной жизни. Эти тревоги искоренялись путем все большего приобщения к Господу. Считалось, что магия способна была изменить судьбу, но приобщение к

Богу вообще выводило человека из сферы воздействия Судьбы; душа приобщившегося к Богу поднималась туда, где ее не могли достать преисполненные ненависти звезды; или же душа соединялась с ними и становилась равной им блуждающей звездой. Таким образом, она была «спасена». Спасения можно было добиться, заключив личный союз с Богом Спасителем, который, как зачастую верили, сам умер, а затем воскрес. Приобщение к Богу, ведущее к спасению, требовало значительного эмоционального опыта, предполагавшего новое восприятие святости и иногда — новых понятий о грехе. Ведь торжественный, продолжительный процесс приобщения к Богу, со всеми сопутствующими ему обрядами очищения, магическими ритуалами и обрядовыми трапезами, искоренял человеческую низость посредством экстаза (душа отделялась от тела и становилась чище), воодушевления (Бог входил и поселялся внутри верующих) и страдания. С помощью этих действий каждая религия, практиковавшая мистерии, успокаивала своих верующих и обещала им бессмертие.

Каждая из этих религий претендовала также на то, чтобы вобрать в себя, сделать своим достоянием все остальные культы; этому способствовали философы-стоики, которые в своем пантеоне объединили все мифы. Поэтому культы-мистерии не являлись несовместимыми с другими культами, и верующие в них люди могли принадлежать к нескольким религиям в одно и то же время. «В Греции, — пишет писатель Апулей, — я принимал участие в очень многих обрядах. Я бережно храню некоторые относящиеся к ним символы и записи, которые давали мне священнослужители... Стремясь к истине и служа богам, я познавал секту за сектой, бесчисленное множество обрядов». II век н. э., когда это было написано, был веком наивысшего развития происходившего в течение трех столетий явления, в результате которого народы мира Средиземноморья становились все более набожными. Верноподданнической государственной религии Рима было недостаточно, а олимпийские боги, которым поклонялись в соответ-

ствии с итальянскими традициями, действительно казались старыми и поблекшими; они не были готовы помочь как мистические спасители; они пали вместе с падением древних городов-государств и были убиты философами. Но проповедовавшаяся философами стезя интеллекта могла принести удовлетворение лишь незначительному меньшинству, поскольку в те времена верования поглотили разум. Знание (*gnosis*), к которому тогда стремились (тех, кто стремился к знаниям, называли «гностиками»), должно быть получено не с помощью философии, а посредством божественного откровения. Лишь оно могло открыть секрет, с помощью которого можно было победить звезды.

Признание этого божественного откровения было чем-то большим, чем просто чувства верующих. Откровение могло называться Знанием — считалось, что высшие истины религии и спасения можно познать «разумом» и преподнести соответствующим образом. Тем не менее этот «разум» был убийственным для классического рационализма, поскольку религиозные истины открывались в результате «озарения», выявлялись мистическим образом, что полностью зависело от Бога. Это озарение открывал для себя «божественный посредник» (медиум), Спаситель или помазанник Божий, который сам «познал» Бога и иногда считался Его сыном; кроме того, он мог быть человеком-медиумом, как, например, Симон Маг в Самарии, которого критиковал Петр. У распространителей такого рода «знаний» имелось бесчисленное множество священных книг, в которых находили отражение все малейшие различия между местными верованиями и греческой философией, аскетизмом и распутством, самовозвеличиванием и самоуничижением. Иногда эти «знания» перекликаются с разными версиями греческого идеалистического монотеизма, но в особенности мировоззрению гностиков был свойственен древний восточный дуализм Добра и Зла. Поскольку проблема Зла (существование которого было разрешено Создателем, олицетворением Добра) казалась неразрешимой и поскольку душа стремилась избежать Зла это-

го мира, была подготовлена почва для крупных религиозных течений (таких, как манихейство), основанных на сосуществовании сил Добра и Зла. Одно очень известное, пестрое собрание священных книг известно под именем Гермес Трисмегист («трижды величайший»), что является неточным переводом имени египетского бога Тот Величайший. Эти сочинения, написанные в Египте людьми, владевшими греческим языком (по всей видимости, не составлявшими религиозную организацию), относились к Тоту, так как считалось, что египетская мудрость, а также преклонение перед древностью этой страны могли лучшим образом обеспечить «знания», которые являлись ключом к загробной жизни.

Существовало влечение к абсолютной зависимости от такого рода «знаний». Это было время, когда материализм, стяжательство, невоспитанность, зачастую полное пренебрежение общепринятыми канонами морали сочетались с искренними религиозными убеждениями и поступками, а также с постоянными умозрительными рассуждениями о невидимом загробном мире. Иногда бытовало также убеждение, что должным образом прожитая (или прожитая по религиозным убеждениям) жизнь на земле может повлиять благоприятным образом на положение души в загробном мире. В ту эпоху, когда значительно увеличилось число образованных людей и человека научили блюсти свои интересы, не забывая о себе, он стал искать что-то новое, экзотическое в пикантных мифах и волнующих языческих обрядах, что удовлетворило бы его глубокое любопытство к сверхъестественным силам. Он желал веры, которая успокоила бы его и обеспечила бы ему новые, возвышенные, подающие надежды отношения с силами, правившими миром; которая, что важнее всего, подтвердила бы его укоренявшееся убеждение в том, что страх перед Смертью-Похитительницей (фото 11а) и ее власть можно преодолеть, и, следовательно, у жизни, так или иначе, есть смысл. Теперь широко распространенные оптимистические настроения насчет того, что будет после смерти, вытеснили убеждения стойков о том, что смерть является

долгожданным возвращением к неодушевленным силам и поглощением ими, а также пессимистические, бесцветные представления древних римлян или греков, которые вдохновили Вергилия на описание лениво перелетающих с места на место душ мертвых людей, которые не получили бессмертия:

Их много, как листьев, которые падают в лесу
В первые осенние морозы, или как птиц, которые далеко в
открытом море
Летят к земле в кочующих стаях, когда холодное время года
Гонит их за моря в поисках теплого климата.

Время таких представлений ушло, потому что люди чувствовали, что нечто такое независимое, сложное и таинственное, чем является человеческая личность, не может быть чем-то временным, неустойчивым; поэтому во II веке н. э. повсеместно отказывались от кремации умерших в пользу погребения, что казалось более почтительным по отношению к земной оболочке души.

На протяжении столетий постоянно растущей экзальтации — столетий, когда Римская империя находилась в своем зените, — эмоциональные религии-мистерии удовлетворяли этим потребностям, а также способствовали сплочению страны, развитию общинного духа, что не было бы столь эффективно при использовании иных средств.

Основанные на эмоциях, возникшие под влиянием Востока догреческие культы не являлись чем-то новым в самой греческой цивилизации. Безумные, погруженные в состояние транса прорицатели и прорицательницы, похожие на персонажей Вергилия Сибилл и на шаманов современной Сибири, жили среди древних греков. Для удовлетворения своих религиозных потребностей грекам было нужно лишь гармоничное, безмятежное спокойствие, воспетое во фризах Аттики, а также не поддающийся осознанию разумом экстаз мистерий. Догматы орфиков с давних времен касались потустороннего мира и загробной жизни; и с самых древних времен в Элевси-

не (с VII века до н. э. владение Афин) ежегодно проводился сложный, закрытый праздничный обряд в честь богини земли Деметры, которую позже римляне ассоциировали со своей Церерой. Секрет этих обрядов бережно хранился, но, возможно, это было нечто вроде миракля, культовой драмы, разыгрывающей священную свадьбу богини плодородия девы Персефоны (римской Прозерпины) и Плутона, бога подземного царства. Будучи первоначально действием, связанным с повторяющимся циклом природы (целью этого действия было вызвать плодородие и рост зерна), этот мистический ритуал, который сопровождался «освящением» ячменного отвара, смешанного с мятой, стал приобретать новое значение: участие в нем гарантировало благосклонность богов, управлявших подземным царством, — другими словами, счастливую загробную жизнь.

Из двух классов верующих более высоким был класс Смотрителей; они смотрели на собрание священных предметов, которые несли во время шествия из Афин в Элевсин. Во время этого шествия его участники зывали к богу Бахусу (в Греции почитаем как бог Дионис). Странствующие поклонники этого агрессивного, безумного культового обряда принесли его из Фракии. В VI веке до н. э. эти оргии иногда угрожали подорвать структуру общества. Греки, жившие в классическую эпоху, упорядочили их, сделав их частью официальных верований. Крайне беспокойный характер этих оргий виден в пьесе Еврипида «Вакханки». Вскоре сам культ Диониса стал лишь внешней стороной мистерий. В огромных царствах наследников Александра мистерии обрели широкую популярность — Дионис стал особенным богом в эту эпоху македонских и греческих завоеваний на Ближнем Востоке. В 186 году до н. э. заимствование Римом необузданных обрядов, посвященных этому богу, которого отождествляли с итальянским Бахусом, или Либером, встревожило сенат, члены которого испугались угрозы общественному порядку и приняли репрессивные меры. Но затем эти обряды наводнили мир Древнего Рима; ко времени правления Цезаря они превратились в уважае-

мую религию — мистерию. О ее огромной популярности в первые два столетия новой эры свидетельствуют многочисленные произведения искусства. «Весь этот маленький Олимп, находящийся за пределами большого», который оказал влияние на искусство эпохи Возрождения и более позднего времени (фото 13б), придав ему дух свободомыслия, и на котором акцентировал свое внимание сэр Кеннет Кларк, представлял собой изображения Диониса-Бахуса и его спутниц менад в безумном, исступленном неистовстве (фото 13в), когда они бесцельно скитаются по изобилующим пещерами дубовым и сосновым лесам, где встречаются поросли плюща, и взбираются на непроходимые лесистые горные вершины. Этот сюжет символизирует нечто иррациональное, животное в человеческой природе, одержимую прямолинейность, уход от реального мира, к чему и стремились последователи этой религии.

Утверждалось, что во время этих обрядов верующий сам «становится Бахусом». Мистерии, посвященные Дионису, хранились в тайне, но с I века до н. э. изображение этих зловещих, мучительных для человека обрядов, которые переплетаются с мифическими сюжетами, встречаются в настенной росписи на вилле Итем в Помпеях. С левой стороны видна демоническая фигура женщины в высоких ботинках, с мощными темными крыльями (фото 14а). Ведется много споров о том, как можно истолковать весь этот яркий сюжет, но, по-видимому, женщина эта символизирует Наказание (Poine) — наказание, которое ожидает в загробной жизни всех неверующих. Одна из неверующих, девушка, съезжилась на коленах еще одной женщины (фото 14б), напуганная и, возможно, повергнутая в ужас жезлом, который поднимает крылатая фигура. Такого рода зловещие сюжеты вносили в культовые обряды нечто, заставлявшее дрожать от страха. И наоборот, они же придавали надежды на блаженство спасения, что в этом сюжете символизируется фигурой, которую можно увидеть справа, — фигурой кружащейся танцовщицы, повернувшейся спиной к нам, стоящей на цыпочках. Это был один из вариантов

традиционного изображения менады, которое впервые встречается в творчестве скульптора Скопаса в IV веке до н. э. Менада — это служительница бога, и своим разнужданным танцем она, возможно, производит очищение повергнутой в ужас девушки.

Бахус наказывает неверующих, но он награждает своих последователей. Тема воздаяния должного верующим достигает своего расцвета в изобразительном искусстве, когда, начиная со II века н. э., тела умерших, которых больше не сжигали, стали хоронить в искусно выгравированных саркофагах. Эти саркофаги еще будут упомянуты, когда речь пойдет о христианстве; но сначала мы говорим о них в связи с древними языческими мифами, которым придавалось новое аллегорическое значение: мы видим то, что уготовано душе в загробном мире или среди звездных сфер, а также злоключения и страдания души в процессе того, как она подвергается очищению, которое ведет к полному ее освобождению. Общества верующих в Бахуса особое внимание уделяли похоронным обрядам; кроме того, очень распространенной темой гравировки на саркофагах были рассказы об этом боге.

Например, Дионис и толпа его менад и сатиров (похожих на неистовствующих почитателей его культа, которых встречали некоторые путешественники в Малой Азии) запечатлены в тот момент, когда они обнаруживают спящую Ариадну на острове Наксос, где Тесей покинул ее. Она проснется и выйдет замуж за Диониса, как и душа верующего воспрянет от сна смерти и станет жить, воссоединившись с богом. На других саркофагах Ариадна изображена едущей в колеснице возле своего мужа-бога, когда он возвращается в Европу после победоносных военных кампаний в Эфиопии и Индии (фото 15б, 16а). Его возвращение символизирует ежегодное возвращение плодородия, а его союз с Ариадной напоминает о том, как душа верующего, спасаясь от Аида, будет праздновать с ее провожатым вечный триумф блаженных и бесконечно пировать. Тому человеку, для которого изготовлялся этот саркофаг, этот мифологический, мисти-

ческий брачный союз гарантировал не только приятную вечную жизнь, но и даже, возможно, счастливое воссоединение с женой или мужем в потустороннем мире. Высокое положение Ариадны имело еще большую значимость, поскольку женщины — преемницы свиты менад занимали особое место в культе Диониса. Эта религия, в отличие от олимпийских или римских верований, взывала к женщинам, к их чувствам. Одним из главных символов этой религии, ассоциировавшимся с веялкой, наполненной плодами, был фаллос. Однако, несмотря на эту особенность, еще одной специфической характерной чертой этого культа было то, что главную роль в его обрядах играли дети. В произведениях искусства часто изображалось рождение и детство самого Диониса, который зачастую предстал в виде новорожденного младенца, за которым присматривали нимфы — как утверждают мифы, устроители пирушек Бахуса, символизирующие благотворные силы природы. В определенных обстоятельствах мальчика или девочку могли даже посвятить в тайны мистерий, и это являлось гарантом утешения родителей в том случае, если их ребенок умирал молодым, что в период античности происходило очень часто.

Культ Диониса превратился в своего рода привилегию высшего класса, так как, хотя появление саркофагов и было связано с возникновением уважения к человеческим останкам, роскошь саркофагов свидетельствовала еще и об инстинктивном хвастовстве состоятельных людей. Стремление к религиозному экстазу постепенно уступало место желанию плотских утех, — загробная жизнь часто изображалась просто в виде оргии, где особое внимание уделялось винопитию, а иногда — сценам откровенно сексуального содержания. Столь сладострастная картина приятной жизни в потустороннем мире очень нравилась беспечным людям, которые хотели избежать беспокойства. Но из-за своей материалистической аргументации эта религия не была способна по меньшей мере составить конкуренцию более глубоким, серьезным, выдвигавшим большие требования к верующим обрядам-мистериям, предусмотренным другими культами.

Еще одним культом, вызывавшим эмоциональное возбуждение и пользовавшимся большой популярностью, являлось почитание бога врачевания Асклепия. Его культ (под именем Эскулапа) отправлялся так, как на этом настаивала Сивилла (чьи якобы предсказания хранились под контролем коллегии жрецов) в своих «Оракулах». Культ в 293 году до н. э. был привезен в Рим из греческого города Эпидавра и распространился по всему Западу, пользуясь особой популярностью в армейских кругах, например в Дакии (Румынии) и Испании. Однако странное свидетельство того, что этому богу приписывали способность являться больным во сне и лечить их, мы нашли в Малой Азии. Элий Аристид, известный философ II века н. э., который прожил до семидесяти лет, но годами страдал от истерического паралича и конвульсий, рассказывал о том, как Эскулап во сне порекомендовал ему принимать воздушные ванны (хотя дело было в середине зимы), и как, к удивлению большой толпы зрителей, это принесло чудесное исцеление. Аристид был самодовольным и эгоцентричным, и он верил в то, что двое его родственников-детей умерли «у него в доме» из-за вмешательства Эскулапа. Но есть что-то поразительное и в то же время характерное для того времени в том, что даже Марк Аврелий верил, что здоровье зависит от богов, этот образованный, но очень впечатлительный человек верил в свои сны и полностью подчинялся режиму, который «предписывал» бог.

Один из папирусов (автор которого был знатоком обрядов) гласит о том, как в те же священные часы сна, который считался «таинством маленькой смерти», бог врачевания Эскулап (которого в папирусе называют именем его аналога Имоута Мемфисского) явился, окруженный исходящим от него сиянием, одному египетскому писателю и его матери, излечил писателя от лихорадки и вдохновил его на то, чтобы описать свое видение и чудо (что было типичным в древности) и затем начать активную миссионерскую деятельность от имени бога: «Я отправился рассказывать о благодеянии»

ях, которые он совершил для меня... Каждый язык в Греции должен гласить о тебе, Владыка... Я буду рассказывать о его чудесных явлениях и о великих благодеяниях, совершенных его властью».

Мы можем увидеть самого Эскулапа с его жезлом, вокруг которого обвилась змея, с его спутником Телесфором, на монетах Каракаллы, который в течение долгого времени безрезультатно пытался излечиться от мучивших его нервных расстройств и физических недугов, усердно поклоняясь Эскулапу и другим богам. Два столетия ранее свою несколько скептическую точку зрения записал архитектор-эксперт Витрувий, который считал, что божественные чудеса будут оказывать большее воздействие, если алтари богов будут располагаться в безопасных для здоровья местах с хорошим водоснабжением. «В этом случае боги (за счет природных условий местности) будут пользоваться более высокой репутацией и авторитетом».

Очевидной особенностью многих из этих культов было то, что в них было задействовано профессиональное духовенство. Писатель Апулей рисует поразительную картину: он описывает бродяжничающих, просящих подаяние, занимающихся самобичеванием евнухов — священнослужителей культа «сирийской богини» плодородия Атаргаты, наполовину женщины, наполовину рыбы, которую Эун, предводитель восстания рабов, провозгласил своей покровительницей:

«На следующее утро жрецы-евнухи приготовились идти на свое шествие. Все они были одеты в разноцветную одежду, выглядели они абсолютно отталкивающе, лица их были разрисованы румянами, а глазницы разукрашены для того, чтобы подчеркнуть яркость их глаз. Они были одеты в головные уборы, по форме напоминающие митру, ризы цвета шафрана, шелковые саккосы, кушаки и желтые ботинки. Некоторые из них щеголяли белыми туниками с крестами неправильной формы, образованными из прямых пурпурных полос. Они накинули на богиню шелковую мантию и водрузили ее ко мне на спину, начали играть в рог и размахивать огромными

мечами и булавами, прыгая при этом, как умалишенные. Руки их были оголены до плеч. Пройдя через несколько деревушек, мы подошли к большому деревенскому дому. Подняв дикие вопли у ворот, они, как фанатики, ворвались внутрь и вновь стали танцевать. Они так резко наклоняли головы вперед, что их длинные волосы падали на лица, а затем вертели головой из стороны в сторону настолько быстро, что волосы напоминали замкнутый круг. Время от времени жрецы свирепо кусали себя. Во время кульминации этого действия они резали руки острыми ножами, которые имелись у них. Один из них впал в большой экстаз, чем остальные. Всеми легкими издавая глубокие вздохи, как будто переполненный духом богини, он притворился, что совсем сошел с ума. (Это странное заблуждение — думать, что божественный дух, вместо того чтобы делать человеку добро, ослабляет или спутывает его сознание; но, если вы прочитаете дальше, вы увидите, что Провидение в дальнейшем вмешается и накажет этих шарлатанов.) Он начал с того, что, лицемеря, признал свою вину, крича тоном прорицателя, что в каком-то смысле он преступил священные законы своей религии. Затем он обратился к собственным рукам с просьбой наказать его должным образом и, схватив одну из плетей, которые эти полулюди носят с собой, плеть с несколькими хлыстами, сделанными из шерстяных шпагатов, с привязанными к ним овечьими костями, задал себе страшную порку. Земля была скользкой от крови, которая сочилась из ножевых порезов и ран, причиненных костями, привязанными к плеткам».

Под влиянием правящих классов в провинциях, которые использовали религию, чтобы произвести впечатление на народ или запугать его с тем, чтобы привести его в повиновение, жрецы прибегали к помощи любых драматических ритуалов. Например, они умели устраивать «чудеса» в храмах, внушающие замешательство и трепет, используя ловкие фокусы и научные достижения. Для этого можно было воспользоваться опытами и исследованиями в области пневматики Стратона, ученика Теофраста из Лампсака на Геллеспонте, жившего в начале

III века до н. э., или Герона, уроженца Александрии, возможно современника периода римского принципата. Для того чтобы превращать воду в вино, использовался принцип сифона; а когда прихожане входили в храм, искусно сделанные системы гидравлических мехов заставляли звучать фанфары или трубы либо зажигали огонь в алтаре. Мощную силу горячего воздуха, полученного при сжигании жертвенных животных, использовали для того, чтобы открывать дверь алтаря и двигать вперед статую бога, с тем чтобы он мог поприветствовать своих прихожан. Применялись многие усовершенствованные световые эффекты, включая освещение статуй изнутри, чтобы их глаза (в которых были просверлены дыры) и короны излучали свет. Так или иначе, статуи Ареса (Марса) и Афродиты (Венеры) оказались рядом друг с другом, когда два божества вступили в брак; хотя ведутся дискуссии о том, было ли это сделано с помощью магнитов или же невидимых веревок. Историк Полибий не только оправдывает «режиссированную» религию, но и не хочет проявлять чрезмерный скептицизм, когда он узнает о том, что некой статуи Артемиды (Дианы), хотя она и стоит на открытом воздухе, никогда не касаются снег или дождь.

Некоторые из этих религий обязывали выполнять строгие нормы морали. С течением времени эта тенденция увеличивалась (частично из-за того, что необходимо было составлять конкуренцию христианам), но уже в I веке до н. э. надпись, которая свидетельствовала о требованиях, предъявляемых верующим, была обнаружена в частном храме матери-богини Агдисты в Филадельфии в Лидии (Малая Азия):

«Пусть мужчины и женщины, рабы и свободные, приходя в этот храм, клянутся всеми богами в том, что они не будут преднамеренно вынашивать планы вероломного обмана или убийства с помощью яда, направленные против какого-либо мужчины или женщины; что они никогда не будут ни знать, ни использовать вредоносных заклинаний; что они никогда не будут прибегать к любовным заклинаниям, абортam, противозачаточным

средствам, грабежу или убийству, советовать другим прибегать ко всему этому или как-то быть в этом замешанным; что они не украдут ничего, но будут благожелательны по отношению к этому дому, и, если какой-то человек совершает вышеупомянутые действия или намеревается их совершить, они не будут хранить молчание, а разоблачат этого человека и отомстят. У мужчины не должно быть отношений с женой другого мужчины, будь то свободная женщина или замужняя рабыня, или с мальчиком, или с девственницей, а также нельзя склонять к этому других... Пусть те мужчины и женщины, кто совершают вышеупомянутые деяния, не заходят в этот храм, ибо в нем восседают на троне всемогущие боги, и они видят эти преступления, и не потерпят тех, кто нарушает их заповеди».

Агдиста, приверженцы которой должны были придерживаться этих этических предписаний, была местным вариантом великой богини-матери Кибелы. Посвященные ей ритуалы были чужды морали. Черты, характерные для культов того времени (разнузданность, эмоциональность), достигли в этих ритуалах своего наивысшего развития. Кибела считалась в Малой Азии бессменной Матерью-Землей. Подобно тому как Мать-Землю, богиню Крита в доэллинистическую эпоху, сопровождали львы, Кибела путешествует в колеснице, запряженной львами. Посвященные ей ежегодные действия повествовали о смерти и воскресении ее юного супруга, бога всего, что ежегодно рождается и погибает. Поэт Лукреций воспеваает этот культ (хотя и с критическими комментариями):

«В земле есть запасы, за счет которых она питает род человеческий, даруя ему огромные урожаи и цветущие садовые деревья; из этих запасов берутся реки, листва и сочные пастбища для диких животных в горах... Поэтому именно это существо (Земля. — *Пер.*) заслуживает чести именоваться Великой Матерью Богов, Матерью Животных и прародительницей человеческого рода... Ее, окруженную пальмовыми ветвями, сопровождает бой барабанов и бряцанье полых тарелок».

лок; сильные рожки издают пронзительные звуки, предостерегая от чего-то, а флейта с дырочками вызывает сердечный трепет своими фригийскими напевами. Впереди нее несут оружие, символизирующее безумную ярость, предназначенное для того, чтобы карать неблагодарные и нечестивые сердца толпы с помощью ее вызывающей ужас божественности. Итак, когда ее впервые приводят в какой-либо крупный город и она безмолвно одаряет смертных своим бессловесным благословением, они устилают весь ее путь щедрыми дарами из золота и серебра и розами заслоняют от солнца Мать и ее свиту. Затем группа вооруженных людей, которых греки называют фригийскими куретами, состязаются друг с другом и, хмельные от крови, пускаются в ритмичные танцы, кивая головами, чтобы заставить гребни своих шлемов трепетать».

По мере того как такого рода ритуалы продолжали свое триумфальное, блестящее шествие в отчасти подпольных храмах Малой Азии — в Пессинунте, двух храмах Коман, Кастабале, — насилие и возбуждение достигли даже еще большего накала, чем в культе Диониса.

Влиятельный культ Кибелы был признан римским культом уже в 204 году до н. э. Его зрелищная, обрядовая сторона была самой масштабной и сложной для понимания. Такими зрелищными обрядами не обладал больше ни один культ в Древнем мире. Культ Кибелы своим лихорадочным накалом возбуждения подавал надежду на бессмертие. Семь постных дней были отмечены ослепительными шествиями, во время которых несли свежесрубленную сосну, символизирующую умершего Аттиса. Затем, после Дня рыданий наступал День крови, когда жрецы били себя плетью и терзали себя, в то время как фанатики-новички сами себя кастрировали. Когда впоследствии истекал срок поста и траура, провозглашалось: будьте в хорошем настроении, верующие, убедившись в том, что бог спасен: ибо мы, по окончании наших лишений, также обретем спасение! И это было сигналом к безудержному веселью. В отличие от Диониса бог Аттис не одинок: он воссо-

единяется с богиней земли. Хотя первоначально он считался богом произрастания, который рождался и умирал вместе с растениями, он предстает нам в виде Звездного Пастуха, в головном уборе, расшитом звездами. Таким образом, эта религия была тесно связана с культом звезд, так как она являлась странной смесью философии и изначального, древнего фольклора.

На рельефе из Ланувия (который, как ни странно, был одним из центров традиционной римской религии) изображен торжественный, фантастический облик высшего жреца Кибелы, или архигаллуса (фото 13а). Он занимал гораздо более высокое социальное положение, чем нищенствующие священники Кибелы, которые скитались, одетые в лохмотья. Он предстает нам в полном обрядовом одеянии — в венчике, украшенном медальонами, в ожерелье в виде змеиной головы, серьгах, с длинными шерстяными лентами и нарамником на груди в виде маленького алтаря с миниатюрным изображением Аттиса. В правой руке он держит фрукты и гранатовые ветви, что символизирует жизнь и воскресение из мертвых. Его левая рука держит фаллическую сосновую шишку — символ плодородия и воскресения из мертвых, которая расположена в центре блюда, полного фруктов; эту святую пищу верующие ели в сопровождении музыки, и это символизировало их возрождение. На рельефе изображены также магические трещотка, барабан, флейты, тарелки, а также плеть, предназначенная для самобичевания.

Несмотря на то что в период расцвета Римского государства люди практиковали вызывающую головокружение «анестезию», которую несли с собой танцы, объединявшие верующих с богом, государство проводило политику сдерживания по отношению ко многим иноземным культам и, по крайней мере, постановило, что высокопоставленные жрецы не должны быть евнухами. Тем не менее, несмотря на запрещающие законы, люди продолжали себя кастрировать во славу Кибелы. Об этой особой форме человеческих жертвоприношений (которые сами по себе полностью не прекратились) повествуют многие древние предания (например, хеттский эпос

о Кумбарби, фрагменты которого нашли в Богазкёе в центральной части Малой Азии). В античной греческой мифологии также говорилось, что Крон кастрировал своего отца Урана. Кровь Урана оплодотворила землю, а семя его оплодотворило море. По всей видимости, эта болезненная, жестокая и неизлечимая форма самопожертвования вызывала глубокий отклик чувств народов Ближнего Востока и Средиземноморья. Одна из самых удивительных страниц древней литературы (хотя эта тематика была известна поэтам эпохи эллинизма) — значительная по размеру поэма Катулла, вдохновенно рассказывающая о кастрации Аттиса. Поэма уникальна своей ужасной тематикой, духом изнеможения и хаотичным размером, который воссоздает ритм танцев верующих. В этом ужасном с точки зрения современной психологии произведении главный герой плывет через море с группой приближенных, намереваясь провести этот дикий обряд на себе. Катулл повествует о том, как Аттис в ярости бросился к склону горы Ида (где побывал сам Катулл), после чего наступило изнеможение, сон, возрождение и раскаяние, и об ужасной внезапной развязке.

Аттис, крича, как безумный, убежал в чашу леса
 А там стал навечно, на всю свою жизнь рабом.
 О благочестивая, могущественная Мать,
 О святая Мать Кибела,
 О святая Мать, повелительница Диндима,
 Сделай так, чтобы дом, в котором я живу,
 Никогда не познал того безумия, которое ты можешь насладь.
 Ввергни в безумие другого человека — сведи другого
 человека с ума.

Богиня, по отношению к которой он испытывает неземную преданность, властвовала над Аттисом и потребовала кровавого жертвоприношения для того, чтобы он оставался только ее рабом навсегда. О тех, кто страдал маниакально-депрессивным психозом и кем после депрессии вновь овладевала мания, Катулл пишет в аллегорической форме. Он пишет также о своей несчастной любви к Клодии, которая «оставляла всех мужчин хро-

мыми». Она была потомком Клавдии, которая сопровождала в Рим первую в городе статую Кибелы. Возможно, как утверждает Гилберт Хайер, поэту также «не на что было надеяться в будущем, кроме как на череду оргий, безрадостных приступов безумного возбуждения и неудовлетворенных желаний, сменяющихся периодами бессознательного состояния, похожего на смерть, и безнадёжного раскаяния». Такие чувства в отчаявшемся поэте мог вызывать внушающий ужас, завлекающий в свои сети культ Кибелы.

Во II веке н. э. культ этот завоевал огромную популярность. Антонин Пий и его жена Фаустина Старшая, хотя они и были уравновешенной и уважаемой четой, были одними из самых преданных последователей этой религии. Она распространилась по всей Африке и Галлии, где местные власти, как и в Риме, приняли ее как официальный культ. Очень важное место среди ритуалов, посвященных Кибеле, особенно в Галлии, занимал теперь вызывающий омерзение обряд, именуемый *taurobolium* — принесение в жертву быка и купание в крови. Получив одобрение высшего жреца, верующий спускался в яму, выкопанную в земле, сверху которой клали решетку. Сверху, на решетке, резали быка (когда вместо быка использовали барана, обряд назывался *criobolium*). Кровь животного лилась вниз, на верующего, и попадала на его обращенное вверх лицо и на язык. «Сквозь тысячи щелей в дереве, — пишет христианский поэт Пруденций, — брызги крови стекали в яму». Тот, на кого они попадали, стремился к тому, чтобы этот поток лился на его голову, одежду и тело. Он отклонялся назад для того, чтобы намочить свои щеки, уши, губы и ноздри. Он заливал кровью глаза и охотно открывал рот и пил.

Письменные источники свидетельствуют о том, что кровь, как считалось, имела действительную силу. Поначалу этот обряд «совершали во имя империи». Но позже стали утверждать, что верующий «получил новую жизнь на двадцать лет», а еще позже — «получил новую жизнь навечно». Этот обряд берет начало в глубокой древности, в Малой Азии, где охотники ловили

диких быков и приносили их в жертву, убивая копьями. В этом случае все достоинства быка, в особенности сам принцип его жизни, должны были перейти к тому, кто выпустил его кровь. Те, кто принимал участие в этой кровавой процедуре в Римской империи, обычно (хотя и не всегда) являлись поборниками культа Кибелы. Они должны были платить за самих быков, следовательно, они были зажиточны. Во время этих церемоний собирались огромные толпы людей, которые благоговейно кланялись, когда текла кровь. Последний известный нам *taurobolium* состоялся в IV веке н. э. на том месте, где сейчас расположен Ватикан.

Огромное число людей во всей Римской империи страстно верили в Кибелу. Но еще больше верили в египетскую богиню Исиду. С I века до н. э. и до победы христианства четырем столетиями позже ее культ являлся господствующей религией греко-римского мира, единственной языческой религией, которая, возможно, могла стать мировой. Тем не менее ее пришествие в Рим протекало исключительно бурно из-за того, что римляне были подозрительны по отношению к Египту с точки зрения морали и политики. Между 59-м и 48 годами до н. э. храмы египетских богов в Риме разрушались четыре раза, и до времени правления Калигулы (38 г. н. э.) в столице не имелось храма Исиды, который бы уцелел. Посвященные ей процессии в Риме проводились до 394 года.

В Египте все еще проводилось огромное количество исконных древних ритуалов, и религиозные обряды, приходившие оттуда, были подкреплены авторитетом незапамятной древности. Мифы, рассказывающие об Исиде, вобрали в себя значительную часть содержания этих религиозных обрядов и их авторитета, но по мере того, как ее культ становился всемирным, он приобретал присущие лишь ему характерные черты. Он впитывал в себя общие, интернациональные идеи, однако при этом они наслаивались на присущие только ему особенности. Так, благодаря египетскому богу потустороннего мира, Осирису, который, в соответствии с религиозны-

ми преданиями, сопутствовал Исиде, в культ были привнесены традиции управления людьми на земле, бытовавшие в давние времена, когда в жизни человека укоренились цивилизованные порядки. Как и Аттис, Осирис символизировал все, что рождалось и умирало в течение года; а «Обнаружение Осириса» в середине ноября было кульминацией самой волнующей церемонии, когда можно было поддаться сильным эмоциям и безудержному ликованию. Во время этих мистерий повергнутые в транс верующие (чей облик уловили и передали скульпторы, фото 15а) проходили через все стихии, наносили визит в потусторонний мир и лицом к лицу встречались с богами, после чего в конце концов они получали торжественное одеяние.

Сокровенный обряд Исиды показан на фреске из Геркуланума (фото 15а). Во время основных религиозных праздников, посвященных Исиде, проводились церемонии, которые своим великолепием могли сравниться с обрядами культа Кибелы, а по силе эмоций и драматичности, может быть, превосходили их. Действительно, в течение всего года (в беспрецедентных ранее масштабах, особенно на Западе) каждый день, почти каждый час проводились детально разработанные обряды, культ Исиды эффектно воздействовал непосредственно на зрительное восприятие, а человеческий слух также не мог забыть об Исиде, поскольку приверженцы культа пели на улицах гимны и разыгрывали привлекающие внимание сцены набожности и смирения. Тем не менее культ Исиды был еще и религией безмолвных медитаций, созерцательного обожания верующих при виде священного облика Исиды, когда ее величественный образ несли во время процессии. Она была одета в льняную мантию с накидкой на груди, ее лицо было добрым и одухотворенным, милостивым и «материнским». Ее культ даже в большей степени, чем культ Диониса, был обращен непосредственно к женщинам и сильно воздействовал на них: Исида являлась «славой женщин», она наделяла их такой же силой, какой обладают мужчины. С младенцем Гором (или Гарпократом) на руках она выглядела «все-

общей матерью», все понимающей женщиной. Исида была также волшебницей, не имевшей себе равных по степени влияния, «богиней десяти тысяч имен», которая «вобрала в себя всех остальных богов и богинь» и могла принимать любую форму. Казалось бы, ее культ не противился ничем не сдерживаемому сексу (говорили, что во время посвященных Исиде ритуалов встречались любовники). Тем не менее тех, кто хотел противоположного, культ Исиды все более настойчиво призывал к пуританству.

Романтический ореол, окружавший эту религию, виден нам из тех данных, которые приводит писатель Апулей, который, несмотря на все его легкомыслие, глубоко верил в милостивую любовь Исиды. В своем романе «Золотой осел» («Метаморфозы») он рассказывает, как она во сне является Луцию, которого превратили в осла. Это видение предшествовало тому, что он вновь обрел человеческий облик. Однако нет никаких сомнений в том, что здесь присутствуют личные переживания самого Апулея, для которого самым большим счастьем было лицезреть возлюбленную богиню:

«Я едва ли сомкнул глаза перед тем, как видение женщины стало подниматься из сердца моря. Ее лицо было таким красивым, что сами боги стали бы обожать его. Сначала голова, затем весь сияющий силуэт возник и стал возле меня, балансируя на волнах. Да, я попытаюсь описать это необыкновенное видение. Хотя человеческая речь скудна и возможности ее ограничены, может быть, сама Богиня вдохновит меня и дарует мне поэтические образы, необходимые для того, чтобы выразить некоторое отдаленное представление о том, что я видел. Ее длинные густые волосы сужающимися к концу локонами спадали на ее прелестную шею. Их венчал причудливый венчик, в который были вплетены цветы всех видов. Прямо над челом блестел круглый диск, похожий на зеркало или красочное лицо луны (и это подсказало мне, кем была эта женщина). Змеи, вздымавшиеся из ее пробора как слева, так и справа, поддерживали диск. Возле них вздымались колосья. Ее многоцветная мантия была

сделана из прекрасного льняного полотна. Часть ее сверкала белизной, еще одна часть была оранжево-желтой, часть пылала красным цветом, а по всей кромке мантии был прикреплен сплетенный из цветов и фруктов бордюр, колыхавшийся на ветру. Но больше, чем все остальное, мое внимание привлекла и задержала мой взгляд иссиня-черная лента на ее мантии. Богиня повесила ее так, что она проходила через все ее тело, от левого бока до правого плеча, где заплеталась в бант, напоминающий выпуклость в центре щита. Часть ленты свисала в тысячах складок; ее бахрома, украшенная кисточками, трепетала. Мантия была расшита сверкающими звездами (на кромке и везде), а в середине сияла полная, пламенная луна. В правой руке она держала бронзовую погремушку, похожую на ту, которой пользовались, чтобы отпугивать бога Сирокко; прямой ободок погремушки был согнут, как портупея, а три маленьких стержня, которые издавали пронзительный звук, когда она встряхивала рукоятку, проходили через погремушку горизонтально. Золотая рыба, по форме напоминавшая лодку, свешивалась из ее левой руки, а на верхней поверхности рукоятки извивалась гадюка с открытой пастью и поднятой головой, готовая ужалить. На ее божественных ступнях были надеты тапочки из пальмовых листьев — символ Победы.

Все ароматы Аравии бросились в мои ноздри, когда Богиня изволила обратиться ко мне: «Ты видишь меня здесь, Луций. Это — ответ на твою молитву. Я есть Природа, я есть всеобщая Мать, повелительница всех стихий, родное дитя времени, повелительница всего духовного, царица мертвых, также царица бессмертных, единое воплощение всех богов и богинь, какие только существуют. Кивок моей головы управляет сверкающими небесными высотами, попутными морскими ветрами, скорбным молчанием царства мертвых. Хотя мне поклоняются во многих моих проявлениях, знают тысячи моих имен и просят моей благосклонности во время разного рода ритуалов, весь земной шар почитает меня».

Но основная притягательная сила Исиды заключалась в гарантиях блаженного бессмертия в потустороннем

мире, которые эта религия давала своим почитателям, более твердых и волнующих чувства гарантиях, чем обещания, которые давали все остальные культы. «Я покоряю Судьбу, и Судьба подчиняется мне». В романе Апулея Луций был игрушкой в руках Судьбы, пока Исида не пришла к нему на помощь. То, что она его спасла, означало конец нечестивой жизни и начало жизни новой: «Золотой осел» — это рассказ о грехе и его искуплении, которое символизирует великое искупление на том свете. С самого начала эта религия подчеркивала, что она дарует бессмертие, а гибкая идея этого необыкновенного единения божества и человека (которую каждый человек воспринимал по-своему), казалась для все большего числа людей — высшего и низшего чиновничества, римлян, вольноотпущенников и рабов — осуществлением их самых насущных эмоциональных потребностей. Культ Исиды распространился по всему Западу и Востоку, особенно в тех регионах, которые поддерживали контакты с Египтом, а также там, где присутствовали военные или какие-то другие иностранные элементы.

На острове Делос мы видим Исиду главной составной частью «египетской троицы»: Исида, Анубис — бог с головой собаки, который сопровождал души во время их шествия к бессмертной жизни, и Серапис. Серапис является странным явлением, искусственным творением первого царя Египта династии Птолемеев (ум. в 282 г. до н. э.). По его расчетам, Серапис должен был объединить греков и египтян, живших в его сложносоставном государстве, — у них появился бы единый культ. Серапис был единственным богом, который во время великих исторических событий был с успехом намеренно создан «из ничего» человеческим умом. В Серапеуме в Александрии, внутри затемненного храма, который был удачным местом для того, чтобы создавать эффекты «чудес», находилась его громадная культовая статуя с головой из золота и глазами из драгоценных камней. Художественный тип Сераписа, созданный ведущим скульптором Бриаксисом, представлял собой величественного бога, на голове которого, похожей на голову Зевса, был помещен со-

суд. Это означало, что Серапис был богом Земли-кормилицы. Этот бог был творцом жизни как в потустороннем мире, так и на земле. Благодаря своей чудесной силе он управлял Судьбой. Его особо почитали как покровителя целительного искусства. Считалось, что он исцеляет слепых. Если люди были рождены под одним и тем же созвездием, он мог передавать болезнь одного человека другому. Большой Каракалла, которого в скульптуре изображали как фараона, почитал Сераписа. Письменные источники того времени отождествляют этого бога с Юпитером и Солнцем. Тем не менее он, в общем, являлся дополнением более могущественной Исиды.

В смерти юных Диониса, Аттиса и Осириса было нечто очень трогательное и жалостное. И когда во II веке н. э. очень заметный юноша поразительной внешности умирал загадочной и, возможно, трагической смертью, тысячам людей казалось, что действительно снова происходило чудо. Таким был Антиной из Вифинии. Будучи любовником Адриана, в 130 году н. э. он сопровождал его во время плавания вверх по Нилу и утонул. Некоторые утверждали, что он отдал свою жизнь священной реке, чтобы император мог избежать смерти, предсказанной ему магами и астрологами. Последствия этого были действительно странными. В городах Востока, где люди были более эмоциональны, Антиною сразу же стали поклоняться (и их чувства были явно искренними) как воплощению бога-спасителя. Он считался богом в Дельфах и Олимпии. Его отождествляли с Дионисом, а в новом городе, основанном Адрианом в Египте, Антиноополисе, люди почитали его как самого Осириса. Были разработаны драматические обряды, которые соединились в представлении-мистерии, «Страсть Антиная», во время которой культовые танцы и движущиеся фигуры ежегодно воспроизводили пафос его прискорбной смерти в молодом возрасте, а также славу и восторг его воскресения. Он вдохновил создание нового скульптурного «идеала» (фото 7).

Одной эпохе трудно понять божества другой, и в этом случае, как утверждалось, «бездонная пропасть отделяет

нас от чувств умерших». Действительно, эти чувства могли достигнуть такого бурного расцвета только в атмосфере истерии и аморальности Римской империи, как, возможно, и в современную эпоху, когда столь же юный популярный певец все еще получает две тысячи писем в неделю от людей, которые отлично знают, что он умер год назад. Ни один культ не почитался так, как культ Антиная, в отличие от имевших меньшее значение культов-мистерий. И это проявилось гораздо сильнее на Востоке, чем на Западе. Мы, возможно, будем правы в предположении о том, что менее сентиментальные элементы общества, офицеры и закаленные в боях легионеры, относились к этому полному эмоций, сентиментальному культу с презрением. Однако и здесь необходимо оговориться, что менее чем сто лет спустя (в 218 г. н. э.) увешанный драгоценными камнями, ярко одетый четырнадцатилетний местный жрец Элагабал произвел на большую армейскую группировку в Сирии такое сильное эмоциональное впечатление, что она провозгласила его императором Рима.

Но были также и тысячи людей, которые нуждались в чем-то более определенном. Такие странные феномены, как культ Антиная, а также огромное количество менее значительных культов-мистерий и спасителей, были полностью вытеснены могущественной религией, которая делала упор на аскетизме, — верой в Митру. Митра был очень древним богом индоевропейских народов. Традиции и идеи культа Митры собраны в Авесте, или «Законе», а имя Митры упоминается в индуистских ведических гимнах. Но он и посвященные ему мистерии пришли в Римскую империю из Ирана, где этот культ, распространенный Заратустрой (о котором греки узнали в V веке до н. э.), отправлялся кланом мидийских жрецов-магов. Римляне считали Митру персидским богом.

Культ Митры отличался от большинства других религий-мистерий тем, что существовало объемное и деталь-

ное описание жизни бога, начиная с того, как доброе божество Повелитель Ормазд (Ахурамазда) чудесным образом создал его из скалы. Но ежегодных драматических действий не было: не могло быть повторявшихся из года в год обрядов смерти и воскресения, так как Митра обновил жизнь и победил смерть однажды и навсегда. Митра служил Ормазду и постоянно противостоял Ариману, Повелителю Смерти. И Ормазд и Ариман возникли из Первопричины, Вечного времени. Итак, в вечном дуализме добра и зла Митра являлся силой добра, близкой к божественному свету. Действительно, он был союзником и помощником всемогущего Солнца, с которым позже его стали отождествлять. Более того, эта вечная битва между светом и тьмой сказывалась на человечестве: Митра был добрым наставником человека, посредником между божеством и человеком, а также защитником душ умерших от злых демонов. Первоначально его имя означало «свет». Однако позже оно стало ассоциироваться со словом, означающим «договор», и, таким образом, его воспринимали также как бога согласия, бога истины и морали. Он являлся также богом пастухов — «богом обширных пастбищ», «истребителем демонов и диких зверей». Но в греко-римском культе Митры самой необычной из многих его миссий, благодаря которой до нас дошли характеризующие его скульптурные и художественные изображения (фото 166-в), была его героическая, легендарная борьба с первым живым существом на свете — с быком. После того как Митра победил быка, он оттащил его обратно к пещере. Затем бык убежал, и посланник Солнца, ворон, приказал герою преследовать быка и истребить его — неприятное поручение, которое он выполнил с грустью и отвращением, которые запечатлелись на его обращенном вверх лице. Из крови и семени быка выросло зерно и все изобилие этого мира; и в дальнейшем они символизировали и обретение мертвыми новой жизни в потустороннем мире.

После истребления быка родилась первая человеческая пара. Митра победил бедствия и пожары, ниспосланные против них Ариманом, и его миссия на земле подо-

шла к концу. Но жизнь Митры была скорее мифом, чем не внушающим доверия историческим фактом, и по окончании его земной миссии он разделил таинственный дружественный пир и общение с Солнцем. Когда люди, поклоняющиеся ему, воспроизводили эти события, они ели хлеб и пили вино (на востоке — сок священного растения *Haoma*). После дружественного пира Митра поднялся на небо на колеснице Солнца, откуда он продолжает взирать на верующих, и будет взирать до тех пор, пока он не уничтожит мир в огромном пожаре.

Его «фригийский головной убор» свидетельствует о том, что в Рим он пришел не из Персии непосредственно, а из западной части Азии, а именно — из Малой Азии. Расположенный на севере этого полуострова Трапезунд (Трабзон) на Понте являлся крупным центром религии Митры. На монетах Трапезунда III века н. э. он изображен в виде всадника. Всадник-божество встречается нам и в Санкт-Джордже на Каппадокийском плоскогорье, к юго-западу от Трапезунда. В этой местности было много не только лошадей, но и магов; маги все еще встречались в Каппадокии во времена отцов-основателей христианства. Именно в Малой Азии, как утверждает Плутарх, римляне впервые столкнулись с этой религией — у киликийских пиратов в I веке до н. э. Объединенные иранский и греческий элементы преобразовали культ Митры, и это преобразование отразилось в значительном увеличении количества его изображений. Сюжет «Митра — истребитель быка» не был характерен для иранского изобразительного искусства. Это — эллинистическая адаптация изображения одного из известных сходных греческих подвигов к образу Митры. Так или иначе, изображение Митры в греческой одежде (фото 16в) является скорее исключением, обычно он изображался в персидском одеянии (фото 16б).

По мере того как культ Митры приживался в Римской империи, он стал включать в себя многочисленные черты как греческих, так и иранских верований. Считалось, что Хронос (Время) в начале всего сущего создал яйцо, из которого явился первый из богов, Аион, и Митру так-

же иногда изображают появляющимся из яйца, а не из камня. Как и Хроноса с Аионом, Митру — обновителя жизни ассоциировали с временами года, знаками зодиака и небесными телами. Так, число званий последователей культа Митры соответствовало числу планет (семь). Наименование каждого из этих званий — мужского рода: женщины, являвшиеся членами семей последователей культа, вероятно, искали спасения посредством каких-то других культов-мистерий. Жрецы не упоминаются, поскольку Отец, занимавший главенствующее место во время обрядов, по традициям этой религии, не был профессионалом, а каждый раз избирался.

В подземных храмах Митры (фото 17а) некоторые верующие «махали крыльями», как птицы, и изображали карканье ворон; некоторые — рычали как львы; на рельефах приверженцы культа Митры изображались в масках зверей и птиц. Среди этих фантастических церемоний (во время которых в дальнейшем применялись технические новинки, такие, например, как перфорированное излучение, для того чтобы получать впечатляющие световые эффекты и силуэты), были безжалостные и иногда преднамеренно внушающие ужас проверки, испытания и процедуры искупления грехов. Они проводились для того, чтобы воспитать в людях изуверскими способами невозмутимость перед лицом обстоятельств, которая была идеалом эпохи эллинизма. Потенциальному посвященному в таинства культа руки связывали куриными внутренностями, которые не снимались до тех пор, пока его не бросали в ров, наполненный водой. Еще ужаснее были испытания экстремальными температурами (теплыми или холодными). Яма, предназначенная для проведения таких испытаний, была обнаружена в ходе раскопок в храме Митры в Карраубурге (Проколитии) (фото 17б). Есть также сведения о том, что верующих пытали, выжигали им клейма, а на мечи стекала кровь людей, чья ужасная смерть была не символической, а настоящей. Практиковались ли время от времени (например, по приказу Коммода) во время ритуалов, посвященных Митре, человеческие жертвоприношения? Скелет чело-

века в цепях был найден в храме Митры в Понс Сарави (Саарбург). Его могли подложить туда христиане для того, чтобы очернить эту религию, но человеческие жертвоприношения, хотя, возможно, и не предписываемые властями со 112 года до н. э., продолжали проводиться в некоторых провинциях (например, в Северной Африке) несколькими столетиями позже.

Возможно, культ Митры привнесли в Италию солдаты и купцы из разных регионов Востока. В 66 году н. э. Нерон предложил Тиридату, царю и верховному жрецу Армении, нанести официальный визит в Рим. Плиний Старший утверждает, что Тиридат привез с собой магов и приобщил императора к «священным трапезам». Известный философ Луциан писал пародии на ритуалы культа Митры, а Цельс в своем произведении «Истинное слово», являвшемся критикой христианства с точки зрения последователя Платона, сопоставил две эти религии. В эти первые два столетия новой эры культ Митры распространялся действительно очень широко на Западе. Вполне естественно, что Рим, огромный космополитический город, был подходящим местом для распространения культа. Нам известно о сорока пяти изображениях Митры в Риме и его пригородах. Религия также процветала в других космополитических городах — портах и торговых центрах, таких, как Александрия, Пирей, Карфаген, Путеолы, Лондон и Остия. Нам известно о существовании в этих городах восемнадцати храмов. В число верующих входили многие купцы, которые почитали Митру как покровителя договоров, и государственные чиновники империи. Были среди них также вольноотпущенники и образованные рабы. Однако изначально культ Митры не являлся религией низших классов: письменные источники и произведения искусства свидетельствуют о том, что основоположники этого культа принадлежали к культурной и зажиточной части городского общества.

Однако культ Митры распространялся главным образом благодаря военным — особенно офицерам, при участии многих командиров воинских соединений. На территории гарнизонов на Рейне, Дунае и на британ-

ской границе существовало множество храмов и святилищ, расположение которых соответствует передвижениям войск, идущих с востока. Митра обладал притягательной для военных силой, которой невозможно было противостоять. Дело в том, что Митра являлся *invictus* — непобедимым покровителем, похожим на Геркулеса. Сам он проявил неустанную, героическую готовность и умение сражаться. Его пример, в отличие от пораженческого, бездеятельного духа, исповедуемого интеллигенцией, способствовал развитию таких же добродетелей у других людей. Такая же стойкость действительно была необходима перед лицом тех опасностей и трудностей, которые окружали простых людей — солдат, когда романский мир в Центральной и Северной Европе приближался к своему распаду. Почитатели Митры были обязаны не только быть такими же стойкими, как он. Они должны были быть столь же морально чисты и скромны. В этом смысле культ Митры удовлетворял растущее стремление к аскетизму — отвращению к плотскому и чувственному, которое временами охватывало народы Средиземноморья начиная с периода Древней Греции и которое вскоре достигнет наивысшего подъема у отшельников-христиан. Но культ Митры не призывал к уединению и раздумью, чем занимались отшельники. Аскетизм, к которому он призывал, был активный и воинствующий. Действительно, одно из званий почитателя Митры, которое можно было получить во время священного испытания, было звание Солдата. Тертуллиан рассказывает о том, что во время ритуала посвящения претендующему на это звание приказывали скинуть пальмовый венок со своей головы таким образом, чтобы он упал на плечо. Когда он делал это, он говорил: «Митра — моя корона». Тем, кто захотел бы надеть на него этот венок, он должен был сказать: «Это принадлежит моему Господу».

Почитателям культа Митры всегда разрешалось беспрепятственно регистрировать свои гильдии и корпорации. В Дура-Европос в Месопотамии нашли записи их

расходов на еду и вино. Возможно, официально их гильдии назывались похоронными обществами. Когда они проводили свои церемонии, римские власти не видели причин препятствовать им — в особенности правители империи, находящейся на грани распада, которые пытались привлечь на свою сторону авторитет как личной, так и государственной религии. Им казалось, что мужество, отрицание всего плотского и энергия культа Митры способны поднять неустойчивую мораль как в армии, так и среди гражданского населения. Тем не менее культ Митры долгое время считался слишком «личной» религией, для того чтобы включить его в число официальных культов; и эта религия не являлась «придворной». Помимо Нерона лишь несколько императоров, как утверждалось, имели прямые контакты с людьми, исповедовавшими эту религию. Коммод, преданный восточным экзотическим культам, распространил свою одержимую благосклонность и на культ Митры. Он якобы настаивал на том, чтобы во время ритуалов, на которых он присутствовал, убийства и другие кошмары должны быть не мнимые — должна происходить подлинная резня. Тем не менее его поддержка имела благоприятное воздействие на культ Митры. Он достиг первого пика своей популярности во время правления этого и следующего императора. Люди теперь думали, что Митра — это бог Солнца, аналогичный тем богам, которых Элагабал и Аврелиан объявили главными в государственной религии. Даже спустя два столетия как в Малой Азии, так и в Италии Митру отождествляли с Солнцем, и с этого времени чувства многих слились воедино в монотеистическом поклонении Солнцу.

Представители других языческих культов считали возможным союз с культом Митры, что никогда не препятствовало почитанию других богов и богинь, близких Митре по духу, и их статуи, рельефы и эмблемы с их изображениями находят в храмах, посвященных Митре, — например, в раскопанном недавно храме в Лондоне. Это сотрудничество обеспечило приверженцам культа Митры поддержку влиятельных, давно уже получивших при-

знание жрецов культа Кибелы. Однако культ Митры в ходе его развития в эпоху Древнего Рима выделялся среди других религий-мистерий. Только для него характерны отсутствие профессиональных жрецов, недопущение к нему женщин, суровые требования к морали, самобытный характер подвигов Митры и, вследствие этого, отсутствие ежегодного культового действия. У этой религии были идеи, влияние и глубина. Но ей не хватало притягательности для народа, которая не знала бы социальных различий, а также ласки и сочувствия, которые были необходимы для религии, которой суждено было стать мировой.

Распятие Иисуса, по свидетельству Тацита, состоялось во время правления Тиберия — возможно, в 29, 30 или 33 году н. э. Самые ранние из произведений христиан, а именно — апостольские послания св. Павла, относятся ко времени, которое не очень далеко стоит от вышеупомянутых дат. Его первое Послание к Коринфянам, которое, должно быть, было написано около 55 года н. э., упоминает его путешествие в Коринф, совершенное примерно пятью годами ранее. В Послании он рассказал о том, как «Христос умер за грехи наши, по Писанию», как он был погребен и воскрес из мертвых и как затем его видели многие братья, а затем он сам, Павел из Тарса. Обращение в христианство самого Павла может быть датировано около 35 года н. э. или немногим позже. Утерянное собрание изречений Иисуса, первоначально записанных на арамейском диалекте семитского языка, по всей видимости, существовало до 60 года н. э. Затем следуют написанные на греческом языке Евангелия с именами св. Марка (ок. 65 г. н. э.), св. Матфея и св. Луки (80—85 гг. н. э.), который, возможно, написал также «Деяния апостолов» (ок. 60—62 гг. н. э.). Считается, что последнее Евангелие было написано св. Иоанном (ок. 100 г. н. э.). Св. Иоанн, а также св. Павел и автор «Послания к евреям» (некоторые полагают, что его написал сподвижник Павла Барнабас с острова Кипр) являются одними

из великих ранних теологов христианской церкви. Спустя какое-то время эти книги, являвшиеся продуктом увлекательного времени, отмеченного чувством глубокого товарищества, экспериментов и духовных исканий, стали считаться каноническими, а в конце II или в начале III века н. э. тексты этих произведений были ревизованы в Александрии. Возможно, самые древние фрагменты любого сколько-нибудь значительного отрывка Евангелия, дошедшие до нас, появились вскоре после этого.

Однако из многих стран Востока, где распространилось христианство, в большом количестве стали поступать другие произведения о его основателе, в той или иной степени являвшиеся «неканонической» ересью. Среди них — «Евангелие от Фомы». Это — один из сорока девяти документов, написанных на саидском диалекте коптского языка, найденных возле Наг-Намади в Верхнем Египте в 1945-м или 1946 году. Он состоит из 114 (в соответствии с последними редакциями) высказываний, авторство которых приписывают Иисусу, и включает в себя, помимо многих идей неясного происхождения и идей гностиков, сорок неизвестных ранее высказываний, не все из которых являются неправдоподобными. Несмотря на то что рукопись-папирус, на котором записаны эти высказывания, датируется IV веком н. э., работа эта содержит в себе элементы традиций письма начала II века и даже еще более древних устных традиций. Возможно, произведение это имеет сирийское или северомесопотамское происхождение. Павел больше всего путешествовал в Малой Азии, где он родился, и к началу II века н. э. наиболее оживленные центры христианства находились на этом полуострове; в следующем столетии христианская церковь процветала также в Сирии и Северной Африке. К этому времени начался период консолидации, возрождения сплоченности, и, предвосхищая свое признание Константином в качестве официальной религии, христианство становилось религией мировой. Однако в то время, к которому относится описанное выше произведение, власть и богатство прирерженцев христианства были ограничены.

Легко увидеть сходство греко-римских религий-мистерий и христианства. Христианство возникло в пределах той же цивилизации, что и религии-мистерии, и стремилось удовлетворять те же потребности. Например, христианство и языческие культы отвечали одним и тем же требованиям — взаимопомощи, гарантий жизни после смерти. И христианство и язычество стремились исполнить сходные во многом желания — желания заступника, который главенствовал бы над Судьбой, привилегированного статуса, которого невозможно было добиться в реальном мире, откровения и действенных ритуалов. Павел, возможно, испытал лишь незначительное влияние религий-мистерий, хотя он вряд ли мог избежать терминологии этих религий, которой пользуются современные приверженцы иудаизма. Однако на его последователях это влияние сказалось сильнее, например, на св. Игнатии, епископе Антиохийском (казненном при Траяне), который об обряде причащения писал, что он является «эликсиром бессмертия», а также на многих других, кто постоянно акцентировал внимание на чудодейственных, эмоциональных и мистических аспектах религии. В соответствии с модной тогда практикой слияния разных религий культы, близкие христианству, стремились соединить его с элементами других культов-мистерий. Например, в Малой Азии во II веке н. э. наассены и монтанисты (основоположник последнего учения родом из Мизии, возможно, был когда-то жрецом Кибелы) объединили догматы христианства с культом Аттиса или с заимствованиями этой религии. Нам также известно о том, что жители Александрии поклонялись и Иисусу и Серапису, а образ Девы Марии, в котором воплотилась новая идея материнства, иногда напоминает изображение Исиды. Монотеизм христианства не всегда четко отличали от культа Солнца.

Тем не менее между христианством и культурами-мистериями велась упорная борьба, так же, как и между христианством и государственной религией. Жрецы Кибелы праздновали весеннее равноденствие, и этот праздник был «конкурентом» Пасхи (которая, как они

утверждали, являлась имитацией их обряда), а также ассоциировали способность искупления грехов, которой обладала кровь ягненка, со своим обрядом принесения в жертву быка. Со своей стороны, христиане с презрением относились к культу Кибелы из-за его отталкивающих элементов и «низкого происхождения». Этика и обряды культа Митры, с характерными ему ритуальными омовениями, жертвоприношениями, торжественными общими трапезами и зачатками мученичества, также, по мнению христианской церкви, являлись дурным подражанием христианскому моральному учению и таинствам. Поэтому храмы Митры подверглись настоящим, физическим нападениям. Мученик Юстин из Шечема (Неаполиса) в Самарии (ок. 150 г. н. э.) подвергает критике, как дьявольские, эти пародии на обряды, которые занимали центральное место в христианском учении, — обряд крещения, а также священная трапеза (Святое причастие), или Вечеря Братства. Эти обряды нашли отражение в катакомбных фресках, которые были верным, но бесцветным предвестником изображений на ту же тематику, которые так нравились средневековым скульпторам, таким, как Мастер из Намбурга и Андреа Пизано.

Изначально христиане верили в то, что Спаситель не замедлит прийти вновь, и это заставляло их считать свою земную жизнь чем-то временным, переходным: «Нам, как странникам и временным поселенцам, предписано временно находиться здесь, но не жить здесь». Это убеждение продолжало существовать даже тогда, когда вера в скорое Второе Пришествие сменилась мистическим ожиданием Святого Духа, Утешителя. В свете этого неглубоко верующим людям и тем, кто был склонен сочетать несколько вероисповеданий, возможно, казалось, что Иисуса можно сравнить с Митрой, Аттисом или Осирисом, поскольку они также приняли трагическую смерть в далеком прошлом. Но само это сравнение также свидетельствует о том, насколько велики были различия между ними. Дело в том, что ни одна религиозная доктрина не могла сравниться с

утверждением о том, что, в соответствии с еврейским Священным Писанием, которое тогда стало доступным в переводе на греческий, Иисус умер для того, чтобы спасти человечество. Эта установка об искупительных страданиях — о жизни, которая была дана человеку, утрачена им и возвращена ему после того, как он искупил грехи человечества, была незнакома языческим культам-мистериям. А обещанной ими «вечной жизни» недоставало явно необходимой, высшей, более богоподобной и славной судьбы, жизни самого Бога, которая была обещана христианину. Кроме того, Спаситель не был богом, подчиненным кому-то, или созданным богами существом, облеченным в человеческие формы, являвшимся чем-то средним между богом и человеком. Он был самим Господом, воплотившимся в человеке.

С точки зрения географии христианство и религии-мистерии также шли разными дорогами, так как распространение христианской веры происходило в основном в Малой Азии и Сирии, где, несмотря на восточное происхождение религий-мистерий, они не обрели много сторонников. Кроме того, многие свои преимущества христианство унаследовало от иудаизма. К примеру, действительно существовало много религий, подающих надежду, но было что-то особенно бескомпромиссное в той вере, в непреклонном монотеизме, который христианство вынесло из Ветхого Завета и который вселял в верующих редкое чувство уверенности и удовлетворения. Иудейским по происхождению было и соответствующее учение, распространяемое среди верующих, а также организация христианской церкви, которая со временем затмила своим единством и могуществом местные конгрегационные языческие организации. От иудаизма, Ветхого Завета ведут свое происхождение и другие «столпы» христианства: принцип единовластия, убеждение в том, что верующие составляли избранный народ, и, что важнее всего, на самом деле обязывающий кодекс поведения. Действительно, у христиан, в отличие от иудеев, не было их собственных школ, как по причине того, что христиане боялись преследований, так и из-за того, что

в свете ожидания ими Второго Пришествия это, как им казалось, было не важно. Однако требования непорочности, аскетизма, богоугодности, которые язычество время от времени предъявляло верующим из соображений соперничества с христианством, не шли ни в какое сравнение с постоянно усиливавшейся глубиной христианских нравственных ценностей, которым учил Он, кого Евангелия от Матфея и Луки, редакция Марка и другие источники ставили превыше всего как учителя Добродетели, или Праведного Учителя.

Некоторые из многочисленных иудейских и арамейских свитков, изготовленных из кожи, папируса и меди, которые, начиная с 1947 г., время от времени находят возле вадии Кумран, ущелья, ведущего к Мертвому морю в семи милях к югу от современного Иерихона, проливают свет на христианские традиции, не отраженные в Евангелии. Кумранское поселение, по всей видимости, принадлежало пуританской, соглашательской секте ессеев. Их строения в Кумране в 68 году, во время первого иудейского восстания, были разрушены Веспасианом, хотя нам и неизвестно, в какой степени эта община, состоявшая из монахов (несмотря на весь свой пацифизм, готовившихся к священной войне, долженствующей уничтожить мир), была вовлечена в борьбу против Рима. Праведный Учитель, о котором говорят кумранские документы, возможно, был дохристианским еврейским еретиком, вероятно (но не обязательно), жившим во II веке до н. э. Будучи «Единственным страждущим», он может считаться предшественником Иоанна Крестителя и предвестником Иисуса. Однако даже если этот Учитель, враг Злобного Первосвященника, и принял мученическую смерть (хотя вряд ли), его смерть не несла с собой спасения, он не имел характер мессии, в отличие от Христа. Но в одной из драматических поэм Учитель предстает в облике беременной женщины, которая «в приливах смерти» в конце концов родила «преlestное человеческое дитя... которого Он наставлял своей властью». Ессеи особо не упоминаются в Новом Завете, однако в свитках обнаруживаются некоторые соответствия

с Евангелием, и особенно с Евангелием от Иоанна. Велось много споров о том, что, возможно, Иоанн Креститель и сам Иисус могли контактировать с этой сектой и общиной.

Но главным преимуществом христианства, наиболее привлекательной и трогательной характерной чертой его, благодаря которой оно превзошло все остальные религии, было то, что основатель христианства усердно проповедовал любовь, что имело сильное воздействие, несмотря на то что это было заимствовано из древнего раввинского учения. Это была идея всеобщей безграничной любви, милосердия и сострадания — в том числе по отношению к женщине, так как Иисус был рожден женщиной, по отношению к детям и даже к абсолютно отчаявшимся и нищим людям, отвергаемым обществом, которое отвергло и унизило самого Иисуса на земле. Любовь, милосердие и сострадание последовательно проповедовал Сын Господа, который, в отличие от Митры, на самом деле (и не так давно) жил среди людей. Его обещания бессмертия были тесно связаны с идеей любви.

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны голодные, ибо они насытятся.

Блаженны плачущие, ибо они будут смеяться.

Считай себя счастливым, когда люди презирают тебя из-за Сына Человеческого. Удались, поноси себя бранью, заклеями позором имя, которое ты носишь. С гордостью носи свое имя, когда придет время, прыгай от радости, ибо будешь щедро вознагражден на Небесах. Разве не так поступали твои праотцы с пророками?

Однако несчастны богатые, ибо они уже утешились.

Несчастны сытые, ибо они проголодаются.

Несчастны те, кто смеется, ибо будут они скорбеть и плакать.

Несчастны те, кому рукоплещет все человечество. Разве не так же ваши праотцы рукоплескали фальшивым пророкам?

Учение, которое приписывают Иисусу, несмотря на детальное его сходство с мировоззрением иудеев, привлекало внимание своей яркостью и новизной. Греко-римские религиозные и философские учения развивали способности религиозного воображения в мышлении верующих, исполняли их желания, стимулировали их веру и иногда давали ощущение непорочности. Но они не давали определенных, очаровывающих обещаний, касавшихся бессмертия. Христианам же давали действительно конкретные обещания, фактически касавшиеся телесного воскрешения, не обходя при этом даже самых порочных людей. Между замкнутым, процветающим культом Митры, доступным только мужчинам, и христианством с его любовью ко всему человечеству, включая женщин, нищих и преступников, пролегла огромная пропасть. Благодаря тому что христианство предполагало всеобщую доступность своих таинств, христиане стояли выше своих современников-язычников. Возможность объединения под знаком этой любви и стремление отвечать любовью на любовь делало христиан равнодушными к своей непопулярности, причиной которой была их обособленность. Они не придавали значения римским законам и необходимости им подчиняться, поскольку хранили верность лишь собственной религии. Они отказывались совершать жертвоприношения перед статуей императора, так как он не был их богом, попирая тем самым идею могущества империи и покровительствовавших ей богов, и, таким образом, христиане охотно принимали смерть за свою веру.

После Великого пожара Рима, случившегося во время правления Нерона (64 г. н. э.), император, которого самого подозревали (вне всяких сомнений, несправедливо) в том, что он был причиной пожара, осуществил облаву на местную христианскую общину и спровоцировал волну жестоких преследований, во время которых, по преданию, погибли св. Петр и св. Павел.

По словам Тацита, «мер, которые принимали люди против пожара, было недостаточно. Затем попытались умиловить небеса. После того как посоветовались с

книгами Сивиллы, воздали молитвы Вулкану, Церере и Прозерпине. Взывали также к благосклонности Юноны. Но ни человеческие усилия, ни щедрость императора, ни возвания к богам не искоренили злополучных подозрений в том, что пожар был результатом поджога. Чтобы пресечь эти слухи, Нерон выдумал козлов отпущения и изощренно наказал христиан, «общеизвестных развратников», как их называли в народе. (Основоположник христианства, Христос, был казнен при Тиберии наместником Иудеи Понтием Пилатом. Но, несмотря на это, христианская религия стала распространяться с новой силой, не только в Иудее, откуда происходит это зло, но даже в Риме, где накапливается и процветает все постыдное и скверное.) Поначалу Нерон арестовал тех, кто сам признался в том, что он христианин. Затем, благодаря той информации, которую они предоставили, были обречены многие другие. Их преследовали не столько за поджог, сколько за их антиобщественные идеи. Из их смерти устроили представление. С надетыми на них шкурами диких зверей они были разорваны дикими собаками или распяты; из них делали факелы и после наступления темноты зажигали их, чтобы заменить ими дневной свет. Для того чтобы провести это представление, Нерон предоставил свои сады. Кроме того, были устроены зрелища в цирке, во время которых император смешивался с толпой или стоял в колеснице в одеянии возницы. Несмотря на то что жертвы были виновны в христианстве и заслуживали жестокого наказания, их жалели, поскольку было ясно, что их приносят в жертву жестокости одного человека, а не государственным интересам».

Как обычно, создается впечатление, что Тацит колеблется между двумя версиями. Преследовали ли христиан за поджог или же за их взгляды? Другие источники ничего не говорят о том, справедливо ли первое обвинение. Скорее всего, христиан преследовали из-за того, что они составляли нелегальную организацию, которую обвиняли в беспорядках и подрывной деятельности, точнее — в государственной измене. Нерон вряд

ли подвергал их гонениям за верования, как таковые, — его окружение, возможно, не понимало отчетливо отличия идей христиан от взглядов иудеев.

Отличительные особенности христианства стали более ярко выраженными, когда Домициан подверг христиан преследованию за то, что они отказались признать его богом. В начале II века н. э. Плиний Старший, которого Траян отправил в Вифинию и Понт, наделив особыми полномочиями, счел местную христианскую общину внушительных размеров серьезной помехой. Он потребовал детального разбирательства и обратился к императору. Траян ответил ему следующим образом:

«Расследуя дела тех, кого Ваши судьи обвиняют в принадлежности к христианству, Вы избрали верную процедуру. Невозможно словами, имеющими ограниченный смысл, изложить универсальный, повсеместно применяемый закон. Христиан не следует преследовать. Те, кому предъявили обвинение и признали виновными, должны быть наказаны, с той оговоркой, что, если человек утверждает, что он не христианин, и доказывает это своими фактическими поступками, а именно — поклонением нашим богам, его необходимо помиловать, так как он раскаялся. Анонимные списки, которые представляются к рассмотрению, не должны иметь никакого веса, когда речь идет об обвинениях такого рода. Это создало бы пагубный прецедент и было бы совсем не в духе нашего времени».

Такое здоровое мышление власти позднее воспринималось христианами с разными чувствами — от лютой ненависти до полного восхищения. Позже, во II веке н. э., Марк Аврелий с большей долей критицизма отзывался об одном из аспектов жизни христиан, а именно — об их готовности принять муки. Он считал это показухой. Во время его правления христиан преследовали в Малой Азии и Галлии, где по требованию рассвирепевших толп непокорные верующие подверглись жестоким наказаниям в Лугдунуме (Лионе) и Виенне (Вене). Вновь христиане стали козлами отпущения: империя приходила в упадок, подвергалась нападениям извне, началась чума,

Здесь поклонялись Митре

17а

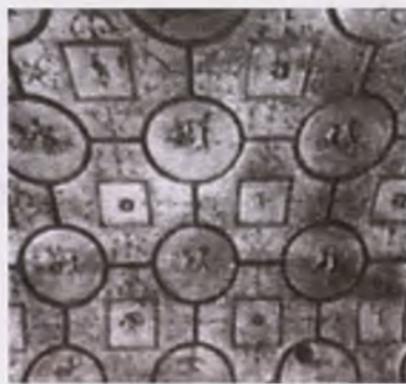

17б

Рельефы на штукатурке в доме и в гробнице

17в

17г

Контрасты в рельефе на историческую тематику

18а. Семья Августов

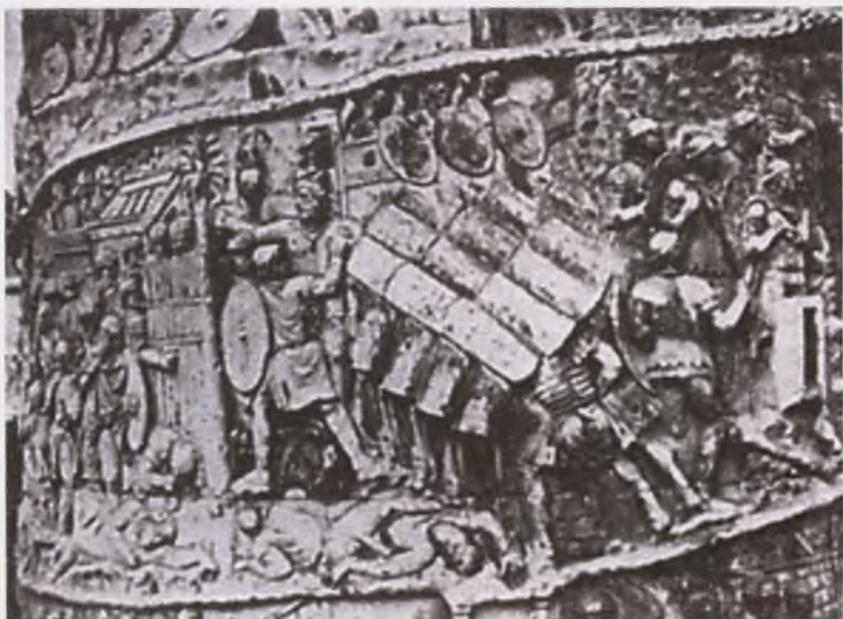

18б. Колонна, посвященная Нерону

18в-г. Часть арки Тита (слева) и более позднее изображение этой же сцены работы Мантеньи

Официальная история

19а-б. Два сюжета, изображенные на колонне Траяна. *Вверху*: его вспомогательные войска сражаются с даками; *внизу*: он принимает посольства варваров

20а-б. Колонна Аврелия свидетельствует о нарастающем напряжении и кризисе

20в. Арка Севера в Лепкис

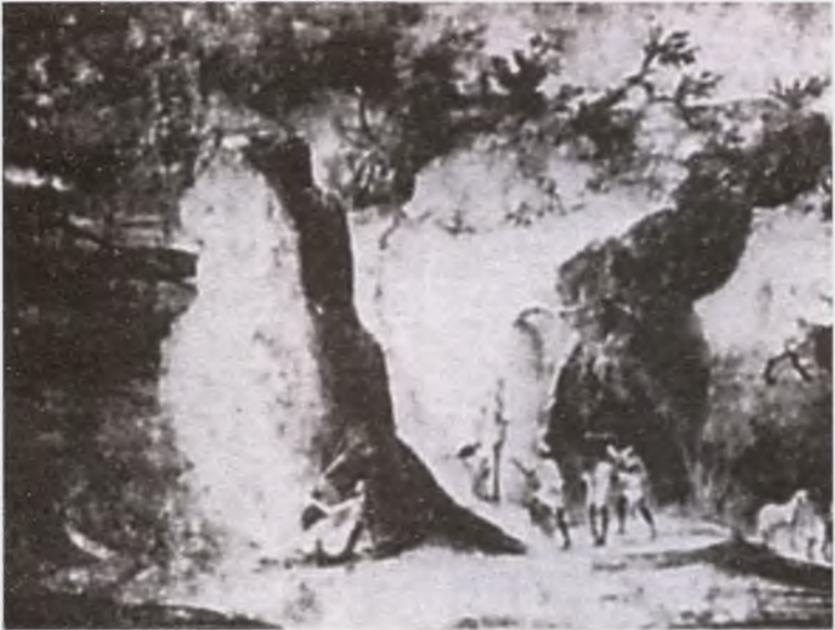
Фресковая живопись в Италии

21а. Живопись на стене в Боскореале, возле Помпей

21б. Дом Ливии в Прима-Порта

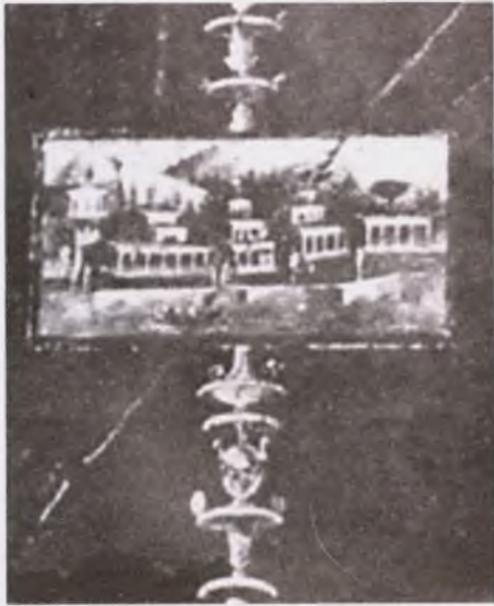
22а. Сцена из приключений Одиссея. Декор дома на Эсквилинском холме

22б. «Роща Дианы» времен правления Августа на Палатине

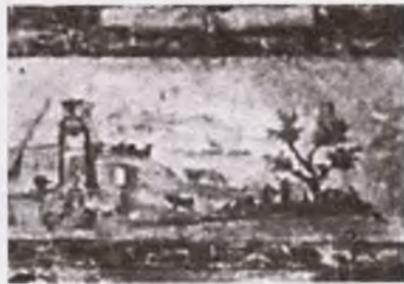
22в. Потолок Золотого дома Нерона

23а. Живопись на портике особняка ранней империи

23б. Настенная живопись, относящаяся к последним годам существования Геркуланума

23в. Идиллический пейзаж из виллы Квинтилиев

От Тайна до Сахары

24а. Виа Домициана, идущая через горы, с перекинутым через нее виадуком

24б. Руины крепости в Ламбезе, Алжир

24в. Стена Адриана, идущая от Сольвея до Тайна, Англия

Шедевры архитектуры

25а. Гранитный мост в Алькантаре, Испания

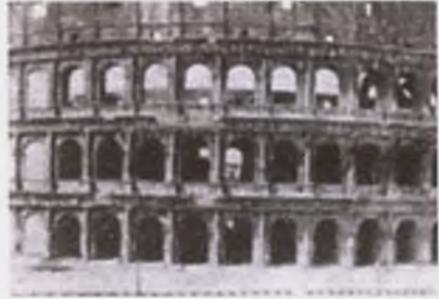

25б. Арки Аква Клавдия времен правления Адриана

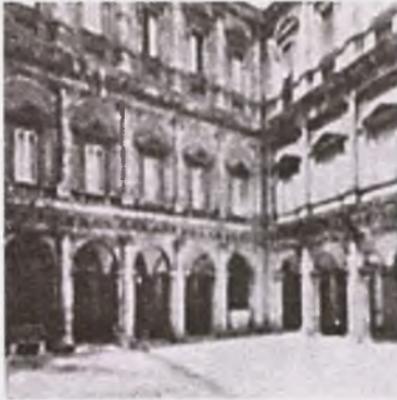

25в. Акведук в Сеговии, из белого гранита, длиной более чем 10 миль

Арена

26а. Внешний вид Колизея

26б. Внутренний двор палаццо Фарнезе. Здесь Микеланджело использовал изобретение римлян — многоярусные аркады

26в. Руины амфитеатра в Югославии

26г. Колизей. Таким его не видел ни один из императоров

Романизация греческого направления архитектуры

27а. Колонны храма Кастора и Поллукса

27б. «Maison Carrée» Агриппы в Ниме

Формы церкви

28а-б. Маленький подземный римский храм (*слева*) предвосхитил главные черты базилики собора Св. Павла (*справа*)

28в-г. Форма арки Траяна (*слева*) скопирована в фасаде более поздней (эпохи Ренессанса) церкви Св. Андреа в Мантуе (*справа*)

Купол небосвода

29а. Громадный портик Пантеона

29б. Темплетто работы Палладио в Мазере. На создание этого сооружения архитектора вдохновил Пантеон

29в. Интерьер Пантеона

30 а. Предвестник Пантеона — храм Сибиллы

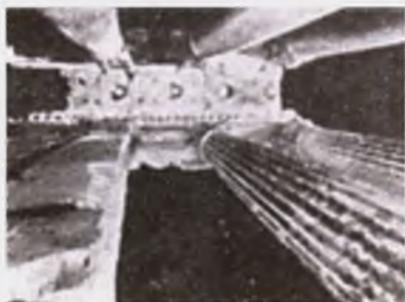

30б. Мавзолей Юлиев, Реми, Прованс

30в-г. Стили архитектурных украшений: ворота рынка в Милете в Малой Азии (*слева*) и часть терм Каракаллы

31а. Храм Бахуса в Гелиополе. Его интерьер сохранился лучше, чем внутренняя часть любого древнего храма

31б. Взгляд на верхнюю часть интерьера храма Бахуса

31в. Украшения величественных колонн воссозданы в Лоджио-дель-Капитанио эпохи Ренессанса

Восточное барокко

32а-б. Храм Венеры (слева), замысел которого Борромини воплотил в фонаре своей церкви Св. Иво (справа)

32в-г. Храм Исиды, высеченный из скалы в Петре, Иордания (слева), и его копия итальянского барокко, церковь Св. Марии в Кампителли, Рим (справа)

происходила инфляция. Горе и смятение людей нашли свое отражение в этих нападках на изолированное, таинственное сообщество, которое, казалось, не разделяло заботы и трудности человечества. Христиан даже называли «атеистами» из-за того, что они не почитали «патриотических» римских богов.

Распоряжения, которые Траян отдал Плинию, позднее нашедшие свое отражение в эдиктах империи, собранных великим юристом Ульпианом, большей частью подразумевали необразованных христиан. Тем не менее с течением времени христианская церковь стала привлекать не только людей более высокого социального статуса, которые обращались в христианство, — у нее появилась идейная основа, связанная с греческими теориями философии. Между 80-м и 160 годами н. э. почти все христиане знали греческий язык (до 200 года н. э. апологетов христианства, писавших на латыни, не было). Уже при жизни Иисуса александрийский иудей Филон попытался синтезировать иудаизм и эллинизм. Таким образом, во II веке н. э. в этом же городе при Клименте и других развивалась школа светских мыслителей-христиан, которая была тесно связана с мыслителями-язычниками. Уже некоторые части Нового Завета, в особенности Евангелие от Иоанна, выражали свои идеи в терминах греческой философии. Несмотря на то что в христианстве всегда существовало антинаучное течение, представители которого критиковали Иеронима за его классическое образование и довели его до самобичевания, языческая философия, как и языческая риторика, стали восприниматься как необходимые, «подготовительные» науки, предваряющие христианское духовное знание. Считалось также, что естественные науки прокладывают путь к «знаниям о сверхъестественном». То внимание, которое Эпикур уделял дружбе, считалось «подготовкой» к христианской любви, а гуманизм Вергилия, «языческого пророка», воспринимался как предтеча христианского милосердия. Сам св. Павел цитировал своим слушателям в Афинах изречение одного из греческих поэтов-стоиков о том, что все мы являемся

детьми Бога. Тем не менее страдания нищих и убогих, упоминания о которых Эпикур избегал, на которые Вергилий сетует (не питая надежд на лучшее), а стоики безжалостно воспринимали как должное, стали вновь прославляться и поощряться. Люди верили в идею христиан о том, что сам Иисус жестоко страдал во имя того, чтобы спасти мир.

Глава 7

ФИЛОСОФИЯ

К религии, воздействующей на эмоции, а не на разум, в той или иной ее форме, обращалась большая часть населения империи, однако не многие отдавали предпочтение более «скупым» утешениям, предлагаемым философией, и прибегали к ней. Для народов поздней древнегреческой и древнеримской цивилизаций слово «философия» означало практическую философию — наставление. Дело в том, что с IV века все философы, вне зависимости от своего мировоззрения, считали, что предназначение философа — дать *наставления к жизни*. Мыслящие люди в смятении обращались к этому *наставлению* так же, как эмоциональные люди обращались к языческой религии. Этих людей, которые склонялись к философии, не могло быть очень много, потому что этот выбор предполагал некоторую степень умственной работы и умения владеть собой. Большинство людей были либо не способны на это, либо у них не было желания. Философия целиком полагалась на дидактические средства наставления и примера. Философские общества не жили простой, комфортной жизнью, в отличие от религиозных. Философские идеи не были облечены в форму захватывающих воображение мифов или чарующих религиозных обрядов. Философия не обещала жизни после смерти — она не обещала человеку вообще никакого вознаграждения, кроме осознания своей правоты. Как говорил Паскаль, философы знают предназначение человека, но не знают его слабостей. Мы рассказываем о

философах в контексте рассказа о мире Древнего Рима, так как они смогли многое дать этому миру, и они взрастили целые поколения образованных людей в Греции и Риме. Что же касается оригинальных философских мыслей, в этом отношении период Древнего Рима мало что добавил (или вообще ничего не добавил) к тому, что уже было открыто в 300 году до н. э. (или немного позже) развивавшимися школами философской мысли, которые являлись наследием Платона и Аристотеля. Римляне были далеки от философии. Тем не менее некоторые из них выразили идеи греческой философии более отчетливо, чем кто-либо из греков. Они адаптировали эти идеи к условиям, в которых они жили, выразив их понятными терминами.

Так, Лукреций в середине I века до н. э. пылко и глубоко сформулировал идеи Эпикура из Афин (ок. 342—270 гг. до н. э.). Эти идеи были прямо противоположны языческому религиозным верованиям, которые были освещены в предыдущей главе, поскольку Эпикур считал чувственное восприятие единственной основой познания. Как и Левкипп из Милета, а также его ученик, представитель атомистической школы Демокрит из Абдеры (ок. 460—370 гг. до н. э.), Эпикур утверждал, что чувства взаимодействуют с предметами посредством «истечений», которые исходят от этих предметов и передаются за счет движения *атомов*, из которых, как он полагал, состоит все, кроме вакуума. Тем не менее он отошел от возможного механистического фатализма, поскольку он наделял атомы способностью *отклоняться* от прямой траектории движения. Эта его известная модель, которую много критиковали, признавала свободную волю человека, который, как он считал, состоит из атомов, как и все остальное. Когда вышеупомянутое отклонение атомов происходит в мышлении человека, это означает существование осмысленного акта свободной воли; и ход судьбы, который, будь все иначе, был бы неотвратим, меняет свое русло. Эпикур чувствовал насущную необходимость отхода от всеобщего, повсеместного фатализма, распространенного во всем мире: «Лучше верить в мифы

о богах, чем становиться рабом «судьбы», о которой говорят приверженцы натурфилософии: первое означает надежду задобрить богов, поклоняясь им, в то время как второе предполагает неотвратимость, которую нельзя умилостивить».

Но страх перед богами, даже если он приносил меньший вред, чем боязнь перед лицом судьбы, казался ему абсурдом. Он допускал их существование «между мирами» — под предлогом всеобщего согласия, потому что «природа вселила мысль о том, что боги существуют, в разум всех людей». Но он добавлял оговорку, что богов нельзя отождествлять с небесными телами и что они не имеют никакого отношения к этому миру или к людям. Этим путем Эпикур шел к душевному равновесию, которое в новую эпоху, когда человек был одинок, беззащитен и всего боялся, было всеобщим философским идеалом. Свою задачу Эпикур видел в миссионерстве. Он говорил: «Пуст мир философа, который не помогает людским страданиям». И любопытнейшим явлением в истории литературы является появление самого истового из всех «миссионеров», философа и поэта Лукреция, о котором мы ничего не знаем, кроме того, что он проповедовал взгляды Эпикура в большой поэме, написанной на латинском языке. Ее характеризует возвышенная, «фанатичная» образность и мучительные духовные страдания. Лукреций горячо приветствует отрицание своим учителем религии:

«Когда человеческая жизнь стала пресмыкаться на глазах у всех, рухнула на землю под мертвым грузом предрассудков, чьи мерзкие черты грозно взирали на смертных со всех четырех четвертей неба, человек Греции был первым, кто вызывающе поднял свои глаза смертного, первым выпрямился и храбро принял вызов. Выдумки о богах не сломили его, как не сломили его вспышки молнии и угрожающий грохот небес... Я принесу вам душевное равновесие, и сделаю это с большей долей святости и более твердым разумом, чем святость и разум дельфийской прорицательницы, одур-

маненной лавровыми испарениями, идущими из треножника Аполлона».

Крупные культы спасителей греко-римского мира подвергаются особой критике, когда Лукреций описывает культ Кибелы. «Можно сказать, что все это отлично, замечательно придумано. Тем не менее это очень далеко от истины. Дело в том, что самой сущности божества свойственно наслаждаться бессмертным существованием в полном спокойствии, обособленно, вдали от наших дел... Безучастное по отношению к нашим нуждам, равнодушное к нашим заслугам, оно не поддается гневу». Эти религии завоевали свою популярность благодаря тому, что люди повсеместно были поглощены мыслями о загробной жизни. Лукреций, разделяя мнение своего учителя об этом (как и обо всем остальном), считает, что страх смерти — это самое страшное наказание, которому религия подвергла человечество:

«Смерть — ничто для нас, мы не должны об этом волноваться, ибо наше сознание смертно... Я сверну шею и посею страх перед Адом, который разрушает человеческую жизнь до основания, пятная все и вся мраком смерти, очерняя и омрачая все удовольствия. ...Жизнь омрачена этим страхом перед возмездием за наши преступления».

Если бы люди могли понять,
 Что их печалям есть определенный предел,
 Они бы каким-то образом нашли бы в себе силы устоять
 Перед святой ложью и угрозами этих пророков;
 Но пока у человека нет ни средств, ни сил
 Сопротивляться, поскольку посмертные наказания,
 Которых они боятся, кажутся вечными...
 Как дети, которые
 В полной темноте дрожат и боятся
 Всего, так и мы иногда при свете
 Боимся того, чего бояться следует ничуть не больше,
 Чем того, перед чем дрожат дети в темноте.

Избегайте подобных страхов, утверждают Эпикур и Лукреций, и вы уже будете счастливы — без каких бы то ни было затруднений. Веря в чувственное восприя-

тие, они отстаивали мысль о том, что высшим добром и высшей целью человека является счастье, под которым они понимали удовольствие, но изначально дурное, примитивное удовольствие, очень далекое от того, что позже ассоциировалось со словом «эпикурец». Счастье для них составляла *атараксия* (спокойствие духа. — *Пер.*), предполагавшая, что человека ничто не беспокоит, или отречение от всего, независимость, спокойствие — избавление от боли и неприятностей, что позже искали и исповедовали все философы после Платона и Аристотеля.

«Разве ты не видишь, что естество настойчиво требует лишь двух вещей — тела, в котором нет боли, и сознания, свободного от волнений и страхов, для того чтобы наслаждаться приятными чувствами? Итак, мы видим, что наше телесное естество требует действительно немногого — не более чем избавления от боли... Естество не станет избегать наслаждений, когда люди в компании, развалившись, сидят на мягкой траве возле быстрой речки под ветвями высокого дерева, и за небольшую плату с удовольствием освежают свои тела».

Люди отдыхают «в компании»... Несмотря на то что целью Эпикура и Лукреция было достижение спокойствия духа и независимости, они утверждают, что объединение людей, дружба и взаимопомощь являются с самых древних времен неотъемлемой чертой жизни человека:

Соседи стали связываться друг с другом узами

Дружбы, не желая ни применять насилие,

Ни страдать от него. И они потребовали хорошего

обращения

С женщинами и детьми, крича и бессловесно жестикулируя,

Говоря, что все люди должны быть милостивы по отношению

к слабым.

И хотя гармония не могла возобладать повсеместно,

Большинство людей хранили верность заключенным

соглашениям,

Иначе весь род человеческий уже давно погиб бы,

И размножение не смогло бы сохранить этот вид до

сегодняшнего дня.

Однако эпикурейство не прижилось на римской почве (за исключением самых примитивных его форм) из-за того, что оно полностью отвергало моральные требования, которые привлекали бы внимание римлян и были совместимы с настороженным отношением их правителей. В 173 году до н. э. (?) последователи эпикурейства были изгнаны из столицы за то, что они «предавались наслаждениям», и даже Лукреций не смог добиться того, чтобы его взгляды обрели весомое влияние.

Тем не менее в целом были сделаны сходные выводы о человеческом сотрудничестве, хотя люди пришли к ним совершенно иным путем. Это сделала философская школа стоиков (конкурентов эпикурейства), которая обрела в Риме гораздо большее влияние. Их версия борьбы за достижение спокойствия была высказана в Афинах Зеноном (335—263 гг. до н. э.). Стоицизм был детищем нового мира, которому был свойственен индивидуализм и который образовался в результате упадка ранее независимых городов-государств. Как и другие философские учения эпохи эллинизма, стоицизм занимался в большей степени практическим наставлением, чем поиском абстрактной истины. Стоицизм стремился к тому, чтобы внутреннее человеческое «я» могло защитить себя от всех опасностей, чтобы сделать человека хозяином своей души. Но в отличие от эпикурейцев стоики вкладывали в свой завет «Живи сообразно с природой» этическое значение. Совесть и долг были основными принципами этики стоиков, и главный долг души состоял в моральном самосовершенствовании.

Основой этого самосовершенствования было убеждение в том, в противоположность учению эпикурейцев, что Вселенная — живой организм, пронизанный божественным огнем, Логос, или Разум (Зевс), частью которого является каждый человек, поэтому все люди — братья. Следовательно, идеальное государство, с точки зрения Зенона, должно включать в себя весь мир, и поэтому им должны править законы природы, применимые

ко всему, универсальные, а не законы отдельных государств, имеющие исключительно местное, специфическое значение. Зенон был родом из Китиона (город на Кипре), население которого было семитского происхождения. В основном его Братство людей имело что-то общее с иудейской доктриной всеобщего «Отцовства Господа», что видно из книг «Руфь» и «Иона». Греческая цивилизация тогда уже созрела для космополитического подхода, представление о котором она получила благодаря древним философам-мыслителям, и увидела применение этого подхода на практике при жизни Зенона — благодаря походам и намерениям Александра Великого.

Мы должны любить всех, так как каждый из нас
Уникален и неповторим:

Не исполин, не бог, не карлик —

А неповторимый, но изоморфный человек.

Мы можем любить всех,

Потому что все, все мы знаем, что это правда.

Но, как понимает это У.Х. Оден, тот, кто написал эти слова, а также как понимали это и некоторые из ранних стоиков и их сторонников, это учение, даже если оно и не было задумано для того, чтобы разжечь политическую революцию, могло быть интерпретировано на революционный лад:

В этом все мы равны,

Все настолько слабы, что никто не смеет заявить:

«У меня есть право властвовать» или

«Узрите во мне законы морали».

И предводители серии восстаний во II веке до н. э. стремились заручиться поддержкой теории и практики стоиков.

Тем не менее философы-стоики, сменившие основателей учения, и в особенности Панеций Родосский (ок. 185—109 гг. до н. э.) и Посидоний из сирийской Апамеи (фото 106), поставили их учение на службу не революции, а римским императорам. Мировое государство как

раз могло ассоциироваться с Римской империей, которая распространялась почти на весь мир. Панеций же вызвал отклик в сознании образованных римлян. С одной стороны, он сделал акцент не только на достижении *абсолютной добродетели*, как его предшественники философы, но на движении в направлении к таковой, что являлось в гораздо большей степени осуществимой и привлекательной перспективой для высокопоставленных римлян, которые вынуждены были объединять в себе и согласовывать свои моральные взгляды с неотложными делами государственной службы.

«Моральные обязательства», видоизмененные и адаптированные к римским потребностям и возможностям, оказали глубокое впечатление на Цицерона (фото 10а), который хоть и не был философом в самом строгом смысле этого слова, однако страстно верил в философию и в ней находил вдохновение и успокоение. Он заявлял: «Если есть человек, который умаляет значение философии как науки, я никогда не увижу того, что он сочтет достойным похвалы». Несмотря на его страстное увлечение общественной жизнью, Цицерон, как говорили, высказывал свою надежду на то, что друзья будут называть его не оратором, а философом. Он с юных лет чувствовал приверженность к философии, которую, несмотря на его антигреческие настроения, привил ему отец. А под философией, несмотря на его огромный вклад в европейскую гносеологию, логику и теологию, Цицерон понимал прежде всего моральную философию.

Он с энтузиазмом воспринимал мысль греческих стоиков о том, что самым важным на свете являются высокие моральные принципы и готовность жить в соответствии с ними, а также эмоциональная сдержанность — обязанность, о которой гласит Закон Природы, отождествляемый с Божественным Провидением, как утверждал Зенон, повсеместно применимым к человеческим отношениям, потому что часть этого Провидения есть в каждом человеке. Вот каким образом и по какой причине, согласно Цицерону, Добродетель соединяет человека с Богом. Из этого убеждения сле-

дуют два вывода. Первое: все люди, даже самые простые и скромные, должны иметь какое-то значение, должны иметь в себе какую-либо врожденную ценность, пользу — это главная, исходная посылка гуманизма, фундаментальная для европейской мысли. Второе: искра божественности, содержащаяся в каждом человеке, предполагает наличие неразрывных братских, родственных уз между людьми. Братья (и это естественно и обязательно) хорошо относятся друг к другу. Эта концепция стоиков является основным принципом мировоззрения Цицерона и постоянно, красной нитью, проходит через его произведения, в которых он пытается объяснить состояние человечества и одновременно направлять поступки человека. У философов позднего греческого периода он нашел материал, укрепивший его убеждение в том, что одним из самых важных побуждений человека является его любовь к себе подобным. Эта любовь идет от Природы, ибо Природа есть добро. В соответствии с этим первое правило человека — заботиться о ближнем своем и избегать тех личных приобретений, которые могут быть получены только путем нанесения ущерба другому человеку. Только помогая другим, человек ведет полноценную жизнь, так как в его душе есть искра божественности.

Высказывая эту точку зрения, Цицерон находится где-то на полпути между агностиками, утверждающими, что человек может быть действительно добрым, не сохраняя беззаветной верности какой-то четко определенной религии, и христианами, отрицавшими, что такое возможно. Цицерон считается передовым, выдающимся человеком. Он возложил нравственную ответственность на плечи человека, и он полагал, что человек может принимать решения без дотошного вмешательства богов или Провидения. Тем не менее он отрицает полную независимость людей, так как он допускает существование высшей силы, которая наделяет всех людей этой божественной искрой. Его религиозные верования колеблются между патриотическим преклонением перед Форумом и более беспристрастным подведением философской базы

науки. Его теологические суждения спорны или сдержанны. Главное, что его волнует, — это сотрудничество людей. Его особым вкладом является идея гуманизма.

Идею человеческого сотрудничества, которая волновала Цицерона, выразил в духе глубоко прочувствованного, темпераментного гуманизма и чуткости Вергилий в своем повествовании об Энее, которое восходит к идеалам стоиков. Эту же мысль всячески разрабатывал еще один последователь и популяризатор стоицизма, а именно Сенека из испанской Кордубы (Кордовы). Этот необычайно разносторонний человек, чьи суждения зачастую являются актуальными и для современных проблем, в течение своей жизни совмещал посты воспитателя Нерона, первого министра, обязанности мультимиллионера и дар писателя — писал он искрометными, резкими сентенциями на «серебряной латыни» — разного рода литературные произведения. Его выдающееся ораторское искусство на судебную тематику не дошло до нас. Но у нас есть девять трагедий, написанных его рукой. Они слишком риторичны для того, чтобы ставить их в театре. Однако они оказали огромное влияние на драматургию XVI и XVII веков. До нас дошла также обширная научная работа «Исследования о природе», которую Джон Мильтон рекомендовал для изучения в школе, а также шестнадцать великолепно написанных этических трактатов, популяризовавших философию с проблемами подлинного нравственного величия. Сюда входит работа «О снисходительности», с издания которой начал свою деятельность Кальвин. Сенека также сочинил 124 нравственных «письма» к своему другу Луцилию, представляющие собой замечательные, талантливо, от всего сердца написанные наставления, в которых чувствуется терпимость по отношению к человеческим слабостям.

Его непреклонная настойчивость в вопросах о правах человека и обращении с рабами звучала по-новому. Эта настойчивость являлась логическим выводом из его веры в идею стоиков о Братстве людей, которая со-

крушила классовые и государственные барьеры и которая, в интерпретации Сенеки, предвосхитила Град Господень св. Августина.

«Давайте осознаем то, что существует два государства — одно обширное и воистину всеобщее государство, гражданами которого являются как боги, так и люди, в котором мы не присматриваем за теми или иными углами света. Границы нашего государства измеряются дорогами Солнца. Другое государство — то, к которому мы были приписаны по праву рождения. Некоторые служат сразу двум государствам, и большему, и меньшему; некоторые — только большему».

«Мы — части одного и того же огромного тела. Природа создала нас родственниками... Она взрастила нас на почве взаимной любви и подготовила нас к общественной жизни... Ты должен жить ради ближнего своего, если ты хочешь жить для себя. И ты должен относиться к нему с милосердием».

Теофраст утверждает: «Хороший человек не может не испытывать злобу к плохому человеку... Насколько более гуманно демонстрировать доброе, отцовское отношение к тем, кто поступает неправильно, не затравливать их, а звать обратно».

Неудивительно, что в Средневековье из рук в руки переходила коллекция писем, которые выдавались (хотя и без оснований) за переписку Сенеки и его современника св. Павла.

Сенека принимал также утверждение стоиков о Божественном Провидении, которое правит всем и часть которого есть внутри каждого человека, — это и делает людей братьями. Он верит в имманентное, пантеистическое, личное божество, которое «испытывает отцовские чувства по отношению к добрым людям и нежно их любит». А результатом этой любви является искра божественности, которой наделены люди, или Разум, зеркало и «двойник» Божественного Разума. Человек должен дорожить этим Разумом — неотъемлемой и очень важной его частью. Разум позволяет человеку прожить хорошую жизнь — жизнь, полную

добродетели, как предписывает Природа и Разум. Поскольку сущность Бога — это добро, человек должен подражать ему. Проявления Разума защитят людей от опасностей, окружающих его в жизни.

«Где бы мы ни оказались, две самые ценные вещи остаются при нас — вселенская Природа и наша добродетель. Поверьте мне, так хотел великий Создатель Вселенной, кем бы он ни был — всемогущим Богом, или же бесплотным Разумом, который замыслил огромную работу, или Судьбой и непреложной последовательностью первопричин, одна из которых влечет за собой другую, — так вот, Создатель хотел, чтобы лишь самое ничтожное из того, чем мы владеем, могло бы попасть в распоряжение другого человека. Все лучшее в человеке неподконтрольно другому человеку, который не может ни дать этого, ни отнять. Природа не создала ничего более величественного и прекрасного, чем эта небесная твердь и ее самая замечательная составная часть — человеческий разум, который зрит на эту небесную твердь и удивляется ей. У нас всегда будет этот небосвод и разум, они будут оставаться с нами, пока мы существуем. Поэтому, куда бы ни забросили нас обстоятельства, давайте выпрямимся и с радостью пойдем туда бесстрашной походкой. Давайте обойдем все земли, какие только существуют: в мире нельзя найти место для изгнания, так как ничто в этом мире не чуждо для человека».

Осознавая это, концентрируясь на «дисциплине разума» и моральных обязательствах, которые разум налагает на человека, люди могут избежать тирании Фортуны, которая властвует над многими сердцами.

«Я никогда не доверял Фортуне, даже тогда, когда она, казалось бы, была милостива: все ее щедрые дары — деньги, чины, влияние — я складывал туда, откуда она могла все это забрать, не причиняя мне беспокойства. Сам я держался особняком, в отдалении от этих даров, и поэтому Фортуна просто забрала их, а отнюдь не вырвала у меня силой... Человека, которого не раздувает от богатства, превратности судьбы не сломят; душа человека,

уверенного в своей стойкости, при любых обстоятельствах неуязвима».

Перспектива вознаграждения в загробном мире, по мнению Сенеки, не может развить или укрепить способность стойко терпеть лишения. Как он утверждает, людям, с их данным Богом разумом, ни к чему все эти страхи и надежды, связанные с жизнью после смерти, которые представляют собой обычные уловки деятелей крупных религиозных течений того времени. Сенека, как философ, с недоверием относится к этим религиозным течениям и добивается признания совсем иных способов сделать человека стойким.

«Почему вас удивляет, что потрясения делают добрых людей еще и сильными? Ни одно дерево не будет стоять твердо и прочно, если оно не подвергается постоянным ударам ветра; эти удары придают дереву жесткость и укрепляют корни. Деревья же, которые выросли в солнечной долине, слабы. Поэтому потрясения идут на пользу хорошим людям, это позволяет им жить без страха, быть на короткой ноге с опасностью и спокойно переносить все превратности судьбы, которая жестока только к тем, кто не умеет переносить эти превратности... Вы можете возразить: «Но многие грустные, ужасные, непереносимые события действительно происходят». Поскольку я не могу отвести от вас вред, причиняемый такими событиями, я даровал вашему разуму оружие, с помощью которого вы сможете противостать им, — переносите их со стойкостью».

Это оружие предоставляет изучение философии, и одно из многих противоречий многосторонней (возможно, склонной к шизофрении) личности Сенеки состояло в том, что, будучи первым министром очень далекого от философии императора, он считал философию особым даром человечества, которое он противопоставлял неразумным животным; возможно, неприятные ему обязанности государственного чиновника заставляли его еще в большей степени преклоняться перед философией и искать в ней утешения. Он пишет своей матери, успокаивая ее: «Я укажу тебе

дорогу к верному утешению тех, кто уходит от своей судьбы, — к свободным наукам». А среди свободных наук была и философия, дававшая человеку моральное наставление, руководство, в котором он более всего нуждался. Философия — это панацея, которая придает жизни единственно возможный, истинный смысл и доставляет удовольствие; которая делает почтенный возраст приятным и помогает избавиться от страха смерти; которая учит человека извлекать максимум пользы из каждого дня его жизни; которая демонстрирует истинную ценность вещей и людей, сбитых с толку ненужными внешними проявлениями религии. Философия — единственное, что может перенести братство людей из области теории в какой-то степени в область практики ввиду того, что «первое обязательство философии — это чувство соучастия, своей принадлежности к человечеству, чувство того, что человек — член общества».

Однако сотрудничество людей, которого искали Сенека и Цицерон, гораздо меньше интересовало большинство других философов Древнего Рима и их последователей. Наоборот, их интересовала добродетель с индивидуалистической точки зрения. В основном философские учения, у которых они заимствовали свои взгляды, «вооружение» человека, с тем чтобы он мог отважно встретить все удары Фортуны или Фатума, всегда интересовало их больше, чем сотрудничество. «Свободный, как птица, — говорит киник Диоген (ок. 400—325 гг. до н. э.), который помог сформулировать эту доктрину, — не ограниченный законами, тот, кого не тревожат политики, застрахован от самых страшных ударов судьбы».

Решение указанной проблемы, ставшее самым распространенным, было предложено стоиками, утверждавшими, что избежать ударов судьбы можно, ведя высокоморальную жизнь. Гораций в то время вторит этой точке зрения:

Ни ярость зла, которое в миллион раз сильнее,
 Ни рок, который складкой лег на лбу тирана,
 Не смутят честного и решительного человека,
 Душа которого совершенна, безупречна;
 Но даже если Аустер, царь штормов, повелитель диких вод
 Адрии,

Иди громадная рука Иова-громовержца
 Разбили бы мир вдребезги
 И обломки его поразили бы этого человека,
 Он не упал бы духом.

Здесь показан человек, который героически вступил в борьбу с вселенной; это был удел мыслящих людей в мире Древнего Рима. В их исканиях и стремлении к независимости примерами им служили гении — предвестники, несмотря на все различия их взглядов, величайших толкователей христианства. Одним из этих выдающихся язычников являлся Эпиктет, хромой фригиец из Гиераполя, который был рабом Эпафродита, пользовавшегося влиянием вольноотпущенника Нерона. Будучи освобожденным, Эпиктет обратился к философии стоиков. Он собирал большие аудитории, — возможно, самые большие из всех, которые когда-либо собирали философы до популярных софистов, появившихся позже, во II веке н. э. Люди слушали его лекции на греческом языке в Никополе в Эпире. Хотя Эпиктет охотно давал советы и оказывал помощь, сам он ничего не написал. До нас дошло то, что он говорил своему ученику, Арриану.

Эпиктет постоянно подчеркивал, что мы должны отказать от всего, кроме того, чем мы в силах управлять, а именно — кроме нашей воли. Что касается нашей воли, мы должны властвовать и управлять ею настолько жестко, насколько способны. Эта тема, уже затронутая Сенекой, является центральной в учении Эпиктета.

«Чем-то мы можем управлять, в то время как все остальное не зависит от нас. От нас зависит восприятие, выбор, страсть, антипатия — одним словом, все, что является нашими деяниями. Вне нашей власти наше тело, наша собственность, репутация, должность — одним словом, все, что не является нашими деяниями... Если ты

будешь думать, что тебе должно принадлежать только твое, ты никого ни в чем не обвинишь, и никакая беда тебя не коснется».

Наша воля — это единственное, что нельзя подавить или разрушить при помощи внешних, объективных факторов.

«Возьми мое презренное тело, возьми мою собственность, забери мою репутацию, возьми тех, кто рядом со мной... «Да, но я хочу, чтобы твои суждения были также в моей власти». А кто наделил тебя такой властью? Как ты можешь подчинить себе суждения другого человека? «Я подавляю его, нагнав страх, который окажет на него давление». Ты не можешь осознать того, что суждения сами собой управляют; ими не может управлять кто-то другой; и ничто не может управлять нравственной волей, — она сама управляет собой».

Для того чтобы противодействовать таким посягательствам, мы должны беспрестанно *терпеть и воздерживаться, страдать и переносить страдания*: худшими пороками являются нетерпимость и отсутствие сдержанности. «Да, но что, если я заболею?» Ты хорошо перенесешь болезнь. «Кто будет ухаживать за мной?» Бог и твои друзья. «У меня будет жесткая кровать, и я буду лежать на ней». Да, но ты останешься человеком.

Как и религии того времени (хотя они приходили к абсолютно разным выводам), такое акцентирование внимания на выборе и нравственной целеустремленности свидетельствует об отходе от древнегреческого рационализма, о переориентации с оценки мудрости на оценку качеств человека, не имеющих отношения к собственно интеллекту. Хотя мир, в соответствии с теорией стоиков, упорядочен, его настоящий облик настолько многосторонен и сложен, что он кажется хаотичным и бессмысленным. В этой жуткой неразберихе Эпиктет (хотя он говорил более жестким и менее утешительным по сравнению с религиозными деятелями тоном) помог людям сохранить чувство собственного достоинства. Он утверждал, что для того, чтобы лучшим образом принять и действительно приветствовать все, что дает судьба, нуж-

но (и люди обязаны) избегать гнева, печали, страсти и страха; не следует даже (возможно, это было безнравственное утверждение, что с первого взгляда не распознавалось) любоваться своей одеждой, и тогда не придется ни в чем обвинять тех, кто сворует ее. Но Эпиктет был равнодушен к культуре. Он считал, что чтение не приносит пользы, если оно не приносит спокойствия: «Афины прекрасны, но счастье, состоящее в безмятежности, отсутствии суматохи, в том, что у тебя есть свои дела, в которые не может вмешаться другой человек, еще прекраснее. Однако в своем отречении от всего мирского Эпиктет никогда не заходил настолько далеко, чтобы отрицать общественные обязанности, поскольку он видел, что природным инстинктам — самосохранения, эгоизма — можно потакать лишь в том случае, если ты вносишь свой вклад в общественное благосостояние.

Ему было что рассказать о свободе — несомненно, отчасти потому, что он когда-то был рабом. Однако он считался «другом» императоров, человеком, к которому Траян прислушивался, Адриан покровительствовал, а Марк Аврелий изучал его труды. Эпиктет не похож на стойков-антимонархистов, находившихся в оппозиции к императорам династии Флавиев, его рассуждения в основном аполитичны. «Вы, философы, в этом случае учитесь нас презирать наших правителей? Да ничего подобного! Разве кто-нибудь из нас учит вас сомневаться в праве правителей на то, чем они управляют?» Хотя обратное утверждение о том, что власть императоров не безгранична, также казалось Эпиккету верным, и он не скрывал этого.

«Смотрите, цезарь, казалось бы, дал нам абсолютный мир, нет больше войн, сражений, нет повсеместного разбоя, пиратства. В любое время мы можем путешествовать по земле, или плыть оттуда, где встает солнце, туда, где оно садится. Но в таком случае может ли цезарь оградить нас также от лихорадки, от кораблекрушения, от пожара, или от землетрясения, или от молнии? Скажите, может ли он оградить нас от любви? Нет, не может. От горестей? От зависти? Нет, от всего этого он нас спасти не

может. Но философы обещают, что их учение оградит нас и от этих неприятностей».

Эти слова, которые признают права императоров и то, что их возможности ограничены, являются более пассивными, чем высказывание Христа «Кесарю кесарево», поскольку они не сопровождались сколько-нибудь значимыми нападками на нищету и коррупцию, бытовавшие в то время, — несмотря на то что Эпиктет был гуманистом, милосердным человеком и любил детей. Человеку вполне достаточно того, что все происходящее с ним происходит само по себе, в соответствии с его нравственными установками, — именно поэтому он свободен. Такое учение не могло породить революционеров, хотя оно могло породить мучеников. Действительно, сам философ, учитель — фигура, которая в этом учении приобретает особую важность, так как она подстегивает волю и формирует личность, — теперь сам должен был походить на мученика, или, по крайней мере, быть предвестником средневековых аскетов. Для того чтобы быть философом, «ты должен страдать от бессонницы, трудиться в поте лица, уйти от своего народа. Тебя должны презирать жалкие рабы; все, кто видят тебя, должны тебя высмеивать. Тебе не должна сопутствовать удача во всем, что касается почестей, продвижения по службе, суда — всех этих мелочных забот. Смотри на все эти неудачи снисходительно, если ты хочешь пожертвовать всем этим ради того, чтобы прийти к философии... Посмотри на меня! У меня нет дома, нет родного города, нет собственности и рабов. Я сплю на земле. У меня нет жены, детей, у меня официально нет родины. Лишь земля и небо служат мне одеждой. Чего мне не хватает? Разве я боюсь чего-то или сокрушаюсь о чем-то? Разве я не свободен?»

Некоторые узрели в нем трагическое, усталое стремление к «пассивному» счастью. Другим казалось, что у него «горела благородная душа, она сгорала от любви». Его учение было ближе к основам учения Иисуса в гораздо большей степени, чем убеждения кого бы то ни

было из первых христиан, несмотря на все различия. Эпиктет, невзирая на то что он не испытывал необходимости в жизни после смерти и не мечтал о ней, считал Бога создателем незыблемой воли человека. «К чему я действительно стремлюсь — это к тому, чтобы мои нравственные установки были в моей власти, так как они даны каждому человеку Богом, и им нельзя препятствовать». Следовательно, он почитал Бога.

«Свою свободу выбора я предоставил Богу. Он хочет, чтобы у меня была лихорадка, значит, я этого тоже хочу. Он желает, чтобы я выбрал что-то, и я тоже этого желаю. Ему угодно, чтобы я страстно желал чего-то, и я тоже этого хочу. Если он не желает этого, я тоже не желаю. Поэтому, если я умру, это произойдет по моей воле. Поэтому, если меня станут пытать на дыбе, это произойдет по моей воле. Кто может удержать меня от чего-то, кроме моих собственных замыслов, или принудить меня к чему-то? ...Если бы у нас был здравый смысл, разве мы делали бы что-нибудь, публично или скрытно, помимо восхваления Бога и упоминания его милостей? ...Я — разумное существо, поэтому я должен петь гимны и восхвалять Бога. Это — моя обязанность. Я делаю это и буду продолжать выполнять эту обязанность до тех пор, пока буду в состоянии это делать. Я призываю вас присоединиться ко мне и петь ту же песню».

Младший современник Эпиктета и его последователь император Марк Аврелий (фото 36) оставил нам свои «Размышления». Этот труд, драматически излагающий его яркие, сокровенные, глубокие мысли, не является чем-то единым и связным. Он не задумывался для публикации. Он содержит множество заметок и размышлений, которые написаны на греческом языке в присущем лишь ему стиле, они составляют дневник его духовной жизни на протяжении десяти или пятнадцати лет. Этой работой он подбодрял и утешал себя. Это — уникальное исследование его собственной личности, каждый абзац которого отражает его настроенное. Большую часть этой необычной работы он сочинил в лагере, после того как он целый день занимался

военной службой. Аврелий командовал армиями империи на поле боя, что для него, человека философского склада ума, было большим несчастьем. Из всех правителей, когда-либо существовавших за всю историю человечества, он больше всего соответствовал платоновскому образу истинного правителя-философа. Марк Аврелий был человеком высоких моральных принципов и интеллекта, который, будучи вынужден управлять огромной империей, сознательно и упорно претворял свои убеждения в жизнь.

Тем не менее, когда Аврелий снисходительно, вдумчиво, но в то же время решительно взглянул на свою жизнь, он увидел много того, что ему не понравилось. Чаще всего он пребывает в состоянии меланхолии и смирения. Когда ему было сорок лет, он говорил: «В этом возрасте человек средних умственных способностей должен изведать все, что уже было и что еще будет в его жизни». Однако в этом возрасте он воочию убедился в том, что все то, на что он надеялся, когда стал императором Рима, уже не сбудется. Хотя ему не была присуща ложная скромность, слава для него ничего не значила; он ненавидел придворную жизнь и остерегался тех опасностей для нравственности императора, которые она несет в себе. Все его мысли наполняло нечто очень далекое от всего этого, а именно борьба за освобождение своего сознания от сил зла и эфемерных иллюзий.

Как и мировоззрение Эпиктета, взгляды Марка Аврелия от установок наиболее значительных религий того времени отличало то, что он не находил утешения в надеждах на счастливую загробную жизнь. «Тот, кто боится смерти, боится либо полной потери сознания, либо каких-то перемен в сознании. Если тебе суждено утратить сознание, тебе не надо больше будет бояться никакого зла. Если же твое сознание изменится, ты будешь другим существом, и твоя жизнь не прекратится. Еще одно его высказывание гласит, что на душу умершего не будут оказывать пагубное влияние дурные люди, и это, возможно, является утешением, которое можно найти в смерти. Аврелий дума-

ет о смерти как о загадке, но эта загадка не разгадана, и источник его силы лежит где-то еще.

Хотя он и не уверен в существовании загробной жизни, он верил в существование божественных сил.

«Это для тех, кто задает мне вопрос: «Где ты видел богов или на основании чего ты предполагаешь, что они существуют, и поклоняешься им?» Во-первых, богов можно увидеть даже глазами. Во-вторых, я не видел свою душу, и все-таки я почитаю ее. Точно так же и с богами — на основе моего опыта, каждую минуту осуществления ими своей власти я чувствую, что они существуют, и поклоняюсь им».

Он считал, что Бог (или боги) пребывает во вселенной; Бог и мир составляют единое целое, как душа и тело. Вслед за стоиками, которых он считал своими учителями, Марк Аврелий считал, что человек должен быть верен себе. Это означает, что он должен быть верен лучшей части себя — божеству, которое пребывает в его душе. Хотя Марка Аврелия всегда одолевали сомнения, он считал, что в определенные моменты его жизни советы сверхъестественного происхождения помогали ему, например, когда он болел, когда он боролся с кровохарканьем и головокружением.

Тем не менее, несмотря на эти случайные соприкосновения с Богом, чувство «личного божества» у Марка Аврелия развито в меньшей степени, чем у Эпиктета. Как и дзен-буддизм, его взгляды должны привлекать к себе внимание современных интеллектуалов, которым нравится религия без бога. Как и многие до и после него, Аврелий не мог привести в соответствие благодеяния Провидения и зло этого мира — мира, в котором он не находил ничего хорошего. Каждый день он просыпался и видел это зло. «Насколько отвратительно, если тебе это ведомо, выкупаться в масле, поте, грязи, помоях, — настолько отвратительна и вся наша жизнь и все в ней». Он хотел бы рассказать об этих изъянах нашего мира в молитве, воздаваемой своему Богу; однако он осознавал, что, даже если молитва и помогает субъективно обрести нормальное душевное состояние, она не может изменить

ход событий. Аврелий, как и ранние стоики, был не только религиозен, он был и решительным фаталистом. «Вверх и вниз, туда-сюда, крутится-вертится — это и есть монотонный, ничего не значащий ритм вселенной. Что бы ни случилось с тобой, все это было уготовано заранее вечностью. Цепь событий идет из вечности, она заключает в себе твое существование и все, что с тобой происходит. Но как согласовать это с существованием всевидящего Бога?

Есть либо судьба, которой нельзя избежать, и непреложный заведенный порядок; или Провидение, которое внимлет молитвам; или же неуправляемый хаос, не имеющий цели. Если это судьба, от которой нельзя укрыться, тогда зачем ей сопротивляться? Если это Провидение, которое внимлет молитвам, стань достойным той помощи, которую тебе оказывает Бог. Если же это неуправляемый хаос, радуйся, что в таком огромном, бушующем потоке ты сохранил в себе сознание, которое направляет тебя. А если этот поток уносит тебя, пусть он уносит твою плотскую, жизненную сущность, то есть часть тебя; что же касается твоего сознания, этот поток не может унести его. Ведь светит же лампа и не прекращает светить до тех пор, пока ее не погасят. И истину, справедливость и умеренность никто не может искоренить в тебе, пока ты жив.

Эти слова не очень-то утешают. Люди должны просто бороться и дальше, продолжать беспрестанно прилагать напряженные усилия. А куда именно надо прилагать эти усилия, показывает написанный Аврелием прекрасный панегирик своему предшественнику и приемному отцу Антонину Пию (фото ба). Из этого произведения следует вывод о многострадальном терпении Антонина, и прежде всего — о его стойкости. А главным из тех требований, которые Аврелий предъявлял к своей собственной земной жизни, было все то же: смотри внутрь себя, крепись, найди в себе мужество выполнить свою задачу, — а своей задачей он считал почти невыносимый, об-

ременявший его ответственный государственный пост. «Размышления» демонстрируют классический пример того, как человек подчиняет себе обстоятельства не посредством вынужденного героизма, какой многие видят у Сенеки, а отчаянно, терпеливо борясь за правду. Стремление философов эпохи эллинизма избежать превратностей судьбы, полагаясь лишь на свои собственные силы, нашло свое отражение во взглядах Аврелия, который глубоко его чувствовал и разделял. «Будь похож на утес, о который постоянно разбиваются волны, но утес этот стоит крепко и кипящие волны успокаиваются, войдя с ним в соприкосновение». «Я несчастен, потому что это произошло со мной. Нет: я счастлив, потому что, хотя это и произошло со мной, я не испытываю сожаления, меня не сокрушило настоящее, и я не боюсь будущего». Поэтому в молитвах проси не благословения, а того, чтобы ты мог что-то сделать без него. «Не испытывай к себе отвращения, не сдавайся, не будь нетерпелив, если у тебя не совсем получается вести жизнь, основанную целиком на принципах добродетели; но после того, как ты упал, встань и радуйся, если большинство твоих поступков достойны личности человека».

Развить в себе терпеливость во имя правого дела, избежать фальши и неискренности можно, лишь воспитав в себе невозмутимость. Для Аврелия не существовали восточный мистицизм и восточные страсти. Ни у кого нельзя было найти более безжалостной, уничтожающей оценки удовольствий — удовольствий для глаз, ушей, удовольствий, связанных с едой и сексом. Воспитывайте в себе чувство меры в отношении собственной значимости, говорил Аврелий, и вы достигнете искомой степени независимости. «Размышляйте над жизнью, которую вели другие люди в древности, над жизнью, которую будут вести после вас, над жизнью, которой живут народы, лишенные цивилизации. Многие из них не знают твоего имени, многие очень скоро его забудут, многие из тех, которые, возможно, восхваляют тебя сейчас, очень скоро будут обвинять тебя. Ни память о тебе, ни слава, вообще ничто не стоит наших мыслей».

Таким образом, идеалом является отрешенность, независимость, но только в отношении тех событий, которые «происходят по причинам, находящимся вне тебя. Поскольку, с другой стороны, вы влияете на ход событий, управляя вашей собственной волей, вашей целью должна быть справедливость, или, другими словами, импульс и поступки, которые выливаются в любовь к ближнему своему, потому что вы должны считать это угодным Природе». Эта основная мысль о главной роли общественного инстинкта, идея (которую Марк Аврелий заимствовал у стоиков и Цицерона и глубоко прочувствовал ее) Братства людей свидетельствует о том, что Марк Аврелий был гуманистом. Эту идею он связал с проблемами всей империи. «У меня родилась мысль о демократическом государстве, управление которым осуществляется на основе равенства и свободы слова, и о монархии, которая более всего ценила бы свободу своих подданных». Гражданин мира и гражданин Рима, он считал себя, как и многие другие люди, жителем главного города — государства, города которого выглядят лишь домами.

Однако этим идеалам необходимо противопоставить систему Римской империи и даже структуру управления, которые Аврелий, очевидно, не стремился реформировать. Более того, следует помнить о том, что в глубине души он испытывал предубеждение (которое он безжалостно подавлял) ко многим порочным людям, с которыми он сталкивался каждый день.

«Как твои враги не смогут отвратить тебя от праведного поведения, когда ты поступаешь в соответствии с принципами благородства, так и ты не позволяй им заставить тебя дурно относиться к ним; будь на страже своих здравых суждений и поступков, а также доброго отношения к тем, кто пытается помешать тебе или в каком-то смысле представляет для тебя проблему. Жестко обращаться с ними — это проявление слабости, точно так же, как и отказываться от своих принципов и сдаваться, испугавшись. Человек, поддавшийся панике, и тот, кого отталкивают его кровные родственники и друзья, — одинаково дезертируют со своего поста».

Это проповедь не столько любви, сколько терпимости, иногда довольно бесстрастная. «Замкнись в себе... Не обращай внимания на чей-то дурной поступок» — этим высказываниям недостает ошеломляющего, революционного гуманизма, который чувствуется в учении «подставь другую щеку». Как огромная ответственность Аврелия, так и склонность его к меланхолии оборачивались против него. Однако ему нужна была дружба, и он старался относиться хорошо и с любовью к ближнему своему и прощать все нанесенные им обиды. «Я проявил к кому-то дружелюбие — следовательно, мне за это воздастся... Пусть твое сознание всегда будет готово к этому, никогда не переставай проявлять дружелюбие... Люди пришли в этот мир ради друг друга. Поэтому либо наставляй их, либо неси с ними их груз... Кто бы ни совершал дурных поступков, он вредит самому себе, кто бы ни был несправедлив, он несправедлив к себе, он сам себе причиняет вред». Трудно найти такого монарха — и даже просто человека — в мировой истории, который, несмотря на то что его религиозные убеждения оказывали ему лишь ограниченную общую поддержку, так искренне и страстно хотел творить добро своим ближним, даже при том, что его возможности были ограничены социальной и политической системой, которую он не реформировал.

Личность Марка Аврелия вызвала самые противоречивые отзывы его читателей. На некоторых оказал сильное воздействие тот факт, что в годы его правления в Малой Азии и Галлии жестоким преследованиям подверглись христианские общины. Не существует свидетельств того, что Аврелий изучал взгляды христиан. В своем единственном высказывании, относящемся к ним, он критикует их за решительную готовность принять муки, тогда как смерть, если на нее идут сознательно, нужно принимать «после долгих раздумий и с достоинством». Но это мимолетное высказывание не стоит относить к преследованиям христиан, которые для наместников Аврелия были не столько мировоз-

зренческим, сколько гражданским вопросом, связанным с опасностью, которую якобы представляли эти общины — непокорные «государства в государстве».

Всякий, кто открывает свою душу в столь недоступной и жесткой форме, становится открытым для критики. Аврелия упрекали в отсутствии оригинальности, ненужной снисходительности, скуке, сомнениях, неуверенности, его неспособности привести в соответствие религию и философию, в том, что он слишком часто отходит от сухих умозаключений стоиков, в отсутствии пылкой страсти, благодаря которой величайшие пророки получали массовую поддержку. Но в XIX веке его мораль кажется единственно уместной для того времени (в отличие от эпохи, в которую он жил), когда «ходили видением, а не верою». Для Ренана высокие моральные суждения Марка Аврелия, обращенные к мирозданию, были своего рода никогда не устаревающим Евангелием. Джон Стюарт Миллер помещал его философию на вершину всех предыдущих достижений гуманизма. Мэттью Арнольд считает его, «возможно, самой интересной фигурой в истории». Он соединял в себе (что бывает весьма редко) королевское достоинство, скромность и гуманизм, кристальную чистоту суждений и беспримерную логичность поступков. Несмотря на то что он допустил ужасную ошибку, позволив своему сыну Коммоду унаследовать трон, Марк Аврелий является самым благородным из людей, которые уподобились богам без помощи религии.

Часть четвертая

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Глава 8

ВЕЛИКИЕ ЛАТИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Философия, о которой только что шла речь, своего наивысшего подъема достигла в творчестве великого римлянина Марка Аврелия. В нем нашло свое отражение двуязычие культуры того времени, поскольку он написал свои «Размышления» на греческом языке. Но два его предшественника-философа, Цицерон и Сенека, сформулировали квинтэссенцию в основном греческой науки на латыни. Их достижения в этом средстве выражения показывают, как сильно латинская литература отличается от других наглядных видов искусства римского мира, поскольку эти виды искусства, как утверждал Вергилий, в Риме не достигли вершин своего выражения. Вергилий говорил, что вместо того, чтобы заниматься искусством, римляне повелевают — это их задача. Но римляне преуспели в литературе (а сам Вергилий еще при жизни был признан лучшим виртуозом в этом виде искусства). Как и англичане, римляне были народом, чей низкий уровень достижений в области других искусств разительным образом контрастировал с совершенством литературы, и прежде всего поэзии.

Этого совершенства римляне достигли частично благодаря особым свойствам латинского языка. Римская литература обрела блеск и самобытность, потому что на латинском языке, как оказалось, можно писать как звучную, очень сжатую прозу, так и поэзию, которую отличали гармоничность и чарующая, глубокая

благозвучность. Архитекторы, художники и скульпторы пользовались в своем творчестве греческим наследием, что неизбежно, какими бы ни были смелость и новизна их художественного выражения, приводило к тому, что искусство Рима развивалось непосредственно по шаблонам искусства эллинизма. Даже когда латинские писатели стремились (и не скрывали этого) к тому, чтобы следовать моделям, созданным их греческими предшественниками, точность этой имитации была ограничена, — и не только общепринятым правилом, в соответствии с которым от шаблонов необходимо было отступать, но и особенностями их великого языка, который полностью отличался от греческого. И так, литература предоставила римлянам возможность сказать свое слово в искусстве. Выводы о том, насколько они воспользовались этой возможностью, мы делаем, сопоставляя достижения латинской и греческой литературы в период римского владычества. Хотя концепция других видов искусства, а также язык миллионов высокообразованных людей во всех восточных провинциях Римской империи оставались греческими, тем не менее греческая литература изжила себя. Хотя произведений греческой литературы было множество и они отличались информативностью, они больше уже не могли сравниться по своему уровню с шедеврами латинских писателей. Некоторые художественные эпиграммы таких писателей, как Мелеагр из Гадары (ок. 140—70 гг. до н. э.), забавные сатиры Лукиана из Самосаты считаются по своему художественному содержанию одними из лучших произведений, которые можно поставить в один ряд с изумительными произведениями латинской литературы, создававшимися в течение первых четырех веков на заре христианской эры. По степени влияния на более позднюю литературу и воззрения с произведениями на латыни может сравниться творчество лишь немногих (за исключением авторов Нового Завета) писателей того времени, творивших на греческом, — Марка Аврелия, биографа Плутарха из Херонеи, философа III века н. э. Плотина, а также ориги-

нального, пронизательного литературного критика, который нам известен под вымышленным именем Лонгин.

Возможности, которые давал римлянам их язык, становились еще более заманчивыми и привлекательными за счет характера образования в Риме. При всех недостатках системы образования тот сильный акцент, который она делала на изучении языка и литературы, казалось, специально был рассчитан на то, чтобы воспитывать ораторов и писателей. На достижения системы образования сильное влияние оказывали два ее аспекта — один понижающий, а второй повышающий ее эффективность. Сдерживающим фактором являлось ограниченное в социальном плане распространение образования. Поскольку возможность систематического образования была предоставлена в основном состоятельным слоям общества, литературным творчеством занимались, как правило, представители этих социальных групп, соответственно, тематика литературы была также ограничена. В связи с этим умалется и ценность литературных произведений для ученых-историков. Несмотря на то что они о многом рассказывают, если мы взглянем на ссылки в конце этой книги, то поймем, как часто бывает необходимо дополнять произведения великих латинских писателей, обращаясь к источникам как греческим, так и латинским. Из всего литературного наследия только источники могут предоставить нам самую обширную информацию, — если они вообще могут называться литературными произведениями. С другой стороны, та же социальная ограниченность римской литературы имеет свои преимущества, поскольку это придает ей сокровенный, личный, саморазоблачительный характер, признаки самоанализа. Этого нет в произведениях греческой литературы, и это действительно несло с собой некоторую новизну. Сэр Морис Боура подчеркивал, что мы ошибочно считаем греков ярыми индивидуалистами, а римлян — людьми с развитым общественным сознанием. Литература свидетельствует совсем о другом. Наоборот, именно греки писали произведения для всего народа, а римляне писали в основном для небольшой кучки людей — для своих друзей, со-

служивцев, для равных себе. Казалось, иногда они писали лишь для самих себя. Проистекающее отсюда акцентирование личности человека, а также то, что эти произведения не были рассчитаны на публику, — все это давало римским писателям возможность по-новому подойти к человеческой жизни, показать миру новую интерпретацию человеческих взаимоотношений — отношений мужчины к мужчине, мужчины к женщине. В этом состоит одна из величайших заслуг латинских писателей.

Но если влияние реалий римского образования на латинскую литературу в социальном смысле являлось сдерживающим фактором, то в плане географическом оно способствовало широкому распространению литературы. Поскольку латинский язык стал вторым, а позже во многих случаях и первым языком во всех западных провинциях Римской империи, система образования выходцев из высших классов общества, основанная на этом языке, распространилась на эти территории. В число получивших латинское образование, следовательно, входили не только римляне и другие жители Италии, но люди смешанных национальностей из Цизальпинской Галлии (Северной Италии), галлы, жившие за Альпами, испанцы и североафриканцы. Здесь видны лучшие плоды романизации. Как во II и III веках н. э. элита западных провинций породила великих императоров, точно так же задолго до этого западные территории внесли в развитие литературы даже больший вклад, чем сам Рим. Литература стала их общим делом.

Одним из самых значительных писателей начального периода истории римской литературы был, как считается, уроженец Северной Африки — комедиограф и драматург Теренций (ок. 195—159 гг. до н. э.), протеже Сципиона Эмилиана, покорившего Карфаген. К энергичной, кипучей манере письма гениального Плавта из Умбрии, который превосходно перевел на латинский язык ранее неизвестные произведения Менандра (ок. 341—290 гг. до н. э.), а также других драматургов, писавших в стиле «но-

вой афинской комедии», Теренций добавил безупречное владение латинским языком и эллинистическую утонченность. Спустя менее чем сто лет после его смерти римская литература вступила в период зрелости (раньше, чем наглядные виды искусства), когда латинская проза достигла своего наивысшего подъема в произведениях Цицерона. Цицерон был итальянцем из Арпина и не принадлежал в силу своего происхождения к узкому кругу правящего класса Рима. Но он добился того, чтобы его приняли в число членов правящего класса, и получил высшую среди представителей этого класса должность — должность консула. В условиях общества, на которое преобладающее влияние оказывали дебаты в сенате, народном собрании, судах, ораторские способности (на развитие которых была ориентирована система образования) являлись ключом к успеху, не менее действенным, чем военная отвага. Успехи Цицерона свидетельствуют о том, что он был одним из наиболее убедительных ораторов за всю историю человечества. Его речи, отрывки которых цитируются повсюду в этой книге, тем или иным образом оказали серьезное воздействие на мировоззрение общества стран Запада. Например, как и личные письма Цицерона, многие из которых сохранились, эти речи свидетельствуют о лишениях, которые терпели римляне в течение нескольких последних ужасных лет, когда в правительстве шли постоянные дебаты. Такие уроки казались бесценными для Петрарки и для городов-государств Италии эпохи Возрождения, откуда ведут свое происхождение современные политические и общественные учения. Более того, в своих речах, направленных против Верреса, Катилины и Антония, Цицерон показал, что, когда существует угроза грандиозной смуты, даже такой скромный человек, как он, может быть на высоте положения и сопротивляться этой угрозе.

Но самой большой заслугой речей Цицерона перед человечеством был используемый там бесподобный латинский язык, которому суждено было стать непревзойденным по своей эффективности средством выражения и носителем мысли. Сила его ораторского искусства увели-

чивалась за счет применения особых литературных средств выражения (которые потомки не перестают изучать) — порядка слов, эмфазы, противопоставлений, повторов, риторических вопросов, восклицаний. Именно Цицерон сыграл решающую роль в том, что латинские предложения стали компоноваться в «периоды» — составные единицы, в которых предложения объединяются в комплексное, органическое, завершенное единое целое, организованное по канонам утонченного, звучного ритма. Римляне были очень восприимчивы к такого рода звуковым эффектам, которые никто не мог так умело использовать, как Цицерон, ни до него, ни после. Полтора тысячелетия спустя манерой выражаться, которую он изобрел, несмотря на то что она начинала испытывать влияние более резкого испанского стиля Сенеки, все еще пользовались политики, священнослужители, ученые; в этой манере говорили в университетах. Теорию и требующую большого мастерства методику, лежащую в основе его ораторских успехов, сам Цицерон описывает в ряде трактатов, в особенности «Об ораторе», «Оратор» и «Брут». В этих работах, помимо всего прочего, он конкретизирует свое убеждение в том, что изучение ораторского искусства требует определенной основы. А сама риторика должна быть основой настоящего общего гуманитарного образования. Но наиболее значимыми из его трактатов, которые оказали влияние на осознание человеком себя как общественного существа, были превосходно написанные, легкие для понимания работы, популяризовавшие греческую философию. В этих работах, как и универсальный мыслитель Сенека столетием позже, Цицерон стремился показать, как образованный римлянин может в своей жизни руководствоваться наиболее «просвещенной» из языческих религий, учением стоиков о Братстве людей.

В сфере среднего образования в Риме очень большое внимание уделялось изучению как греческой, так и латинской поэзии, так как считалось, что знание поэзии является необходимым условием как для успешного постижения ораторского искусства, так и для того, чтобы

вести воистину культурную жизнь. При жизни Цицерона, после того как латинская поэзия примерно в течение столетия развивалась по шаблонам поэзии эллинистической Александрии, где процветала наука и испытывали интерес к личности отдельного человека, поэзия Рима достигла своего расцвета в творчестве двух сильно отличавшихся друг от друга поэтов — Лукреция и Катулла. Лукреций, загадочная фигура, происхождение которой неизвестно, пламенно, с использованием гекзаметра, сила которого (как утверждал Теннисон, и не только он) никого не оставляла равнодушной, описал «образ жизни философа», который превозносил Эпикур. Катулл, уроженец Вероны (которая вошла в состав Италии после его смерти), открывает для нас личный, сокровенный мир. Он был неизменно искусным мастером поэзии и использовал свое чувство формы для того, чтобы выразить свои эмоции. Он воспел любовь, и этим заслужил себе известность. Показательным, но в то же время единственным в своем роде примером его творчества является крайне религиозный гимн Аттису, в котором также воспевается любовь. С беспримерным интересом Катулл исследует отношения полов, при этом выявляется его очень эмоциональный характер. Восторженно и поэтично он рассказывает о своей любви к Лесбии (литературный псевдоним Клодии, одной из женщин, имевших самую скандальную репутацию, принадлежавших, как и сам Катулл, к высшему обществу столицы).

Было короткое время несравненного счастья:

Несомненно, человек равен богам на небесах.
 Если это не богохульство, он превосходит их,
 Он, который сидит и в твоём присутствии
 Смотрит на тебя и слушает тебя,
 Сладко смеясь. От этого мои потрясенные чувства
 Делают меня беспомощным. Лесбия, в ту минуту,
 Когда я впервые увидел тебя, мой голос
 Превратился в безмолвие,
 Мой язык оцепенел, нежный, едва уловимый огонь
 Наполнил мои члены, в моих ушах, внутри меня
 Громко забили колокола, а очи мои
 Внезапно застила тьма.

Но любовь к Лесбии — движущая сила всей поэзии Катулла — окончилась ужасным, непоправимым несчастьем. Лишь какая-то затаенная сила его личности, — возможно, та же энергия, которая в других стихотворениях проявляется в его острой сатире, спасла Катулла от хаоса, который был сродни краху самого Рима в годы лишений гражданской войны. Его последнее послание к Лесбии дышит болью.

Вы, двое моих старых друзей, которые останутся моими
товарищами,

Путешествую ли я в далекой Индии,
Где морской берег гудит от бьющихся, грохочущих волн,
Порожденных муссоном,
Или среди жителей Гиркании, лстивых арабов,
Хмурых саков или грозных парфянских лучников,
Или там, где семь устьй Нила у впадения его в море
Затемняют небосвод,
Или, быть может, когда я еду по ущельям Альп
Туда, где могущественный Цезарь обретет новые победы —
На Рейн, на галльскую границу, или в ужасную
Далекую Британию,
Вы, которые, я уверен, готовы разделить со мной
Все мои приключения, куда бы Небеса меня ни посылали,
Ради меня передайте эти слова моей подруге —
Короткое, обидное послание.
Передайте ей мое «Прощай», ей и всем ее любовникам,
Сотни которых она обнимает так крепко,
Никого из них не любя, но с неугасаемым вожделением.
От этого их чресла слабеют.
Моя любовь, которую она когда-то ценила, ушла,
Умерла под тяжестью ее вины, как цветок,
Распустившийся на краю луга, падает,
Когда его касается орало.

Как говорил Гилберт Хайет, который переводил эти строки (на английский. — *Пер.*), не многие могли сказать, что они испытывают столь же острые чувства, переживают такие же эмоции, столь же самоуверенны и горды, как этот поэт, которому были присущи «дикая ярость и нежная любовь». Мало кто написал столь много — до нас дошло лишь 2300 строк — и при этом

смог выразить столь разные чувства; не многие были столь откровенны и раздражающе непоследовательны. Очевидный индивидуализм Катутла, новый для того времени, вдохновлял поэтов-гуманистов эпохи Возрождения, хотя теперь кажется, что Римбод ближе ему по духу. Тем не менее многие из этих очень личных, субъективных и довольно откровенных стихов были написаны по модели достаточно сухих, беспристрастных любовных эпиграмм, которые создавали греки в Александрии. Это служит убедительным примером того, что римляне могли использовать греческую манеру письма и творчество греческих поэтов и при этом, благодаря своему особому языку и таланту, преобразовать все это в нечто оригинальное.

Катулл измученный, оставь свои бредни:
 Ведь то, что сгинуло, пора считать мертвым.
 Сияло некогда и для тебя солнце,
 Когда ты хаживал, куда вела дева,
 Тобой любимая, как ни одна в мире.
 Забавы были там, которых ты жаждал,
 Приятные — о да! — и для твоей милой,
 Сияло некогда и для тебя солнце,
 Но вот, увы, претят уж ей твои ласки.
 Так отступись и ты! Не мчись за ней следом,
 Будь мужествен и тверд, перенося муки.
 Прощай же, милая! Катулл сама твердость.
 Не будет он, стеная, за тобой гнаться.
 Но ты, несчастная, не раз о нем вспомнишь.
 Любимая, ответь, что ждет тебя в жизни?
 Кому покажешься прекрасней всех женщин?
 Кто так тебя поймет? Кто назовет милой?
 Кого ласкать начнешь? Кому кусать губы?
 А ты, Катулл, терпи! Пребудь, Катулл, твердым!

(Перевод И. Сельвинского)

Вергилий был примерно на четырнадцать лет старше Катутла. Родом он также был из Северной Италии — он родился в поместье возле Мантуи. Эта местность отличалась очень пестрым населением — его составляли этруски, кельтские галлы и римляне. Поэтому националь-

ность поэта определить очень сложно. Катулл очень выпукло, как никто до него, отразил страдания отдельного человека, сраженного несчастной любовью; Вергилий с непревзойденным мастерством показал труды, выразил страдания и чаяния всего человечества. В его ранних работах, которые назывались «Буколики» и «Георгики», уже видны зачатки этой универсальности. Первая и девятая книги «Буколик» выходят за рамки «пастушеской», пасторальной тематики. Они рассказывают о бедах и потерях гражданской войны, а четвертая поэма из этого цикла (40 г. до н. э.) убедительно (настолько, что из-за этого христиане стали считать Вергилия своим пророком) излагает веру в то, что вскоре придет Спаситель и избавит мир от всех его несчастий (это убеждение было широко распространено в Средиземноморье и на Ближнем Востоке). Поэма «Георгики», созданная по просьбе покровителя Вергилия Мецената, является хвалебной песней, славящей традиции Италии времен Августа, восхваляющей красоту, труды и прелести крестьянской жизни. Мастерство Вергилия, проявляющееся в этом произведении, Драйден считал несравненным. Но тематика четвертой книги «Георгик» выходит далеко за рамки мира крестьянина. С несравненным пафосом Вергилий рассказывает о жизни пчел, затрагивая чувства людей, которых никак нельзя назвать мягкосердечными. Организованная жизнь пчел, полная драм и сражений, вызывает поражающие воображение ассоциации с проблемами, стоящими перед человечеством. Кульминация четвертой книги «Георгик» — трагическая легенда о Эвридике и ее возлюбленном Орфее, величайшем из всех певцов, покровителе поэзии, которого герой «Энеиды» первым встречает в царстве мертвых. Сила музыки воплотилась и достигла своего наивысшего подъема в Орфее. Однако когда он вел Эвридику из подземного царства, Орфей нарушил приказание богов и оглянулся. Спасти Эвридику было уже не в его власти. Легенда об Орфее является величайшей и самой трагичной историей любви, рассказанной Вергилием, самобытный талант которого, как и талант Катулла, развивался под воздействием греко-

александрийской поэзии. Многие современные поэты, особенно французские, не могли не очароваться этой легендой.

Такое же грустное, ностальгическое настроение проявляется и в миролюбивых элегиях на сельскую тематику младшего современника Катулла и Вергилия Тибулла. Он принадлежал к тесному кругу Мессалы, представителя августинской знати. Тибуллу даже в большей степени, чем Вергилию, кажется, что сельская жизнь, как и любовь, несмотря на их внешние, приятные стороны, ненадежна и подвергается такой же опасности, как и сама жизнь человека в то время. В его незамысловатых стихах видно затаенное чувство потери, мимолетности счастья, которое легко утратить.

«Георгики» Вергилия объединили древние традиции, рассказы, носившие полуисторический характер, литературные воспоминания, фольклорные предания и черты любовного романа. Эти и многие другие признаки сплелись вместе, и за счет этого опять получилось нечто абсолютно новое — двенадцать книг эпической поэмы «Энеида». Бежав от руин горящей Трои, разрушенной греками, избранный, глубоко верующий в богов Эней и его спутники, пережив необычные, удивительные приключения, похожие на приключения Одиссея, достигают берегов Италии. Соппротивление других племен наконец сломлено и заключен мир; Эней женится на латинянке. Почва для основания Рима подготовлена, а также для того, чтобы судьбу страны взял в свои руки Август, который при жизни поэта подобным же образом установил мир в Риме, раздираемом на части войной. Это — национальная эпическая поэма, выдержанная в римских традициях времен Пунических войн. Эти традиции были созданы Эннием и Невием и впитали в себя всю жестокость тех времен.

Во время своих скитаний по морям Эней высаживается в Южной Африке, где в него влюбляется Дидона, царица Карфагена, и он питает к ней такие же чувства.

Но судьба призывает Энея в Италию, которую история обрекла на вражду с Карфагеном. Поэтому он вынужден покинуть Дидону. История о Дидоне и Энее — кульминация части поэмы, посвященной любви. Здесь также чувствуется влияние многих более ранних поэтов — особенно Еврипида и Аполлония Родосского, который жил в эллинистической Александрии. Оба они в разное время поведали легенду о несчастной Мееде. Однако необыкновенная впечатлительность Вергилия позволила ему превзойти все источники, на которых он основывался.

Даже так героя долго мучили, по-всякому
Умоляя его, и его благородное сердце пронзала боль, и оно
дрожило;
Но его стремления были непоколебимы. Тщетно катились ее
слезы.
Но несчастная Дидона, узнав свою судьбу и испугавшись,
Молила о смерти: она не хотела больше взирать на купол
дневного света.

Дидона символизирует мучительную борьбу противоречивых чувств. Этот выбор, стоявший перед Энеем, захватывал внимание читателей и увлекал их. Рассказ об этом отвлек юного св. Августина в сторону от мыслей о его вере. Некоторые видели, что Вергилий испытывал такое сочувствие к побежденным, что тем самым основное действие повествования отодвигалось на второй план. Дидона действительно человечна, а Эней, слуга Судьбы, кажется скучным и пресным в сравнении с ней. Однако, в соответствии с совершенно другой точкой зрения (широко распространенной в среде думающих людей того времени), Эней воплотил в себе как идеалы стойков, так и римские идеалы. Он — человек, который неустанно продолжает свои усилия, стремясь к чему-то. Отражена также эволюция его характера. Эней — первый персонаж эпического произведения, который был обычным взрослым человеком, а не суперменом или юношей-богом. Он не сразу начинает полностью разделять взгляды стойков; у него есть свои слабости, и он постепенно преодолевает их. Хотя воля судьбы превышает всего, свобода

воли не исключается: в переплетении этих двух факторов как раз и заключается изюминка повествования об Энее и Дидоне.

Кульминация «Энеиды» наступает в шестой книге, когда Энея по прибытии в Италию посвящают духовно на новое царствование. Сивилла ведет его к Золотой Ветви. Энею позволено через Авернское озеро проникнуть в подземное царство. Это — сознательная аналогия с общением Одиссея с тенями в «Одиссее» Гомера. Однако незамысловатый, лежащий на виду у всех мир устного, похожего на балладу эпического повествования Гомера очень далек от «Энеиды», его не видно, на него наслаивается множество пластов разных традиций, другого мировоззрения, философии, преданий и чувств. Все это загадочным образом смешивается и превращается в очень глубокое изложение Вергилием своих собственных верований и представлений о вселенной. Как и его современники-стоики, он признает, что всем управляет сверхъестественная сила:

Бог (как считается) наполняет
 Всю землю, широкие моря, бездны бескрайних небес;
 Он в своем роде наделяет стаи, стада, всех диких животных
 В момент рождения хрупким, шатким дыханием жизни.

Как считал Вергилий, этот божественный дух, присутствующий во всех людях, есть и во всех остальных живых существах, к которым он питал симпатию. Тем не менее именно человек больше всех переживает и страдает в силу своих больших природных способностей, по воле судьбы. Когда Эней добирается до Италии, читатель чувствует жалость к его обреченному на смерть врагу Турну, которого удачно обманули, и к более юным и слабым людям, сокрушенным безжалостным ходом событий, так же, как при жизни поэта многих людей сокрушала гражданская война.

Да, Эней вонзил свой прочный меч
 Прямо в тело молодого человека и погрузил его
 Туда по рукоятку.

Меч пронзил легкий щит и доспехи юноши, слишком слабые
 Перед такой агрессией, а также тунику, которую его мать
 соткала ему из мягкого золота.

Туника пропиталась кровью, идущей из его груди. Затем
 душа
 покинула тело и скорбно полетела в страну теней.

Но когда Эней задержал взгляд на умирающем юноше, на его
 лице —
 лице, которое теперь стало странно серым, — отразилась
 жалость к нему,

И у него вырвался глубокий вздох...

Эней — воистину трагическая фигура, в духе аттической трагедии, множество отголосков которой слышится в этой поэме. Его терзания происходят от его благородства, гуманизма, от его сочувствия к тем, кто страдает от боли, от его жалости к другим, которую заставляет его испытывать его божественная, полная жестокостей и патриотизма жизнь. Вергилий познал усталость и разочарование от войны. Он сознавал также ее неизбежность и был на стороне Августа, который воевал за то, чтобы установился мир. И все-таки главное убеждение поэта заключается, скорее всего, в том, что завоевание самого себя имеет большее значение, чем военные завоевания. Он умер в возрасте 51 года, полностью не закончив «Энеиду». Если бы он продолжал жить, он обратился бы к философии. Как и те, кто по-своему разделял его страстное стремление к наставлениям философии и религии, он считает, что человек не знает того, к чему он стремится, не знает своего места во вселенной. Вергилий призывал искать в жизни спасение и удовлетворение, а также исполнять свои обязанности, которые вменяют людям судьба и государство.

С помощью художественных образов, в которых он воплотил свои убеждения, Вергилий повел самопознание человека по новому пути. Он совместил литературное единство действия с единством чувства — новое «измерение», сравнимое с использованием атмосферы и света художником или гармонии и полифонии композитором. Благодаря столь непривычной сложности композиции

его поэзия достигла недостижимых высот: ее характеризуют трудноуловимые взаимосвязи, какие ранее невозможно было себе даже представить, гармония и «шероховатости» стиля, символы, составлявшие чувственные, духовные и интеллектуальные образы, которые выходили далеко за пределы простого, буквального значения тех слов, в которые они были облечены. Именно Вергилий изобрел возвышенно ритмическую и периодическую структуру произведений; его поэмы отличались торжественностью, что делало их похожими на симфонии, — в английской поэзии этому подражал Мильтон. Поэзия Вергилия приобрела крайнюю степень отточенности формы и благозвучие, на какое только был способен латинский язык с его сложными флексиями, неустойчивым порядком слов и значительными музыкальными возможностями.

Шли века, и достижения Вергилия стали казаться больше чем порождением человеческого таланта — в Средневековье Вергилия считали магом. Для многих поколений других людей он был лидером, иногда неуверенным, но не знавшим поражений, а также грустным, но преданным другом, помогавшим им понять величие и неопределенность, героизм и трагический пафос человеческого существования.

Еще один поэт времени правления Августа поднялся до понимания общих, глобальных проблем человечества или, по крайней мере, тех проблем, с которыми сталкивалась известная ему часть человечества. Этим поэтом был Гораций, родившийся в Венузии на юго-востоке Италии. Он был сыном или внуком раба (возможно, военнопленного). В юные годы, проведенные в лишениях гражданской войны, Гораций создал «Эподы». Затем в «Сатирах» он модернизировал эллинистические и римские традиции, главным выразителем которых изначально был Луцилий, друг Сципиона Эмилиана. «Сатиры» — изящные, хорошо известные стихотворения с оттенком гуманизма, в поучительных тонах. Этот стиль Горация достиг наивысшего развития в «Посланиях», которые, бу-

дучи блестящим результатом деятельности имеющего тонкий вкус, благородного, высокоцивилизованного, философского склада ума, оказали огромное влияние на многие поколения. Среди этих произведений «Наука поэзии» («*Ars Poetica*») — заметки о поэзии, в которых Гораций придал игривое, ироническое звучание стилю, заимствованному им у греческих поэтов Александрии. В лирических «Одах» Горация сильнее чувствуется поэтическое воодушевление, хотя это ощущение несколько теряется, когда высказывается мысль, что Август-миротворец достоин восхищения. Это убеждение разделяли как Вергилий, так и Гораций, хотя, что касается всего остального, они разительно отличались друг от друга. Но даже при том, что ни одного из поэтов нельзя было обвинить в холопстве, Гораций, с его тонким чувством юмора и способностью удивлять, держится нарочито беспристрастно и с вежливой (или, если на то пошло, менее вежливой, чем у остальных) независимостью. Несмотря на то что главное значение он придает Судьбе и Фортуне, он ценит способность человека выдержать их удары и противиться их искушениям; иными словами, он ценит человеческое достоинство и свободу выбора.

Твой удел — богатые запасы,
Плодородная земля, большое стадо,
Лошади и колесницы, чтобы твоя жизнь была комфортной,
Богатые одежды, которые украшают и убажают тебя.
Я же выбираю маленькую келью,
Которая подходит моим мыслям и музе,
Лучшим украшением которой служит скромная обстановка.
Я буду избегать подлецов и дураков, которых я презираю.

XVII век, когда Томас Отвей и другие переводили эти произведения, был временем, когда «Оды» Горация пользовались огромной популярностью после того, как в течение долгого времени их затмевали в большей степени нравоучительные «Послания». «Оды» получили признание в Италии благодаря Петрарке, который в 1347 году купил рукопись и приводил больше цитат из Горация, чем из любого другого поэта (за исключением Вергилия).

В «Одах» переведены, с талантом великого писателя, произведения его предшественников, чей размер и стиль он использовал в своем творчестве, — древнегреческих поэтов Сапфо и Алкея. Перевод их произведений на латынь Гораций считал своим долгом патриота. Выразительный, четкий латинский язык этого непревзойденного мастера поэзии дает полную свободу словам; он сочетает в себе абсолютно разные стили, которые изобрел сам Гораций. Тематика также разная — он описывает вино, которое пьют боги, своих друзей, красоту природы, пишет о быстротечности человеческой жизни, о безрассудстве преувеличения чего-либо и (иногда в завуалированной форме) о делах государства. Он также часто пишет о любви. Но, несмотря на то что Гораций обращался к любовной тематике и использовал шаблоны любовной лирики, его едва ли можно назвать поэтом любовной лирики, поскольку он, как правило, относится к этой теме несерьезно. Как и у Августа, у Горация были двойные критерии оценки женских достоинств: одни — для урожденных римских женщин, охранять целомудрие которых составляло обязанность императора, другие — для всех остальных женщин. Гораций использует это различие для добрых или злых насмешек над многими женщинами, девушками с греческими именами или над уродливыми старухами, а также над их любовниками, которые ухаживают за ними, или над тем, что женщины сами хотят этих ухаживаний.

Сколько еще вы, пожилая дама, будете продолжать
Эти безобразные гулянки, которые ваш терпеливый муж,
Естественно, не может себе позволить?
Срок вашей жизни близится к концу,
Но вы резвитесь и снуете среди прекрасных девушек.
Вы — пятно на их ярком небосклоне,
Вы забываете, что то, что может делать Фоло,
Вряд ли позволено вам.
Ваша дочь сейчас в таком возрасте,
Когда штурмуют дома холостяков и буйствуют,
Как сумасшедшие менады, с бубнами.
Бедняжка, она влюбилась, и поэтому
Ей позволено вести себя легкомысленно!
Для вас же пришло время сойти со сцены.

Красная роза в парике, скрипки...
Красное вино выпито до дна; в вашем возрасте
Человек сидит дома и прядет.

Но в других стихотворениях затрагиваются более серьезные чувства:

Гораций

Когда я нравился тебе
И твою белую шею не обнимала рука
Более удачливого, чем я, молодого человека,
Во мне было больше гордости, чем в персидском царе.

Лидия

Когда твой огонь не горел для других,
Не предпочитал ты Хлою Лидии,
Я жила с более красивым именем.
Оно славилось больше, чем имя Римского Или.

Гораций

Да, фракиянка Хлоя сейчас моя возлюбленная,
Она искусно пишет ласковые письма и играет на арфе,
И, если три сестры мне позволят,
Я умру, лишь бы продлить ее жизнь.

Лидия

Я сгораю от любви к Калаю, а он — ко мне,
Он — сын Орнита из Турии.
И если эти сестры мне скажут, что он выживет,
Если я дважды умру ради него, я сделаю это.

Гораций

А что, если старая любовь вернется
И еще раз свяжет нас неразрывными узами?
Блондинка Хлоя откажется от меня. Что, если оставить
Открытыми те двери, в которые я когда-то входил?

Лидия

Даже если он прекраснее, чем вечерняя звезда,
А ты будешь легче, чем кора пробкового дерева, и горбатым,
Как волны Адриатики,
С тобой я хочу жить и счастливо умереть.

Кажется, что в этой сцене счастливого примирения Гораций отказывается от невозмутимости, с которой он обычно смотрит на любовь.

Его современника Проперция из Ассизи, который из всех римских элегиков воспринимается лучше всего современным читателем, нельзя назвать невозмутимым. Проперций страстно и отчаянно влюблен в Кинфию:

Сначала Кинфия покорила меня своими роковыми глазами.
Страсть еще не овладела мной,
Но затем любовь заставила потупить мой гордый,
непоколебимый взгляд
И властно поставила свою ногу мне на голову.
Безжалостная, она научила меня ненавидеть всех невинных
девушек
И вести бесцельную и разгульную жизнь.
Вот теперь уже год это безумие мучает меня,
И я до сих пор живу, как проклятая душа в аду.

Катулл также знал, что такое «катастрофическая» любовь — магическое заклинание, ведущее к безумию, рабство, которое обрекает человека на презренную жизнь. Однако Проперций по обе стороны неустойчивой, неопределенной черты, разделявшей классицизм и романтизм (как и Бодлер), исследует целые новые пласты человеческой души благодаря тому, что он впадает в глубокую сентиментальность, его невольно поглощает болезненная жалость к самому себе; а также за счет витиеватой, но мрачноватой образности его речи, в которую вливается демонический поток его чувств. Но все-таки время от времени впечатление этой ненормальной капитуляции перед лицом своих собственных эмоций исчезает благодаря сдержанной иронии Проперция, которая наглядно проявляется, например, в его рассказе о неудавшейся попытке вознаградить себя за неверность отсутствовавшей Кинфии:

После стольких оскорблений, нанесенных моему брачному
ложу,
Я перешел в наступление, бросился в атаку.
На Авентине живет девушка, которую зовут Филлия.
Когда она трезва, она отвратительна, пьяная же она
прелестна.
Затем, возле Тарпейского парка живет Тейя —

Красотка, но ей трудно доставить удовольствие.
 Их я пригласил, чтобы скрасить мою одинокую ночь
 И завести новую интрижку с незнакомыми любовницами.
 В скрытом от посторонних глаз саду приготовили кушетку на
 троих,

Я лег между двумя пленительными женщинами.
 Мой Лигдам подавал напитки в легких летних стаканах —
 Чистые соки из Метимны, изысканные и насыщенные.
 Юноша родом с Нила играл на дудках, а Филлия — на
 кастаньетах;
 Чтобы хорошо пахло, мы разбросали вокруг простые розы.
 Дирижер с маленькими, сморщенными конечностями
 Взмахивал короткими руками, подавая знак игравшим на
 свирели.

Хотя в лампы часто подливали масло, огонь все время гас,
 Стол пошатнулся и перевернулся вверх тормашками;
 Когда я играю в кости, у меня всегда выпадают две
 «шестерки»,

Но сейчас мне выпали всего лишь два очка.
 Девушки пели — я был глух, показывали свои груди — я был
 слеп;

Я чувствовал себя ужасно одиноко, я был далеко отсюда...
 Внезапно открылись ворота дома с долгим скрипом,
 Из залы донеслось смущенное бормотание,
 И в тот же самый момент Кинфия распахнула двери,
 Ее прическа была не изысканной, но аккуратной. Она была
 в ярости.

Мои пальцы ослабели. Со звоном упала чаша с вином.
 Мои губы, горячие и вялые от вина, побледнели.
 Ее глаза метали молнии. Эта женщина рвала и метала;
 На нее было страшно смотреть, как на взятый приступом
 город.

Она в ярости вонзила свои ногти в глаза Филлии,
 А Тейя кричала «Помогите! Пожар!» всем соседям.
 В округе зажглись огни, спавшие римляне проснулись,
 Вся улица всполошилась — полночное исступление.
 Девушки с растрепанными волосами, в помятой одежде
 Ринулись в темноту, к соседней харчевне.
 Кинфия победно неистовствовала над оставленными ими
 трофеями,

Затем обернулась ко мне, закатила мне пощечину,
 Оставила глубокую царапину у меня на шее, вонзила
 окровавленные зубы мне в плечо

И главное — поставила синяки под моими виноватыми глазами.

После того как ее мышцы устали меня калечить, Съежившийся возле кушетки Лигдам был вытаснен Из своего убежища. Покорный, он молил о пощаде, взывая к моему имени.

(Лигдам, я был таким же беспомощным пленником.)

В конце концов я выразил безоговорочную капитуляцию И пал ниц. Она разрешила мне дотронуться только до ее ноги И молвила: «Если ты хочешь быть прощен за свои грехи, Ты должен принять нерушимые условия нашего соглашения. Ты не должен элегантно одеваться для прогулок по улицам, А также задерживаться у входа, когда идешь на игры; Никогда не смотри вверх или назад на галерку И не останавливайся, чтобы поболтать с сидящей дамой. А первое условие контракта — главного обвиняемого, Лигдама,

Закуй в кандалы и продай с аукциона».

Таковы были ее условия. «Я их принимаю», — я сказал. Она засмеялась — победа придала ей высокомерности. Затем буквально все, чего касались приходившие девушки, Она обеззаразила; чисто вымыла порог, Велела мне сменить одежду, и не один, а два раза, И трижды коснулась моей головы горячей серой. После того как она поменяла все простыни и одеяла, Я поцеловал ее. Мы мирились в постели.

Совсем другим был другой элегик, также родом из Средней Италии. Он был моложе Проперция на десять лет, звали его Овидий из Сульмона (Сульмоны). Он был слишком молод для того, чтобы ощутить на себе горячее дыхание гражданской войны. Ему не хватало высоких устремлений Вергилия и убеждений Горация, одобрявшего мораль эпохи Августа. Блестяще рассказанные Овидием любовные истории (в особенности искусно написанные, в энергичном стиле «Метаморфозы») вдохновили многих писателей и художников эпохи Возрождения на создание своих произведений. До этого, в Средние века, его работы сыграли большую роль в создании идеала Романтичной Любви. Тем не менее сам Овидий был далеко не ро-

мантическим человеком и выступал решительно против несдержанности человеческих чувств, за которую ратовали Катулл и Проперций. Представитель легкомысленного, развращенного столичного общества, Овидий хладнокровно взирал на любовную страсть. В этом состоит его вклад в наше осознание человеческого бытия, самым важным аспектом которого Овидий считал взаимоотношения мужчины и женщины. Правда, Гораций также рассматривал эти взаимоотношения довольно хладнокровно, но Овидий своим инструментом сделал свойственную поэтам Александрии увлеченность психологией, особенно женской психологией. Он был первым поэтом-мужиной, который понимал, и зачастую понимал очень чутко (и почти всегда с уважением) точку зрения женщин. Он — сторонник предоставления женщинам свободы. В «Героидах», собрании «писем», которые, как подразумевалось, в основном были написаны женщинами своим отсутствующим мужьям, чувствуется почти зловещая пронзительность, когда Елена оказывает решительный, а затем не очень решительный отпор Парису, ее назойливому троянскому гостю:

Как смеет чужой человек, строящий столь тщеславные
планы,
Осквернять законы брака и гостеприимства?
Разве для этого судьба нашла для тебя пристанище
От бурлящих морей и коварных ветров?..
Разве так стоит за это благодарить?
Ты пришел сюда как странник или как враг?

Несмотря на надежды нас обоих, ты пришел слишком
поздно;
Теперь другой — хозяин моей судьбы.
Я бы больше хотела быть с тобой,
И все же мою участь можно вытерпеть.
Перестань склонять волю слабой женщины к преступлению,
И убеди себя, что, к сожалению, не ее ты любишь...

Однако моя рука не приучена писать письма мужчинам.
Это — проба моего неумелого пера.
Счастливы те нимфы, на которых так удачно ссылались!

Мне все кажется преступлением, и я дрожу от неизвестности.
 Даже когда я пишу, мои робкие, пронизательные глаза
 Смотрят назад в предчувствии неожиданностей.
 Теперь в народе ходит слух,
 При дворе об этом шепчут, а в городе говорят вслух.
 Что бы ты ни услышал из того, что говорят,
 Не подавай виду, лицемерь,
 Лучше всего было бы перестать любить,
 Но я разрешаю тебе любить, если ты сможешь это скрывать.
 Люби тайно: отсутствие моего повелителя
 Предоставляет свободу, но это не означает, что позволено все.
 Его путь далек, его не будет долго,
 Обстоятельства заставили его покинуть дом.
 Когда он стоял в нерешительности, думая, ехать ему или нет,
 Я попросила его возвращаться как можно скорее.
 Затем, целуя меня, он сказал: «Пусть о тебе заботятся все,
 И в первую очередь — мой троянский друг».
 Я улыбнулась тому, что он имел наивность сказать,
 И ответила лишь: «Будет исполнено».
 Попутные ветра унесли его далеко отсюда,
 Но пусть это не усыпляет твою бдительность.
 Пусть его нет, но все в его власти;
 Пословица гласит: *у царей длинные руки.*

Ты ищешь моего расположения с помощью слов, в то время
 как тебе нужно применить силу.
 Принуждение необходимо для стыдливого удовольствия.
 Если думать о том, какое наказание нас ждет,
 Наши отношения могут пострадать от нашей
 нерешительности.

Что же я говорю! Для нас обоих было бы лучше,
 Если каждый из нас гасил бы пламя возбуждения.
 Обещания, данные странниками, слишком легко нарушаются,
 А их изменчивые страсти блуждают так же, как и они сами.

Но такие страхи не должны тревожить мои мысли;
 Я — обычная жена, как и многие женщины.
 Но время и ты можете возбудить во мне более дерзкие мысли,
 И я, возможно, смогу уступить твоей страсти.
 Последний раз о тайной встрече ты просил,
 По крайней мере, таковы твои слова, но я догадываюсь, что
 ты имел в виду.
 Твои смутные надежды должны увенчаться успехом.
 Доверься мне, и время может стать твоим другом.

Вот и все, что я хотела тебе сказать.
 Перо утомило мою нежную руку.
 Моя женщина знает секрет моего сердца
 И, возможно, в дальнейшем передаст тебе добрые вести.

Мысли и сомнения Елены, сменяющиеся страстными желаниями, показаны нам с мастерством адвоката-профессионала и с использованием всех средств риторики, которую Овидий усвоил в школе и достижения которой искусно применял в поэзии. Сексуальный реализм Овидия переняли у него английские поэты эпохи Реставрации, но при этом отвергли его юмор и осудили его за то, что он не осознавал скверности некоторых поступков, что было, по их мнению, аморально. Любовь с его точки зрения — это откровенное потворство собственным желаниям, неизбежное патологическое явление, которое часто заканчивается несчастливо, и результаты этого явления неизвестны, над этим следует подумать. «Тогда, — пишет историк латинской литературы в 1898 году, — коварные соблазны порока выставлялись напоказ в наиболее ярких цветах при свете дня». Действительно, главная тема стихотворений Овидия — сексуальные утехы с женщинами. Этих утех, как он утверждает, хотят все, и также женщины, которые уверяют всех в обратном. «Искусство любви» Овидия скорее с беспристрастностью и деловитостью, чем со сладострастием, дает советы мужчинам, как подступить к женщинам.

Скорее птицы перестанут петь весной, сверчки
 Умолкнут летом и собаки станут бояться зайцев,
 Чем женщины будут избегать учтивых поклонников.
 Хотя они кажутся неприступными, все-таки они...

Тогда иди, наберись мужества, ты покоришь всех женщин,
 Вряд ли даже одна из десяти тысяч откажет тебе.
 Отказывает она или нет, ты ей нравишься уже за
 предложение...

Овидий дает совет заранее узнавать, когда женщины соберутся на представление.

Как муравьи, снующие по высоким колоннам,
Несущие во рту свою ничтожную пищу,
Как пчелы, летающие над их ароматными лугами,
И скошенные цветы, травы и ароматный тимьян,
Самые хорошенькие женщины собираются на арене,
Их так много, что я не могу сделать выбор.
Это место опасно для благочестивой красавицы.
Сюда женщины приходят посмотреть на других и показать
себя.

В то же время женщинам Овидий советует, как показать себя с лучшей стороны:

Красоту приносит уход за ней, а небрежность убивает ее,
Даже если эта красота может сравниться с красотой самой
Венеры.

Если наши праматери могли пренебрегать своей красотой,
Так это потому, что наши праотцы были неотесанными...
Тогда времена были простые. Сейчас Рим блестит от золота,
Здесь богатые сокровища покоренного мира...

Мужчин пленяет изящество — ваша прическа
Должна быть прекрасной, необходим неустанный уход за
ней.

И существует множество стилей. Посмотришь в зеркало
И выбери тот из них, который лучше всего тебя украшает.
Узкое лицо требует того, чтобы вы разделяли пряди волос...
Круглолицым пойдет клубок волос надо лбом,
Укрепляющий волосы, но оставляющий уши открытыми...

Если вы небольшого роста, садитесь, или это будет заметно,
Когда вы стоите. Чаше ложитесь и вытягивайтесь в полный
рост,

Скрывайте ваш рост, садитесь и откидывайтесь назад,
А на ноги набрасывайте покрывало.
Стройной девушке следует носить одежду из плотной ткани,
Которая должна свободно спадать с шеи, не облегать тело;
Бледная девушка пусть одевается в пурпурные одежды...
Ваш возлюбленный не должен видеть ваш туалетный столик,
Уставленный лосьонами. Художник держит свое искусство в
секрете.

Овидий окончил свою жизнь в продолжавшейся девять лет ссылке в Томии (Константе) на Черном море, куда отправил его Август, как поэт загадочно выразил-

ся, за «стихотворение и ошибку». Свои невзгоды Овидий описывает во многих стихотворениях:

Невзгоды сопутствуют певцу в этом далеком от цивилизации
крае —
Не с кем посоветоваться, никто не понимает.

Стихотворение, которое вызвало такую бурю, возможно, было одним из тех произведений, в которых автор очень цинично афиширует то, что он не может ценить буржуазные нормы морали, царившие при Августе. Стихотворение «Средство от любви» — продолжение и антипод «Искусства любви», в котором поэт рассказывает, как освободиться от тягостной любви, — едва ли было достаточно серьезным основанием для того, чтобы вернуть расположение императора.

Овидий был последним из великих поэтов золотого века римской литературы, которые первыми начали исследовать взаимоотношения между двумя людьми. Овидий очеловечил мифологию и ее любовные истории; кроме того, он низвел широкий спектр человеческих взаимоотношений до уровня сексуального влечения. В рамках античных традиций, уже исчерпывающих свои возможности, вряд ли можно было сказать нечто новое, хотя еще много поэтов пытались это сделать. Но самый блестящий из них, Ювенал, столетием позже преобразовал беспристрастный обзор ситуаций, связанных с отношениями полов, выполненный Овидием, в не менее подробное, но вызывающее еще более негативные чувства исследование. Оно было полно колкого презрения, предвосхитившего аскетическую неприязнь к этой тематике первоотцов христианской церкви.

Годы, когда Ювенал осуществлял свои нападки на римское общество, ознаменовались также расцветом исторической науки в лице Тацита. Благодаря римским историкам мир многое узнал о себе; в частности, их

труды явились откровением для Италии XIV и XV веков. Тогда казалось, что труды эти служат оправданием тем, кто ведет мирскую жизнь, и отстаивают тезис о способности человека (конечно, находящегося под властью Бога) героическим образом воздействовать на свою судьбу. Сам Юлий Цезарь предоставил историкам исходные, «сырые» материалы, хотя его убедительные «Комментарии», замечательно изображавшие деловитость и дисциплину римлян, являются чем угодно, только не «сырыми» материалами. Их простота и четкость являются результатом прекрасного образования, а также ораторского искусства Цезаря, которое уступало лишь ораторскому таланту Цицерона. В первые годы после смерти Цезаря его сторонник Саллюстий создал «Истории» (к настоящему времени почти полностью утерянные) — блистательные, нарочито бессистемные монографии о Югуртинской войне и о Катиллине. Тем самым он впервые одарил латинскую литературу историческими произведениями, написанными безупречным стилем, который необходим для этой отрасли гуманитарной науки. Действительно, истории, как отрасли науки, хороший слог нужен не меньше, чем абсолютная достоверность. В своей великолепной романтической работе, прославляющей историю Рима (которая походила на эпическую поэму Вергилия, но была написана в прозе), историк Ливий, живший во время правления Августа, добился даже большей достоверности, чем Саллюстий. Его превосходная латынь отличалась ласкающей слух притягательностью. Основным вкладом Ливия в осознание человечеством своих потенциальных возможностей состоит в том, что он проявлял огромный интерес к великим людям. Эти люди и их поступки, совершенные в ходе великих исторических событий, служили примерами добродетели, которая была идеалом педагогов эпохи Возрождения. Этот идеал был унаследован впоследствии многими школами и высшими учебными заведениями.

Но историческая наука Рима достигла наиболее существенных успехов, когда плавный, гладкий стиль

времени правления Августа вышел из моды и когда даже отличавшаяся своей точностью «серебряная» латынь Сенеки исчерпала себя. Стиль изложения Тацита является поразительно неровным и сложным для восприятия. Его индивидуальные черты впервые проявились в его монографиях «Агрикола» (о Британии) и «Германия», затем, в еще большей степени, — в «Истории» (сохранилась лишь часть произведения, охватывающая период 68—70 годов н. э.) и более всего в «Анналах» — произведении о первых императорах. Творчество его непосредственных предшественников не дошло до нас — возможно, поэтому нам не известен никто, кто был бы близок Тациту по манере изложения исторического материала. Примеры его уникальных язвительных комментариев в отношении императорского режима уже приводились нами на предыдущих страницах. «Анналы» представляют собой самый древний и самый достоверный источник, написанный на латыни, рассказывающий о переломном периоде истории западного мира. Так или иначе, Тацит не придерживается возвышенной, хвалебной исторической концепции; он не заглядывает глубоко внутрь характеров описываемых им людей. Автор с предубеждением относится к бесподобно описанному им Тиберию. Последний представляется нам предвестником тирании Домициана, которую историк познал по собственному опыту, о чем он постоянно с горечью говорит. Увлекательное, полное сарказма сочинение Тацита, склонного к оценке всего с точки зрения этики, повествует не о конструктивных аспектах самодержавной власти императора, а о сопутствующей ей тирании. Автор исследует то зло, которое несет в себе власть одного человека (и это имеет огромное значение для потомков), даже если его помыслы поначалу чисты. Однако Тацит утверждает, что все обстояло гораздо лучше при Траяне. Даже когда автор пишет о более ранних, мрачных событиях, он твердо убежден, что человеческая природа, хоть она и склонна к деградации, тем не менее способна на великую добро-

детель, упорство и героизм. Позже, когда, начиная с XV века, известность Тацита стала достигать поразительных масштабов, его вера в эти потенциальные возможности человеческой души перед лицом превратностей судьбы внесла свой вклад в развитие гуманизма.

Значительная часть римской истории, как и любой другой истории, представляет собой тенденциозно интерпретированную смесь исторических фактов и вымысла. Жанр биографии, ведущими латинским и греческим представителями которого были младшие современники Тацита, Светоний и Плутарх, в начале своего развития был тесно связан с вымыслом, беллетристикой. Но беллетристика также, в свою очередь, получила самостоятельное развитие у греческих и римских писателей, и развивалась она по-разному. Первый роман на латинском языке, дошедший до нас в первоизданном виде, был написан человеком, который родился либо за несколько лет до или несколькими годами позже смерти Тацита, — уроженцем Северной Африки Апулеем. До нас дошли также большие куски еще одного романа, который относится к более раннему периоду, очевидно ко времени правления Нерона. Это роман Петрония «Сатирикон». В некоторых его диалогах впервые со времен Плавта используется латынь, на которой говорили необразованные люди. Роман реалистично описывает праздные скитания бедных, раскованных молодых людей в Южной Италии. Но роман Апулея совсем другой. Он называется «Метаморфозы» (или «Золотой осел»). В романе рассказывается фантастическая история о некоем Луции, который превратился в осла и пережил сказочные приключения. Апулей был детищем эпохи «софистов» — разносторонних, пользовавшихся популярностью и имевших хороший доход философов и лекторов. К ним относились и такие близкие Апулею по духу греческие писатели, как Элий Аристид, Антоний Полемон, а также состоятельный Герод Аттик. Но Апулей пишет на латыни, в ярком, вычурном стиле, который, как иногда кажется, является промежуточным звеном между латынью Цицерона и современными европейскими языками, основанными на

латинском языке. Точно так же как роман Петрония легче всего узнается по «вкладке» «Пир Трималхиона», Апулей наиболее известен введенной в роман сказкой «Купидон и Психея», которая благодаря поэтическому настрою, разлитому в ней чувству красоты стала обширной темой творчества Рафаэля, а также оказала влияние на расцвет английского искусства во времена Елизаветы и Якова. Однако характерной чертой творчества Апулея и его времени была фанатичная вера в египетскую богиню Исиду. О своей встрече с ней он рассказывает в одном из самых ярких отрывков романа, который воссоздает настроения II века н. э. Не стоит обвинять Апулея в чрезмерной вычурности с точки зрения ортодоксального классицизма, потому что этот период был уже в прошлом. Творчество Апулея — это вовсе не неудачная версия прошедшей эпохи; это — новая эпоха.

Время Цицерона и Августа не зря называют золотым веком латинской литературы. Писатели этого периода внесли огромный вклад в развитие эстетики и заслужили благодарность человечества. II век н. э., когда самых крупных успехов достигла архитектура, был также временем нового расцвета латинской литературы — благодаря сначала Тациту и Ювеналу, а затем, по мере того как мир быстро изменялся, и Апулею. В будущем великие достижения латинского языка вновь будут происходить из Северной Африки, которая с этого времени давала больше оригинальных писателей, чем любой другой центр римской литературы. Выдающимися писателями на латинском языке — выходцами из Северной Африки — были преисполненные энтузиазма и таланта, обратившиеся в христианство Тертуллиан (ок. 160—225 гг. н. э.) и Августин (354—430 гг. н. э.). Среди остальных великих христианских писателей того времени были Пруденций, выходец из Испании, а также Авзоний, Амвросий и Павлин, уроженцы Галлии, которая, в свою очередь, стала мировым центром латинской культуры и литературы. Св. Джером, однако, был из провинций, лежащих к востоку от Адриатического моря. Отсюда же проис-

ходили императоры, которые за столетие до рождения св. Джерома отсрочили крах, который, как тогда казалось, грозил империи и всему ее культурному наследию.

Глава 9

СКУЛЬПТУРА И ЖИВОПИСЬ

В Египте и шумерских городах-государствах, находившихся в районе Персидского залива, уже в 3-м тысячелетии до н. э. получила развитие искусная техника скульптурного портрета. В течение веков, непосредственно предшествовавших началу новой эры, несколько факторов слились воедино и вызвали возрождение и развитие этого вида искусства в греко-римском мире. Грекам в годы правления Александра и его преемников нравились документы, касавшиеся человека, биографического или автобиографического характера. Формирование этой моды на жизнеописания поощрялось развитием философской мысли и психологии самоанализа, ростом популярности культа героев. Это было время повышенного интереса к отдельному индивидууму. Если греческие скульпторы классического периода стремились представить человека в обобщенном виде, в виде гармоничного созвучия души и тела, то в центре внимания их преемников в эпоху эллинизма были уникальные характерные черты отдельного человека, которого они изображали. Как и их современники-биографы, они четко выделяли контрастирующие элементы в человеке, его неоднозначность, сосуществование в нем явно противоречивых качеств. Гуманистический интерес к неповторимой человеческой индивидуальности усиливался еще и за счет того, что все шире распространялось убеждение в существовании жизни человека после смерти. Эти убеждения подчеркивали значение души человека, которая либо заслуживала, либо не заслуживала счастливой жизни в потустороннем мире, а лицо считалось «зеркалом души», и это было еще одним фактором, объяснявшим, почему

художник основное внимание уделял характерным чертам личности и выражению лица того человека, которого он изображал.

Еще в большей степени концентрироваться на этом побуждало воздействие псевдонауки, пользовавшейся признанием в эллинистическую эпоху, — физиогномики. Зародившись как отрасль греческой медицины (предполагается, что родоначальником ее был Гиппократ), эта наука обрела известность уже в IV веке до н. э. Одним из ее разделов была зоофизиогномика, основанная на сходстве животных и людей, а другим — расовая физиогномика, пытавшаяся выделить характерные особенности людей, принадлежащих к отдельным народам, путем изучения физического строения их тел. Приверженцы этого учения также отмечали связь выражения лица с характером человека. Критики этой теории утверждали, что, если применить их методы к Сократу, он предстал бы нам в виде тупого развратника. Наиболее известным экспертом в области физиогномики был влиятельный философ-софист Антоний Полемон из фригийской Лаодикеи (ок. 88—144 гг. н. э.), трактаты которого в дальнейшем оказали влияние на мусульманских писателей.

Все эти факторы — а кроме того, и некоторые сохранившиеся египетские портреты — оказали воздействие на то, что скульптурный портрет в поздней Греции обрел свежесть и выразительность. По сравнению с огромным количеством сохранившихся бюстов и статуй более поздних эпох до нас дошло относительно немного таких, которые были созданы в века, предвещающие наступление новой эры. Но творчество некоторых художников этого времени, например автора портрета греко-индийского князя, военачальника Эвтидема, или создателя сохранившегося изображения пожилого, доведенного до ужасного состояния рыбака (фото 7в), или изготовителя клише для монет соперника Рима, царя Понта Митридата VI (этому художнику был присущ идеализм — фото 5а), было настолько совершенно, что их преемникам было сложно изобрести нечто новое и превзойти их.

Однако в I веке до н. э. аристократические и родовые традиции Рима испытали на себе запоздалое влияние искусства Греции, и это влияние вызвало значительные изменения в технике скульптурного портрета. Эти изменения произошли, поскольку влиятельные римляне серьезно поощряли развитие искусства; они были одними из самых значительных покровителей искусства в мире. Дошедшие до нас произведения латинской литературы часто приводят описания того, как римляне украшали свои дворцы и виллы греческими рельефами, расписными урнами, саркофагами, статуями и портретными бюстами, а также показывают, какой существовал спрос на греческие геммы, использовавшиеся в качестве печатей. Состоятельные римляне заказывали для себя копии греческих произведений искусства всех эпох — от VI до II века до н. э., — сохранив таким образом для потомков в более или менее первоизданном виде облик многих шедевров. Но они покупали также и оригиналы. Действительно, их не очень интересовали методы художников или затрагиваемые ими проблемы. Дошедшая до нас критика искусства также не отличается глубокими мыслями. Возможно, лучшим критиком искусства, несмотря на многие пробелы в знаниях и недостаточно развитый вкус, был Плиний Старший. По его мнению, величайшим из всех скульпторов-виртуозов был Лисипп, создавший яркий, живой портрет Александра Великого. Самым замечательным скульптурным произведением всех времен он считал скульптурную группу «Лаокоон», отличавшуюся своей неукротимостью. Это был один из последних подлинных шедевров эпохи эллинизма, выполненный родосскими скульпторами во II или в I веке до н. э.

Большинство римских покровителей знали об искусстве гораздо меньше, чем Плиний, однако они знали, «что им нравится», и ставили перед скульпторами, начиная с I века до н. э., большие задачи, тем самым вдохновляя их. Прежде всего, им нужны были портреты. Неотъемлемой чертой менталитета высокопоставленных римлян было врожденное чувство исто-

рии и пиетет перед историческими фактами. Их очень привлекали портреты, которые увековечили и проанализировали бы характер и внешность человека на фоне исторических условий, в которых он жил, и в естественном для него социальном окружении, не упуская из виду его физических изъянов. Этим римским покровителям искусства нужна была (даже в большей степени, чем их греческим предшественникам) «скульптурная биография», которая отметила бы и обобщила характерное в человеке, его достижения и жизненный опыт. Они не только дали стимул искусству и обеспечили его дотациями, но также привнесли в него присущие римлянам точность, целенаправленность и величественность. Кроме того, высокопоставленные римляне предоставили в распоряжение художников множество пробуждающих вдохновение объектов изображения — а именно свои решительные, суровые, широкие лица, в которых отчетливо проступала смесь присущей жителям севера выносливости и южного изобилия (фото 1—4; 10а).

Интерес римлян к портретным изображениям объясняется особыми социальными факторами. С самых древних времен патрициям было предоставлено эксклюзивное право хранить в своих домах и демонстрировать на похоронах членов семьи посмертные маски своих предков. Полибий и Плиний Старший приводят описания того, как на похоронах показывали эти маски. Полибий утверждает, что эти маски, которые изначально, без сомнения, носили обобщенный, лишенный индивидуальности характер, к тому времени стали реалистичными портретами. Скульптурные портреты из терракоты, камня и мрамора, создававшиеся в течение следующих нескольких поколений, изображают лица, строение которых подсказывает нам, что они являются копиями посмертных масок или создавались на их основе (фото 7), — в последнем случае в них подчеркиваются выступающие кости и хрящи, а не поверхностные неровности лица, которые после смерти выравниваются. При этом та частота, с которой нам

встречаются изображения пожилых мужчин и женщин, объясняется не только необходимостью подвести итоги их жизненного пути, но и наличием посмертных масок. Живописные портреты умерших появляются на погребальных урнах этрусков в III или II веке до н. э. Шедевром «посмертной портретистики» является изображение супружеской пары на погребальной урне из Волатерре (Волатерры), относящейся, возможно, к I веку до н. э. (фото 7а). Но страной, где портреты, созданные на основе посмертных масок, получили самое широкое распространение, был Египет — хотя средством их выражения была не скульптура, а живопись. В Риме же увеличивался спрос на реалистические портретные изображения как живых людей, так и мертвых. Итальянская портретная живопись практически не сохранилась (за исключением нескольких фресок из Помпей), но нам известно, что в последнее столетие существования республики греческая традиция возведения статуй для того, чтобы почтить известных людей, распространилась и на Рим, где высшие чиновники получили право устанавливать свои скульптурные изображения в общественных местах. Этот обычай вкупе с погребальными традициями аристократов создал особый спрос, который удовлетворяли скульпторы-портретисты I века до н. э., стремившиеся выразить индивидуальные характеры в яркой художественной форме.

Скульпторы — создатели римской портретной галереи, начало которой тогда было положено и которая стала одним из главных предметов гордости римской цивилизации, лишь в редких случаях были римлянами или итальянцами. Почти все они были греками или людьми восточными, приобщенными к греческой культуре и обучавшимися у греков. Рим предоставлял рынок сбыта, средства и лица для портретирования, а художники, как и раньше, приезжали из приморских территорий Восточного Средиземноморья и с Эгейского моря. Эти скульпторы, даже самые выдающиеся из них, не обретали высокого социального статуса или постов. Как и другие художники в странах-монархи-

ях, пришедших на смену империи Александра, они обретали уважение. Тогда скульптор получал столько славы, сколько он был способен взять. Однако они оставались внизу социальной лестницы, по своему положению приближаясь скорее к торговцам, чем к сенаторам или высокопоставленным государственным служащим. Другими словами, это занятие не привлекало образованных римлян. В этом искусстве, «самом римском» из всех достижений римлян, экспертами были люди неримской национальности, говорившие на греческом языке. В частности, работа с мрамором, который применяли в скульптуре и настенных украшениях в домах римлян начиная с I века до н. э., требовала технологии, с которой были знакомы лишь те скульпторы, которые следовали ближневосточным традициям.

Многие из них нашли работу в Риме, и все лучшее в их стиле, казалось, не было подвержено заметным изменениям в зависимости от того, откуда родом были скульпторы. Стиль стал поистине интернациональным. Действительно, на границах империи, например, в Египте или в Пальмире, находившейся в Сирийской пустыне, где соприкасались греческая и месопотамская традиции (фото 8а), появились отличные от других направлений скульптуры, которые обрели легко распознаваемые элементы местной традиции. Но продукция сколько-нибудь примечательных школ скульптурного ваяния, существовавших в пределах Греции и Рима, например, на острове Парос, где находились месторождения мрамора, или в Эфесе, Милете, в Афродизии (в Малой Азии), только степенью профессионализма исполнения отличается от произведений мировой и имперской скульптуры того времени, являясь вместе с тем неотъемлемой их частью. Тем не менее то, чего недостает присущей исключительно той или иной местности манере исполнения, восполняется большим разнообразием этих манер, часто сосуществующих, или радикальной сменой стилей, происшедшей за самый короткий промежуток времени. Дей-

ствительно, все школы скульптуры во всей Римской империи, казалось, по первому требованию были способны изменить свое направление и перейти от архаического стиля к классическому, от избыточной чувствами манеры к изящному рококо или низкому реализму. Из-за влияния римских реалий на эллинистическую манеру исполнения (когда эта манера переносится на римскую почву. — *Пер.*) на портрет накладывался особый отпечаток индивидуальности художника.

В стиле, наиболее характерном для римской скульптуры I века до н. э., проявилось свойство, которое называли веризмом, что означало нечто вроде «беспристрастного реализма»: человек изображался таким, каким он был на самом деле; его физические особенности не идеализировались, он обладал выражением лица отнюдь не философа, поэта или пророка, но делового человека. Поздние греки были родоначальниками энергичного, напряженного, реалистического стиля, который являлся предвестником раннего веризма. Кроме того, под воздействием этрусской традиции литья бронзы (характерной чертой которой были яркие отблески света на бронзе) и, возможно, даже под влиянием Египта те возможности, которые существовали в Риме, позволили этому направлению скульптуры достичь здесь полного развития. На протяжении столетий после правления Александра Македонского в Греции формировались также другие стили портретного изображения, в частности, стиль, придающий значение патетическим чувствам, а также стиль, для которого характерна идеализация природы. Но, хотя признаки этих стилей иногда и всплывали в республиканском Риме, они обрели меньшую популярность. Веризм в большей степени, чем пафос или идеализация, пользовался спросом высокопоставленных римлян в эту жестокую эпоху индивидуализма и насилия. Скульпторы — уроженцы Греции и Азии — удовлетворяя этот спрос, одновременно способствовали воспитанию у римлян «свободного» вкуса.

Первые признаки описанных выше тенденций проявляются в чеканке монет. Примечательный персональный портрет римского «освободителя» Греции Фламинина воссоздан на греческой юбилейной монете в 190-х годах до н. э. (фото 5а). Затем, примерно полтора столетия спустя, уже на собственно римских монетах стали появляться изображения головы Суллы и других знатных лиц (на основе посмертных масок) и в конечном итоге прижизненные портреты Цезаря и его убийцы Брута. Портрет последнего из упомянутых, а также по меньшей мере еще один бюст, возможно, вдохновили Микеланджело на создание бюста Брута, изображенного сильным и решительным убийцей тирана, в отличие от образа Брута — закоренелого преступника, созданного Данте. Портреты знаменитых лиц помещались также на геммах. Римляне нанимали тогда лучших скульпторов, чтобы создавать геммы (до нас дошло имя некоего Диоскурида), в том числе инталии (когда изображение было углубленным, «врезанным» в камень) и камеи (с рельефным, выпуклым изображением) для печатей и колец с печаткой. Мы также находим портретные бюсты исключительного качества, относящиеся к середине I века до н. э., например пожилых мужчины и женщины. Бюсты стоиков Посидония (фото 10б) и Катона являются оригиналами (или же изготовлены с оригиналов), которые относятся к последним годам их жизни. Лучшие сохранившиеся портреты Цицерона (фото 10а), возможно, являются копиями периода раннего принципата. Эти портреты были выполнены с изображений его головы, созданных при его жизни. По крайней мере одно знаменитое портретное скульптурное изображение Юлия Цезаря (фото 1а), отражающее исполинскую волю и силу (и, возможно, за спокойствием таится сдержанная ирония), вполне могут относиться ко времени его пребывания на посту диктатора.

Это изображение головы Цезаря знаменует начало нового, имперского стиля. Портреты этого направления как бы возносят свой объект, что особенно заметно в срав-

нении с «пожилыми рыбаками» и им подобными, изображенными всего лишь с фотографической точностью. Появление могущественных императоров предоставило возможность внедрить в скульптуру элемент идеализации и величия, который легко заметить в скульптуре эпохи эллинизма, но которому до сих пор не представлялось случая прижиться на почве Рима. В целях саморекламы римские императоры действительно серьезно относились к изготовлению своих изображений и их распространению. Ни один из современных диктаторов не распространяет собственные фотографии так старательно, как это делали правители Римской империи. Их портреты доходили до миллионов людей (которые не могли видеть своего императора нигде, кроме как на монетах), и к ним относились с уважением и благоговением, которое, возможно, можно сравнить с почитанием портретов правителей в Японии.

Итак, император был уверен, что в каждом городе и селе империи должны быть скульптурные изображения его силуэта и головы в больших количествах. Изготовление статуй местными властями не поощрялось; огромное количество сохранившихся бюстов являются слепками со столичных стандартных образцов, которых было относительно немного. Греческим и восточным скульпторам, которых нанимали для изготовления этих статуй, разрешалось по-разному изображать их повелителя. Иногда они изображали его совершенно реалистично, без доли абсурда, в стиле республиканского Рима. В других случаях они прибегали к импровизациям, создавая величественные и идеализированные портреты в традициях эллинистических государств. Но чаще всего использовали сочетание этих двух направлений. История скульптурного портрета эпохи империи — это история взаимодействия разных манер и форм, к чему прибегали самые талантливые скульпторы того времени, от результатов деятельности которых, как считалось, во многом зависел имидж императора.

В годы правления Августа, который ценил классицизм и стремился «окультурить» Рим, приобщая его к лучшим

классическим традициям, стремились идеализировать его образ. Но этого достигали совершенно разными путями, с разной степенью реализма. Его изображали в виде римского жреца, демократичного государственного деятеля, греческого мыслителя, бога-героя или человека, покрывшего мир. Бюсты римского типа делались главным образом для Запада, а греческого — для Востока. Для восточных провинций предназначался также бронзовый бюст, найденный в Мероу в Судане, изображавший Августа как сурового, со свирепым взглядом, греко-восточного тирана (фото 16).

Пришедшие на смену Августу преемники также изображались в таких же, хотя и немного менее амбициозных тонах до тех пор, пока не был изобретен новый, выразительный стиль для изображения крупного, гротескного, но привлекательного лица Нерона. Его портрет поместили на монете (это был мудрый ход), которая по художественному мастерству превосходила монеты его предшественников (фото 5б). Впечатляющее изображение императора, императрицы и их семьи было неотъемлемым элементом пропаганды, в целях которой широко использовались монеты. Утверждалось, что монета пользуется покровительством богов, а позже было заявлено даже, что она «священна», поэтому портретные изображения на этих монетах получали долю того почтения, которое оказывалось статуям императора. Хотя ранее уже существовали превосходные портреты греческих монархов и их жен, серии портретов на римских монетах являются исключительными. В течение всей эпохи принципата скульптурные изображения каждого императора сопровождались рядом многочисленных портретов на монетах, которые создавались в той или иной степени на основе подлинных черт лица императора, а также его характера, с учетом вкусов и даже общего направления его политики. Это утверждение иллюстрируется портретами императоров, пришедших на смену Нерону. Например, его непосредственный преемник, Гальба, был решительным, бережливым, пожилым солдатом, который сознательно открещивался от сумасбродств Нерона, что и отражено

в великолепных портретах Гальбы на монетах. На одном из них он представлен в виде продолжателя старой традиции аскетизма (фото ба), бытовавшей в эпоху республики. Возможно, тогда показалось, что это его изображение с суровым лицом немного старит его, поэтому еще один художник попытался создать более царственный, величественный портрет (фото ба), где император выглядит намного моложе; однако оба эти варианта портрета, в духе веризма и идеализированный, являются прижизненными, поскольку его правление продолжалось всего несколько месяцев. Портретные изображения на монетах этого периода (к которым во II веке н. э. добавился ряд памятных медальонов) оказали огромное влияние на деятелей медальерного искусства эпохи Ренессанса. А в 1390 году портреты на монетах самым непосредственным образом повлияли на появление медальона Франческо II Каррарского, правителя Падуи, где ценились античные традиции. Этот медальон был самым ранним из известных нам отступлений от традиции фронтального портрета того времени.

Портретные бюсты, как и монеты (так же как и монеты Гальбы), являли свету неоднозначную, двойственную характеристику внешности Веспасиана. Один такой бюст является выдающимся достижением стиля «беспристрастного реализма» (фото 1г), решительно не допускавшего приукрашивания образа императора. Такая беспощадная, «республиканская» манера изображения до сих пор не использовалась для создания портретов императоров. В таком стиле изображались другие персонажи, но не императоры. Широкое развитие этой манеры изображения при Веспасиане легко объясняется тем, что предметом шуток Веспасиана часто были человеческие слабости, не исключая его собственных. Каждый император, как и любой другой человек, хотел быть легко узнаваемым и единственным в своем роде, и скульпторы хотели передать уникальность его личности. Для этого они использовали методы и традиции веризма. Но еще одним способом подчеркнуть неповторимость императора было использование более возвышенного, величественного

стиля, который также применялся для создания портретов Веспасиана (фото 1в). Создание подобных шедевров стало возможным благодаря новшествам и импровизациям, применявшимся в технике скульптурного изображения, и в особенности благодаря новой, гладкой, создающей соответствующее настроение текстуре, которую в духе иллюзионизма оживляла красочная игра яркого света и теней. Портретная скульптура взяла на вооружение некоторые элементы комедии нравов, представителем которой был известный писатель Петроний. Персонаж был представлен в социальном контексте; подчеркивались непривычные, странные жесты и забавные детали или, в том случае, если предметом изображения были императрицы, стили прически, мода на которые часто менялась.

Во II веке н. э., который породил выдающиеся шедевры архитектуры, достижения предшествующего периода в области портретного искусства не подверглись столь же существенному усовершенствованию. Тем не менее были введены достойные упоминания инновации, произошло изменение акцентов. Особо следует отметить национальные египетские, или греко-египетские, традиции портретной живописи. Это направление живописи на панелях крышек саркофагов, где содержались мумии, постепенно развивалось в течение последнего столетия и позже, а в рассматриваемый период достигло наивысшего своего развития в чарующих, полных сочувствия изображениях мужчин и в особенности женщин, пластично выполненных с использованием световых эффектов (фото 8б, 9а, в). Существуют также несколько ярких иератических египетских скульптурных изображений. Но главным направлением скульптуры, которое носило ярко выраженный местный характер, является школа скульптуры Пальмиры (в Сирийской пустыне), художники которой работали в своеобразном стиле, являвшемся смесью традиций скульптуры греко-римского мира и Парфии. Этот стиль предвещал византийскую эпоху (фото 8а).

Эти восточные направления скульптуры были провинциальными. Столичная школа скульптуры (а также те школы, которые стилистически не отличались от столич-

ной) по-прежнему работала над портретными изображениями частных лиц. Но лучшие усилия скульпторы приложили к созданию портретов императоров и их родственников. В скульптурных портретах, изображавших величественное выражение лицо Траяна, подчеркиваются достоинство императора, мужество, героизм и добродетель (как и в эпоху Августа, но с использованием недавно усовершенствованной техники), а не его индивидуальные черты. Тем не менее создается впечатление, что бронзовый бюст Траяна, недавно обнаруженный в Анкаре, представляет его скорее в виде задумчивого, измученного заботами мудреца, который из чувства долга несет на себе бремя своего поста, чем в виде Александра Македонского (фото 2б). Бронзовым бюстам такого рода уже давно придавали дополнительную живость лица за счет того, что просверливали им глаза или (иногда) вставляли в них отдельные цветные глазные яблоки (фото 1б). Уже среди мраморных статуй из Афродизии, относящихся ко времени правления Тиберия, попадаются статуи с просверленными глазами, а во II веке н. э. этот прием все шире применялся для изготовления портретных статуй императоров. Такой портрет был среди тех немногих работ, которым удалось передать энергичность и нервность Адриана (фото 2с).

Ко времени правления этого императора относятся статуи его любимца, юного Антиноя (фото 3а), чья драматичная смерть вызвала волну религиозных чувств среди жителей Востока и его обожествление. Чтобы создать образ нового бога, еще раз были мобилизованы все возможности классической эллинистической традиции, приверженцем которой был Адриан. Появилось изображение нового идеала, которому придали чувственности, наделили низкими, неинтеллектуальными бровями, полными губами и мечтательным взглядом Антиноя. Это был образ не пресыщенного, испорченного юнца, а вечного сожаления о молодости, которая проходит, о красоте, которая увядает, о совершенстве, которое исчезает. Этот идеал, показанный с использованием всех элементов романтической

чувственности, изображенный на многих амулетах и даже на монетах, которые чеканил наместник египетских и азиатских городов, сыграл большую роль в том, что художники эпохи Возрождения вновь открыли для себя обнаженное тело и сделали его главным объектом своей деятельности. Например, статуя Антиноя играла видную роль среди всего того, что оказало избирательное влияние на работу Донателло «Давид».

Как ни странно, совершенно другим (по стилю исполнения и чертам характера персонажа) был портрет еще одного юноши, жившего во II веке н. э., — Марка Аврелия в возрасте пятнадцати лет. Этот шедевр психологического портрета показывает такие качества Аврелия, как задумчивость, отрешенность, меланхолия, а также характерные черты того времени, когда было принято создавать людей, несколько «углубленных в себя», «отчужденных», хотя и заключающих в себе многозначительные, скрытые чувства. Знаменитое изображение Аврелия в зрелом возрасте — его бронзовая конная статуя на Капитолийском холме (фото 3б) — представляет его в виде не философа, а императора и завоевателя; под поднятой передней ногой коня когда-то лежал варвар со связанными за спиной руками. Это — самая древняя из дошедших до нас в полном виде конная статуя императора, явившаяся предвестником средневековых достижений в этом жанре, таких, как королевский всадник XIII века в Бамбергском кафедральном соборе, символизирующий рыцарский дух Гогенштауфенов. Спустя более чем два столетия эта статуя Марка Аврелия послужила образцом для статуи Эразмо де Нарни (Гаттамелаты) в Падуе (фото 3б), первого образца величественной конной статуи эпохи Ренессанса, и для памятника Бартоломео Коллеони работы Верроккьо и Леонардо в Венеции.

В эпоху Антонинов мраморные поверхности становились все в большей степени полированными, или же их преднамеренно оставляли шероховатыми, чтобы сохранить бросающиеся в глаза эффекты света и теней. Сверло уже не просто средство для облегчения работы и свер-

ления отверстий, оно стало использоваться для создания самостоятельного эффекта — достижения декоративных контрастов. Человеческое тело стали изображать с помощью блестящей, похожей на фарфор поверхности, и ее гладкость, особенно на лице, контрастировала с кудрявыми, замысловато подстриженными волосами и бородой. Эти инновации, которые уже замечались в Малой Азии столетием ранее, достигают своего расцвета в искусстве империи в годы правления сына Аврелия Коммода (фото 4а). Коммод разительным образом отличался от Аврелия — своей склонностью к роскоши, жестокости и тем формам религии, которые взывали к чувствам, а не к разуму. О его самоуверенности в вопросах религии можно догадаться из того, что на этом портрете он недвусмысленно отождествляется с Геркулесом, — он имеет при себе львиную шкуру и дубину Геркулеса. Но его привлекательная внешность несет в себе скрытые признаки того, что атмосфера изменилась. Выражение лица императора все еще задумчивое, суровое и сдержанное. Тем не менее присущий скульптуре эпохи Антонинов скрытый, внутренний диалог человека и его души о бремени мира меняется на более пристальный взгляд глубоко посаженных глаз с тяжелыми веками; видно, что бровь чуть приподнята, губы изогнуты в презрительной улыбке, а голова наклонена с легким оттенком недовольства. Положение массивного полубюста на непрочном, замысловатом основании критиковали, однако портрет следует оценивать с точки зрения эталонов не классицизма, а барокко. Торс покоится на щите, похожем на щит амазонок, который вызывал ассоциации с именем императора (Commodus — «Amazonius»). По бокам щита располагались два рога изобилия на сфере с рельефом, изображавшим три знака зодиака. К этим знакам зодиака были приурочены три самых важных события низменной жизни Коммода. Столь же глубокий интерес к астрологии также заметен в бронзовом, посеребренном бюсте, который находится в Музее Виктории и Альберта в Лондоне. Бюст изображает Коммода в «космическом» шлеме, усеянном звездами.

Этот шлем и сфера на мраморном бюсте символизируют власть над миром. Это, а также откровенное обоже- ствление императора свидетельствуют о том, что време- на, когда император представлялся в образе человека, пусть и необычного, прошли. Эти представления начали уступать место более величественному образу. Тем не менее прежние тенденции все еще ощущались, и не- которые из наиболее ярких портретов эпохи Древнего Рима создавались и позже. Во время правления Каракал- лы (211—217 гг. н. э.) от прежних традиций скульптур- ного творчества полностью отошли. Хотя скульптор и от- мечает хвастливое сходство его персонажа с Александром Великим (поза головы Александра Македонского ско- пирована в этом портрете), скульптор, творивший в духе Микеланджело, и не пытается скрыть неистовый, нервный нрав императора (фото 9). Портрет Каракаллы, считав- шего себя солдатом, знаменует отход от преобладавшего в предыдущее правление стиля в скульптуре, основанно- го на чередовании света и теней, — волосы Каракаллы на этом портрете короче, чем у его предшественников. Около 220 года н. э. стиль вновь радикально меняется. Волосы человека на скульптурных изображениях стали напоминать шапку; суровость и безудержный нрав пер- сонажей все более подчеркивается, а выражение лиц ста- новится подозрительным, изможденным, мрачным и из- мученным. Таким представляется нам лицо преследова- теля христианства Деция (фото 4в).

Затем стала преобладать византийская статичность; ощущение напряжения человека уступает место некоему экстазу, а внутреннее «я», которое чувствовалось на пор- третах III века н. э. и оказывало воздействие на зрителя, становится одухотворенным за счет огромных глаз, смотре- щих из огромных впадин и выражающих бессилие и ничтожность человеческих возможностей.

Скульптурные рельефы, украшавшие памятники, со- зданные руками римлян, а также греческих и восточных художников империи, были действительно своеобразны.

Но замысел этих рельефов не был чем-то новым. Многофигурные рельефы за много веков до описываемого периода были неотъемлемой чертой ассирийского, вавилонского и египетского искусства, а в V и IV веках до н. э. греки вышли за рамки техники, образцом которой являлся фриз Парфенона Фидия, экспериментируя с фигурами, помещенными на разных уровнях в батальных сценах и других сложных барельефных композициях, вызывающих ассоциации с произведениями живописи. Позже, во времена наследников Александра Македонского, в официальной скульптуре все больше внимания уделялось освещению событий государственного значения прошлого и настоящего. Поначалу подход к текущим событиям был несколько завуалированным. Например, когда царь Пергама Аттал I захотел увековечить свои победы над галлами (ок. 200 г. до н. э.) в рельефах на стене афинского Акрополя, он изобразил триумф греков над персами, относящийся к глубокой древности, мифические победы греков над амазонками и богов — над гигантами. Но позже, в 168 году до н. э., еще один греческий художник украсил памятник в Дельфах отчасти документальным рельефом, отражающим событие того времени — победу римлян над македонским царем Персеем при Пидне. Эта тематика была уже известна римлянам из произведений живописи, которые они заказывали художникам, чтобы увековечить свои триумфальные шествия. Полдюжины таких картин III и начала II века до н. э., выполненных греческими эмигрантами (или в некоторых случаях, вероятно, их итальянскими учениками), упоминаются в литературных произведениях, которые (впервые) были посвящены победам 1-й Пунической войны (264 г. до н. э.). О таких произведениях живописи думал Вергилий, когда рассказывал о картинах, изображавших эпизоды Троянской войны, которые Эней видит во дворце Дидоны.

...сыновья Атрея

Были там, а также их враги — Приам и Ахиллес.

Эней стоял и плакал —

О Ахат, осталось ли на земле место,
 Где бы нас не тревожили наши печали?
 Смотри — Приам! Здесь же мы видим добродетель, хоть как-то
 Вознагражденную, слезы в природе вещей, сердца,
 затронутые
 Сознанием быстротечности человеческой жизни.

Многие эти традиции, заимствованные из скульптурного рельефа прошлого, по-новому использовали скульпторы-греки, украшавшие алтарь Мира (Ara Pacis), построенный Августом в Риме, где сегодня можно увидеть реконструкцию этого алтаря (фото 18а). Освященный в 13 году до н. э. в честь возвращения императора из Галлии и Испании целым и невредимым, алтарь был закончен и открыт для посещения четырьмя годами позже. Сам алтарь, украшенный рельефами, которые воспроизводят сцены жертвоприношений, находится в центре обнесенной стеной территории (площадь ее — тридцать восемь на тридцать пять футов, высота стены — двенадцать футов шесть дюймов). На стене выбиты скульптурные рельефы в два яруса. Общий замысел рельефа, возможно, был заимствован у алтаря Скорби, возведенного на афинском рынке во время Пелопоннесской войны (420—410 гг. до н. э.). Помимо изысканных, вычурных цветочных узоров, рельефы, выбитые на алтаре Августа, содержат серию легендарных, патриотических сцен, а также изображение Матери-Земли Италии. Основные же рельефы показывают процессию, которая проходила во время освящения алтаря. Мы видим изображение императора, который не слишком выделяется среди остальных людей. Он участвует в церемонии, облаченный в скромное одеяние. Это соответствовало гуманному, недеспотичному характеру правления во времена принципата, который он старался насадить, прежде всего в Италии. Однако рельеф несет в себе скрытое значение — серьезные намеки на существование династии. Сопровождение императора состоит не только из жрецов, весталок-девственниц и высших государственных чиновников. Многих людей из сопровождения импера-

тора, хотя никакой династии официально и не существовало, считали членами императорской семьи. Та часть фриза, иллюстрация которой приводится здесь, изображает двух племянниц Августа, обе по имени Антония, с их мужьями и детьми, девочкой и двумя мальчиками поменьше — Германиком и Гнеем Домицием Агенобарбом, отцом Нерона, который был немного моложе Германика.

Линейная перспектива не получила дальнейшего развития в греческом искусстве рельефа, и стиль алтаря Мира сдержанный, спокойный и неподвижный. Эта сдержанность вызывает ассоциации со старыми республиканскими традициями, которые Август стремился унаследовать. Целью использования этого стиля в скульптуре было подражание классицизму Парфенона, поскольку греческая культура, столь поощряемая императором, являлась скорее классической, чем эллинистической (поэты времени правления Августа утверждали, что их эталонами являются скорее греческие поэты, чем поэты эпохи эллинизма). Сцена была религиозной, и ее следовало исполнить скорее в классическом стиле, без заимствований из энергичных батальных сцен эпохи эллинизма. На этих рельефах царит присущее классицизму спокойствие, которое не допускает экспрессивного изображения людей. Головы взрослых людей идеализируются, в них не больше индивидуальности, чем в головах людей, изображенных Фидием, или же императоров, на знаменитых геммах раннего принципата, гемме Августа (в Вене) и парижской камее. Исключением являются изображения детей на рельефе, украшавшем Ага Рацис, — они отличаются более индивидуализированными характеристиками. Они выглядят реальными, в отличие от полноватых детей-купионов, свойственных искусству эпохи эллинизма, или детей, которых ранние греки изображали в виде мужчин и женщин, только миниатюрных размеров. Создается впечатление, что старший из двух мальчиков (если можно составить о нем какое-то суждение, при том что рельефное изображение его голо-

вы относится к более позднему времени) испытывает страх перед большим скоплением народа на этом официальном шествии, так как он вцепился в мантию своего дяди Друза Старшего, а его сестра смотрит на него ободряюще. Еще одна любопытная нотка задушевности — явно укоризненный взгляд пожилой дамы, возможно сестры Августа Октавии, брошенный на младшую Антонию и ее мужа, которые разговаривают во время такой серьезной церемонии. Эти немногочисленные оттенки сентиментальности и обыденности воссоздают сцену присутствия живых людей и напоминают о том, что там собрались люди, и о том, что римляне были жизнерадостным народом. Это особенно подчеркивается элементами непринужденности, которые любопытным образом смешиваются с общей атмосферой невозмутимого, а то и скромного величия.

Алтарь Мира вобрал в себя многие традиции скульптурного рельефа и на итальянской почве преобразовал их в нечто новое. Все рельефы алтаря Мира можно связать с каким-то единичным, определенным событием. Здесь мы видим конкретный момент недавнего прошлого, а не произвольно отобранные мифы, изображенные на более ранних художественных памятниках. Поклонники алтаря считают его не только образцовым памятником, но и образцом самостоятельной, заслуживающей отдельного исследования классики времен Августа, скульптурной «Энеидой». Тем не менее алтарь Мира имел иное историческое значение, нежели «Энеида». Дело в том, что не удалось создать ничего такого, что по своим достоинствам приближалось бы к «Энеиде», в то время как скульптурный рельеф быстро вышел за рамки тех достижений, которые можно увидеть в алтаре. Например, технологию совершенно иного рода использует скульптор, создавший (триумфальную) арку Тита. Это однопролетное сооружение-памятник было построено на Священной дороге, возле входа на римский Форум, в честь взятия Титом Иерусалима в 70 году н. э. С одной стороны глубоко вырезанного, с кессонами, арочного проема

замысловатые украшения включают в себя рельефное резное изображение наследника престола в его триумфальной колеснице, а с другой стороны — шествие солдат, несущих трофеи, взятые в Иерусалимском храме (фото 18г). Среди этих трофеев имеется стол для Хлебов Предложения, подсвечник с подставками для семи свечей, а также трубы, возвещавшие об исходе иудеев. Тит привез эти предметы в Рим, и они оставались здесь до того времени, пока их не забрали вандалы в 455 году н. э. Позже их перевезли частично в Константинополь, частично в Иерусалим. И из Константинополя, и из Иерусалима эти предметы исчезли. Скульптор арки искал вдохновения в произведениях живописи, изображавших сходные сцены триумфа. В XV веке в Падуе вновь объявился художник, «гениальный археолог» Андреа Мантенья, который, используя образцы античности более непосредственным образом, чем другие художники эпохи Возрождения, обращался к этой сцене в процессе создания фресок, изображавших триумф Цезаря (сейчас фрески находятся в Хэмптон-Корт — фото 18в).

Как арка Тита, так и алтарь Мира изображают сцены шествий, но различие между ними очень велико. Скульптор, украшавший арку, подобно скульпторам-портретистам, его современникам, использует глубокие тени и оживленную игру света и теней — хотя солдаты «утоплены» так глубоко в плоскость фона, что сами их фигуры не отбрасывают теней. Эффект, которого таким образом добиваются, так же, как и на некоторых фресках, — это полная иллюзия: иллюзия шествия, на которое смотрят через открытое окно; позади изображения нет стены — есть только воздух. Все составляющие рельеф силуэты вырисовываются на фоне неба. Хотя третье измерение и было отчасти знакомо этрускам, его нечего было и пытаться освоить, пока скульпторы не приобрели сноровки в технологии обработки этих негибких материалов. В рассматриваемый период они обладали такой сноровкой. В ходе этого смелого эксперимента, проводившегося в течение столетия, была сде-

лана рациональная попытка решить проблему перспективы. Так или иначе, проблема эта решена не была. Это предстояло сделать Гиберти и другим флорентийским мастерам рельефа XV века. Предварительно они изучили труды своих римских предшественников, чтобы до конца осознать, как можно отобразить в скульптуре пространственную глубину. Но скульптор арки Тита сыграл в этом всем существенную роль.

Вскоре скульпторы, работавшие с рельефами, начали осуществлять более амбициозные планы. Одним из самых изумительных памятников рельефа является колонна Траяна (114 г. н. э.), которая находится на форуме Траяна и примыкает к базилике его имени. Возможно, колонна, как и форум, и базилика, были спроектированы и даже частично построены великим Аполлодором из Дамаска. В основании колонны, украшенной лепным орнаментом в виде воинских доспехов — трофеем (излюбленный, но неприглядный узор в искусстве Римской империи), находится вход в усыпальницу Траяна и его жены Плотины. Стержень дорической колонны (двенадцать футов два дюйма в диаметре) покрыт спиралеобразной лентой, ширина которой равняется трем футам шести дюймам, а длина — более восьмисот футов. Лента делает двадцать четыре оборота вокруг колонны, и на нее нанесен рельеф, изображающий войны Траяна с даками (фото 19а-б). Эта спираль — обвивающая сменяющие друг друга горизонтальные цилиндрические секции колонны, как на колонне Нерона в Могунтиаке (Майнце) (фото 18б) — была новшеством. Вершина, по направлению к которой, как на пергаментном свитке, узор «разматывается», представляет собой полусферический цоколь, который ранее служил опорой статуе Траяна (теперь ее заменили статуей св. Петра).

Скульптуры обвивают колонну и устремляются ввысь
И ведут героя вверх через многие тяготы войны, по
неровностям и ухабам
На небеса.

«Развертывающиеся» сцены содержат не менее чем 2500 человеческих фигур. Большой части трудов, положенных на создание этих узоров с множеством изображенных на них людей, скорее всего, суждено было пропасть зря, поскольку рельефы невозможно достаточно хорошо разглядеть и оценить. Но изначально колонна стояла в центре открытой для доступа территории с колоннадами. Возле колонны на разных уровнях находились галереи, с которых разглядеть рельефы было, по крайней мере, не так сложно, как сегодня. Более того, сцены рельефа (которых насчитывалось 188, а по другим источникам — 155) не выглядели монотонными и переполненными персонажами, какими они кажутся в настоящее время, потому что на небольшом расстоянии они сливаются в неразборчивую арабеску. Как и большая часть древних скульптурных изображений, эти рельефы изначально были отделаны позолотой, живописью и металлом, следы которых в большом количестве сохранились, или же об этом было написано. Какими бы ни были недостатки их формы и композиции с эстетической точки зрения, скульпторы умело приложили свой талант к созданию этого произведения. Прекратив попытки создать эффект иллюзии (это направление достигло своего апогея в изображениях на арке Тита), они оставили без внимания эксперименты в области перспективы и произвольно видоизменили размер фигур и зданий в соответствии с «картографической технологией», которая напоминала поверхностное, неглубокое видение — «взгляд с высоты птичьего полета», — характерное для афинских ваз доклассической и раннеклассической эпохи. Эту технологию, предвосхитившую раннехристианское и византийское искусство, использовали с определенной целью: требуя от художников комбинировать большие блоки с изображением человеческих фигур, этот стиль предполагает создание искусной композиции, образно отражающей присущее римлянам чувство истории: прошлое рассматривается как основа настоящего и будущего, а также как наставление.

Стремление изобразить продолжительные события знаменовало собой начало новой эры в развитии предметно-изобразительного рельефа. Прежде всего, скульпторы обратили серьезное внимание на драматическое содержание своего произведения, которое выразилось, даже несмотря на величественную плавность изображения в целом, в резком противопоставлении высокой и низкой эмоциональной напряженности и чередовании их. Тематика римских «триумфальных» произведений живописи и греческих рельефов навеяна масштабными батальными сценами (фото 19а), которые предоставляют особые возможности для искусного расположения фигур на рельефе, на чем основаны симметрия, контрасты и гармония произведения. Тем не менее лишь относительно небольшая часть общего пространства рельефа (меньше чем одна четверть) изображает собственно сражение. Предметом внимания скульптора являются также предыстория и последствия каждой битвы. Поэтому для отображения на рельефе выбирают много разных происшествий: выступления императора, жертвоприношения, фортификационные работы, марши и переходы, посольства и пленные. В этой богатой деталями и искусно сведенной воедино эпопее человек — все еще мера всех вещей, и главное место в произведении занимают его действия и эмоции. Мы неоднократно становимся свидетелями подвигов римлян, заботливости и милосердия императора, лишений войск, которые несут тяжкое бремя империи. Один из рельефов (фото 19б) изображает Траяна и его свиту в гражданском платье, стоящих перед укрепленным городом с амфитеатром и принимающих делегацию, состоящую по меньшей мере из девяти групп вражеских военачальников разных национальностей, живущих вне пределов империи. Во время этого «триумфа психологического чутья», как называет это Михаил Ростовцев (русский), встречаются два мира — исполненный гордости мир римлян и... мир варваров, которые уже готовы воспринять наследие Римской империи и начать новую жизнь на руинах древних городов. Они пришли

поприветствовать римлян не как рабы или подданные, но как равные, не менее гордые и самоуверенные люди, чем сам император. Поединок между двумя мирами начался, и огромное значение этого осознал гениальный художник, воссоздавший эту сцену.

Другая колонна, также со «спиральными» рельефами, была сооружена Марком Аврелием (174 г. н. э.) в честь своих побед на Дунае (фото 206). Колонна до сих пор стоит в Пьяцца Колонна в Риме. Она немного шире (тринадцать метров два дюйма в диаметре), чем колонна Траяна, но не такая высокая (девятью семью футов три дюйма), с большими по размеру подземной частью, основанием и капителью. На вершину ее, на которой когда-то находилась статуя Аврелия, а теперь стоит статуя св. Павла, можно подняться по лестнице, насчитывающей 197 ступенек. Расположенный на двадцати ярусах рельеф проще, убедительнее, на нем изображено меньше людей, чем на рельефе колонны Траяна. Здесь меньше переходов от одной сцены к другой и меньше перемен, поэтому сцены изображены очень отчетливо, они более пластичны, здесь больше тени, поэтому на расстоянии их лучше видно. Окончание эпохи Антонинов предвещала угроза, исходящая от грозных варварских племен; тревожные и опасные черты того времени, которые вскоре выразятся в портретных бюстах, здесь находят свое глубокое отражение в том, что волосы и одежда людей беспорядочны, они развеваются на ветру, их тела напряжены, а лица встревоженные и трагические (фото 20а).

Тройная арка Септимия Севера на форуме (204 г. н. э.), к сожалению, дошла до нас в очень плохом состоянии. Посвященная императору и его двум сыновьям Каракалле и Гете, построенная в честь их побед в Парфии, она имеет сходство с колоннами, так как содержит несколько наложенных друг на друга фрагментов рельефа с изображением событий, при этом в эпоху разражающегося кризиса, централизации и деспотии человек отходит на

второй план. Действительно, на колонне Аврелия солдаты, слушающие обращение к ним императора, делают это сообща, но психологически художник видит в них разных, отдельных людей. На арке же Севера в целом реакция людей, слушающих речь императора, коллективная и безличная. Люди эти — собранная воедино волнующаяся масса, изображенная на ограниченном пространстве слоя рельефа, находящегося между передним планом и нейтральным задним планом; при этом человека не выделяют среди остальных. Эта тенденция находит дальнейшее развитие на рельефах четырехсторонней арки Севера в Лепкис-Магна в Триполитании, установленной на том месте, где он родился. Здесь снова виден целый ряд многолюдных сцен — битвы, кавалерийские соединения, жертвоприношения, воззвания к солдатам, а также триумфальное шествие (фото 20в). Но сам характер скульптуры изменился. Это уже не сюжетно-тематическая, «повествовательная», а предметно изобразительная скульптура, являвшаяся предвестником позднеклассических рельефов на арке Константина. Человеческие фигуры на арке в Лепкис намеренно переносятся из плоскости действия на передний план. Рельеф создан по «картографической технологии» в высшем ее проявлении. Она используется, чтобы зритель увидел максимально возможно более широкую панораму сцены. Замысел этого произведения приписывают афродизийской школе (Малая Азия), но особенные, характерные черты рельефа, скорее всего, были заимствованы в Парфии, находящейся за восточными границами империи. Непосредственным же образчиком послужили панорамные произведения живописи, созданные по случаю триумфа. Возможно, именно такого типа были картины, посвященные подвигам императора Максимиана, фракийца по национальности, установленные им перед зданием сената. На арке Севера в Лепкис император сильно отличается от «гражданина номер один», Августа, изображенного на алтаре Мира. Север стоит на возвышении перед окружающими его людьми, похожими на марионеток, в ореоле неоспоримой, божественной славы. Когда над золотым

веком Антонинов нависла угроза, в скульптуре нашла свое отражение неприкрытая деспотия.

Рельефы на описанных арках Севера являются последними известными нам сюжетно-тематическими, «повествовательными» скульптурными произведениями. Но теперь появились предпосылки для развития рельефов другого типа. Когда, в числе прочего, рост интереса к загробной жизни проявился в том, что на смену кремации пришло погребение, многие художники, и хорошие, и менее одаренные, стали посвящать свой талант украшению саркофагов состоятельных людей. Поначалу украшения эти были религиозного характера (фото 16а). Тем не менее уже до начала III века н. э. военный стиль скульптурного рельефа вновь утвердился благодаря распространявшейся традиции (в то время, когда стили быстро изменялись) украшения саркофагов сложными сценами битв. В этих, как и в более ранних, религиозного характера рельефах сохраняются пережитки традиций искусства Малой Азии, а также стран, находившихся еще восточнее, откуда вели свое происхождение большинство скульпторов. Среди предшественников этих скульпторов — художники, работавшие над украшением саркофагов V века до н. э., которые находят в финикийском Сидоне. Теперь же, более чем шесть столетий спустя, центром особой, «архитектурной» традиции украшения саркофагов рельефами на религиозную тематику стала Сидамара в Малой Азии. Бернард Беренсон видит в греко-римских саркофагах лишь «некоторое унылое, тусклое очарование»; однако в некоторых рельефах проявилось настоящее мастерство, с каким сгруппированы человеческие силуэты, а также искусная игра света и теней. С XIII века рельефы на саркофагах оказывали значительное влияние на итальянских художников, которые использовали и адаптировали их, чтобы либо составить свои, оригинальные рельефные композиции, такие, как «День Страшного Суда» Пизано или «Кантория» Донателло, либо (иногда) создать довольно точные копии (фото 15в).

Ни одно из произведений настенной живописи с изображением сцены триумфа, на основе которых создавались скульптурные рельефы, не сохранилось. Портретная живопись дошла до нас в основном в виде заупокойных портретов египетской школы (фото 8б, 9а, в). Большая часть других произведений греко-римской живописи осталась на стенах тех домов в Помпеях, Геркулануме, Стабиях и Оплонтии, которые частично сохранились благодаря тому, что были засыпаны лавой во время правления Тита. Их обнаружение в XVIII веке стимулировало развитие настенной и потолочной росписи в творчестве архитекторов и художников братьев Адам, оказало влияние на становление профессии декоратора, развитию которой ранее в том же столетии способствовал (или даже изобрел ее) Вильям Кент. Эта профессия благодаря обнаружению вышеуказанных произведений искусства развивалась в направлении богатого *chic* (шика. — *Пер.*), который стал ее идеалом. В распоряжении декораторов этого направления были мебель и картины, развешиваемые на стенах. Однако мебель жителей Помпей и Рима была простой и легкой, и им казалось, что не стоит портить органичную структуру и декор их домов развешанными на стене картинами. Вместо этого они нанимали людей, которые составляли на полу яркие мозаики (это искусство имело большое значение; оно послужило образцом для средневековой церковной мозаики) и рисовали на стенах легкие, изящные фрески. Поскольку живописцы, которых они нанимали (так же как художники и архитекторы), были в большинстве своем греками или выходцами с Востока, они писали фрески, придерживаясь стилей, известных в Греции (внося небольшие изменения в соответствии с типом дома и вкусами его владельца). Они также вставляли в свои фрески более или менее точные репродукции древних картин, время создания которых охватывало период от доклассических до позднеэллинистических времен.

Некоторые из наиболее ярких их работ были обнаружены на вилле Итем недалеко от Помпей (фото 14а-б).

Здесь целый ряд фресок изображают религиозные сцены, связанные с культом Диониса. Хотя картин на подобную тематику обнаружено не много, возможно, они являлись традиционными; однако художник, который умело избегает излишеств, по-своему интерпретировал некоторые сцены. Такие фрески занимают стены целиком, другие составляют настенные панно (обрамленная часть стены, потолка, заполняемая изображением или орнаментом. — *Пер.*). К I веку до н. э. такие панно часто выполнялись внутри пространства, ограниченно-го разукрашенной архитектурной рамкой, — нововведение, которого можно было ожидать. Оно свидетельствует о том, что главная функция этой настенной росписи скорее архитектурная и декоративная, чем художественная. Размеры изображения зависели от того, сколько на стене было свободного пространства. Фрески из Боскореале (возле Помпей) содержат не только копии более ранних произведений живописи, но также изысканные архитектурные украшения, помогающие избежать монотонности благодаря использованию комплексных видов и множества деталей; изображение перспективы внутри перспективы создает ощущение безграничности пространства и таинственной дали (фото 21а). За счет этих разукрашенных архитектурных рамок панно гармонировали с размерами комнаты. Из-за ощущения того, что поле зрения расширяется и выходит за рамки стены, комната казалась просторнее, что было вполне уместно для городов, где высокая стоимость земли приводила к тому, что размер комнат был ограничен. Поэтому существовал спрос на декоративные произведения, которые создавали бы иллюзию пространства.

Для украшения этих слабо освещенных стен использовались в основном яркие краски и «быстрая» техника, поскольку процесс нанесения фресок на влажную известковую штукатурку не позволял вносить улучшения. Поэтому, хотя силуэты людей и изображены в перспективе, с перспективой особенно не экспериментируют. Имена почти всех художников утеряны. Действительно,

Плиний Старший упоминает художника времени правления Августа, но текст искажен, и непонятно, звали ли его Лудий или Студий, или, может быть, его имя Спурий Тадий. Помимо того что этот художник писал портреты и картины на историческую тематику, он использовал «очень приятный стиль», отражая в своих картинах «виллы, портики, живописные сады, священные рощи, леса, холмы, пруды, полные рыбы, заливы, реки и морское побережье». Тадия (или Студия) называют родоначальником пейзажной живописи, но возможно, он работал с греческими образцами, которые к настоящему моменту утеряны, и переделывал их, включая туда виды современных ему итальянских вилл и моря. Сохранившиеся произведения живописи, хотя у нас и нет причин приписывать авторство любого из них этому человеку или другому художнику, чье имя нам известно, отображают приятные городские пейзажи (фото 23а). Например, в доме Фаренсины, расположенном недалеко от Рима, были обнаружены девять комнат, где произведения живописи сохранились очень хорошо; возможно, это были взаимосвязанные религиозные сюжеты, которые по технике пейзажа почти предвосхищают датскую школу. Такой же особняк был украшен очень изящными барельефами на белой известняковой штукатурке (фото 17в), известной со времен микенской цивилизации, которую художники этого и следующего столетий очень успешно использовали в декоративных целях. Дом на холме Эсквилин был украшен картинами, возможно времени правления Августа, рассказывающими историю об Одиссее. Это — наиболее примечательные сохранившиеся образцы древней сюжетно-пейзажной живописи, отличающиеся искусным применением эффекта точного воспроизведения (фото 22а). Их автор, сочетая натурализм, мифологию, жанровую живопись и натюрморт, мастерски работает с красками и применяет резкие контрасты света и тени.

В этот же период отмечается стремление к точному воспроизведению цветов и фруктов.

Так, в доме на Палатинском холме, известном как дом Ливии, жены Августа, который, возможно, изна-

чально принадлежал Гортензию, судебному оппоненту Цицерона, находятся картины с прекрасно выполненными цветочными узорами. Эти цветы напоминают узоры, украшающие алтарь, построенный в Пергаме в начале II века до н. э. Живопись, украшающая Прима Порта, расположенную на окраине столицы (эта вилла, возможно, отошла Ливии по наследству), является примером натуралистического стиля в период его высшего расцвета, в духе которого создан шедевр иллюзионизма — изображение сада, нарисованное на стенах виллы (фото 216). Художник изображает великолепную, полную птиц аллею, с плодовыми деревьями и цветущими растениями, отгороженную от цветников балюстрадой; низкая шпалера нарисована так, чтобы подчеркнуть границу между изображением и самой комнатой.

Евгений Стронг утверждал, что покорение «пространства за пределами картины» на таких изображениях — это свершившийся факт. «Ощущение того, что пространство картины ограничено стеной, исчезает, как будто дверь, за которой на некоторых помпейских картинах видны качающиеся деревья и порхающие птицы, внезапно бы распахнулась». Представители знати, жившие при Августе (например, Мecenат), пристрастились к декоративному садоводству. Вергилий посвятил итальянскому саду, принадлежащему отошедшему от дел пирату из Корики (на юго-востоке Малой Азии) один из самых известных отрывков своей поэмы «Георгики»:

Действительно, если бы мои деяния были завершены
И я закончил бы плавание и с удовольствием завел бы
корабль в бухту,
Быть может, я воспел бы прекрасные сады, их устройство и
возделывание,
Клумбы роз из Пестума, цветущих дважды в год...
Я бы не забыл
Поздно зацветающих нарциссов или смолистые кудрявые
ветви арабских растений,
Изгородь из плюща и мирту, любящую морские берега.

Даже в городских условиях, в каких жил, к примеру, Вергилий, римляне сохраняли страстную любовь к сельской жизни. Благодаря домоседству зажиточных итальянцев этого времени греческие и восточные художники получили возможность удовлетворить эти запросы и сделать так, чтобы дома их богатых заказчиков казались просторными. За счет этого мнимого простора иногда передавалось распространенное в то время ощущение того, что человек ничтожен в сравнении с миром природы.

Итак, в эпоху Августа развивалось множество разных стилей живописи. В этот же период модные архитектурные украшения иногда преобразовывались в более витиеватую и нереалистичную систему узоров. При этом архитектурные перегородки продолжали служить обрамлением для панно, но утратили свое функциональное значение (фото 226). Об этой «тренировке воображения» в приложении ее к отделке штукатурки неодобрительно отзывался консервативный римский архитектор и военный инженер Витрувий:

«Украшения с изображением реально существующих предметов презираются современным извращенным вкусом. На штукатурке — не конкретное отображение конкретных вещей, а монстры. Вместо колонн возводятся какие-то тонкие стержни; вместо фронтонов — в полоску, с вьющимися листьями и завитками панели. На изображение канделябров нагромождаются нарисованные храмы, а над крышами их из основания поднимаются пучки тонких вьющихся стебельков и беспорядочно расположенные маленькие фигуры сидящих людей. И вновь изображения тонких стебельков и голов людей и животных, которые прикрепляются к половине туловища. Все-го этого нет, не было и не может быть. Таким образом новая мода заставляет плохих ценителей порицать мастерскую работу за примитивность».

Во время правления Нерона и Флавиев, или даже раньше, цвета стали по-новому яркими и насыщенными. Новых достижений добились при изображении че-

ловеческих силуэтов; частично вновь обратились к изначальному «архитектурному» стилю. Другими словами, рамки, обрамлявшие настенные панно, по крайней мере, вновь обретают вид своих ортодоксальных предшественников; вновь появляется ощущение их функциональной важности. Но теперь широкое распространение получает новый, вычурный стиль, жанровый иллюзионизм, которому были характерны эксперименты с эффектами «углубленного» пространства, необходимые для жанровых картин (фото 236). Эти фантастические произведения, во многом предвосхищавшие творчество Пиранези, сочетают «архитектурный» стиль предыдущего периода с эмоциональностью и импульсивностью художественных пристрастий, характерных для времени Нерона. Линии гнутся, все, что нарисовано, кажется, вот-вот начнет стремительно, нервозно двигаться, в атмосфере чувствуется грозная буря. Огромный Золотой дом Нерона в Риме был украшен невиданно замысловатыми узорами и арабесками. После того как там была обнаружена изысканная потолочная живопись, она стала привлекать к себе самое пристальное внимание художников Ренессанса, например, Рафаэля, который, поскольку Помпеи и Геркуланум еще не были открыты, знал очень немного других древних произведений живописи. Складывается впечатление, что придворный живописец Нерона Фамул (его национальность неизвестна) вознамерился «романизировать» свое искусство, поскольку даже во время работы он не снимал тогу.

Хотя во II веке н. э. крупных изменений не произошло, разнообразные стили и направления греко-римской живописи позволили создать новые великолепные, сложные по технике исполнения произведения. Поскольку Помпеи и Геркуланум погибли уже до начала рассматриваемого периода, мы не располагаем сколь-нибудь значимыми примерами живописи II века н. э., которые проиллюстрировали бы появившиеся нововведения. Тем не менее наиболее вероятным представляется то, что наибольшие успехи были достигнуты в стиле,

который был распространен уже в период поздней республики и правления Августа. Особенно это касается произведений живописи, в которых сельские пейзажи сочетались с небольшими храмами, гробницами и другими священными сооружениями. На вилле Квинтилиев (вилла Албани на Аппиевой дороге, пять миль от Рима — фото 23в), относящейся ко времени правления Адриана, сохранился прекрасный образец этого «священно-идиллического» направления, которое отвечало запросам древнеримской знати II века н. э. В этот же период были достигнуты новые успехи в области декоративной отделки штукатурки (фото 17г). Вскоре после этого живописцы, украшавшие катакомбы, стали использовать и совершенствовать уже известные стили; началась многовековая история христианской фрески.

Глава 10

АРХИТЕКТУРА

Произведения живописи, о которых только что шла речь, создавались для украшения домов состоятельных людей. Извержение Везувия в 79 году н. э., в результате которого были погребены под пеплом (и из-за этого частично сохранились) торговый город Помпеи, город резиденций Геркуланум и дома сельского типа в Стабиях, предоставило нам не только большую часть произведений живописи, но и возможность реконструировать основные черты домов, которые они украшали (рис. 8, 9).

Дома римлян, возможно, не отличались от домов состоятельных греков, живших в предшествующие эпохи. Но они обладали одной характерной чертой явно негреческого происхождения — наличием длинного с высокими потолками атриума (главное помещение. — *Пер.*). Эту комнату, окна которой выходили как во двор, так и на главный фасад дома и где находился семейный алтарь и статуи предков, а также частично другие комнаты, можно было увидеть сразу, как только

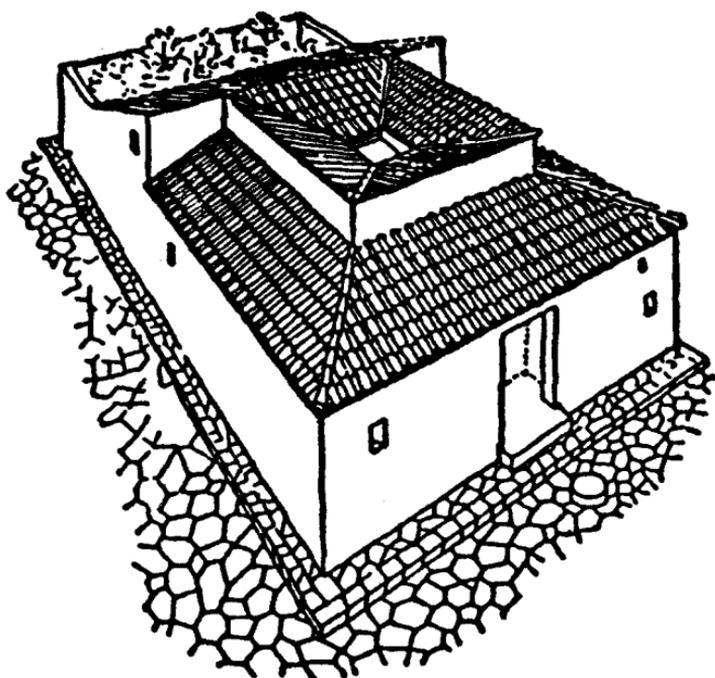

Рис. 8. Реконструкция дома в Помпеях (вид снаружи)

кто-то входил в парадную дверь. С другой стороны атриума находился перистиль, являвшийся центром части дома, закрытой для посторонних. Он был окружен спальнями, гостиными, кухнями и столовыми, а также комнатами, окна которых выходили на разные стороны света (ими пользовались в зависимости от времени года), как правило, приспособленными для проживания девяти человек. Иногда в перистиле находился миниатюрный сад, но в домах большего размера сад располагался вне пределов дома.

У этих жилищ в Помпеях и Геркулануме незамысловатые фасады выходили на улицу, и, когда эти города стали утрачивать свое былое значение (а возможно, еще раньше), передние фасады были превращены в магазины. Отсутствие окон со стороны улицы (как в арабских домах старого Каира), возможно, объясняется

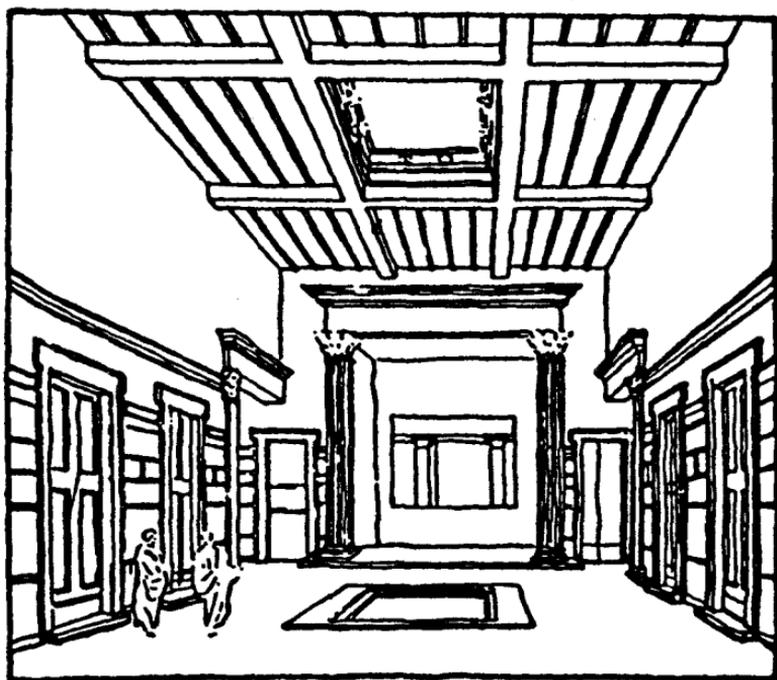

Рис. 9. Реконструкция еще одного дома в Помпеях (вид изнутри)

стремлением охранить от вмешательства посторонних частную жизнь; застекленные окна, хотя и были известны, использовались редко. Свет проникал в комнаты через просветы в стене дома, выходящей во двор, но эти отверстия в стене перистиля были небольшими, потому что солнце зачастую палило слишком сильно. Когда было холодно, дома отапливались жаровнями. У некоторых домов в Помпеях и в большей степени — в Геркулануме, скорее всего, были верхние этажи. Домашняя система водоснабжения (там, где она существовала) подавала на эти этажи воду по свинцовым трубам. Верхние этажи были деревянными. Из дерева, которое красили и покрывали позолотой, были сделаны также потолки.

Таковыми были резиденции состоятельных людей, которые находились на расстоянии друг от друга, в от-

дельно взятый (довольно короткий) период времени. В самых же крупных римских городах условия были совсем другими. Помимо великолепных домов и памятников, было много нищеты и запустения. Дома были ветхими, улицы — узкими, шумными, грязными и зловонными, а ночи — бессонными. Сенека, сам владевший огромными дворцами, которые от внешнего мира были изолированы большими земельными владениями, пишет о том, каково жить по соседству с баней:

«Хоть убей меня, я не могу понять, почему абсолютная тишина столь необходима для занятого наукой отшельника, как это кажется. Вот я посреди шума и гама. Снятые мною комнаты — прямо над баней. Теперь представьте все эти бьющие по ушам вопли. Когда атлетически сложенные купальщики упражняются с гирями, до меня доносится крикание, когда они напрягаются или делают вид, что напрягаются, а также шипение и хриплое, затрудненное дыхание, когда они выдыхают после того, как задержали дыхание. Когда я встречаю какого-то сидящего на одном месте человека, умиротворенного дешевым массажем, я слышу шлепки рук по его плечу, причем звук раздается разный, в зависимости от того, ровное плечо или нет. Но если приходит профессионал игры в мяч и начинает отсчитывать удары, это конец. Сюда добавьте еще и задиристых скандалистов и вора, которого застали на месте преступления, а также человека, которому нравится, как звучит в бане его голос, а затем тех, кто прыгает в глубокую ванну со смачным всплеском. Помимо людей с воистину громоподобным голосом (и это еще мягко сказано), вам нужно представить себе парикмахера, который время от времени издает крики тонким фальцетом, чтобы возвестить всех о своем присутствии. Он не умолкает никогда, за исключением того времени, когда он стрижет кому-то волосы и заставляет кого-нибудь еще вопить и рекламировать его услуги. Затем приходит торговец напитками, в распоряжении которого целая гамма воплей, а также продавец сосисок, торговец булочками из слоеного теста

и все эти лоточники из харчевни, громко рекламирующие свои товары, причем у каждого имеется своя, отличная от других «мелодия».

Нерон воспользовался возможностью, предоставленной Великим пожаром 64 года н. э. (во время которого десять из четырнадцати округов города были уничтожены), не только для того, чтобы построить себе потрясающий дворец — Золотой дом, но также реализовать в столице некоторые идеи упорядоченного городского планирования, которые римляне, скорее всего, заимствовали у этрусских городов на другой стороне Тибра и уже применяли их в своих колониях.

В тех частях Рима, которые не были заняты дворцом Нерона, застройка проводилась не без плана и регламентации (в отличие от того, как это делалось после сожжения Рима галлами (ок. 390 г. н. э.). Выходящие на улицу фасады домов были определенных размеров и располагались в одну линию, улицы были широкими, а дома — просторными. Их высота была ограничена, а их фронтоны были защищены колоннадами. Нерон взял на себя расходы по их постройке, а также по очищению участков, отведенных под строительство, от развалин, прежде чем передать их владельцам. Он назначил награду (в зависимости от служебного положения и доходов) тем, кто завершит строительство частного или многоквартирного дома до назначенного срока. Мусор надлежало выбрасывать в Остианские болота, доставляя его вниз по Тибру на кораблях, предназначенных для перевозки зерна. Определенная часть каждого строения должна была быть из сплошного, незакрепленного камня из Габии или Альбы (этот камень был огнестойким). Кроме того, стража должна была обеспечить обильное и повсеместное общественное водоснабжение, которое до этого сократило негосударственное, частное предприятие. Домовладельцы должны были хранить противопожарный инвентарь в доступном месте. Были «прикреплен-

ные» друг к другу дома, имевшие общие стены. У каждого дома должны были быть свои стены. Эти меры приветствовались, так как принесли практическую пользу и сделали новый город красивым. Тем не менее некоторые считали, что конфигурация старого города была безопаснее с точки зрения здоровья людей, так как узкие улицы и высокие дома защищали от палящего солнца. Теперь же на открытом пространстве, где нет тени, царила страшная жара.

Так или иначе, если можно доверять Ювеналу (произведения которого переводил Сэмьюэл Джонсон, чтобы написать о Лондоне), Рим видоизменился не сразу.

Очень больные люди умирают здесь от бессонницы
(конечно,
Их болезнь начинается с пищевого отравления, сковывающего
Горящий желудок), потому что в арендованной комнате
Отдохнуть невозможно. Переночевать в Риме стоит денег.
Здесь кроются причины болезни. Движение тяжелых повозок
По узким улицам, ругательства погонщиков скота
Нарушат сон глухого человека или ленивого моржа.
По утрам раздаются крики, и толпа расступается, уступая
дорогу
Миллионеру, которого несут над их головами в паланкине.
По пути он читает, пишет или спит, потому что его не
видно,
Ибо на человека находит сонливость, когда ему удобно и
закрыты окна.
Однако он закончит свой путь раньше, чем мы. Нам
приходится с боем прокладывать себе дорогу
Сквозь скопление людей впереди нас. А сзади на нас давит
огромная толпа,
Пихающая нас в бока. Локти бьют нас в одно место, а посох —
в другое.
А сейчас нас ударили какой-то перекладной, а теперь
стукнули бочкой.
Наши ноги жирные от грязи, на наши ступни давят большие
башмаки,
Которые у всех одинаковы; солдатский подбитый гвоздями
сапог
Поставлен мне на ногу...
Недавно зашитые брюки рвутся вновь. Ель

Трясется на проезжающей телеге. Проходящая повозка
Везет большую сосну. Деревья трясутся, и люди напуганы.
Представьте, что сломается ось, та самая ось, везущая
Лигурийский камень, и каменная глыба упадет на людей —
Что останется от их тел? Руки и ноги, кости —
Где все это? Незамысловатое тело обычного человека
Исчезает, как и его душа.

Основным типом здания в этом громадном, шумном городе-гиганте был многоквартирный дом, уже давно известный в Риме и, по всей видимости, являющийся местным, итальянским изобретением. Благодаря тому что магазины, мастерские и квартиры объединялись в нем в единое целое, торговля и производство были распространены в любой части города. Этим Рим отличался от ближневосточных городов, в которых кварталы, где располагались резиденции и базары, были «закрыты». В Риме эпохи республики неоднократно пытались надстраивать второй этаж из бруса, глиняных кирпичей, прутьев и (позже) из более прочных материалов. Трактат «Об архитектуре» Витрувия, хотя и был обращен в прошлое, содержал информацию о строительных материалах, методах и пропорциях. Этот трактат оказал большое влияние, когда в конце XV века он стал известен. Трактат свидетельствует о том, что уже во времена Августа современники Витрувия возводили впечатляющие многоквартирные дома из нескольких этажей. Август ограничил их высоту до шестидесяти футов, но Витрувий считал, что они будут безопасны для жилья на протяжении не более чем восьмидесяти лет. Дома, возведенные в ходе работ по восстановлению Рима, предпринятых и оплаченных Нероном, носили более постоянный характер, и с этого времени многоквартирные дома становились все больше и прочнее. Их следов в Риме почти не осталось, внешний вид домов-резиденций, построенных в I и особенно во II веке н. э., которые поразительно похожи на современные строения, можно реконструировать на основе многочисленных руин в римском порту Остия.

В таких крупных городах и, конечно, в самом Риме вдоль улиц шли длинные ряды открытых магазинов, находившихся на первых этажах многоэтажных или многоквартирных домов. В основном во всех многоквартирных домах на каждом этаже был лестничный пролет, который вел на верхние этажи, минуя магазины. На этих верхних этажах окна, выходящие на улицу, зачастую были снабжены составными балконами, основания которых были сделаны из бетона с фактурной отделкой «под кирпич». Некоторые большие дома имели дворы, отгороженные аркадами (как итальянские дворцы эпохи Возрождения), так как в этих домах жили как богатые, так и бедные люди. Это были самые ранние образцы «социальной архитектуры», демонстрирующие, как домам или памятникам, выставленным на всеобщее обозрение, можно придать величественный вид и удовлетворить тем самым нужды почти всех слоев большого, организованного общества. Тем не менее дома выполняли меньше функций, чем сегодня, так как канализацией и более сложными видами отопления были снабжены в основном коммунальные здания, где проходила общественная жизнь. Многие дома, как и в настоящее время на юге Италии, ничего этого не имели.

Чтобы удовлетворить эти нужды, а также нужды торговли и патристических форм религии, императоры уделяли огромное внимание возведению сложных, монументальных форумов (*Fora* — центр города. — И. М.). В самом Риме, где несколько форумов строились поочередно рядом с самим Римским форумом как его продолжение (фото 27а), самым эффектным был форум Траяна (рис. 10, см. также план).

Его спроектировал, а также частично выполнил, будучи руководителем строительства (как и большинство крупных зданий того времени), греко-сирийский градостроитель, инженер и архитектор Аполлодор из Дамаска. На форуме Траяна находится базилика Траяна (рис. 11, 12). Римская базилика, которая строилась по эллинистическим образцам, возможно, изначально —

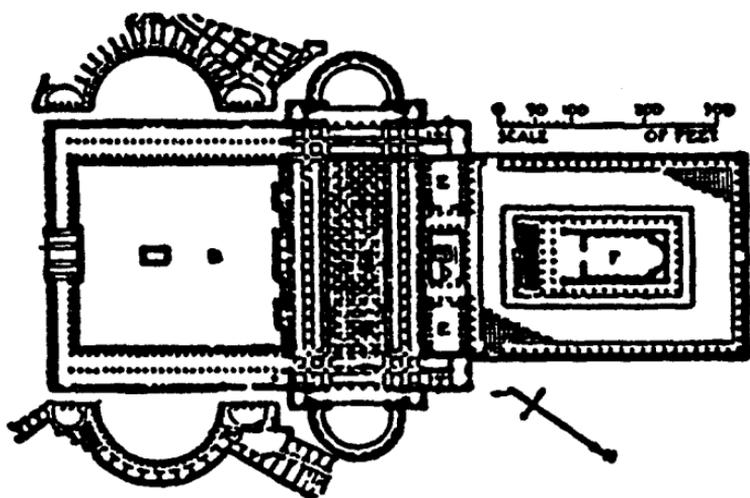

Рис. 10. План форума Траяна. 111—114 годы н. э., Рим

по образцу греческого храма (но допускала определенные изменения и была больше по размерам) — представляла собой здание с прямоугольным сводом, использовавшееся для общественных и торговых собраний, а также в качестве здания суда. Руины двух строений такого же типа, относящихся к более раннему периоду, — базилики Юлии и базилики Эмилии — можно увидеть на примыкающем к форуму Траяна римском Форуме. Плиний Старший называл базилику Эмилии, реконструированную Августом, одним из трех самых великолепных зданий в мире. Но форум Траяна намного превосходит ее по великолепию. Ширина центрального зала этого здания равнялась 80 футам, длина — 280 футам. Он был разделен на двойные нефы (по всем четырем сторонам), обставленные колоннами из монолитного гранита. Нефы увенчивали верхние ряды окон легкой конструкции, находившиеся под деревянной крышей, сделанной, возможно, из местной лиственницы. На внутренней стороне обоих торцов здания находились стоящие на возвышении кафедры, окруженные апсидами, — здесь было место судьи.

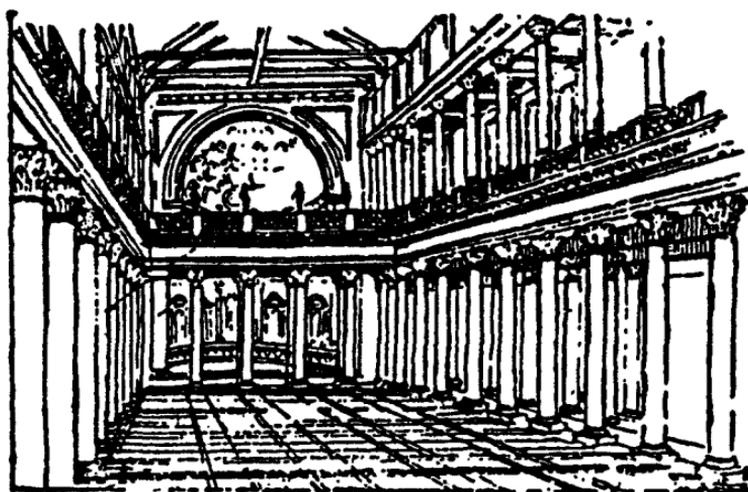

Рис. 11. Реконструкция базилики Траяна

Базилики показывают, как в прямолинейном строении преимущественно греческого образца в качестве вспомогательного элемента использовалась арка, или свод, характерный для римской архитектуры. У римской базилики было большое будущее в качестве здания христианской церкви. Действительно, почти все характерные признаки здания христианской церкви — портик (нартекс, притвор), неф, боковой придел, апсиды на торцах, центральная кафедра главного священнослужителя — все это уже имелось в маленькой подземной базилике I века н. э., обнаруженной возле Порта-Маджоре в Риме. Это было небольшое здание, посвященное какому-то (точно не установленному) нехристианскому культу (фото 28а, 11а), размеры которого разительно отличаются от некоторых колоссальных христианских базилик более позднего времени (фото 28б).

Базилика Траяна, столь же величественная, как и эти большие церкви, являлась лишь одним из элементов целого комплекса зданий, составляющих форум его имени. Помимо нее, туда входили не только великолепные, комфортабельные магазины и здание огромно-

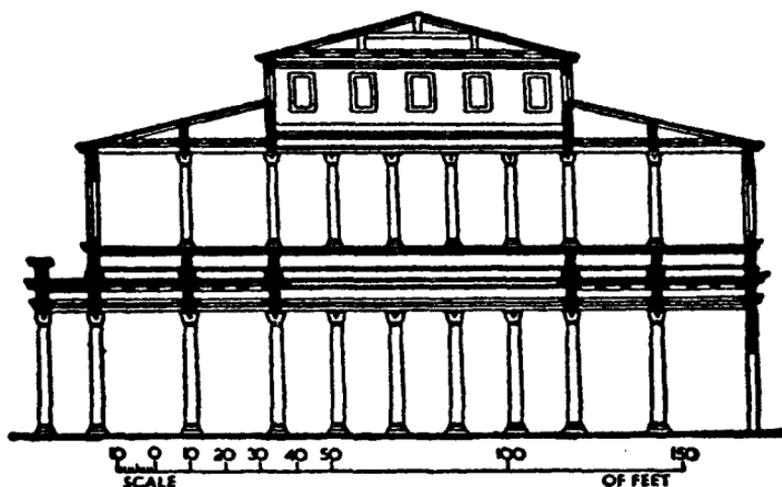

Рис. 12. Поперечное сечение базилики Траяна (примерный план)

го рынка, вырубленное из скалы, но также колонна Траяна, здания суда, библиотеки и храмы. На форуме находились оживленные улицы и аллеи, обставленные колоннами. Создателями этих грандиозных зданий были, как правило, греки и выходцы с Востока, но они выполняли задачи, поставленные их покровителями, императорами, которые требовали четкой, осевой планировки, исполинских строений и создания симметричных аллей, причем должны были использоваться особенности окружающего городского или сельского ландшафта (фото 23а). Римляне, вдохновлявшие архитекторов на столь серьезные, великие достижения, обладали организаторским талантом и страстью к общественной деятельности. Из-за этого они совершенствовали не мастерство возведения отдельных строений, а, в отличие от греков, блестяще задуманные архитектурные комплексы. Архитектурные украшения, которые использовали римляне (или выполняющие заказ архитекторы), не всегда изящны и изысканны, однако композиция в целом свидетельствует о присутствии им глубоком чувстве эффектной архитектурной формы. В эпоху Августа течения в архитектуре того времени, близкие к

классицизму, несколько затмили собой стремление к динамике, которое снова вышло на первый план и достигло своего расцвета в сооружениях II века н. э., таких, как форум Траяна.

Характерные только для римлян, оригинальные достижения архитектуры стали возможны благодаря доступности применения чистой, песчаной почвы, которая нам известна как *pozzolana*, а древним — как «шахтный песок». Этот шоколадно-красного цвета грунт, продукт вулканической деятельности, растертый в мелкий порошок, большие залежи которого были обнаружены как в ПUTEОЛИ (Поццоли), так и к северу и востоку от Рима, смешивался в процессе обжига с известью — известняком (CaCO_3), обращенным в негашеную известь (CaO). Таким образом получался лучший доступный в то время связующий материал. Он оставался таковым до открытия в XIX веке портландцемента. Еще раньше в качестве строительного раствора в Италии использовалась смесь извести с обычным песком (возможно, этот рецепт был заимствован в греческих колониях в Италии).

Но затем было выявлено преимущество *pozzolana* перед обычным песком. Он содержал элементы стекла, которое, смешиваясь с известью, дает возможность получить чрезвычайно плотный особый гидравлический бетон, который не теряет своей практически вечной плотности даже под водой. К этой смеси *pozzolana* с известью затем добавляли заполнитель, скелетный материал, обычно сделанный из обломков и отходов, остающихся от полировки лицевого камня, — битых камней, кирпичей и даже мрамора и пемзы (при этом важное значение имел ее небольшой вес). Когда в смесь *pozzolana* и извести добавляли этот заполнитель, раствор затвердевал и превращался в сплошную, монолитную массу, плотную и легко высыхающую. Это было прекрасным строительным материалом. С конца II века до н. э. фундаменты и несущие части здания, построенные с использованием различных смесей на основе бетона, могли выдержать вес самого камня,

хотя римляне не до конца осознали такое свойство бетона, как прочность. Ко времени правления Августа *pozzolana* уже использовалась, но все еще не очень широко. Только в следующем столетии этот раствор стали применять в наиболее «дерзновенных» строениях благодаря гению греческих и восточных архитекторов, которые для того, чтобы удовлетворить притязания своих римских заказчиков, искусно использовали простые материалы и соблюдали надлежащую осторожность в их выборе, изготовлении и смешивании. Применение в последующем *pozzolana* произвело революцию в Риме в области возведения стен. В процессе их возведения между камнями заливался жидкий бетон (соединение получалось водонепроницаемым), а затем — слой заполнителя. Эта технология позволила возводить достаточно высокие стены для того, чтобы многоквартирные дома стали массивными и многоэтажными (это стало происходить с начала правления Августа), а во II веке н. э. этот способ использовали с большим умением и уверенностью.

Бетонные стены с их шероховатыми поверхностями необходимо было украшать. Они (за исключением подземных их частей), как правило, были покрыты слоями облицовочного материала. Этим они отличались от однородных кирпичных стен в Древней Греции. В Риме они имели более или менее сложную облицовку из кирпича, который производился в кирпичных мастерских, владельцы которых часто делали себе на этом состояние. Уже до окончания эпохи республики кирпич-сырец сменился на более прочный обожженный кирпич, сначала имевший неправильную форму, затем квадратный или ромбовидный, а позже — прямоугольный. Эти огнеупорные свойства выявились во время Великого пожара в правление Нерона. Поначалу это кирпичное покрытие, позади которого был слой бетона, был отделан (если эта часть стены находилась над землей) лепной или, по меньшей мере, обычной штукатуркой; четкости и чистоты линий и разнообразных украшений на стенах роскошных зданий добивались за

счет использования мрамора, гранита, порфира, алебастра или бронзы. Современный вид многих зданий римлян вводит нас в заблуждение и объясняется тем, что, когда города грабили в эпоху Средневековья, все эти дорогие материалы снимали со стен. Все, что можно увидеть сегодня, — это остовы бетонных стен с кирпичным покрытием. Предполагалось, что всего этого видно не будет. Вплоть до начала II века н. э. (за исключением чисто функциональных построек) в Остии и других городах кирпич в качестве внешнего облицовочного материала не применялся. Он не использовался даже для лепных и других украшений (в конечном итоге от каменных фасадов — наследия Греции — также отказались).

Эксплуатация арки — это достижение римлян. Греки не использовали арки в своих конструкциях. Это делали этруски, и сводчатый Большой сточный канал в Риме до сих пор является подтверждением их господства в городе в VI веке до н. э. Примерно со 150 года до н. э. полуциркульные каменные арки часто встречаются в Италии. Применение арки — что было характерной чертой Италии — при всех ее бесконечных возможностях и разновидностях вызвало огромные изменения в архитектуре. Из-за того что арка конструируется из клиновидных блоков, она давит «на сжатие» не только вниз, но имеет также свойство распределять, или «распирать», давление. Для того чтобы арка была устойчивой, этому «распределенному» давлению обычно должны противодействовать контрфорсы, или подпорки, или же это делается за счет дополнительного укрепления стены, где расположена арка. Эти трудности были устранены благодаря использованию бетона, который не оказывал никакого давления. Чтобы соорудить арку, жидкий бетон клался на временные деревянные кружала или на постоянные кирпичные. Позже они могли быть облицованы камнем или черепицей. Эти кирпичные кружала играли очень важную практическую роль, пока клали бетонную основу и

она застывала, но затем эти функции выполняла уже эта основа.

Но с давних времен, когда бетона еще не знали, римлянам были известны арки, стоящие без поддержки, не являвшиеся частью какой-либо стены. Изначально они использовались в обрядовых целях. Ярким примером такой арки была находившаяся на Римском форуме арка храма Януса, бога ворот и всякого начала (до наших дней арка не сохранилась). В эпоху империи излюбленным видом памятника была Триумфальная арка, которая посвящалась императору и содержала посвященную надпись. Арки строились с одним или тремя проемами; они украшались статуями и барельефами, посвященными победоносным кампаниям. Так, арка Тита возле входа на форум содержала рельефы в честь взятия Иерусалима наследником престола в 70 году н. э. (фото 18г). Такого рода монумент является классическим примером того, как римляне могли сочетать итальянскую арку с прямолинейными балочно-стоечными постройками греческих ордеров с их колоннами или пилястрами, поддерживавшими дорические, ионические, коринфские или «композитные» капители, увенчанные горизонтальными архитравами: арка — это фундаментальная структурная единица, в то время как функция ордеров полностью декоративная.

Колонны либо полностью не имеют базы, либо же база двухступенчатая или трехступенчатая; арка Тиберия в Араусио (Оранже) имеет колонны двух последних названных типов. В арке Траяна в Анконе (115 г. н. э., фото 28в), где он построил новые гавани, подчеркивается пластичность ее колонн, сгруппированных на двух пьедесталах; они устремляются ввысь от явно несоосных пьедесталов, а благодаря мощным угловым соединениям основания высота арки кажется больше. На дороге, которая проходит сквозь ее проем (расстояние между опорами — десять футов), эта арка высотой шестьдесят один фут является завершением лестничного марша. Ее можно было видеть с кораблей, находящихся далеко в море. Архитектор XV века Альберти использовал арку в Анко-

не в качестве образца, экспериментируя с вариантами «прикрепления» арки или колонны к стене на фасаде церкви Св. Андрея в Мантуе (фото 28г). На арках Септимия Севера в Риме и особенно в Лепкис-Магна представлены новые декоративные мотивы, но излюбленным источником заимствований архитекторов, скульпторов и художников эпохи Ренессанса была арка Константина в Риме (312 г. н. э.), которая содержала рельефы, затрагивавшие события двух предшествующих столетий.

Однако римляне использовали искусство возведения арок и в гораздо более функциональных строениях, чем описанные выше. Например, в строительстве мостов, незамысловатых и прочных, являвшихся неотъемлемой частью огромной системы построенных ими дорог, которые предназначались для того, чтобы оказывать рассчитанное противодействие потоку воды. Для постройки мостов, как и арок, в Римской империи не всегда использовали бетон. Примером раннего моста является Милвианский мост в Риме (рис. 13). В основной конструкции моста использован нецементированный камень вулканического происхождения — известковый туф, для клиновидных блоков — травертин (основной камень, использовавшийся в Риме для строительства), а для облицовки — туф с добавлением базальта и известняка. Арочные пролеты в то время (109 г. до н. э.) не имели аналогов, их ширина составляет шестьдесят футов. С ними можно сравнить свод собора Богоматери в Эли, ширина которого составляет сорок шесть футов. Похожий мост через Тахо возле Алькантары (фото 25а), состоящий из шести пролетов, при Траяне совместными усилиями построили испанские общины. Он полностью гранитный. Общая протяженность шести больших полуциркулярных арочных пролетов (ширина самого большого из них составляет чуть более девяноста футов) — 630 футов, а высота на самой высокой его точке составляет 150 футов. Хотя в глубоком ущелье лишь центральные опоры моста находились в воде, дуги всех их находятся примерно на одном уровне, что создавало впе-

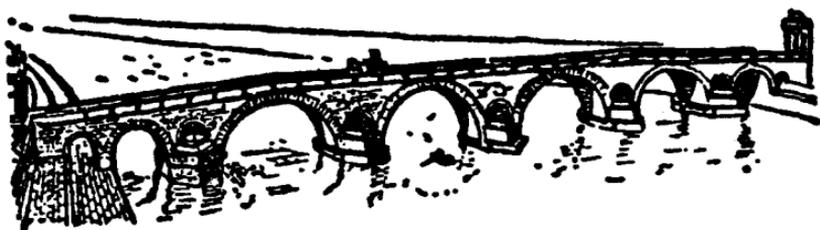

Рис. 13. Реконструкция Милвианского моста,
109 год до н. э., Рим

чатляющий художественный эффект. Мост Траяна через Дунай протяженностью 3000 футов был построен в 104 году н. э. вниз по течению от Железных ворот (мост не сохранился, за исключением части фундамента). Его опоры находились на расстоянии не менее чем 170 футов друг от друга, но его пролеты, как и пролеты других больших мостов, представляли собой деревянные лучковые арки.

Арки мостов использовались для того, чтобы переправляться через реки, а арки акведуков — чтобы орошать землю. Для постройки испанского акведука — великолепного образца, дошедшего до нас, — бетон вновь не использовался. Это — акведук в Сеговии (фото 25в), который, как полагают, был сооружен во время правления Августа или одного из первых его преемников. Сейчас он все еще используется для подачи воды. Он состоит из 128 арок, расположенных в два яруса. Его максимальная высота достигает 90 футов. Он пересекает долину посреди города, длина которой составляет половину мили. Акведук построен из белого гранита, цемент при его строительстве не использовался. Кирпичи вновь клали насухо, без цемента, во время возведения акведука Понт-Ду-Гард возле Немауса (Нимса), отличающегося своей пропорциональностью. Расстояние между арочными пролетами акведука равнялось 75 футам. Но при использовании бетона конструкция была такой же надежной и гораздо более экономной, о чем и свидетельствуют руины акведука Аква Клавдия (фото 25б), одного из одина-

дцати главных акведуков, которые ежедневно снабжали Рим более чем миллионом кубометров воды. Здесь бетон отделан кирпичом, на других акведуках — туфом, или же, поскольку акведуки были функциональными сооружениями, отделка отсутствовала. Опять-таки в целях экономии римляне больше использовали выложенные кирпичом каналы, нежели металлические трубы, способные выдержать большое давление, — чугун не был известен, а свинец и бронза дорого стоили. Они могли бы построить систему водоснабжения на основе давления, соорудив из этого материала сифонный водопровод, поскольку коэффициент силы сопротивления их гидравлического цемента превышал цифру, которая сейчас считается безопасной. Но они этого не сделали, предусмотрительно воздерживаясь от того, чтобы подвергать бетон полной нагрузке, которую он только мог выдержать. Римляне хотели использовать силу гравитации в целях водоснабжения при помощи небольшого уклона в водопроводе; Витрувий пишет об уклоне в шесть футов, который приходился на сто футов водопровода. Римляне знали закон о том, что вода поднимается до ее естественного уровня, но, будучи более прогрессивными строителями, чем экспертами в области гидравлики, они никоим образом не предугадали методов применения высокого давления, хотя использование давления для помп, водяных органов и т. д. уже было известно. Иногда снабжение водой верхних этажей домов осуществлялось с помощью «подающего стояка».

Несмотря на ошибки местных властей, которые обходились дорого, специалист по строительству акведуков Фронтин гордо называет эти сооружения «выдающимся свидетельством величия Римской империи... Если вы хотите, вы можете сравнить многие необходимые сооружения для водоснабжения с пирамидами, которые никак не используются, или со знаменитыми, но бесполезными строениями греков». Действительно, римляне испытывали уважение (доходившее иногда до преклонения) по отношению к водопроводу. Их пре-

красный водопровод, обеспечивавший водой общественные бани и туалеты с постоянно действующим сливом (которые во многих странах, где они были обнаружены, до сих пор не усовершенствованы), предназначался в основном не для частных потребителей, хотя было очень много незаконных подключений к водопроводу, а для общественности.

Использование арок и бетона привело к появлению нововведения, принадлежащего целиком римлянам, — амфитеатра. Эти гигантские овальные строения представляли собой «сдвоенные» греко-римские театры. Первый такой долговременный театр, сооруженный из камня и *pozzolana*, построил Помпей в 53 году до н. э. Амфитеатр равноценен двум театрам с их сторонами, лишенными углов (фото 26г), «сложенным» друг с другом. Таким образом получалось, что, как и на арене для боя быков в испанских городах (которая является прямым потомком амфитеатра), публика со всех сторон окружала «арену». «Арена» — латинское слово, означавшее «песок» или «морской берег». Оно использовалось из-за песка, который разбрасывали для того, чтобы он впитывал кровь сражающихся людей и животных. Конечно, римская архитектура создала и великие сооружения религиозного характера, но огромные амфитеатры римлян напоминают о том, что, в отличие от архитектуры греков, она была также и (по крайней мере, в большей степени) светской. Однако когда из-за этого римскую архитектуру называют гуманистической, это требует некоторых оговорок, когда вспоминаешь о том, для каких целей предназначались эти величественные здания.

Было небезопасно строить такие сооружения из дерева; Тацит пишет, что деревянный амфитеатр в Фидене в 27 году н. э. рухнул. До этого, в годы правления Августа, в столице был построен долговременный амфитеатр, частично сделанный из камня.

Нерон инициировал постройку амфитеатра, сделанного целиком из камня; а самый большой и самый знаменитый из всех амфитеатров, Колизей, начал воз-

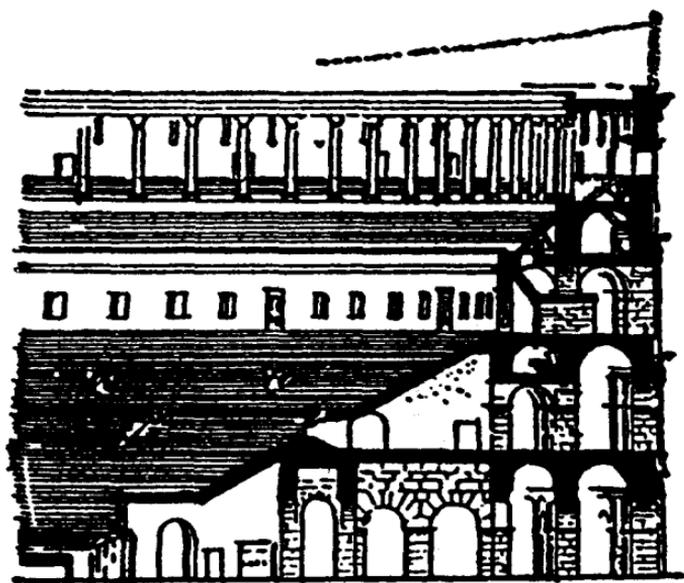

Рис. 14. Схема Колизея, 72—80 годы н. э.

водиться вскоре после этого императорами династии Флавиев. Для зрителей он был открыт в 80 году н. э. (фото 26а, г, рис. 14). Площадь, занимаемая Колизеем, составляла 620 на 500 футов, а площадь его арены — около 290 на 180 футов. Снаружи Колизей был облицован травертином и сочетал в себе прочность, великолепие и изящество. Он был четырехэтажным. Три нижних этажа имели проемы — арочные проемы с трехступенчатыми колоннами дорического, ионического и коринфского ордера соответственно.

Верхний ярус, расположенный между консолями, поддерживающими мачты огромного тента, натягивавшегося над трибунами, арок не имел; его полуколонны (с коринфскими капителями) были прямоугольными (пилястры). Тем не менее несущими элементами конструкции, органически объединявшими внутреннюю и внешнюю стороны здания (в отличие от современной декоративной каменной кладки, внутри которой есть стальной каркас), являются не греческие

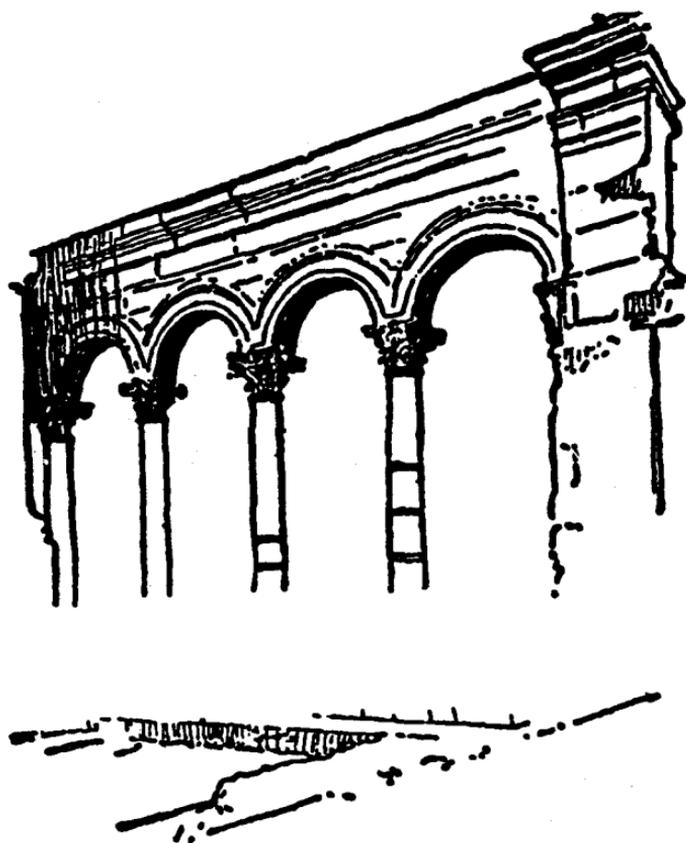

Рис. 15. Арки без классического антаблемента, начало IV века н. э.
Салона (Сплит, Югославия)

ордера, функция которых — придать сооружению размах и украсить его, а массивные контрфорсы с колоннами. Уже в Доме фортуны в Помпеях, как и позднее в форуме Севера в Лепкис и во дворце Диоклетиана в Салоне (Сплите) в Далмации, относящемся к началу IV века н. э. (рис. 15), ранее не встречавшиеся колонны, «вырастающие» прямо из капителей, предвосхищали романский и исламский архитектурные стили, а также стиль эпохи Возрождения. Но в Колизее, несмотря на то что римская арка уже является основой

здания, греческие ордера с полуколоннами и пилястрами все же присутствуют в качестве декоративного обрамления арок.

Но водрузить эти арки одна на другую на беспрецедентную высоту четырех этажей (что оставляло далеко позади двухэтажные здания греков) стало возможным благодаря использованию бетона. Конструкция этажей Колизея показывает, как римляне применяли эти арки с бетонной основой для того, чтобы получить впечатляющий декоративный эффект. Здесь проявляет себя новшество, имевшее гораздо большее значение, чем триумфальные арки с одним или тремя проемами, а именно аркада — большой ряд арок, составляющих единую композицию. Эти почти повсеместно копируемые аркады свидетельствуют об инстинктивном стремлении римлян к эффектным, бросающимся в глаза постройкам. Эта идея аркады, которую заимствовали архитекторы многих амфитеатров во всей империи (например, в Ниме, Арле, Вероне, Пуле, фото 26в), оказала огромное влияние на архитектуру Ренессанса, выразившись, например, (возможно, по аналогии с театром Марцелла времени правления Августа) в оформлении внутреннего двора дворца Фарнезе в Риме работы Микеланджело (фото 26б) и в проекте здания Карита Конвент Палладио.

В фасаде одного из самых ранних великих римских паллацо Канселлерия симитирован четвертый этаж Колизея, где были не аркады, а пилястры. Колизей, один из самых значительных памятников, свидетельствовавших о могуществе Рима, послужил образцом для оформления лестничных пролетов дворцов Италии и Европы.

Бетон использовался также для постройки коридоров и комнат Колизея, а также подземной части арены. Бетон, смешанный с легковесной пемзой, применяется в дугообразных сводах, которые образуют целый ряд крытых галерей. На своды опирались четыре яруса зрительских мест, воздвигнутых друг на друга. Эти галереи образовывали громадный эллипс, соответствующий

щий фантастически высокой колоннаде, венчавшей все строение. Одним из самых смелых и оригинальных достижений римлян в области архитектуры было применение ими свода, который образовывали несколько смежных арок. Уже давно известный в Древнем Египте и Месопотамии, но почти не использовавшийся в Греции свод римляне сочли лучшим выражением их новых идей и имперских устремлений. Поначалу они предусмотрительно (как если бы они использовали не бетон, а камень) старались надстроить несущие поперечные стены или разгрузочные арки, а также тычковые связывающие ряды кирпичей или бетонные кессоны, хотя боковое давление, которого они боялись, не представляло опасности. Завершенное сооружение было прочным, как фарфоровая чашка, и являлось полной противоположностью сводов готических церквей. Опасения постепенно уменьшались. В I и II веках н. э. сводами смело увенчивали даже еще более легковесные и непрочные сооружения. Смелость этих конструкций оставалась непревзойденной до того, как в XIX веке в строительстве начали применять сталь.

Римляне использовали как полуциркульный цилиндрический (или «туннельный»), так и более сложный пересекающийся крестовый свод. Простые цилиндрические своды использовались в гробницах этрусков уже в IV веке до н. э., а ко времени правления Августа эта практика получила более широкое распространение. Крестовые своды (которые также называются «реберными»; «ребро» — это линия пересечения) встречаются относительно редко в греческих сооружениях, построенных вскоре после правления Александра. Такой вид свода, возводившегося над квадратным или многоугольным кессоном, давал гораздо больше возможностей, например, облегчал освещение, которое теперь могло осуществляться через окна, сделанные наверху, непосредственно под сводом. Успешные эксперименты с освещением широко проводились при постройке Колизея.

В ранних греческих зданиях используются точки (средства) опоры небольших размеров. Римским архи-

текторам необходимы были более крупные средства опоры, так как их целью было соорудить здания большой, нестесненной площади. Те, кто в этих целях мог смело сооружать большие своды, нашли возможность сделать это при возведении грандиозных императорских дворцов. Август и его преемники постепенно расширяли комплекс строений, подземные части которых, похожие на лабиринты, до сих пор можно увидеть на Палатинском холме. После того как Нерон увеличил свой дворец, он, воспользовавшись Великим пожаром 64 года н. э., поручил своим главным архитекторам Северу и Целеру (о происхождении которых нам ничего не известно) начать сооружение его непревзойденного Золотого дома. Предполагалось, что он займет довольно большую часть площади города. Руины дворца на Эсквилинском холме свидетельствуют, что здесь впервые в качестве строительного материала использовался бетон, облицованный кирпичом, что дало возможность обеспечить новые формы залов, увенчанных сводами и куполами, включая залы сложной, многоугольной формы. В этих исканиях новых шаблонов, как считал Джон Вард Перкинс, «мы впервые встречаем новый подход к архитектуре. Она является здесь не способом класть кирпичи, а скорее искусством «организации пространства». Некоторое общее представление о внешнем виде Золотого дома можно почерпнуть из изображений особняков того времени (фото 23а), из произведений живописи на их крестообразных сводах и из описаний Светония:

«Огромная статуя самого Нерона ростом сто двадцать футов стояла в прихожей, а галерея с колоннами была в милю длиной. Огромный пруд, который больше походил на море, чем на пруд, был окружен строениями, подобными городам, садом, где были возделанные поля, виноградники, пастбища и леса и где бродило множество домашних и диких зверей. В покоях дворца все было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и жемчужными раковинами. В обеденных палатах потолки были украшены слоновой костью;

Рис. 16. Реконструкция тронного зала дворца Домициана.
81—96 годы н. э., Палатинский холм, Рим

плиты потолка могли раздвигаться и рассыпать на гостей цветы и благовония из потаенных отверстий. Главная обеденная палата была круглая и днем и ночью медленно вращалась вслед небосводу. В банях из кранов всегда текла морская или серная вода. Когда расточительная отделка дворца была закончена, Нерон освятил его и снизошел до того, чтобы сказать: «Хорошо, теперь наконец я буду жить по-человечески».

Но «по-человечески» он пожил недолго, так как Золотой дом ко времени его смерти был еще не закончен, а императоры династии Флавиев разрушили большую часть его. Однако они значительно расширили императорский дворец Августа на Палатине. Как показывает его фундамент, он имел огромные сводчатые залы (рис. 16). Из-за размаха затейливых изгибов сводов на горизонтальные греческие балочно-стоечные ордера оказывалось почти предельное давление. Но к этой критической точке еще больше приблизилась вил-

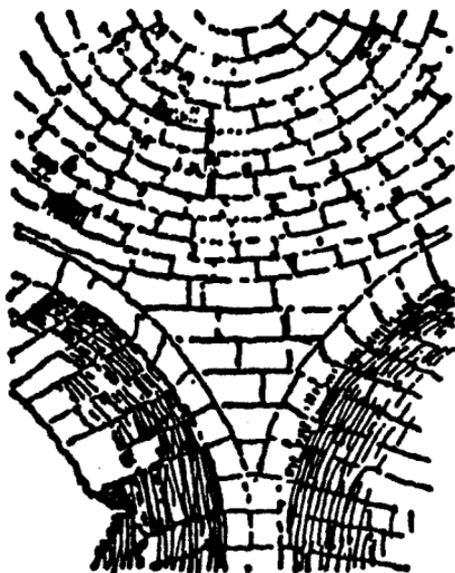

Рис. 17. Паруса свода в термах, конец II или начало III века н. э. Гераза (Джераш, Иордания)

ла Адриана в Тибуре (Тиволи). Этот огромный комплекс, состоящий из жилых помещений, веранд, колоннад, спортзалов для занятий борьбой, театров и бань занимал площадь более семи квадратных миль. Великая изобретательность и смелость архитекторов проявилась в сооружении сводов полукругов и ниш, похожих на зонты, полукуполов над апсидами и пробного восьмигранника (Piazza d'Ogo). Когда своды стали помещать на полусферы, как и в современной архитектуре, начали экспериментировать с парусами свода (рис. 17).

Римляне достигли также большого мастерства и тонкости, украшая своды не только живописью, как во дворце Нерона, но и изразцами; а также (особенно) нанося на штукатурку панно и кессоны.

Все эти методы широко применялись не только в императорских резиденциях, но и в превосходных банях, построенных для общего пользования в Риме и в

любом другом городе, который мог себе это позволить. Эти бани свидетельствуют о присущем римлянам практицизме столь же ярко, как и амфитеатры, которые использовались в более жутких целях. Бани создавались не только для купания в роскоши и комфорте, но также для клубной жизни, занятий спортом; баня являлась выставкой произведений искусства, там велась вся деятельность, которая происходит в многофункциональном культурно-спортивном центре. Обо всем этом пишет Сенека, когда он жалуется на шум. Хотя расходы, включая содержание множества прислуги, скорее всего, были огромны, плата за вход составляла считанные гроши. Император закрывал глаза на расходы, чтобы произвести хорошее впечатление.

Руины терм в Стабии в Кампании свидетельствуют о том, что уже в I веке до н. э. практичный разум итальянцев додумался до того, чтобы не жаровни, а топки (гипокаусты), находившиеся под полом, обеспечивали регулируемое тепло, подавая подогретый воздух через жаровые трубы, расположенные в стенах разных комнат.

Перепись, проведенная Агриппой в 33 году до н. э., зафиксировала существование 170 бань. Столичные термы Агриппы, Тита и Траяна, возможно, обладали всеми характерными чертами, которые мы можем воссоздать на основе сохранившегося до настоящего времени фундамента гигантских терм Каракаллы. Их главное здание, когда-то украшенное великолепным орнаментом (площадь — 750 на 380 футов), обнесенное красивой оградой (внутри ограды находился также сад и спортивная площадка под открытым небом), состояло из центрального зала (185 на 79 футов), увенчанного большим сводом с высокими окнами (рис. 18), являвшегося прототипом крупных средневековых соборов с их сводчатыми нефами, а также парной круглой формы с куполом 115 футов в диаметре и большого плавательного бассейна, окруженного комнатами, где находились всевозможные удобства и предметы быта.

Роскошь такого здания во II веке н. э. описал греческий автор, имя которого не установлено:

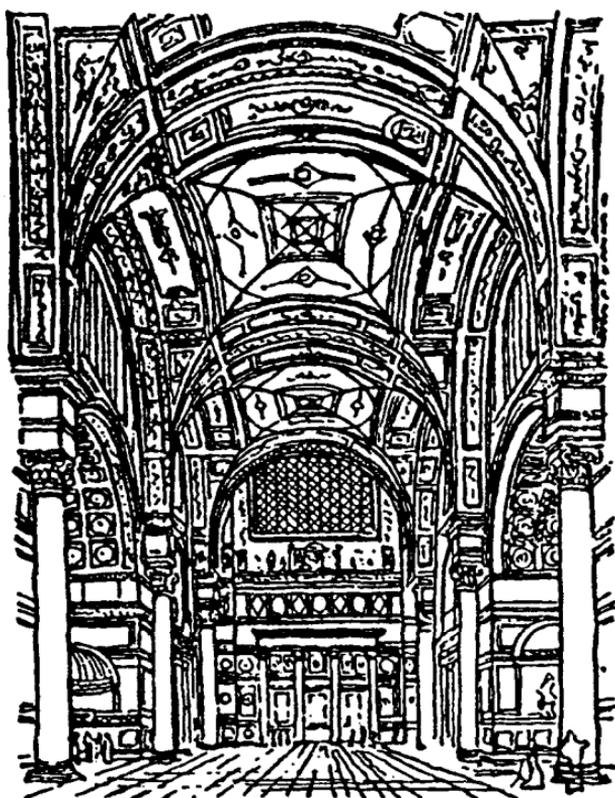

Рис. 18. Реконструкция большой залы в термах Каракаллы, 211—217 годы н. э. (Рим)

«Здание хорошо сочетается с величием пейзажа, отвечает общепринятым представлениям о заведениях подобного рода и свидетельствует о знании принципов освещения. Вход расположен на возвышении, к нему ведет широкая лестница, причем ширина ступенек больше, чем высота, чтобы по ним было легче подниматься. Войдя внутрь, вы попадаете в значительных размеров зал для посетителей, достаточно вместительный, чтобы там находились и служащие и посетители. Слева — комнаты для отдыха, которые также вполне подходят для бани — приятное, ярко осве-

ценное место. Рядом с ними располагается зал больших размеров, чем это нужно для бани, но необходимый для того, чтобы принимать там более состоятельных людей. Затем — вместительные раздевалки, а между ними расположен зал с очень высокими потолками и великолепно освещенный, а в нем — три бассейна с холодной водой. Зал отделан лаконским мрамором, в нем стоят две статуи из белого мрамора, выполненные в стиле древности, одна — Здоровья (Хигеи или Салюса), а другая — Асклепия (Эскулапа). Выйдя из этого зала, вы попадаете в еще один, который обогревается совсем немного, а отнюдь не встречает вас лютой жарой. Зал прямоугольной формы, а с обеих сторон имеет апсиды. Справа, рядом с этим залом, находится очень красивый зал, прекрасно приспособленный для массажа. С двух сторон его расположены входы, украшенные фригийским мрамором. Туда проходят те, кто пришел из спортивного зала. Возле этого зала есть еще один, самый красивый в мире, где вы можете стоять или сидеть с комфортом, шлаться без дела, ничего не опасаясь, и прогуливаться с пользой для себя. Зал также сверкает фригийским мрамором, которым он отделан до самой крыши. Затем вы идете в жаркий коридор, отделанный нумидийским мрамором. Зал, расположенный позади него, очень красив, он полон света и сверкает пурпуром стен. В зале три ванны с горячей водой. Когда вы вымылись, вам нужно идти назад через те же самые комнаты, но вы можете пройти прямо в холодную комнату через слабо отапливаемую палату. Везде яркое освещение и дневной свет... Почему я должен продолжать рассказывать вам о спортивном зале и гардеробе? ...Более того, баня становится еще привлекательнее благодаря другим признакам скрупулезности — двум туалетам, множеству выходов и двум устройствам, чтобы узнавать время, — водяным часам, которые издают громкий звук, и солнечным часам».

Полученный в результате экспериментов с полукуполами, возведенными над нишами, яйцеобразный или полусферический купол — арка, повернутая по своей

оси, — был новшеством, сыгравшим большую роль в римской архитектуре. Удивительным примером является Пантеон (фото 29а), который из всех дошедших до нас сооружений Древнего Рима сохранился лучше всего. Изначально возведенное Агриппой во время правления Августа (но дошедшая до нас версия его является реконструкцией, предпринятой Адрианом, 120—124 гг. н. э.), это необычное здание многое потеряло и подверглось многим изменениям, однако стены и купол круглого по форме храма и его большой портик с колоннами сохранились.

Высота Пантеона — сто футов. Наружная сторона этого круглого сооружения, выполненная из бетона и облицованная кирпичом и изразцами, изначально была оштукатурена и отделана мрамором, а также украшена мраморным фризом. Но архитектор свои самые усердные старания приложил к созданию внутренней части ротонды (фото 29в). И высота и ширина внутреннего помещения Пантеона — 142 фута.

Сделанная из бетона внутренняя стена здания толщиной двадцать футов, отделанная кирпичом, не повторяет контуры сплошной внешней стены, а имеет восемь углублений (ниш) — пять прямоугольных (включая то, которое образует вход) и три полукруглых. Наличие этих углублений и множества других ниш, увенчанных сводами, свидетельствует о том, что к этому времени римляне уже полностью доверяли своему монолитному бетону и поэтому могли смело облегчать то, что они строили. Полукруглые кирпичные арки, находившиеся в верхней части стены, возможно, были построены для того, чтобы служить каркасом; в них заливали жидкий бетон. Ниши в стене отделены друг от друга восемью огромными контрфорсами. Большие колонны этих контрфорсов не имеют особого функционального значения, но, даже в большей степени, чем колонны контрфорсов Колизея, придают сооружению размах.

Они ведут к одному из двух карнизов, к тому, который расположен ниже. Над этим карнизом располага-

ется ряд панелей, чередующихся с нишами, находящимися под вторым карнизом, от которого поднимается полуциркульный купол. Его внутренняя поверхность орнаментирована кессонами, расположенными в пять рядов, в каждом из которых лепные украшения (когда-то содержавшие бронзовые розетки) прикреплены или нарисованы так, что создается ложное ощущение перспективы, когда смотришь на них снизу.

Кессоны уменьшают вес купола, который, будучи бетонным, не оказывает давления на конструкцию. Купол был достаточно прочный. Он устоял, когда в 663 году н. э. с него сняли позолоченные бронзовые изразцы, находившиеся на внешней стороне. Он состоял из нескольких сменявших друг друга слоев. Чем выше располагался слой, тем легче был материал: в основании купола были большие куски травертина, а на верхушке — бутовый камень вулканического происхождения. Все здание мощно освещалось за счет единственного круглого отверстия диаметром двадцать девять футов на вершине купола. Благодаря этому отверстию свет всегда рассеивается равномерно, только два карниза остаются сильно затемненными.

Круглая форма, избранная для этого храма, прослеживается в Италии с глубокой древности. Она восходит к хижинам, сделанным из глины и лозняка, образцы которых еще сохранялись на Палатинском холме во время правления Августа. Круглые храмы, относившиеся ко временам поздней республики или начала империи (но гораздо более раннего происхождения), такие, как храм Весты на форуме и другие храмы в Велабруме и Тибуре (Триволи) (фото 30а, рис. 19), — сооружения, которые вдохновили Браманте на создание прекрасной часовни Темпьетто (св. Монторио), — возможно, в некоторых случаях имели небольшие купола, как и некоторые маленькие строения греков.

Но мы не знаем аналогов громадного купола Пантеона, от созерцания которого захватывает дух. Он производит сильное впечатление на всех, кто на него смотрит. Некоторые считают, что купол таит в себе

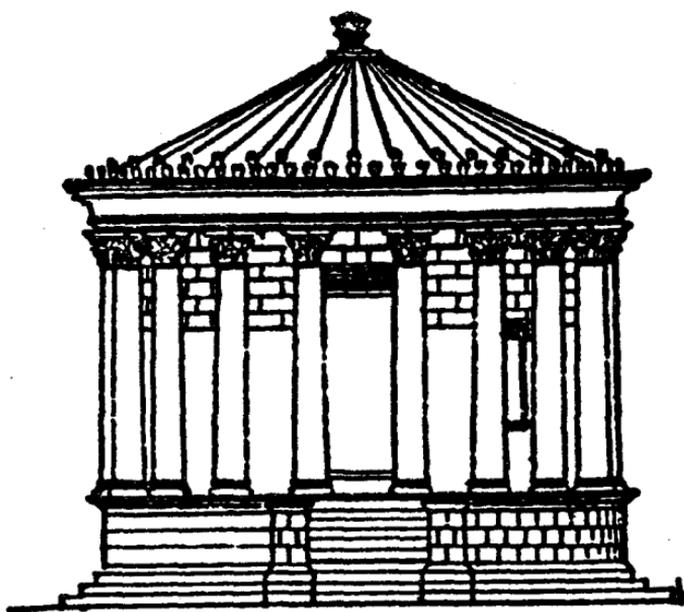

Рис. 19. Реконструкция круглого храма Сивиллы, начало I века до н. э. Тибур (Тиволи, возле Рима)

радостную, успокаивающую яркость, поскольку в нем нет мистических полумрака и бликов света. Байрон называл его «простым, прямым, выдержанным, строгим, величественным». Другим Пантеон кажется суровым, «неулыбчивым» и похожим на пещеру; в отличие от «земных» греческих храмов, громада Пантеона подчеркивает незначительность человека. Его величественный простор говорит верующим, что они находятся здесь в присутствии богов.

Для этого и был предназначен этот храм, и об этом говорит его название — Пантеон, храм Всех Богов. Нам известно, что изначально в нем находились статуи Марса, Венеры и божественного Юлия Цезаря. Но древние значения этого слова часто относились к Солнцу, Луне, планетам и другим звездам. Эти небесные тела большинство жителей империи считали божествами. Так считал и Август, на чьи средства был постро-

Рис. 20. Медаль Карадоссо, посвященная основанию собора Св. Петра, 1506 год

ен Пантеон, и веривший в астрологию не меньше Августа Адриан, который перестроил здание.

Нет сомнений в том, что купол символизирует небосвод, а принимая во внимание, что форма храма «должна соответствовать характерным чертам божества», гармония купола, украшенного похожими на звезды розетками, должна была изображать величественное, ритмичное движение небесных тел.

Каждая характерная черта этого самого значительного из всех римских сооружений религиозного характера послужила образцом для более поздних архитекторов, в том числе для самых известных из них. Фундаментальные формы Пантеона вдохновили Браманте на создание купола собора Св. Петра (рис. 20), который позже заменили на купол, спроектированный Микеланджело. Палладио, который считал, что круглая форма церквей является оптимальной, так как обеспечивает незамысловатый, единообразный простор, символизирующий все-

охватывающее единство, вечность и справедливость божества, воссоздал в своей церкви Темпьетто в Мазере возле Тревизо (фото 29б) цилиндр и купол Пантеона, даже не возведя барабана, с помощью которого Браманте намеревался отделить цилиндр и купол друг от друга в соборе Св. Петра. Бернини придал эту же форму своей церкви Св. Марии делла Ассунзионе в Ариккии. Но архитектурная форма купола этой христианской церкви работы Бернини, символизирующего рай, где небесные ангелы готовятся встретить возносящуюся туда Деву, стала обрамлением скульптурного ансамбля.

Огромные колонны и антаблемент портика Пантеона (фото 29а) свидетельствуют о том, что подавляющее большинство римских храмов не были круглыми, а все еще подчинялись (с модификациями, увеличивая размеры форм) принципам прямолинейности, присущим классической греческой архитектуре. Портик Пантеона — результат самого смелого эксперимента с этим принципом прямолинейности. На фронте портика, имеющего гораздо более остроконечную форму, чем греческие фронтоны, не сохранились сложные мраморные рельефы и статуи, включая стоявшую на вершине фронтона статую Юпитера в колеснице, мечущего молнии. Тем не менее большая часть фасада не имеет повреждений. На фасаде написано имя основателя храма, Агриппы. Хотя храм, который можно видеть сегодня, относится ко времени правления Адриана, по меньшей мере общий план этого портика (в отличие от расположенной позади ротонды), возможно, датируется временем правления Августа. Перед главным входом, высотой сорок и шириной двадцать футов, находится величественная галерея на шестнадцати монолитных гранитных колоннах без каннелюр. Высота каждой колонны — сорок шесть с половиной футов. Эти колонны расположены в три ряда. В первом ряду — восемь колонн (обычно в римских храмах их было шесть). В двух задних рядах насчитывалось по четыре колонны, каждая из которых была расположена таким образом, что все здание получалось как бы разделенным на три отсека (или на неф и два боковых приде-

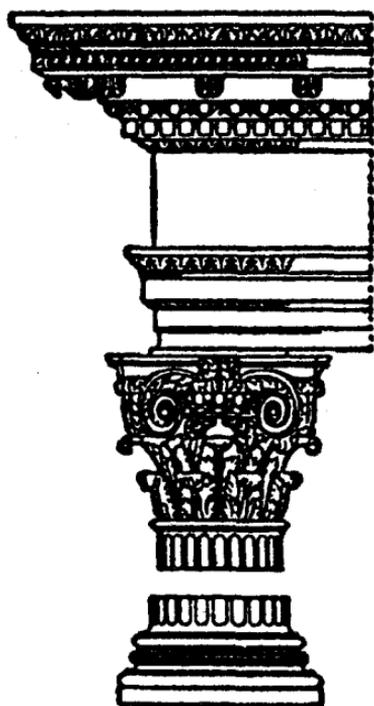

Рис. 21. Композитный антаблемент арки Тита (фриз не изображен), конец I века н. э. Рим

ла), что вызывает аналогию с древними храмами этрусков, в которых было три алтаря, а также с храмом Юпитера, Юноны и Минервы, возведенных в Риме на Капитолийском холме.

Капители, расположенные в верхней части колонн, демонстрируют незрелый римский ордер, излюбленный у римлян (он же — «римско-коринфский»). Здесь элементы коринфского ордера — украшения в виде листьев (аканта) и выгравированные лепные узоры архитравов и антаблементов — усложнились (фото 27а, б).

Римляне повсеместно использовали композитный ордер, содержащий смешанные элементы ионического и коринфского ордеров с добавлением изысканных украшений (рис. 21). Позже он распался на

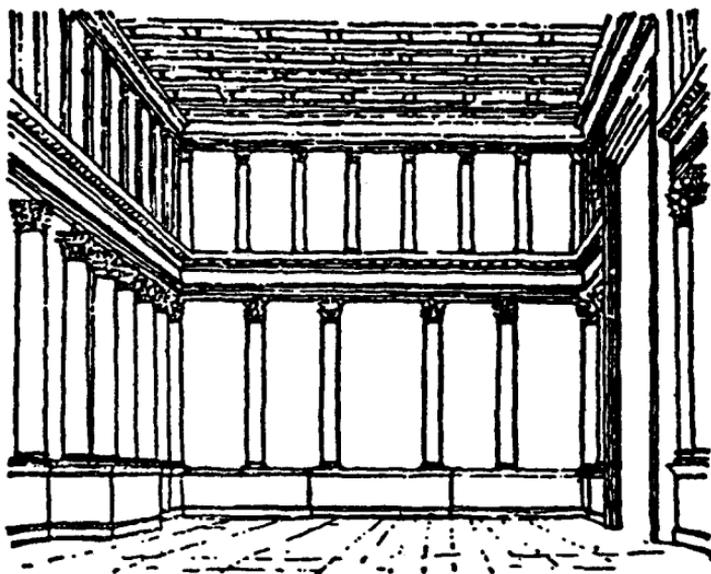

Рис. 22. Реконструкция храма Конкордии (после восстановления его при Августе). Римский форум

огромное множество стилей, в которых сложно разобраться (фото 30в-г).

Самым грандиозным из всех римских храмов прямоугольной формы является храм Венеры и Рима, основанный все тем же Адрианом. От него, как и от храма Конкордии, в который было переделано республиканское здание, расположенное на другой стороне форума (рис. 22), мало что осталось, кроме фундамента. Но примечательные образцы прямоугольного храма сохранились как в столице (например, уцелевшие части храма Кастора и Поллукса, фото 27а), так и во многих провинциях империи. Некоторые храмы, лучше всего сохранившиеся и самые величественные, можно встретить на далекой восточной границе, в Гелиополе (Баальбеке) в Ливане. Несколько основных храмов образуют комплекс — Великое Святилище (площадь — 880 на 400 футов) на террасе искусственного происхождения, покрытой сводом, находившейся на городском акрополе (рис. 23). Этот комплекс зда-

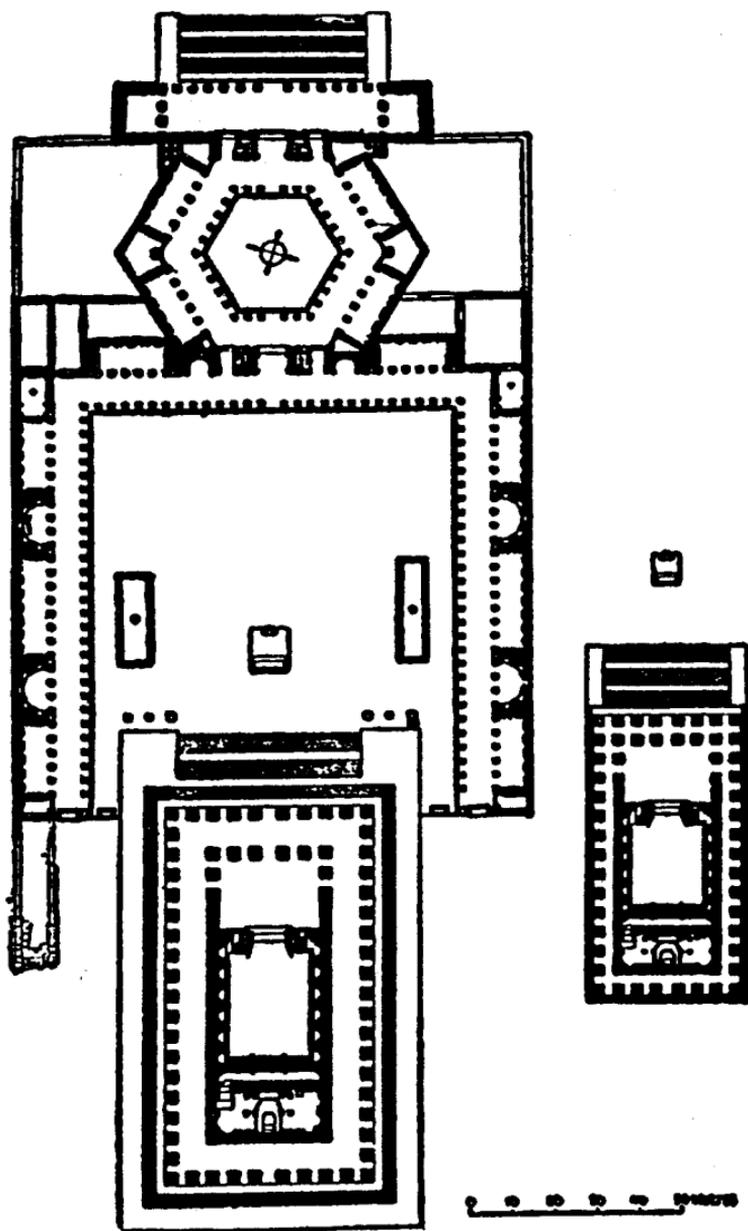

Рис. 23. План Великого Святилища, I—III века н. э. Гелиополь (Баальбек, Ливан)

ний является очередным «триумфом» архитектуры Римской империи, благодаря своему превосходному осевому плану, а также умелому применению принципов создания форума по отношению к восточным храмам, базарам и культам.

В этих удаленных провинциях вместо бетона использовали огромные каменные плиты. Длина каждой из трех таких плит, являвшихся частью террасы, составляет свыше шестидесяти футов. Возле огромного храма Юпитера и Солнца (Гелиоса), расположенного в центре, находится еще один храм. Внутренняя его часть сохранилась лучше, чем интерьер какого бы то ни было римского храма (фото 31а, 31б). Частью его является лестничный марш, поднимающийся к алтарю (он находится на платформе, расположенной над криптой). Этот интерьер, возможно, предвосхитил внутреннее устройство здания христианской церкви. Но храм, возможно, был посвящен Дионису-Бахусу, а его платформа использовалась для постановки посвященных ему мистерий. Колоссальные пилястры с каннелюрами возвышаются не в один, а в два яруса, состоящие из ниш.

Эти пилястры были предвестником излюбленной композиции итальянцев в XVI веке во дворцах работы Микеланджело на Капитолийском холме Рима и в Лоджио-дель-Капитанио в Виченце Палладио (фото 31в), таким же образом используются непривычно высокие колонны, которые объединяются в двухъярусный фасад и образуют единую, органичную конструкцию.

Но храмы Баальбека также свидетельствуют о том, что греко-римская архитектура в некоторых случаях предвосхищала даже еще более непосредственным образом итальянскую архитектуру XVII в. Небольшой круглый храм, который также находится в Гелиополе, так называемый храм Венеры (фото 32а), был известен Борромини и довольно точно симитирован им (после того как он изучил виллу Адриана в Тибуре), при сооружении «фонаря», которым он увенчал купол своего шедевра — «пчеловидной» церкви Св. Иво делла Сапиенза в Риме (фото 32б). Ее спиральный шпиль, как предполагают, сделан

из рога сицилийского козла. «Фонарь», являющийся изящной копией храма Венеры в Баальбеке, хоть он и круглый, имеет изогнутые антаблементы, которые находятся в пяти углублениях между колоннами. Это выходит за пределы прямолинейности, свойственной классицизму (хотя и полностью не отходит от его канонов), и это не могло не привлекать архитекторов, работающих в стиле барокко.

Греческие ордера были использованы (хотя от их норм и отступили) в сооружениях еще одного города на левантинской границе, Петры, изначально столицы полузависимого царства-«клиента» арабов-набатеяв, а затем, со II века н. э., главного города римской провинции Аравия. Изящные фасады его храмов были высечены из розового кирпича. Примером является храм (фото 32в) на входе в узкое ущелье (в город можно было попасть только через это ущелье), который некоторые считают храмом Исиды или зданием казначейства (Khazneh). На его фасаде виден фрагментарный фронтон, который был оценен по достоинству архитекторами XVII века. Этот элемент гораздо чаще встречается на Востоке, чем в Риме, он присутствует в арке Тиберия в Араусио (Оранж), а позже он был заимствован Альберти при возведении церкви Св. Себастьяно в Мантуе (1460 г.).

Но еще большее значение имеет очень смелое сочетание квадратных и круглых форм этого храма в Петре. Такого рода эксперимент с вогнутыми и выпуклыми поверхностями позже нашел свое отражение в фасадах католических церквей стиля барокко, таких, как церковь Св. Марии работы Рейнальди в Кампителли (1659 г., фото 32г), имевшая мощные двухъярусные фронтоны над гармонично сгруппированными колоннами и две ниши в форме круглых алтарей. Изгибы чередуются с классическими горизонтальными формами, что является наследием сложных сооружений, характерных для римлян. Используя классические формы и сочетая изящество с фундаментальностью, традиционное равновесие с динамикой, эти формы отразили ре-

шительные и вольнолюбивые настроения римлян, обладая архитектурной законченностью. Строители, работавшие в романском стиле, затушевывали свойственные грекам и римлянам выпуклости, а зодчие эпохи Возрождения смягчили и «выпрямили» их. Но в XVII веке Бернини, Борромини и Рейнальди, работавшие в Риме, Лонгоне и Венеции, заимствовали решительный римский стиль, наложив на него собственный отпечаток. Поэтому Рим и приводит нас прямоком в XVII столетие, предвосхищая его. Таким же образом во многих отношениях Рим порождает каждое новое поколение людей, живших в отрезок времени между эпохой его грандиозных достижений и современностью.

ЭПИЛОГ

Итак, основы средневекового и современного Запада, а также Ближнего Востока были заложены. После частичного распада этой не имеющей аналогов средиземноморской империи достижения Рима в области права и гражданственности, в ведении сельского хозяйства, в методах управления государством послужили основой для формирования национальных государств, в которые одна за другой стали превращаться западные провинции. На берегах Эгейского моря и в восточных приграничных областях те же римские институты составили конгломерат с сохранившимися институтами Греции и Востока, результатом чего было тысячелетнее существование Византийской империи.

Вряд ли возможно превзойти Марка Аврелия, показавшего, как кодекс морали, не подкрепленный прочными религиозными установками, может служить средством против человеческих слабостей. Во время его правления мирное существование Римской империи, созданное римским оружием, породило такие материальные условия, в которых могла бы развиваться духовность; христианство, уже имевшее влияние в Западной Азии и обретавшее его в Северной Африке, было близко к тому, чтобы получить статус мировой религии. Искусство, которое верно служило средневековой церкви, является прямым потомком скульптуры, живописи и архитектуры цивилизации Древнего Рима. Таким же образом искусство Древнего Рима послужило оживляющим стимулом для художников Ита-

лии, которые, в свою очередь, в период между XIV и XVII веками заложили основы и указали путь искусству современной Европы, в котором, когда следующее столетие подходило к концу, еще продолжали использоваться декоративные узоры, заимствованные в недавно обнаруженных Помпеях и Геркулануме.

Люди, жившие в период, непосредственно предвещающий эти открытия, сочли произведения литературы столь вдохновляющими, что назвали многие из своих творений «неоклассическими» («августинскими»). К тому времени Вергилий стал властителем умов многих поэтов и читателей и оставался таковым сначала в течение одного тысячелетия (тогда в широкой публике он считался магом), а затем — трех четвертей следующего. В течение большей части того же периода языком общения образованных людей был латинский. Возрождение XIV и XV веков было прежде всего возрождением Цицерона. Даже когда в целях общения национальные языки вытеснили его язык, они в течение долгого времени, как, впрочем, и мораль, а также ораторское искусство, которое эти языки выражали, не смогли превзойти пленительной силы Цицерона. Эта сила оказала мощное влияние как на традиционалистов, так и на вождей Французской и Американской революций.

Но начиная с того времени, впервые за почти две тысячи лет, обаяние Рима стало тускнеть. Некоторым исследователям достижения классической Греции казались столь несравненными, что Рим считали не более чем ее наследником. Но на этих страницах я постарался показать, что Рим не только унаследовал достижения Греции, но и видоизменил их. Сама атмосфера Древнего Рима и его достижения несли в себе существенные элементы оригинальности, а также новшества, которые почти невозможно проследить в прошлом. Тем не менее этот синтез являлся заслугой греков, живущих в Римской империи, почти в такой же степени, как и итальянцев.

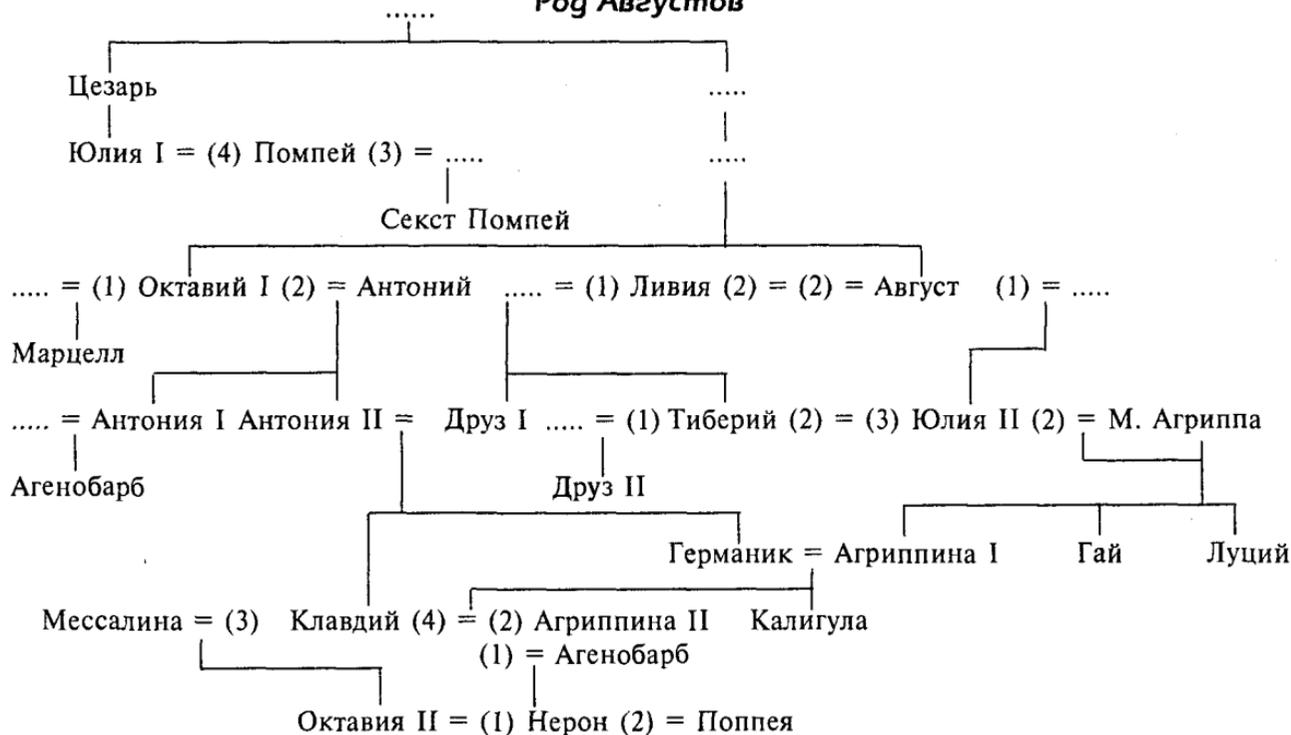
Важную роль во многих областях человеческой деятельности сыграли многие частично или полностью эллинизированные или романизированные люди, ко-

ЭПИЛОГ

торые вели свое происхождение из отдаленных провинций империи, в особенности — из восточных, которые к настоящему времени достаточно не изучены. Мир Древнего Рима, который создавали и сохраняли поколения разных народов, был новым миром, удивительным и ужасным, поразительным и просвещенным, но в то же время мрачным и жестоким. Но это был мир, который мы вряд ли можем не замечать, поскольку он во многом сделал нас такими, какие мы есть.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Род Августов

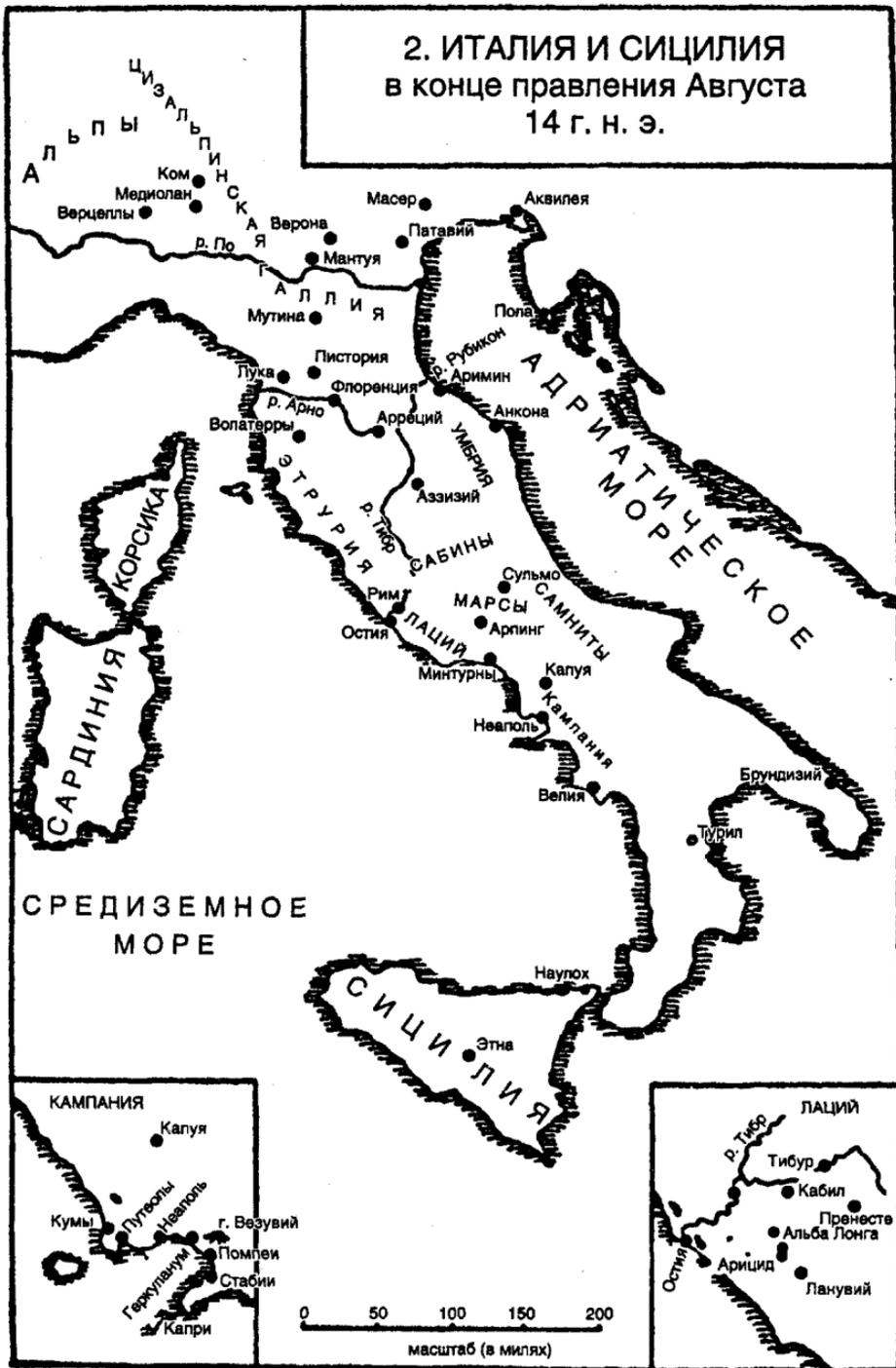

КАРТЫ

1. ЗАПАД в конце правления Августа 14 г. н. э.

2. ИТАЛИЯ И СИЦИЛИЯ в конце правления Августа 14 г. н. э.

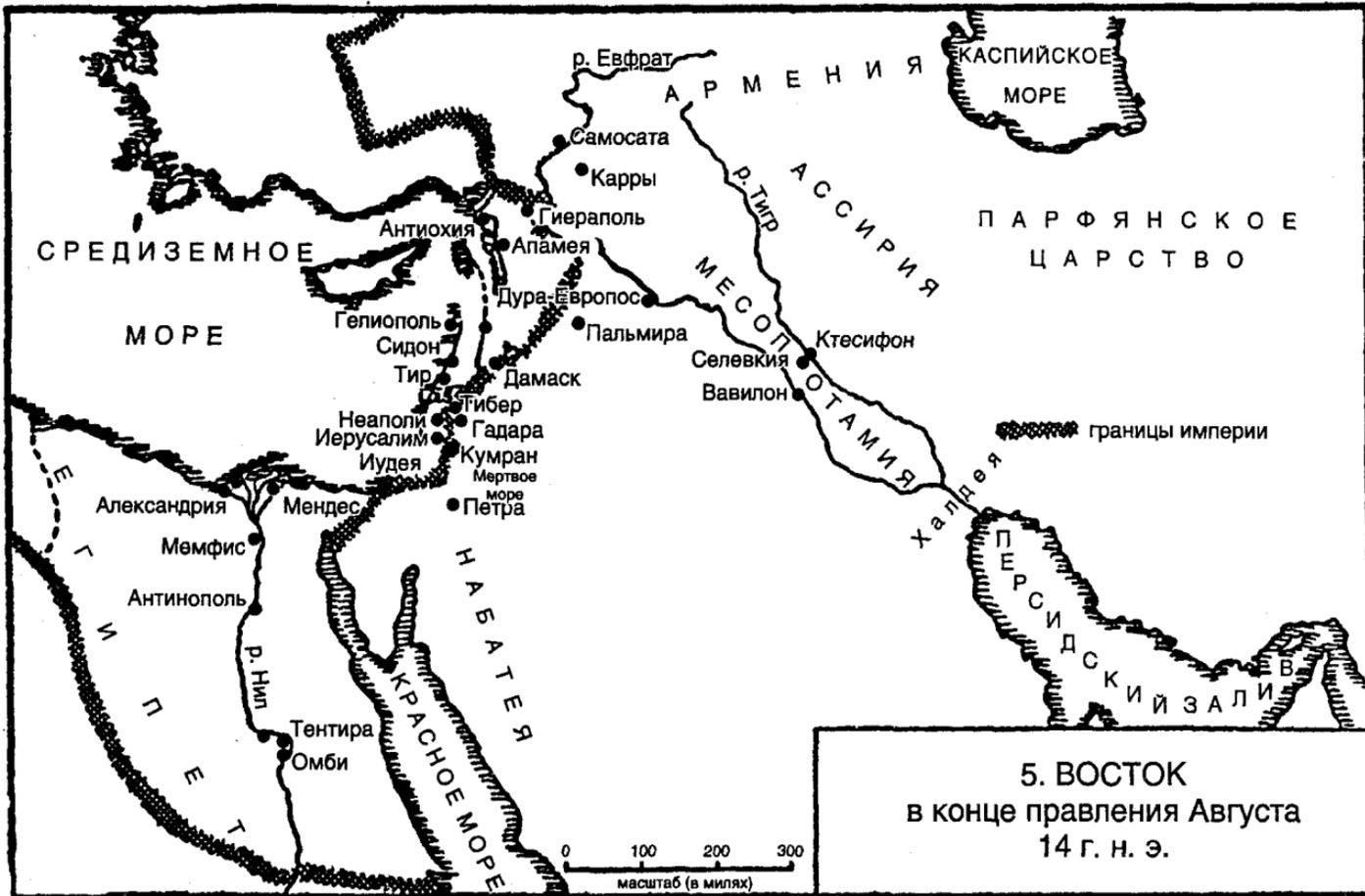
3. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА в конце правления Августа 14 г. н. э.

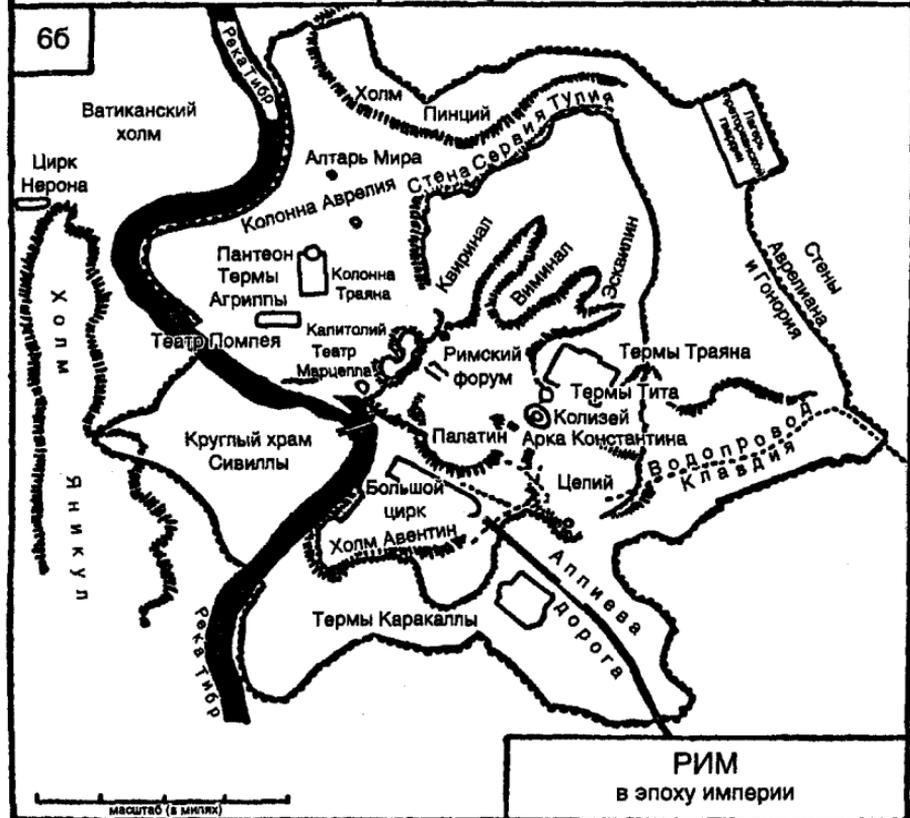
МАРКОМАНЫ
БОГЕМИЯ
КВАДЫ

— границы империи
- - - границы провинций

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Часть первая РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

<i>Глава 1.</i> Исторический очерк	9
--	---

Часть вторая ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>Глава 2.</i> Правители и империя	34
<i>Глава 3.</i> Граждане Рима	97
<i>Глава 4.</i> Подданные и рабы	141

Часть третья ВЕРОВАНИЯ

<i>Глава 5.</i> Судьба и звезды	175
<i>Глава 6.</i> Религия	209
<i>Глава 7.</i> Философия	258

Часть четвертая ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

<i>Глава 8.</i> Великие латинские писатели	284
<i>Глава 9.</i> Скульптура и живопись	314
<i>Глава 10.</i> Архитектура	347
Эпilog	387
Генеалогическая таблица	390
Карты	391

Майкл Грант
ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И. А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.09.2002.
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.
Уч.-изд. л. 20,91 + 2 альбома = 22,67.
Тираж 6 000 экз. Заказ № 6409.

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

ООО Издательство «Внешторгпресс»
103051, Москва, ул. Трубная, 24, корп. 3

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

МАЙКЛ ГРАНТ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

В книге известного писателя и историка Майкла Гранта представлена грандиозная панорама истоков величия Римской империи и ее фундаментального влияния на последующие исторические формации. Золотой век империи продолжался почти триста пятьдесят лет. Центр политических, социальных и экономических интересов половины земного шара был сконцентрирован в одном городе. Управление огромных территорий сформировалось в четко отлаженную государственную машину нового, невиданного доселе типа.

Повествование охватывает период с 133-го по 217 г. н. э., когда элементы культур народов Средиземноморья, Египта и Греции сплелись в нетленные формы, отшлифованные строгим чеканом латинян. Книга содержит подробные сведения о внутренней структуре и деятельности политических, социальных и экономических организаций Древнего Рима. Автор рассказывает об особенностях общественных интересов горожан: науке, религии, философии, искусстве, литературе и архитектуре, рисует яркие картины традиций, быта и верований рабов, ученых, политиков и солдат, чьими деяниями и был создан феномен мировой цивилизации.

ISBN 5-9524-0048-5

9 785952 400481

ЦЕНТРОЛИГРАФ